

50.848
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

444. Викторъ Черновъ.

Марксизмъ и аграрный вопросъ.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Часть I-я.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская ул., д. № 34.

1906.

296/1
L

200
6
6

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

CHICAGO, ILLINOIS

1900

1900

1900

1900

X

1900

06
10

Викторъ Черновъ.

Марксизмъ и аграрный вопросъ

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

47563

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

Львів. Бібліотека
АН. УРСР.

30.548

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская ул., д. № 34.

1906.

Св. сп. Гл. ССР - 1983, 7.11

2

A333+A343

Служба печати

Львівська

и архивный фонд

Историко-этнографический музей

1908

Львівська
1908

Львівська

Российское

Львівська
науків бібліотека

1939

Львівська
Львівська

1908

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книжка составлена изъ статей, которыя были напечатаны авторомъ ранѣе, главнымъ образомъ, на страницахъ „Русскаго Богатства“. Большинство этихъ статей составляли серію подъ общимъ заглавіемъ „Типы индустріальной и аграрной эволюціи“. Другія, какъ, напр., „Къ вопросу о капиталистической и аграрной эволюціи“, „О положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ капитализма“, „Крестьянинъ и рабочій“, явились лишь естественнымъ логическимъ дополненіемъ этой серіи. Еще болѣе возросшій общественный интересъ къ аграрному вопросу заставляетъ меня думать, что изданіе этихъ старыхъ статей особой книжкой не будетъ излишнимъ. Правда, въ настоящее время текущая работа лишаетъ меня возможности кореннымъ образомъ переработать эти статьи, сдѣлать изъ нихъ болѣе новый и самостоятельный трудъ, принявъ во вниманіе все, что выходило по этому вопросу со времени перваго появленія моихъ статей въ печати. Текущая жизнь, съ ея назрѣвающими крупными событіями, слишкомъ захватываетъ сейчасъ въ своемъ круговоротѣ всякаго, способнаго жить и работать. И вотъ почему я до сихъ поръ былъ лишенъ возможности такъ поработать надъ темой настоящаго труда, какъ бы мнѣ хотѣлось. Для настоящаго изданія я пересмотрѣлъ свои старыя статьи, свелъ ихъ воедино, постарался устранить неизбѣжныя въ спѣшной журнальной работѣ повторенія, пополнить наиболѣе зіяющіе пробѣлы, использовать кое-какой новѣйшій литературный матеріалъ. Я самъ лучше всѣхъ сознаю, какъ неудовлетворителенъ такой способъ обработки и какъ далекъ онъ отъ того, о которомъ я мечталъ раньше. И если, тѣмъ не менѣе, я рѣшаюсь ограничиться имъ для выпуска въ свѣтъ настоящей книги, то мною руководятъ, главнымъ образомъ, практическія соображенія—своевременность, въ общественномъ смыслѣ, со-

братъ воедино нѣкоторые основные аргументы, способные въ аграрномъ вопросѣ служить защитѣ теоретическихъ позицій того направленія, къ которому авторъ примыкаетъ и въ ростѣ котораго онъ видитъ залогъ правильного направленія общественной эволюціи, — конечно, поскольку эта послѣдняя можетъ зависѣть отъ сознательныхъ коллективныхъ усилій живыхъ агентовъ исторіи — людей...

Викторъ Черновъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вмѣсто вступленія. Кризисъ аграрной догмы марксизма.

Литература аграрнаго вопроса за послѣднее время сильно оживилась во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ, въ особенности же въ Германіи. Отъ былого равнодушія къ нему со стороны наиболѣе передовыхъ группъ мыслителей и дѣятелей не осталось и слѣда. Онъ сталъ сразу едва ли не самымъ популярнымъ и животрепещущимъ вопросомъ, возбудить повсюду оживленную полемику, посяялъ зерно сомнѣнія во многихъ истинахъ, когда-то казавшихся незыблемо установленными. Вызванное такимъ образомъ броженіе мысли вскорѣ перешагнуло чрезъ узкія рамки отдѣльнаго единичнаго вопроса и распространилось на гораздо болѣе обширную область всего соціологическаго міросозерцанія. И не удивительно. Аграрный вопросъ оказался столь важною составною частью этого міросозерцанія, связанною съ остальными его частями столь тѣсно и неразрывной связью, что, затронувши его, нельзя было оставить въ покоѣ и остальныхъ частей.

Аграрный вопросъ былъ тѣмъ пунктомъ, въ которомъ впервые была пробита брешь въ общей стройной и цѣлостной еистемѣ, которой обычно присвоивается теперь эпитетъ догматическаго или ортодоксальнаго марксизма. Еще въ 1895 году на знаменитомъ бреславльскомъ конгрессѣ, гдѣ съ такою силою обнаружился въ аграрномъ вопросѣ расколъ между представителями общественнаго теченія, кладущаго въ основу своей практической, жизненной программы соціально-философскіе принципы автора *Капитала*,—одинъ изъ участниковъ конгресса воскликнулъ: „этотъ расколъ на два лагеря—симптомъ преобразованія понятій въ партіи, и только тѣ, которые нарочно закрываютъ глаза и ничего не хотятъ видѣть,—могутъ думать, что все пойдетъ по старому. Вы еще поймете, что намъ

придется серьезнѣйшимъ образомъ считаться съ аграрнымъ вопросомъ, съ новыми понятіями, съ новыми цѣлями. Съ аграрнымъ бытомъ нельзя обращаться по готовому шаблону, который слишкомъ часто выступалъ вмѣсто изслѣдованія и знанія... Теперь идетъ пересмотръ, ревизія партійныхъ представленій; заядлый фанатизмъ партійныхъ догматиковъ начинаетъ уже потухать... Мы снова придемъ—вы уже однажды вкусили отъ древа познанія, и это не пройдетъ для васъ безслѣдно! (*). И что всего характернѣе, это говорилъ не „реви-зiонистъ“ въ *Бернштейновскомъ* смыслѣ, не „умѣренный“, не оп-портунистъ, а одинъ изъ „радикаловъ“—Шенланкъ...

Эти слова оказались пророческими даже въ гораздо большей степени, чѣмъ того ожидалъ самъ ихъ авторъ. Черезъ какихъ-ни-будь 3—4 года пересмотръ марксистскаго міросозерцанія шелъ уже по всей линіи. Самые рѣшительные защитники догмы не могли болѣе отрицать необходимости этого пересмотра и принимать по отношению ко всѣмъ попыткамъ въ этомъ направленіи пассивно-оппозиціонную тактику. Карлъ Каутскій, являющійся, по общему при-знанію, въ Германіи самой серьезной научно-литературной силой орто-доксальнаго направленія, а также Францъ Мерингъ, другой изъ главныхъ столповъ ортодоксіи, сочли болѣе тактичнымъ откровенно признаться, что современное экономическое развитіе Европы обна-ружило цѣлый рядъ такихъ явленій, которыхъ не предвидѣли и не могли предвидѣть при своей жизни Марксъ и его сотрудникъ Энгельсъ. Поэтому многіе изъ фактовъ современной жизни какъ будто не укладываются безъ дальнѣйшихъ разсужденій въ формулы и тезисы стараго марксизма и, повидимому, даже стоятъ въ нѣко-торомъ противорѣчii съ ними. Въ такомъ положеніи обстоитъ дѣло прежде всего съ явлениями и формами аграрной эволюціи.

„Историческое произведеніе, изображающее опредѣленный пе-ріодъ процесса человѣческаго развитія,—писалъ Мерингъ,—не можетъ служить непогрѣшимымъ кладеземъ премудрости на вѣчныя времена, и никто не былъ дальше отъ такого притязанія, какъ Марксъ. За тридцать лѣтъ капиталистическій способъ производства далъ созрѣть нѣкоторымъ явленіямъ, которыхъ Марксъ не зналъ и не предви-дѣлъ“ (**).

*) Изъ рѣчи Шенланка, см. Protokoll über die Verhandlungen des Par- teitages zu Breslau vom 6 bis 12 Oktober 1895, Berlin, 1895, S. 152—153.

**) Fr. Mehring, „Geschichte d. deutschen. S.-D.“ Stuttgart, 1898, B. II, S. 227.

„Я признаю, — говорилъ Каутскій на гановерскомъ партейтагѣ, — что аграрныя отношенія не развиваются по тому же шаблону, какъ индивидуальныя. Я признаю также, что во время составленія эрфуртской программы мы во многихъ отношеніяхъ держались иныхъ мнѣній по вопросамъ аграрной эволюціи, чѣмъ нынѣ. Съ тѣхъ поръ явилась масса статистическихъ данныхъ, да и самыя условія такъ перемѣнились, что намъ приходится во многихъ отношеніяхъ думать иначе, чѣмъ прежде... И я говорю совершенно открыто: если бы намъ теперь еще разъ приходилось редактировать нашу эрфуртскую программу, то я, вѣроятно, предложилъ бы по отношенію къ аграрному вопросу другую формулировку“.

Эти слова имѣютъ большое значеніе именно въ устахъ Каутскаго, какъ духовнаго отца эрфуртской программы. Не менѣе характернымъ „знаменіемъ времени“ является слѣдующее признаніе редактируемаго имъ главнаго теоретическаго органа нѣмецкаго марксизма, „Die Neue Zeit“: „Изъ *выводовъ*, къ которымъ пришли Марксъ и Энгельсъ на основаніи своего научнаго метода, *нѣкоторые рухнули*; и по отношенію къ еще большому числу этихъ *выводовъ уже была бы доказана ихъ отсталость*, если бы безнадежный натискъ на самый научный методъ марксизма не привелъ, къ сожалѣнію, къ тому, что изъ-за отпора этимъ безплоднымъ нападкамъ попала въ неблагоприятное положеніе истинно благотворная и прогрессивная критика духовнаго наслѣдства Маркса и Энгельса“.

Дѣйствительно, пересмотру идейнаго наслѣдства, оставленнаго намъ Марксомъ и Энгельсомъ, много вредило и вредить то обстоятельство, что дѣло этого пересмотра было одно время фактически почти монополизировано оппортунистскими элементами. Всякая критика плодотворна лишь постольку, поскольку она чревата чѣмъ нибудь положительнымъ. А между тѣмъ исторически цѣнное и прогрессивное въ этомъ смыслѣ могъ дать ни въ коемъ случаѣ не *ревизионизмъ справа*, а, наоборотъ, лишь *ревизионизмъ слѣва*, который въ Западной Европѣ почти что только начинается...

Какъ бы то ни было, но для всякаго ревизионизма дѣло могло и должно было начаться съ аграрнаго вопроса. Болѣе чѣмъ понятно, что это наиболѣе уязвимое мѣсто, эта Ахиллесова пята должна была особенно привлечь вниманіе критики.

Аграрный вопросъ долгое время стоялъ, можно сказать, совершенно внѣ поля зрѣнія стараго марксизма. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить лишь бѣглый взглядъ на соотвѣтственную

литературу — бѣдность ея поразительна... „До сихъ поръ, — откровенно признавался въ 1894 году извѣстный Георгъ фонъ-Фольмаръ, — наше направленіе, въ общемъ, весьма мало озабочивалось вопросомъ о земледѣльческой продукціи... Для этого мы были слишкомъ поглощены политическими злобами дня, слишкомъ глубоко уходили въ насущныя задачи времени. Когда же къ этому вопросу и обращались, то это происходило въ большинствѣ случаевъ чисто-доктринерскимъ способомъ. Двѣ—три резолюціи старой „международной ассоціаціи“, резолюція штутгартскаго конгресса, да нѣсколько сочиненій, во главѣ которыхъ стоитъ „Grund-und Bodenfrage“ Либкнехта — прекрасное сочиненіе *), которому только, къ сожалѣнію, такъ же мало слѣдуютъ, какъ много его читаютъ—и это въ теченіе долгаго времени было все... Въ остальномъ — аграрный вопросъ затрогивался лишь слегка и мимоходомъ, при чемъ въ общемъ господствовало убѣжденіе, что законы, наблюдаемые въ индустріи, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, всецѣло находятъ себѣ аналогичное примѣненіе и къ эволюціи сельскаго хозяйства; такъ что тѣмъ самымъ аграрный вопросъ являлся для нашего направленія уже поконченнымъ и порѣшоннымъ...“ **).

Если мы обратимся къ главному теоретическому, научному органу нѣмецкаго марксизма, журналу „Neue Zeit“, то наткнемся на поразительный фактъ: почти всѣ наиболѣе интересныя изъ посвященныхъ аграрному вопросу статей въ немъ до времени франкфуртскаго и бреславльскаго партейтаговъ были написаны не марксистами, а случайными гостями марксистскаго органа, каковы консервативный демократъ Рудольфъ Мейеръ и своеобразный послѣдователь Генри Джорджа, „Boden-Besitz-Reformer“ Флюршеймъ. Имъ же, ихъ проповѣди своихъ идей былъ обязанъ нѣмецкій марксизмъ и появленіемъ нѣсколькихъ посвященныхъ этому вопросу статей и брошюръ чисто-марксистскаго направленія, изъ которыхъ едва ли не самой интересной является „Soziale Frage und Bodenverstaatlichung“ Конрада Шмидта—маленькая брошюрка въ 30 страницъ... Если вычеркнуть „Grund-und Bodenfrage“ Либкнехта, то единственнымъ сколько нибудь крупнымъ сочиненіемъ по аграрному вопросу, изданнымъ нѣмецкими марксистами, былъ... сокращенный переводъ русской книги Каблу-

*) Ниже мы укажемъ, съ какими оговорками приходится принять эту оцѣнку.

**) См. Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages etc., abgehalten zu Frankfurt a. M. vom 21 bis 27 okt. 1894, Berlin, 1894, Ss. 142—152.

кова „Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ Англiи“ *). До самыхъ послѣднихъ лѣтъ въ разработку аграрной проблемы съ неопредѣленно-коллективистской точки зрѣнія вносили кое что новое только работы анти-марксиста Оппенгеймера, довольно причудливаго и самоувѣреннаго „соціаль-либерала“ **). Словомъ, марксистская литература по аграрному вопросу долгое время состояла почти всецѣло изъ довольно тощихъ и по объему, и по содержанію брошюрокъ ***) и, въ сущности, съ большой легкостью и съ большимъ удобствомъ могла помѣститься въ одномъ среднихъ размѣровъ карманѣ...

И это не случайность. Дѣло въ томъ, что для стараго марксизма совершенно не существовало аграрнаго вопроса, какъ особаго, самостоятельнаго вопроса. Область аграрныхъ отношеній представлялась для него не болѣе, какъ одною изъ специальныхъ вѣтвей производства, на ряду съ цѣлымъ рядомъ другихъ вѣтвей, изъ которыхъ, конечно, каждая характеризуется извѣстными специфическими, ей присущими признаками,—но только такими признаками, отъ которыхъ политико-экономъ свободно можетъ отвлекаться, которые ничего не мѣняютъ въ общихъ законахъ хозяйственнаго развитія, и потому въ общемъ соціальномъ смыслѣ могутъ считаться несущественными и безразличными — *quantité négligeable*. Эти признаки могутъ интересовать, напр., специалиста-хозяина или агронома, для которыхъ важна *техническая* сторона дѣла, но не социолога, заинтересованнаго исключительно его *общественно-исторической* стороной.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, выдающіеся представители западно-европейскаго марксизма брали большею частью аграрный вопросъ вполнѣ за одну скобку съ индустріально-рабочимъ вопросомъ, рассматривая ихъ какъ сплошное однородное цѣлое, не требующее расчлененія, не требующее раздѣльной постановки вопроса и раздѣльных рѣшеній. Практически это приводило къ тому, что всѣ своеобразныя черты аграрной эволюціи болѣе или менѣе игнорировались: о ней судили просто по аналогіи съ развитіемъ индустріи, строили апіорную формулу и подходили къ фактамъ

*) „Die ländliche Arbeiterfrage“ nach Kablukow. Изданіе берлинской „Рабочей Библіотеки“, Макса Шиппеля.

**) „Die Siedlungsgenossenschaft“ и „Grossgrundbesitz und Soziale Frage“.

***) Какъ въ той же серіи „Arbeiterbibliothek“ брошюры Шиппеля, Кампфмейера и др.

съ уже готовымъ шаблономъ. Разумѣется, всегда оказывалось, что дѣйствительность, если ужъ не оправдываетъ, то, во всякомъ случаѣ, „собирается оправдывать“ теорію. Иными словами, „она не родила, но по расчету, по моему, должна родить!“ Эти слова Фамусова сдѣлались формулой, подъ сѣнью которой скрывалось доктринерство отъ всѣхъ противорѣчій съ фактами окружающей дѣйствительности.

Капитализація и пролетаризація! Капитализація сельско-хозяйственного производства, пролетаризація непосредственныхъ производителей, концентрація собственности, и, какъ мыслимый высшій пунктъ развитія—превращеніе земельной собственности и управленія сельско-хозяйственнымъ производствомъ въ частную монополію, послѣ чего остается лишь превратить эту частную монополію въ государственную, чтобы разомъ осуществить высшій типъ хозяйственного строя. Вотъ какой процессъ должна была, по „расчету“ старого марксизма, развить изъ себя дѣйствительность, чтобы дать жизнь новому хозяйственному укладу; тѣмъ самымъ марксизмъ ставилъ передъ своими приверженцами и практическую задачу — „сократить и облегчить мученія родовъ“. „Старая теорія, — иронизируетъ по этому поводу Герцъ *), — по просту объявляетъ, что какъ въ индустріи, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ крупное производство экономически превосходитъ мелкое, побиваетъ его своей конкуренціей—тезисъ, антитезисъ, синтезисъ — экспропріація и ассоціація — и дѣло съ концомъ!“

Генезисъ этого взгляда можно прослѣдить съ очень раннихъ поръ. Выше уже было сказано, что земельному вопросу были посвящены нѣкоторыя резолюціи старой, подготовленной на лондонской всемірной выставкѣ 1862 года и окончательно учрежденной 24-го сентября 1864 года „международной ассоціаціи“, съ игравшимъ въ свое время важную роль „генеральнымъ совѣтомъ“ во главѣ. Какъ извѣстно, всѣ публичные заявленія, всѣ манифесты этого „генерального совѣта“ принадлежали перу Карла Маркса, долгое время вообще бывшаго душою генерального совѣта. Такъ вотъ, въ первый же годъ существованія этой организаціи, во вступительномъ адресѣ генерального совѣта можно было найти знаменательное мѣсто, касавшееся земельного вопроса. „Если уменьшеніе числа землевладѣльцевъ въ Англіи,—писалъ Марксъ,—и соединеніе земли въ рукахъ

*) F. O. Hertz. „Die Agrarischen Fragen“, S. 60.

немногихъ будетъ и впредь идти такимъ же образомъ,—то, во всякомъ случаѣ, поземельный, аграрный вопросъ черезъ это упрощается“. Далѣе Марксъ пояснялъ, что въ такомъ случаѣ обстоятельства пришли бы приблизительно въ такой же видъ, какъ это было въ древнемъ Римѣ, гдѣ, наконецъ, половина всей провинціи Африки очутилась въ рукахъ всего лишь шести собственниковъ *). Сами по себѣ эти фразы Маркса выражаютъ мысль его въ столь осторожной и чисто условной формѣ, что въ нихъ нельзя еще видѣть никакого общаго взгляда, никакой готовой теоріи,—тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ исключительно объ Англіи. Но эти слова подверглись самому широкому толкованію и въ этомъ видѣ заложили основу „марксистской догмы“ въ аграрномъ вопросѣ.

Впослѣдствіи—да и раньше—Марксъ самъ не разъ различными заявленіями санкціонировалъ это распространительное толкованіе. За то среди „учениковъ“ его въ послѣднее время явилась противоположная тенденція. Съ тѣхъ поръ, какъ „догму“ постигъ кризисъ, съ тѣхъ поръ, какъ дѣйствительность слишкомъ явно стала ей противорѣчить,—среди ортодоксальнѣйшихъ марксистовъ стали появляться люди, которымъ хотѣлось бы опустить покрывало забвенія на самое существованіе, хотя бы въ прошломъ, догмы.

Самый яркій примѣръ такого поведенія находимъ мы въ недавнемъ выпускѣ одесскаго книгоиздательства „Буревѣстникъ“, — „Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи“ Ф. Энгельса, переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Плеханова.

Г. Плехановъ уже давно усвоилъ себѣ дурную привычку—портить полемическими предисловіями, написанными въ развязно-фельетонномъ духѣ, различныя хорошія книжки. Но раньше онъ, по крайней мѣрѣ, не особенно злоупотреблялъ этой привычкой. Возьметъ какой-нибудь трудъ Маркса или Энгельса, сопроводитъ нѣсколькими страничками предисловія, гдѣ, какъ полагается по штату, изрубить мелко на мелко нѣсколькихъ литературныхъ противниковъ, перемѣшаетъ всѣхъ ихъ между собой, польетъ пряностями своей полемики—и готова литературная крошка, которая должна насытить духовный голодъ русскаго читателя и руководить его при чтеніи книги. Когда это дѣлалось на двухъ—трехъ страничкахъ, то выглядѣло даже не дурно: въ умѣренной дозѣ пряности только возбуждаютъ аппетитъ непрехотливаго читателя. Но чѣмъ больше

*) Цитирую по названному выше протоколу.

превращался г. Плехановъ въ „маститого вождя“ ортодоксальнаго марксизма, тѣмъ болѣе покидало его чувство мѣры. Такъ, еще не такъ давно издалъ онъ свое обширное предисловіе съ приложеніемъ извѣстнаго „Манифеста“ Карла Маркса и Энгельса; такъ, теперь издаетъ онъ такое же предисловіе съ приложеніемъ статьи Энгельса о „Крестьянскомъ вопросѣ во Франціи и Германіи“. Оба эти предисловія до такой степени изобилуютъ обычнымъ для г. Плеханова вольтижерствомъ, „научными“ опытами по части превращенія чернаго въ бѣлое и обратно, что невольно вспоминается приведенная въ рассказѣ Успенскаго афиша того „пиро-и-гидро-техника Капитона Иванова“, который съ достоинствомъ рекомендовался почтеннѣйшей публикѣ: „имѣя искусство въ египетской, арабской, эфіопской, индійской, халдейской и другихъ магіяхъ и состоящей изъ новыхъ фантастическихъ опытовъ и признаковъ тайной и натуральной увеселительной магіи... съ аппаратами и безъ аппаратовъ, попури изъ міра чудесъ, кабастика и чревоуѣщаніе по весьма сходнымъ цѣнамъ; также индійское эскамотированіе, невозможность въ дѣйствиіи, гирианда розъ“ и т. д., и т. д. въ томъ же духѣ. Тотъ, кто знакомъ съ предыдущими, болѣе скромными попытками г. Георгія Плеханова изображать этого Капитона Иванова въ области литературной полемики, тотъ, конечно, не удивится, прочитавши и предисловіе его къ статьѣ Энгельса. Но даже и тѣ, кто до сихъ поръ вѣрилъ въ „научность“ діалектическихъ пріемовъ теоретическаго вождя русскаго ортодоксальнаго марксизма,—даже и тѣ, мы твердо увѣрены, призадумаются и станутъ втупикъ, присмотрѣвшись къ этому предисловію поближе. И не удивительно, ибо есть предѣлы, за которыми спекуляція на легкомысліи и невѣжество своихъ читателей становится слишкомъ рискованной.

Свое предисловіе г. Плехановъ открываетъ блестящей, но крайне своеобразной и въ своеобразиіи своемъ неожиданной защитой догмы отъ „людей, во что бы то ни стало желающихъ объявить поколебленнымъ“ ученіе Маркса.

„Эти люди,—воскликаетъ г. Плехановъ,—приписываютъ автору „Капитала“ ту мысль, что въ капиталистическомъ обществѣ концентрація поземельной собственности неизбежна по самой природѣ процесса капиталистическаго развитія. Но Марксъ *нигдѣ не высказывалъ такой мысли*“ *). Что Марксъ далеко не во всемъ оказы-

*) Плехановъ, предисловіе, стр. 4.

вался „марксистомъ“—объ этомъ „ужъ сколько разъ твердили міру“ столь нелюбимые г. Плехановымъ „критики“ марксизма. Очень хорошо, конечно, что онъ теперь такъ проникся этимъ, что защищаетъ Маркса отъ обвиненія въ догматизмъ и приписываетъ ему столь растяжимый и эластичный, исключаящій всякую „ортодоксальную“ опредѣленность взглядъ, что „въ общественной экономіи, какъ и всюду, все (!) зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста“. Съ такой догмой жить проще: либо дождикъ, либо снѣгъ, либо будетъ, либо нѣтъ: какъ „обстоятельства времени и мѣста“ скажутъ. Неловко лишь то, что Плехановъ по отношенію къ „критикамъ“ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, ихъ же добромъ, да имъ же челомъ бьетъ.

Въ самомъ дѣлѣ. Выше у насъ отгѣнена и поставлена въ примѣръ марксистамъ „осторожность и условность“ выраженій Маркса въ историческомъ документѣ 1864 г. Это было сдѣлано нами еще въ статьяхъ „Типы капиталистической и аграрной эволюціи“, напечатанныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ и легшихъ въ основу настоящей книги. Что же дѣлаетъ г. Плехановъ? Онъ приводитъ то же самое мѣсто изъ Маркса и—въ посрамленіе насъ и въ защиту Марксова ученія отъ насъ—побѣдоносно восклицаетъ: „Какъ видимъ, онъ выражается осторожно и не даетъ неизмѣнныхъ схемъ“. Я даже боюсь, что въ своихъ старыхъ статьяхъ слишкомъ налегаль на эту сторону и потому ввелъ г. Плеханова въ невольное заблужденіе. Но, съ другой стороны, могъ ли я ждать такой чести, чтобы по моимъ статьямъ марксисты стали составлять себѣ представленіе объ аграрныхъ воззрѣніяхъ Маркса! Знаю я это, я, конечно, тогда же на ряду съ „десницей“ К. Маркса, указаль бы и на шуйцу его. Тогда, быть можетъ, и г. Плехановъ не сталъ бы утверждать, будто Марксъ нигдѣ не высказываетъ мысли о неизбѣжности концентраціи поземельной собственности. *Нигдѣ* не высказываетъ! Однако же, какъ мы ниже увидимъ, онъ „высказываетъ“ ее и въ „Капиталѣ“, и въ „18-te Brimaire“, и въ „Манифестѣ“. Онъ „высказываетъ“, напримѣръ, что „нишіе слои средняго сословія, мелкіе промышленники, купцы и рантье, ремесленники и *крестьяне*—*все* эти слои все болѣе и болѣе переходятъ въ слои пролетаріата, частью потому, что ихъ незначительный капиталъ недостаточенъ для крупнаго производства и не выдерживаетъ конкуренціи большихъ капиталовъ, частью же потому, что ихъ техническіе приемы теряютъ свое значеніе при новыхъ способахъ производства“. Если и это не есть процессъ про-

летаризаціи и концентраціи, вытекающей изъ самой природы капитализма, то какой же еще смыслъ можно вкладывать въ эти слова? И не въ томъ же ли самомъ „Манифестъ“ Марксъ и Энгельсъ высказываютъ, что „всѣ прочіе классы“ (кроме пролетариата) приходятъ въ упадокъ и *уничтожаются* съ развитіемъ крупной промышленности?“ И не въ томъ же ли самомъ „Манифестъ“ говорится о „крестьянской собственности, которая предшествовала собственности буржуазной“, что „развитіе крупной промышленности *уже уничтожило или уничтожаетъ ее ежедневно*“? Мы цитируемъ „Манифестъ“ въ переводѣ самого же г-на Плеханова, который нынѣ рѣшается утверждать, будто „Марксъ нигдѣ *не высказывалъ* этой мысли“. За кого же, спрашивается, считаетъ г. Плехановъ своихъ читателей?

Но это еще не важно. Если бы даже самъ Марксъ нигдѣ и не высказывалъ мысли о томъ, что въ области земледѣлія такъ же, какъ и въ индустріи, концентрація и пролетаризація вытекаютъ изъ самой сущности капиталистическаго процесса производства, то, тѣмъ не менѣе, этотъ взглядъ оставался бы существомъ *догмы ортодоксальныхъ марксистовъ*, и это значило бы только, что послѣдніе суть *plus royalistes que le roi même*. Въ общемъ и это вѣрно, ибо въ большинствѣ случаевъ, Марксъ, конечно, выражался по аграрному вопросу гораздо болѣе уклончиво и осторожно, чѣмъ его „ученики“.

Но, можетъ быть, г. Плехановъ станетъ утверждать, что и марксисты—по крайней мѣрѣ, наиболѣе видные—были такъ же „осторожны“ и такъ же не любили „готовыхъ схемъ“, какъ Марксъ въ 1864 г.? Весь нашъ историко-критическій очеркъ отношенія марксизма къ аграрному вопросу, предлагаемый читателямъ, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Нѣсколько предвосхищая дальнѣйшее изложеніе, возьмемъ нѣсколько цитатъ. Однимъ изъ наиболѣе видныхъ марксистовъ 60-хъ годовъ былъ Эккаріусъ, котораго, кстати сказать, когда-то г. Плехановъ съ торжествомъ противопоставлялъ, какъ научнаго марксиста, его современнику, „утописту“ Чернышевскому. И Эккаріусъ утверждалъ, что „мелкое крестьянское производство стоитъ въ такомъ же отношеніи къ современной крупной агрикультурѣ, какъ ручное пряденье и ткачество къ машинному“, а потому оно уже экономически „осуждено“ и т. д. Одинъ изъ самыхъ интересныхъ партійныхъ документовъ той же эпохи, „Манифестъ къ земледѣльческому населенію“

нѣмецкой секціи М. О. Р., гласилъ, что „мелкое крестьянское хозяйство безвозвратно и безжалостно, самымъ ходомъ вещей осуждено на постепенное умиранье отъ руки всемогущаго капитала, подъ вліяніемъ развитія науки“ и т. д. Согласно этому, и на лозаннскомъ и базельскомъ конгрессѣ М. О. Р. во время преній по земельному вопросу, находившіеся подъ вліяніемъ Маркса, англійскіе и нѣмецкіе делегаты „настаивали въ особенности на историческомъ законѣ, который вездѣ ведетъ къ образованію крупной собственности“, утверждали, что „экономическое развитіе само тяготеетъ къ крупной культурѣ“, и „владѣніе землей все болѣе и болѣе концентрируется въ рукахъ небольшого числа лицъ“ (Procès verbaux du cong., A. I. de T., Lausanne, pp. 68—73, Bâle, p. 82).

Перейдемъ къ 70-мъ г.г. Либкнехтъ въ своемъ „Zur Grund-und Bodenfrage“ заявляетъ, что „мелкое сельско-хозяйственное производство не можетъ выдержать конкуренціи съ крупнымъ сельско-хозяйственнымъ производствомъ, и совершенно такъ же вынуждено очистить ему мѣсто, какъ мелкое индустріальное производство крупной индустріи“; ожидать возрожденія мелкаго крестьянства—такъ же нелѣпо, какъ ожидать, чтобы „крупные капиталы раздроблялись на мелкіе, а большія фабрики распадались на мелкія ремесленныя мастерскія. Ходъ экономического развитія совершается въ противоположномъ направленіи: не отъ крупной собственности къ мелкой, а, наоборотъ, отъ мелкой къ крупной... Путь къ обобществленному производству лежитъ черезъ частное крупное землевладѣніе и производство“. Равнымъ образомъ и Бебель утверждалъ на штутгартскомъ партейтагѣ въ 1870 г., что даже число лэндлордовъ должно прогрессивно уменьшаться, и что причина этому—„тенденція къ концентраціи, свойственная современному способу производства“. Точно также и Каутскій заявилъ: „мелко-крестьянское хозяйство,—говорю я,—экономически уже пережито... Неизбѣжная гибель мелкаго производства — такова идея, красною нитью проходящая черезъ мой трудъ („Эрфуртская программа“)“.

Нужно ли ссылаться на Энгельса? Но даже и столь развязный писатель, какъ г. Плехановъ, вынужденъ сдѣлать такого рода оговорку: „Новыя изслѣдованія... въ общемъ вполнѣ подтвердили взглядъ Энгельса на положеніе мелкаго крестьянина при господствѣ капитализма. Правда, *въроятныя послѣдствія этого положенія представлялись, повидимому, нашему учителю не совсѣмъ такими, какими они кажутся теперь* намъ. Онъ съ увѣренностью говорилъ

о томъ, что мелкая крестьянская собственность осуждена на исчезновеніе. Но факты...“ и т. д., и т. д. *).

Итакъ, теперь г. Плехановъ вынужденъ поправлять даже Энгельса. Только ли Энгельса? А себя самого и своихъ сторонниковъ ему поправлять не приходится? Намъ, однако, помнятся довольно хорошо рѣчи одного автора, писавшаго, по поводу метаморфозы г. Тихомірова **) о „мужичкѣ, завѣщанномъ намъ добрымъ старымъ временемъ“, что этотъ мужичекъ могъ бы, конечно „спасти г. Тихомірова и его нынѣшнихъ единомышленниковъ“, такъ что они недаромъ готовы восклицать, подобно прокурору въ одномъ шуточномъ стихотвореніи: „Христу благодареніе, въ мужичкѣ для насъ спасеніе“. Тогда этотъ авторъ утѣшалъ себя и другихъ мыслью о томъ, что чаянія этихъ господъ оправдались бы только въ томъ случаѣ, если бы, со своей стороны, г. Тихоміровъ и его нынѣшніе единомышленники могли спасти своего спасителя. „Но“—торжественно восклицалъ этотъ авторъ—„его не спасетъ никакая ужь сила“!

Кто же былъ этотъ авторъ, чуть-чуть не восклицавшій, наперекоръ г. Тихомірову—„Христу благодареніе, мужичку ужь нѣтъ спасенія“? Не знакомъ ли съ нимъ г. Плехановъ?

Можно было бы привести и еще безконечное количество цитатъ, слишкомъ ясно свидѣтельствующихъ, въ чемъ состояла „марксистская догма“, какъ изъ нѣмецкой, такъ и изъ русской литературы. Вотъ, напр., первое гласное исповѣданіе марксистской вѣры—двухтомный борникъ статей, къ сожалѣнію, въ свое время „по не зависящимъ обстоятельствамъ“ получившій весьма малое распространеніе. Въ первой же статьѣ перваго же тома мы встрѣчаемся съ утвержденіемъ, что большинство русскаго крестьянства „осуждено исторіей на невозможность выбиться изъ такого (безвыходнаго) положенія, оставаясь земледѣльцемъ, иначе говоря, осуждено на превращеніе въ наемнаго рабочаго—единственный выходъ изъ самостоятельнаго занятія земледѣліемъ. Какія бы усилія нашъ крестьянинъ ни употреблялъ для поддержанія своей мнимой самостоятельности, для того, чтобы выйти изъ подъ вліянія этого своего рода желѣзнаго закона,

*) Тамъ же, стр. 3. Курсивъ нашъ.

**) Мы говоримъ, конечно, о томъ самомъ г. Тихоміровѣ, про котораго сложилось мнѣніе, что недаромъ онъ теперь всегда подписываетъ не только свою фамилію, но и имя (*Левъ* Тихоміровъ); ибо какъ же иначе узнать, что «се левъ, а не собака»?

онъ встрѣчаетъ непреодолимые препятствія вездѣ“. Новые факторы „вынуждаютъ разрывать связь съ землей даже тѣхъ случайно излюбленныхъ исторіей самостоятельныхъ крестьянъ, которые для осуществленія своей „самостоятельности“ не нуждаются въ промыслахъ“, „а покупка крестьянами земли, взятая въ цѣломъ, не можетъ даже задержать ни на одно мгновенье (!) историческаго процесса отдѣленія производителя отъ средствъ производства и существованія“ *)... Если все это—не знаменитая „марксистская догма“, признать существованіе которой теперь такъ не хочется, такъ не хочется г. Плеханову,—то что же это такое?

Г. Плехановъ, отрекающійся отъ самого себя! Г. Плехановъ, не помнящій родства съ самимъ собою и съ самыми крупными представителями нѣмецкаго и русскаго марксизма! Это ли не комическое положеніе? Но г. Плехановъ любое, самое комическое положеніе предпочтетъ *честному сознанию въ ошибку*. И въ этомъ отношеніи ему можно поставить въ примѣръ многихъ ортодоксальныхъ марксистовъ запада.

Вотъ, напр., передъ нами книга Wilhelm'a Kohnstaedt'a „Die Agrarfrage in der deutschen Sozialdemokratie von Karl Marx bis zum, Breslauer Parteitag“ (München, 1903). Авторъ,—антибернштейнианецъ въ аграрной политикѣ стоитъ на точкѣ зрѣнія Каутскаго, настаиваетъ на сохраненіи исключительно-пролетарскаго характера своего направленія. Но онъ и не думаетъ выворачиваться, не прибѣгаетъ ни къ какому вольтижерству. Онъ совершенно спокойно признаетъ, что „въ представленіи Маркса крупному капиталистическому производству въ агрикультурѣ не только принадлежитъ будущее, но, по существу дѣла, принадлежитъ уже и настоящее“. Такъ же спокойно признаетъ онъ, что взглядъ этотъ оказался ошибочнымъ, что аналогіи между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ во многихъ пунктахъ не существуютъ, что труды Давида, Герца и др. даютъ въ этомъ отношеніи много вѣрнаго и вносятъ много важныхъ поправокъ ко взглядамъ Каутскаго. Поправки эти должны быть приняты, ибо *amicus Plato, sed magis amica veritas*... Столь же добросовѣстно и спокойно указываетъ онъ и на то, что для Маркса, какъ теоретика, крестьянское хозяйство было не *жизненнымъ элементомъ* современнаго историческаго періода, а *пережиткомъ* стараго; а потому и все его

*) П. Скворцовъ, „Итоги крестьянскаго хозяйства по земскимъ статистическимъ изслѣдованіямъ“, стр. 104, 76, 83—84.

изслѣдованіе ограничивается анализомъ абстрактнаго, чистаго землевладѣльческаго капитализма и его эволюціи. А между тѣмъ этотъ абстрактный пріемъ лишь въ томъ случаѣ давалъ бы практически достаточно полную схему, „если бы тѣ формы производства, которыя онъ обозначилъ какъ формы докапиталистическія, находились бы въ процессѣ непрерывнаго разрушенія. Въ срединѣ 19-го столѣтія были на лицо всѣ признаки, такъ ярко свидѣтельствующія именно о такомъ процессѣ развитія, что безпристрастный наблюдатель принужденъ былъ, конечно, считаться съ ними. Въ настоящее время явленія жизни указываютъ намъ на другого рода процессъ развитія; мы имѣемъ и право, и полное основаніе вѣрить нашимъ современнымъ даннымъ больше, чѣмъ даннымъ прошлаго. Теперь никто не можетъ предсказывать, что капитализмъ поглотитъ нѣмецкаго крестьянина. Этотъ фактъ лишаетъ аграрную теорію Маркса ея политико-экономическаго значенія; но нисколько не мѣняетъ ея историческаго значенія“ *).

Такъ или иначе, а старая марксистская догма держаться болѣе не можетъ, и „старовѣрамъ“ марксизма остается только вздохнуть: „охъ, увы, увы, древнее благочестіе!“ И какой бы шумъ насчетъ побѣды надъ критиками ни производилъ г. Плехановъ и иные для прикрытія отступленія, а отступать и пріискивать новыя позиціи взаимнъ старыхъ всетаки приходится. А такъ какъ это побѣдоносное отступленіе происходитъ въ безпорядкѣ и второпяхъ, то приходится иной разъ снова и снова мѣнять позиціи, „и башмаковъ еще не изнашивши, въ которыхъ шли за гробомъ“ старой догмы.

Новая позиція для ортодоксальнаго марксизма найдена была прежде всего Карломъ Каутскимъ. Еще въ своей „Agrarfrage“ онъ долженъ былъ заявить: „Нечего и думать о томъ, чтобы мелкій землевладѣлецъ исчезъ изъ современнаго общества, вытѣсненный крупными сельско-хозяйственными экономіями“. „Въ предѣлахъ капиталистическаго способа производства мы такъ же мало можемъ ожидать гибели крупнаго землевладѣнія, какъ и гибели мелкаго“. Напротивъ, на извѣстной ступени развитія концентрація выше извѣстной нормы невыгодна самому капиталу, ибо крупныя экономіи вынуждены опираться на существующія рядомъ или даже искусственно созданныя крестьянскія хозяйства, переставшія быть конкурентами крупнымъ. Благодаря этому „крупное и мелкое производство

*) Dr. W. Cohnstaedt „Die Agrarfragen u. c. w.“ S. 14.

взаимно другъ друга не исключаютъ, напротивъ—обусловливаютъ“. Въ своихъ статьяхъ 1903 г. къ этой идеѣ о взаимной обусловленности, о нѣкоторой нормѣ взаимоотношенія между мелкимъ и крупнымъ хозяйствомъ Каутскій прибавляетъ ту мысль, что сельское хозяйство вообще крайне консервативно, и—хотя предсказывать будущее сельскаго хозяйства трудно, благодаря множественности и сложности взаимодействующихъ факторовъ, —однако, вотъ что можно утверждать: „у насъ нѣтъ никакого основанія ожидать въ предѣлахъ нашего историческаго кругозора, быстрого уменьшенія числа мелкихъ хозяйствъ; но нѣтъ также никакого основанія ожидать противоположнаго, рассчитывать на рѣшительное ввѣдреніе мелкаго хозяйства и вытѣсненіе крупнаго“ *).

Какъ водится, г. Плехановъ тотчасъ же подхватилъ замѣчанія Каутскаго и поспѣшилъ водвориться на указанныхъ имъ новыхъ позиціяхъ. Въ четвертой книжкѣ журнала, на который онъ ссылагается въ своемъ предисловіи (см. стр. 4), онъ уже послушно твердитъ за Каутскимъ новую догму и прикрываетъ отступленіе со старыхъ позицій усиленнымъ полемическимъ огнемъ и звуками побѣднаго марша.

Итакъ, плохо ли, хорошо ли—дѣло сдѣлано, новыя позиціи найдены, и г. Плехановъ уже обстрѣливаетъ съ нихъ своихъ противниковъ-критиковъ. Казалось бы, чего же ему еще? „Mein Liebchen, mein Liebchen, was willst du noch mehr?“ въ правѣ вопрошать его успокоенные ученики. Но не спокойно на душѣ у Liebchen. Во-первыхъ, вѣдь онъ—диалектикъ. Легко ли ему, если, вмѣсто развитія путемъ противорѣчій, ему подсовываютъ какой-то консерватизмъ сельскаго хозяйства, взаимное равновѣсіе крупнаго и мелкаго хозяйства, чуть-чуть не предустановленную гармонію между ними! Во-вторыхъ,

*) Эти послѣднія слова Каутскаго направлены противъ „ревізіонистовъ“, многие изъ которыхъ уже начали пѣть отходную крупному капиталистическому хозяйству въ земледѣліи. Есть такіе и у насъ, въ Россіи. Такъ, С. Булгаковъ, взявшійся за изслѣдованіе аграрныхъ отношеній съ намѣреніемъ доказать правоту марксистской догмы, пришелъ, какъ извѣстно, къ анти-догмѣ. Вотъ его взглядъ: „Будучи наслѣдствомъ среднихъ вѣковъ, крупное производство въ земледѣліи является самой ранней формой крупнаго предпріятія; нѣкоторое время оно идетъ во главѣ хозяйственнаго прогресса, сопровождается, однако, самой беззащитной эксплуатаціей безпомощнаго и нищенскаго населенія; затѣмъ оно теряетъ эту руководящую роль и, не будучи въ состояніи обезпечить своимъ рабочимъ условія жизни, достойныя новѣйшаго времени, утрачиваетъ и рабочихъ, склоняясь, въ концѣ концовъ, къ неотвратимому упадку“ („Капитализмъ и земледѣліе“, т. II, стр. 148).

въ своей программѣ его направлѣніе выставило лозунгомъ внесеніе классовой борьбы въ деревню и ради этого—расчищеніе дороги капитализму. А тутъ оказывается, что крупное землевладѣніе будетъ на извѣстной ступени развитія само насаждать мелкое, и что хотя мелкое будетъ работать на крупное, но эта косвенная зависимость, по признанію самихъ марксистовъ, будетъ плохо психологически воспитывать для будущаго мелко-крестьянскихъ невольниковъ капитала, а собственническое положеніе послѣднихъ будетъ сближать ихъ со своими господами... Не очевидно ли, что и съ развитіемъ путемъ противорѣчій, и съ классовой борьбой въ этихъ соціальныхъ перспективахъ будетъ обстоять тихо?

И вотъ, г. Плехановъ неожиданно получаетъ просіяніе своего ума. Эврика! Догма № 2, о консервативномъ равновѣсіи взаимно другъ-друга обусловливающихъ крупныхъ и мелкихъ хозяйствъ, можетъ быть, такъ же быстро (подъ прикрытіемъ опять-таки шумихи громкихъ фразъ и триумфальнаго гимна) покинута и сдана въ архивъ, какъ и догма № 1, о неизбѣжномъ поглощеніи мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ крупнымъ капиталомъ. Да здравствуетъ догма № 3! Эта догма № 3 открыта г. Плехановымъ, этимъ новымъ Колумбомъ, у *самого же Маркса*. Оказывается, что Марксу совершенно напрасно приписали невѣрную мысль о неизбѣжномъ поглощеніи мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ крупными; Марксъ утверждалъ совсѣмъ не то; еще въ 1850 г. Марксъ открылъ, что „пока существуютъ буржуазныя производныя дствен отношенія, земледѣліе должно постоянно переходить отъ концентрации къ раздробленію, и наоборотъ“. И Марксъ былъ правъ, а ревизіонисты, думавшіе, что посрамили марксизмъ—невѣжды. Они не знаютъ Маркса, а вотъ онъ, Плехановъ, знаетъ, и ставить на видъ это всѣмъ прочимъ. И онъ читаетъ легкую нотацию Мишелю Оже-Ларибе, который посвятилъ въ своей книгѣ Марксу цѣлую главу, а ничего объ этомъ не упоминаетъ, и другимъ „даже безпристрастнымъ историкамъ идей“, которые „по большей части не знаютъ“ того, что открыто г. Плехановымъ.

Полный переворотъ въ пониманіи сущности марксизма въ аграрномъ вопросѣ! Да, это не шутка. И такъ какъ все торжество новаго открытія покоится на одной цитатѣ, то намъ пора, наконецъ, разыскать эту цитату полностью, и, если возможно, взять ее въ контекстѣ, дополнить ее всей той аргументаціей, которая привела Маркса и Энгельса къ открытію столь важнаго закона экономиче-

ской эволюціи сельскаго хозяйства. Извлечена эта пресловутая цитата изъ-подъ спуда, сколько мнѣ извѣстно, К. Каутскимъ, который использовалъ ее мимоходомъ, а затѣмъ она со страницъ его книги соскочила и пошла гулять по полемическимъ произведеніямъ русскихъ „учениковъ“. Только недавно, съ появленіемъ въ свѣтъ четырехтомнаго сборника „Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx, F. Engels und F. Lassale“, явилась возможность провѣрки этой интересной цитаты. И провѣрка даетъ чрезвычайно интересный результатъ. Въ III томѣ названнаго изданія, на стр. 440 читатель дѣйствительно найдетъ желаемое. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣдится то ни о какомъ изслѣдованіи аграрной эволюціи тамъ и рѣчи нѣтъ. Цитируемая фраза находится въ маленькой рецензіи на забытую книжку Э. де-Жирардена о налогахъ. Во всей этой рецензіи, занимающей 7¹/₂ стр., вопросу объ аграрной эволюціи и ея направленіи посвящено всего эти *шесть строчекъ*—признаться, довольно узенькій фундаментъ для перестройки всѣхъ установившихся понятій о существѣ, о внутреннемъ содержаніи „марксистской догмы“! Помните ли вы, читатель, Добролюбовскую пародію на „ортодоксовъ“ взгляда о норманскомъ происхожденіи русскихъ князей, въ ихъ спорѣ съ безпокойными „критиками“, когда растерянному ортодоксу, какъ утопающему, приходится хвататься за соломинку?

Геляндри и Варуфорось—

Вотъ два мои столба!

На нихъ мою теорію

Поставила судьба...

Да, „шесть строчекъ“ старой рецензіи — вотъ она, эта соломинка утопающаго... Пора, однако, процитировать ихъ полностью и цѣликомъ. „Наконецъ,—говоритъ Марксъ,—если во Франціи уже начался поворотъ отъ парцеллированія къ концентраціи, то въ Англіи крупная поземельная собственность идетъ гигантскими шагами къ раздробленію и неопровержимо свидѣтельствуетъ о томъ, что до тѣхъ поръ, пока вообще продолжаютъ существовать буржуазныя отношенія, земледѣліе вынуждено постоянно вращаться въ этомъ круговоротѣ концентраціи и парцеллированія“ *).

Первое, что при этомъ приходится отмѣтить, это тотъ несомнѣнный фактъ, что существо выраженнаго здѣсь Марксомъ (или Энгельсомъ?)—это въ точности неизвѣстно) взгляда отнюдь не сов-

*) „Aus dem lit. Nachlass“, B. III, S. 440.

падаетъ съ существомъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ въ своей книжкѣ объ аграрномъ вопросѣ Каутскій. Въдѣ этотъ послѣдній говорилъ о консерватизмѣ, устойчивости, неподвижности сельскаго хозяйства, о невозможности ожидать *ни* замѣтнаго поглощенія крупнаго хозяйства мелкимъ, *ни* такого же обратнаго процесса. Между тѣмъ, Марксъ именно утверждаетъ, что слѣдуетъ ожидать *и* замѣтнаго поглощенія крупнаго хозяйства мелкимъ, *и*, на смѣну ему, такого же обратнаго процесса. Тутъ не консерватизмъ, не взаимное равновѣсіе между мелкимъ и крупнымъ хозяйствомъ, а „круговоротъ“, стремительный, революціонизирующий всѣ отношенія то въ одномъ, то въ обратномъ направленіи, идущій „гигантскими шагами“!

Но вотъ въ чемъ вопросъ. Если бы Марксъ серьезно пришелъ къ установившемуся убѣжденію, что законъ движенія сельскаго хозяйства въ капиталистическомъ обществѣ есть діалектическій переходъ отъ концентрации къ раздробленію, отъ раздробленія снова къ концентрации и т. д. до бесконечности,—то, спрашивается, чѣмъ объяснить, что онъ предаль его погребенію въ бѣглой рецензій стараго, вышедшаго изъ продажи журнала? что онъ ни разу не воспроизвелъ этихъ шести строчекъ ни въ одномъ изъ своихъ трудовъ? что онъ такъ искусно законспирировалъ этотъ взглядъ отъ всѣхъ друзей? что и Эккаріусъ, книжку котораго Марксъ просматривалъ до печатанія, и Либкнехтъ, вѣрный ученикъ Маркса, и Энгельсъ, alter ego Маркса — всегда выдавали за сущность марксизма законъ концентрации поземельной собственности и пролетаризаціи самостоятельныхъ земледѣльцевъ? что, наконецъ, самъ Марксъ забылъ себя, и, въ первомъ томѣ „Капитала“ снова заявилъ, что „въ сферѣ агрикультуры крупная промышленность проявляетъ самое революціонное вліяніе, тѣмъ самымъ, что она уничтожаетъ опору стараго общества, „мужика“, и замѣняетъ его наемнымъ батракомъ; социальныя противорѣчія и потребности въ переворотѣ у деревни уравниваются съ такими же явленіями въ городѣ?“ Однимъ словомъ: откуда весь этотъ удивительный миражъ, все это колоссальное историческое недоразумѣніе, для разсѣянія котораго потребовалось, чтобы року отъ Р. X. 1904 г. Георгій Плехановъ прочелъ третій томъ меринговскаго изданія старинныхъ статей Маркса и Энгельса, и, дошедши до стр. 440, совершилъ гениальное открытіе?

По истинѣ, чудеса въ рѣшетѣ!

Но если посмотрѣть на дѣло не съ мистически-чудесной, а съ

реальной точки зрѣнія, то все окажется гораздо проще. Если эта рецензія 1850 г. о чѣмъ-нибудь свидѣтельствуетъ, то только о томъ, что въ концѣ 40-хъ годовъ взгляды Маркса и Энгельса еще далеко не кристаллизовались въ устойчивыя формы, были подвержены въ достаточно сильной степени всякимъ колебаніямъ и шатаніямъ. Въ томъ числѣ, повидимому, проскользнула однажды и мысль о періодической смѣнѣ полярныхъ противоположностей—концентраціи и раздробленія земельной собственности. Но какъ, съ внѣшне-поверхностной стороны, ни „діалектически“ выглядѣла эта идея, она скоро была заброшена: законъ періодической смѣны этихъ крайностей нельзя было вывести, какъ необходимое слѣдствіе, изъ какихъ-нибудь реальныхъ факторовъ. Да и выведенъ онъ былъ крайне поспѣшно. „Неопровержимое доказательство“ этого закона авторъ рецензіи усмотрѣлъ въ *двухъ*—всего только *двухъ*—фактахъ: 1) во Франціи начался поворотъ къ концентраціи земельной собственности и 2) Англія гигантскими шагами идетъ къ ея раздробленію *). Но и эти столь мизерныя, для выведенія столь огромнаго закона, данныя нуждаются въ поправкахъ. Французское земледѣліе переживало не начало концентраціи (напротивъ, всѣ данныя говорятъ за то, что во второй половинѣ XIX вѣка, особенно съ 60-хъ г.г., площадь крупнаго хозяйства скорѣе убывала, и во всякомъ случаѣ не увеличивалась): оно переживало *продолженіе* двусторонняго процесса: увеличенія мелкой крестьянской собственности **)—съ одной стороны, увеличеніе площади крупныхъ новобуржуазныхъ хозяйствъ—съ другой. Что же касается Англіи, то вопреки прогнозу Маркса, именно пятидесятыя годы были эпохой *уменьшенія* числа поземельныхъ собственниковъ. Такъ вотъ насколько обоснована была случайно брошенная и забытая мысль, за которую, „пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ“, теперь хватается г. Плехановъ „въ поискахъ спасающаго догмата“. Впрочемъ, по Сенькѣ и шапка...

Успокоился ли, однако, г. Плехановъ на этой счетомъ третьей

*) Г. Плехановъ такъ увлеченъ идеей періодической смѣны концентраціи и раздробленія, что слова нѣмецкаго оригинала „geht seiner Zerschlagung entgegen“ передаетъ такъ: „идетъ къ *новому* раздробленію“. Выходитъ, что до того былъ періодъ концентраціи, передъ которымъ опять-таки былъ періодъ раздробленія. И гдѣ это онъ только вычиталъ?

**) Насколько эта парцеллирующая тенденція имѣла мѣсто, свидѣлствуютъ хотя бы измѣненія въ численности cotes foncières: 1848 г.—12.059.172 1851 г.—12.394.366, 1858 г.—13.118.723 и т. д.

догмѣ? Увы—не совсѣмъ. Ее онъ скорѣе оставилъ въ резервѣ, на худой конецъ: что бы, когда бы, гдѣ бы ни наступило—концентрація ли, дробленіе ли—Марксъ, все равно, предвидѣлъ и то, и другое! На дѣлѣ, однако, безразличіе это только кажущееся. На дѣлѣ же Плехановъ все время изъ кожи вонъ лѣзетъ, желая преуменьшить значеніе роста мелкой крестьянской собственности. Онъ признаетъ лишь, что „процессъ исчезновенія мелкой крестьянской собственности мѣстами становится очень медленнымъ, а мѣстами и совсѣмъ прекращается“, при чемъ въ качествѣ діалектика утверждаетъ, что „остановка процесса исчезновенія“ есть лишь „частный случай замедленія“ этого процесса, не болѣе. Но какъ же быть съ тѣмъ фактомъ, что при „остановкѣ исчезновенія“ иногда наблюдается и прямое приращеніе мелкихъ хозяйствъ? Является и *приращеніе* частнымъ случаемъ *замедленнаго исчезновенія*? О діалектика, діалектика!

А приращеніе фактически происходитъ. При всей своей уверливости, г. Плехановъ отрицать его не можетъ.—Онъ можетъ только всячески стараться преуменьшить его значеніе. Такъ, обратившись къ германской статистикѣ, онъ беретъ процентное отношеніе между хозяйствами разныхъ размѣровъ, инаходитъ, что подъ мелко-крестьянскими хозяйствами „общая площадь стала больше (опять относительно) на 0,03%₀, а сельско-хозяйственная площадь возрасла на 0,1%₀“. „Не ошибитесь, читатель,—воскликаетъ г. Плехановъ:—дѣло идетъ именно о десятыхъ и сотыхъ доляхъ процента. Изумительный „прогрессъ“, въ прахъ повергающій Маркса!“ Однако, откуда г. Плехановъ взялъ, — площадь подъ мелкими хозяйствами увеличилась только *относительно*? Это не правда; она увеличилась и *абсолютно*. Это разъ. Во-вторыхъ, какъ ни неловко начинаемъ мы чувствовать себя, а приходится дать г. Плеханову маленькій популярный урокъ изъ области правила процентовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ получилъ онъ свои цифры—относительнаго возрастанія общей земельной площади на 0,03%₀, а сельско-хозяйственной площади — на 0,1%₀? Оказывается, очень просто; даже слишкомъ просто. Въ 1882 г. разсматриваемыя хозяйства занимали 9,54%₀ земельной площади, а въ 1895 г. имъ принадлежало 9,57%₀. Г. Плехановъ, ничтоже сумняшеся, изъ 9,57%₀ *вычитаетъ* 9,54%₀ и получаетъ приростъ въ 0,03%₀. Всякій специалистъ пойметъ безъ всякихъ поясненій грубость этой ошибки. Но я пишу не для специалистовъ, а для самой широкой публики, а потому хочу иллюстрировать болѣе простымъ примѣромъ ея значеніе.

Предположимъ, что изъ 100 тыс. гектаровъ 5 тыс. принадлежатъ мелкимъ хозяйствамъ; предположимъ, что черезъ 10 лѣтъ мелкимъ хозяйствамъ принадлежить уже 10 тыс. гектаровъ. Каковъ приростъ площади мелкихъ хозяйствъ? Правильный расчетъ будетъ простъ: увеличеніе съ 5 тыс. на 10 тыс. есть увеличеніе ровно вдвое, т. е. на 100% . По Плехановскому же методу нужно поступить иначе. Вначалѣ изъ 100 т. гек. мелкимъ хозяевамъ принадлежало 5 тыс., т. е. 5% ; затѣмъ 10 тыс., т. е. 10% . Изъ 10% вычтемъ 5% , и окажется, что площадь мелкаго хозяйства возросла всего только на 5% ...

Послѣ этого читатели не удивятся, если, обратившись отъ односторонне абстрактнаго и невѣрнаго изображенія г. Плехановымъ дѣйствительныхъ отношеній, найдеть не какіе-то „нули цѣлыхъ“ и даже „нули цѣлыхъ съ нулями десятиными“, а весьма кругленькія величины, а именно: хозяйства отъ 2 до 5 гек. увеличили свою площадь за отчетное время почти на 100.000 гек. Фактъ еще и тотъ, что слѣдующія по размѣрамъ—среднія крестьянскія хозяйства, отъ 5 до 20 гект., также расширили свою площадь, и уже на полмилліона гект. *). Но что такое для г. Плеханова сотни тысячъ гектаровъ! Онъ на нихъ смотрѣть не хочетъ. „Для него Наполеонъ въ родѣ бородавки“. Что площадь подъ парцеллярнымъ французскимъ землевладѣніемъ увеличилась приблизительно на 250 тыс. гект., это г. Плехановъ тоже знаетъ, но утѣшается тѣмъ, что парцеллярные крестьяне—почти пролетаріи; площадь же подъ мелкой крестьянской собственностью сократилась на 120 тыс. гект., а подъ крупнымъ хозяйствомъ увеличилась на 197 тыс. гект. „Данныя французской статистики,—воскликаетъ г. Плехановъ,—плохо способствуютъ ниспроверженію „марксовой догмы!“—Конечно, плохо; особенно, если пользоваться научнымъ методомъ г. Плеханова. Если, однако, обратиться къ самой анкетѣ 1892 г., то мы найдемъ въ ней разъясненіе, что суммарныя данныя скрываютъ истинный характеръ хозяйственныхъ измѣненій; чтобы понять истинный характеръ этихъ измѣненій, нужно отдѣльно рассмотреть зоны къ сѣверу и къ югу

*) Кстати сказать, здѣсь и относительное увеличеніе не на десятки и сотыя доли $\%$, а даже по невѣрному Плехановскому методу исчисленія $\bullet\%$, на $1,16\%$. Но объ этомъ г. Плехановъ со свойственной ему скромностью умалчиваетъ, какъ умалчиваетъ и о томъ, что площадь всего крупнаго хозяйства (отъ 20 до 100 гект. и выше 100 гект.) относительно уменьшилась (по его методу) на $1,09\%$.

отъ Луары; тогда окажется, что въ первой зонѣ идетъ ростъ средних и мелкихъ хозяйствъ на счетъ крупныхъ, а во второй, главнымъ образомъ подѣ влияніемъ опустошительнаго дѣйствія филлоксеры—совершалось сокращеніе числа среднихъ хозяйствъ и консолидація ихъ въ немногихъ рукахъ. Изъ той же анкеты читатели увидятъ странную вещь: *число хозяевъ* оказывается гораздо меньше *числа хозяйствъ*: соединеніе въ однѣхъ рукахъ по двѣ—три парцеллы представляетъ частое явленіе; слѣдовательно, ростъ числа мельчайшихъ парцеллъ не всегда означаетъ размельчаніе собственниковъ и превращеніе ихъ въ почти пролетаріевъ *). Наконецъ, изъ той же анкеты оказывается, что число сельско-хозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ вообще—а въ частности и той ихъ группы, которая надѣлена клочками земли—уменьшилось за 10 л. на 11,43%. Число же работающихъ за свой счетъ увеличилось на 48,5%. И изъ этой анкеты г. Плехановъ вздумалъ черпать иллюстраціи догмы о пролетаризаціи крестьянства!

А между тѣмъ, Франція—еще самая благопріятная для г. Плеханова страна. Краснорѣчивыхъ данныхъ о сокращеніи средняго размѣра фермъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ наибольшій подрывъ испытываютъ именно пресловутыя *bonanza farms*, крупнѣйшія капиталистическія хозяйства,—Плехановъ предпочитаетъ вовсе не трогать. Также предпочитаетъ онъ не трогать еще болѣе краснорѣчивыхъ данныхъ по Англіи, гдѣ мелкія и среднія хозяйства растутъ за счетъ крупныхъ—съ одной стороны, и мельчайшихъ—съ другой. Вмѣсто этого онъ обращается къ Бельгіи. Тамъ съ 1866 г. до 1880 г. шло дробленіе крупныхъ хозяйствъ; съ 80-го же года, повидимому, замѣчается нѣкоторый перевѣсъ въ сторону концентраціи земельной собственности. Правда, эта земельная собственность въ растущей прогрессіи сдается въ аренду подѣ мелкія хозяйства; но здѣсь г. Плеханову выгодно смотрѣть не на измѣненія въ хозяйствахъ, а на измѣненія въ собственности, и развитіе мелкой аренды онъ разсматриваетъ, какъ... торжество капитализма! И восклицаетъ: „Что, если и въ другихъ странахъ европейскаго материка начнется подобное же движеніе? Тогда вѣдь пропадетъ даже и тѣнь возможности оспаривать „марксову догму!“

*) Слѣдуетъ добавить, что при болѣе детальномъ дѣленіи хозяйствъ на группы оказывается, что число настоящихъ крестьянскихъ хозяйствъ (отъ 5 до 10 г.) увеличилось съ 769 тыс. до 788 тыс.; уменьшилось же (на 36 тыс.) число очень мелкихъ, отъ 1 до 5 гект.

Вотъ она ultima ratio современной ортодоксіи! „А что, если?..“ На этотъ ехидный вопросъ одна русская пословица даетъ простой и ясный отвѣтъ: если бы, да кабы, да во рту росли бобы, то былъ бы не ротъ, а огородъ.

Но тутъ интересно вотъ что. Чего радуется г. Плехановъ? И зачѣмъ онъ за уши притягиваетъ факты подъ формулу концентраціи? Не онъ ли самъ объяснилъ, что марксова догма заключается въ законѣ смѣны концентраціи дробленіемъ, и наоборотъ? Зачѣмъ же онъ такъ тщится доказать концентрацію? Да если она гдѣ и наблюдается, то вѣдь ничего изъ нея не выйдетъ, кромѣ новаго раздробленія! И отчего онъ, такъ блистательно доказавшій, что Марксъ отнюдь не говорилъ о неизбѣжности концентраціи, самъ забываетъ все сказанное и говорить о „марксовой догмѣ“ въ смыслѣ концентраціи? Куда же дѣлась единственная истинная догма — догма № 3, открытая въ 1850 г., въ рецензіи противъ Жирардена?

Бѣдная, забытая г. Плехановымъ догма! „Онъ забылъ, онъ забылъ...“ Съ легкомысленнымъ непостоянствомъ г. Плехановъ перепархиваетъ вновь къ старой догмѣ, къ догмѣ номеръ 1-й. Что дѣлать! Очевидно, права французская пословица, что *on revient toujours à ses premiers amours*. И догма „концентраціи и пролетаризаціи“ оказывается вовсе не умершей и не похороненной. Нѣтъ, она только спящая красавица-царевна, зачарованная злымъ волшебникомъ — духомъ критики, и ожидающая лишь поцѣлуя храброго рыцаря ортодоксальнаго марксизма, чтобы начать освобождаться отъ летаргіи и возвращаться къ жизни... И рыцарь ей вѣренъ, а всѣ его диверсіи — то въ сторону равновѣсія и взаимной обусловленности мелкаго и крупнаго хозяйства, то въ сторону заколдованнаго круга изъ концентраціи и парцелированія, — не больше, какъ опыты бороться съ волшебствомъ критики всѣми средствами „натуральной и увеселительной магіи“ нашего стараго знакомаго Капитона Иванова. Тутъ и „невозможность въ дѣйстви“ — доказательство пролетаризаціи крестьянства изъ данныхъ объ уменьшеніи числа сельско-хозяйственныхъ пролетаріевъ и увеличеніи работающих за свой счетъ; тутъ и „попури изъ міра чудесъ“ — троичная въ лицахъ марксистская догма, догма-протей, своими превращеніями изумляющая и повергающая въ смятеніе критиковъ; тутъ и „индійское эскамотированіе“ — статистическихъ данныхъ; тутъ и „каббалистика и чревоушаніе“ — о томъ, что будетъ, если ротъ сдѣлается огородомъ; тутъ, наконецъ, и „гирлянда розъ“ — въ видѣ ссылокъ на

Оже-Ларибе и Роблена, на Statistik des Deutschen Reichs и Royal Commission on Agriculture. Словомъ, „тутъ все есть, коли нѣтъ обмана“...

По истинѣ, до такого паденія въ научномъ смыслѣ доходило рѣдкое направленіе — а нѣтъ направленія, которое бы болѣе современнаго ортодоксальнаго марксизма злоупотребляло словомъ „наука“. И это — особенно яркій симптомъ того, насколько острымъ и глубокимъ является кризисъ когда-то столь самоувѣренной аграрной догмы марксизма, и насколько кризисъ этотъ если не создается, то чувствуется даже самыми упорными изъ ея защитниковъ...

Послѣдующее изложеніе покажетъ, какъ создался этотъ кризисъ и какова социально-политическая мораль, изъ него вытекающая.

ГЛАВА II.

Аграрный вопросъ въ эпоху международной ассоціаціи рабочихъ.

Первою стадіей въ попыткѣ марксизма справиться, теоретически и практически, съ аграрнымъ вопросомъ, является эпоха существованія знаменитой „международной ассоціаціи рабочихъ“. Мы говоримъ „первою стадіей“, потому что до нея можно отмѣтить лишь первыя высказыванья еще несложившагося, въ извѣстной степени эмбриональнаго марксизма 1848 года. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ, правда, намъ еще придется обратиться и къ этому матеріалу, но лишь для характеристики *подготовленія* марксизма. Какъ сложившееся цѣлое, марксизмъ впервые приступаетъ къ разрѣшенію аграрнаго вопроса на конгрессахъ „международной ассоціаціи“, гдѣ, сталкиваясь съ мелко-крестьянскимъ индивидуализмомъ школы Прудона, противопоставляетъ ему свою теоретическую концепцію сельско-хозяйственной эволюціи и свои методы разрѣшенія выдвигаемыхъ ею жизненныхъ вопросовъ.

Статуты „ассоціаціи“, какъ извѣстно, не превозглашали социализма въ качествѣ основной цѣли. Социализмъ былъ еще сектой. Чтобы открыть доступъ въ ассоціацію и англійскимъ тредсъ-юніонистамъ и прудонистамъ Франціи, цѣль была характеризована болѣе неопредѣленно, какъ „экономическая эмансипація рабочаго класса“. Разнообразіе вошедшихъ въ „ассоціацію“ элементовъ, поэтому, превратили ея конгрессы до извѣстной степени въ клубъ теоретическихъ преній различныхъ школъ.

На конгрессахъ ассоціаціи аграрный вопросъ обсуждался трижды. Первое обсужденіе состоялось на второмъ конгрессѣ въ Лозаннѣ (2 — 8 сент. 1867 г.), гдѣ извѣстный бельгійскій ученый и дѣятель, Цезарь де-Папъ, поднялъ аграрный вопросъ, воспользовавшись преніями отчасти по вопросу о промышленныхъ товариществахъ, от-

части по вопросу о націонализациі желѣзныхъ дорогъ, каменоломень и т. д. *). Послѣ оживленныхъ преній, рѣшено было отложить сужденіе по этому поводу до слѣдующаго конгресса, чтобы рѣшать вопросъ, специально подготовившись къ нему. Но и этотъ конгрессъ, брюссельскій (6—13 сент. 1868 г.), не устранилъ разногласій и не привелъ дѣла къ окончательному рѣшенію, которое удовлетворило бы хотя большинство, и на четвертомъ конгрессѣ, въ Базелѣ (5—11 сент. 1869 г.), въ третій разъ произошло генеральное обсужденіе аграрнаго вопроса. И на этотъ разъ было рѣшено посвятить одинъ изъ слѣдующихъ конгрессовъ болѣе подробному обсужденію того пути, которымъ въ области сельской индустріи должна осуществиться планомѣрная общественная организація производства. Дѣло въ томъ, что эта практическая сторона вопроса троекратнымъ обсужденіемъ конгрессовъ почти не была затронута. Хотя по отзыву одного изъ самыхъ выдающихся представителей практическаго марксизма *die Lage des ländlichen Proletariats ist im Basel sehr ernst erörtert worden* **), на самомъ дѣлѣ напрасно вы стали бы искать даже въ официальныхъ протоколахъ конгрессовъ ассоціаціи слѣдовъ глубокаго и серьезнаго обсужденія хода аграрной эволюціи, положенія и взаимныхъ отношеній различныхъ классовъ сельского населенія и опорныхъ пунктовъ въ немъ для соотвѣтствующей подготовительной работы. Громадную часть времени у конгрессовъ заняли чисто принципиальные споры по вопросу объ отвлеченныхъ правахъ общества и индивида по отношенію къ земельной собствен-

*) Характерная обнаружена здѣсь де-Папомъ проницательность. Въ то время, какъ интернаціональ высказывался за *производительныя* товарищества, игнорируя значеніе потребительныхъ—де-Папъ настаивалъ на опасности ихъ буржуазнаго вырожденія подъ вліяніемъ взаимной конкуренціи и борьбы за рынокъ. Поэтому онъ, съ одной стороны, искалъ гарантіи въ *солидаризированіи* товариществъ, комбинированіи ихъ въ болѣе сложныя цѣлыя (чѣмъ отличался отъ марксистовъ), съ другой же стороны, искалъ гарантіи противъ образованія изъ кооператоровъ „четвертаго сословія противъ пятаго“ въ обращеніи земли въ общественную собственность.

**) „Unsere Ziele“ von Aug. Beb.; 10 Auflage, S. 42. Гораздо правильнѣе отзывъ Liebknecht'a: „Kurz, die Baseler Beschlüsse sind wesentlich theoretischer, programmatischer Natur, und haben keinen unmittelbaren practischen Character“ I. c. S. 25. Или, позднѣе, отзывъ В. Конштедта: „Nicht einmal das ländliche Proletariat fand von ihren (Int. Arb.-Assoziation) Augen Beachtung. Denn es zeigt sich leicht, dass anfangs unter der „Arbeiten“... Stets nur industriellen Lohnarbeiter gemeint waren“. („Die Agrarfrage in der deutschen S. D.“ München, 1903, S. 81.

ности. Французскіе депутаты, какъ ярые прудонисты, рѣшительно возстали на защиту индивидуальнаго принципа противъ коллективистскаго. Съ другой стороны, что касается ихъ противниковъ, отстаивавшихъ принципъ націонализаціи земли, то и среди нихъ образовалось два различныхъ теченія; одно—болѣе правовѣрно-марксистское, другое—особое отъ него, чрезвычайно интересное и своеобразное. Это послѣднее было представлено главнымъ образомъ упомянутымъ Цезаремъ де-Папомъ, тогда какъ первое—англійскими и нѣмецкими делегатами. Уже официальный протоколъ лозаннскаго конгресса *) констатируетъ вкратцѣ (къ сожалѣнію, протоколы не стенографическіе!), что „ораторы нѣмецкіе и англійскіе настаиваютъ въ особенности на историческомъ законѣ, который вездѣ ведетъ съ образованію крупной собственности“ **). Въ извѣстномъ Handbuch'ѣ Штегмана и Гуго, содержащемъ короткій, но основательный очеркъ исторіи „ассоціаціи“, написанный съ рѣзко выраженной марксистской тенденціей, къ этому прибавляется новый штрихъ; по свидѣтельству составителей (лицъ, весьма освѣдомленныхъ и компетентныхъ въ предметѣ), англійскіе, а въ особенности нѣмецкіе делегаты рѣшительно оппонировали прудонистамъ, проводя, между прочимъ, ту мысль, что объ личной свободѣ на основѣ мелкой земельной собственности не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ „крупный капиталъ экспроприруетъ массы индустріальныхъ и земельныхъ работниковъ и сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ средства производства индустріи, точно такъ же, какъ и сельскаго хозяйства“. Слабый отголосокъ этого убѣжденія въ существованіи „всеобщаго историческаго закона“, согласно которому „въ индустріи, какъ и въ сельскомъ хозяйствѣ“ развитіе непременно должно идти черезъ стадію капиталистической концентраціи, можно усмотрѣть въ резолюціи брюссельскаго конгресса; она гласитъ, что „экономическое развитіе само тяготеетъ къ крупной культурѣ, а потому „конгрессы

*) Procès verbaux du Congrès de l'association intern. des travailleurs réuni à Lausanne“, Chaux de Fond, 1867, pp. 68 - 73.

**) Курсивъ нашъ. Цитата изъ Procès verbaux etc. p. 73. По свидѣтельству Эккаріуса, выражавшаго на конгрессахъ мнѣнія Маркса, здѣсь онъ впервые произнесъ въ видѣ рѣчи то, что потомъ, по просьбѣ нѣмецкихъ делегатовъ, онъ изложилъ въ особой статьѣ, сначала появившейся въ англійскомъ „Common Wealt“, а затѣмъ составившей его извѣстную книгу, сыгравшую немаловажную роль въ исторіи марксистской аграрной догмы. Объ этой книгѣ см. ниже.

держится того мнѣнія, что экономическое развитіе сдѣлаетъ переходъ земли и почвы въ государственную собственность общественной необходимостью“ **).

На базельскомъ конгрессѣ всѣ три теченія обособились еще явственнѣе. Прудонистовъ мы оставляемъ въ сторонѣ,—ихъ индивидуалистическая точка зрѣнія защищалась лишь ничтожнымъ меньшинствомъ делегатовъ. Сторонники „абсолютной личной свободы“ они пугали примѣромъ Турціи, что такое страны съ общественной земельной собственностью. Сами коллективисты раскололись на двѣ группы. Въ рѣчахъ однихъ по прежнему центральное мѣсто занимаютъ чисто догматическіе тезисы, въ родѣ того, что „владѣнія землею концентрируются всѣ болѣе и болѣе въ рукахъ небольшого числа лицъ“ **), и что вообще „исторія развивается силой фактовъ и логикой вещей, и она мало обращаетъ вниманія на наши рѣшенія, если они несогласны съ этой силой и этой логикой“ ***). Въ рѣчахъ другихъ, и особенно въ докладѣ де-Папа сквозить уже существенно иная тенденція ****). Здѣсь мы слышимъ больше рѣчи о томъ, что заинтересованные элементы населенія „не будутъ въ состояніи ждать, пока вещи устроятся естественнымъ путемъ“; въ дополненіе объективной „логики вещей“ выдвигается чисто человѣческая субъективная логика: указывается, что прогрессъ идей, прогрессъ умственный настолько опередить матеріальную эволюцію, что для восстановленія соотвѣстствія послѣдняя должна подвинуться сокращеннымъ путемъ. Де-Папъ, видимо довольно скептически отно-

*) Къ сожалѣнію, мы не могли достать официальнаго протокола брюссельскаго конгресса. Всѣ эти протоколы вообще сдѣланы крайне библиографической рѣдкостью, и даже въ парижскомъ Musée Social, въ которомъ мы работали по этому вопросу, не хватаетъ до полной коллекціи какъ разъ одного этого брюссельскаго протокола 1868 г. Судя по изложенію преній въ Брюсселѣ у автора статьи „Die Landfrage auf den Congrèsses der International“, позиціи трехъ теченій здѣсь выяснились такъ.—Прудонисты къ прежнимъ аргументамъ прибавили защиту мелкаго хозяйства, какъ технически не уступающаго по выгоды крупному. Марксисты, устами Экаріуса, заявили „о реакціонныхъ тенденціяхъ мелкой поземельной собственности, которая дѣлаетъ крестьянъ одновременно рабами ростовщика и опорой ростовщическаго общества“. Де-Папъ настаивалъ на коммунализациі земли (Ablösung des Privatbesitzes an Grund und Boden durch die Kommunen) и на товарищеской, артельной ея обработкѣ.

**) Comptes-rendu du IV Congrès int. tenu a Bâle, 1869, рѣчь Bruhin'a, p. 82.

***) Ibid., рѣчь Becker'a, p. 82.

****) Rapport de la section Bruxelloise, compe-rendu etc., pp. 96—108.

сится къ „всеобщему историческому закону“ концентраціи земельной собственности. „Въ странахъ мелкой собственности дѣлежъ имущества при наслѣдованіи дробить почву на все болѣе и болѣе мелкія парцеллы... Но въ то же время неудобство этого парцелированія приведетъ, въ концѣ концовъ, крестьянъ-собственниковъ къ культурѣ ассоціаціями и объединенію этихъ парцеллъ, а затѣмъ, быть можетъ, къ солидаризованію самихъ этихъ коопераций между собою и къ соединенію находящейся въ ихъ рукахъ обрабатываемой площади въ совмѣстное владѣніе“ *). Такимъ образомъ, высказываясь въ принципѣ за коллективный принципъ и за націонализацию земли, де-Папъ и товарищи находили, что общество должно передать занятіе землей или индивидуальнымъ земледѣльцамъ, или, предпочтительнѣе, агрикультурнымъ ассоціаціямъ, платящимъ ренту государству. Позднѣе, въ своемъ извѣстномъ докладѣ „De l'organisation des services publics etc.“, де-Папъ высказывалъ даже ту мысль, что во многихъ государствахъ можетъ—по крайней мѣрѣ на первое время—быть болѣе практичной не націонализация земли, а переходъ ея въ собственность сельскихъ общинъ **). Какъ видитъ читатель, здѣсь въ эмбриональномъ видѣ, въ недостаточно еще яркихъ и опредѣленныхъ очертаніяхъ набрасывается совершенно иная схема эволюціи сельскаго хозяйства. Ея существенными рычагами признаются кооперация и община. Взгляды де-Папа крайне напоминаютъ воззрѣнія нашего Н. Г. Чернышевскаго, отличаясь отъ нихъ значительной примѣсью прудонизма.

Характерно, что и догматическіе марксисты въ это время еще не рисковали выводить всѣ логическія послѣдствія изъ своей точки зрѣнія. Они не приглашали радоваться успѣхамъ капитализма и ждать, пока сельское хозяйство будетъ организовано въ общественныхъ размѣрахъ тѣми немногими „предпринимателями“, которые

*) Ibid., p. 97.

**) Compte-rendu officiel du VII congrès général de l'ass. des trav. tenu à Bruxelles du 7 au 17 sept. 1874, Verviers 1874, p. 126. Здѣсь же де-Папъ высказался въ томъ смыслѣ, что въ различныхъ странахъ, сообразно различію мѣстныхъ условий, могутъ быть избраны разные пути. По всему этому ясно видно, насколько поверхностно и невѣрно объявляетъ Коншtedтъ де-Папа „однимъ изъ вождей марксистовъ“ („Die Agrarfrage etc., S. 82). Гораздо проницательнѣе ортодоксальный авторъ статьи въ „Die Neue Zeit“ („Die Landfrage auf den Kongressen d. Internationale“), отдѣляющій де-Папа отъ марксистовъ, а потому, разумѣется, объявляющій его „эклетикумъ“.

должны побить путемъ конкуренціи остальныхъ. Не рѣдко сбиваясь на практикѣ на предыдущую точку зрѣнія, они вносили въ рѣшеніе, предлагаемое де-Папомъ, лишь сравнительно незначительную поправку. Именно, имъ казалось слишкомъ большой уступкой принципу индивидуализма передача обществомъ земли въ пользованіе единичныхъ производителей или агрикультурныхъ коопераций; они признавали лишь передачу „солидаризированнымъ общинамъ“ *). Большинство специальной комиссіи по аграрному вопросу высказалось за это послѣднее предложеніе (8 голосовъ противъ 5 за де-Папа); но весь конгрессъ отложилъ рѣшеніе вновь до одного изъ слѣдующихъ конгрессовъ. Какъ извѣстно, однако, затѣмъ наступили въ предѣлахъ ассоціаціи неурядицы, взаимныя распри, которыя, наконецъ, привели къ ея полному разложенію. Аграрный вопросъ такъ и не дождался своего разрѣшенія...

Пренія, происходившія на конгрессахъ „ассоціаціи“ нашли себѣ отголосокъ и въ литературѣ. При этомъ въ первой линіи приходится обратить вниманіе на уже упомянутую въ предыдущей главѣ книгу Эккаріуса.

Портной Эккаріусъ, жившій въ Лондонѣ, какъ одинъ изъ ближайшихъ друзей и учениковъ Маркса, былъ главнымъ представителемъ генеральнаго совѣта ассоціаціи, выступившимъ на конгрессахъ послѣдней, въ качествѣ „porte-parole“ вдохновлявшаго его учителя. Самъ же Марксъ, какъ извѣстно, предпочиталъ отсутствовать и руководить дѣломъ не лично, а черезъ другихъ (онъ былъ только на конгрессѣ въ Гаагѣ, гдѣ произошелъ расколъ ассоціаціи). Книжка Эккаріуса „Опроверженіе рабочаго на экономическое ученіе Д. С. Милля“ („Eines Arbeiters Widerlegung der national-ökonomischen Lehren John Stuart Mill's“, которая можетъ также разсматриваться, какъ чистѣйшее выраженіе тогдашняго марксизма **),

*) Rapport de Rittinghausen, Comptes-rendus du IV congr., 91. По словамъ автора цит. статьи „Die Landfrage etc.“ англійскій делегатъ Lucraft и Либкнехтъ рѣшительно выступили въ принципѣ „für staatliche Organisierung des Grossbetriebs in der Landwirtschaft“. Сомнительно, чтобы „государственная организація крупнаго земледѣлія“ рисовалась имъ самимъ достаточно ясно и конкретно. Стоитъ упомянуть, что тотъ же авторъ, прикрывая прегрѣшенія марксистовъ, совершенно напрасно иронизируетъ, что „солидар. община“ есть, вѣроятно, изобрѣтеніе какого-нибудь химика-полупрудониста.

**) По свидѣтельству Конштедта, „можно считать твердо установленнымъ, что Марксъ по меньшей мѣрѣ прочиталъ все это сочиненіе до его печатанія; какъ далеко шло при этомъ его сотрудничество — вопросъ остается от-

содержить особую главу, посвященную „мелкому крестьянскому хозяйству“. Болѣе, чѣмъ въ теченіе десятилѣтія, по признанію одного изъ сторонниковъ аграрной программы Каутскаго, служила эта книга основой марксистской деревенской агитаціи въ Германіи.

Что же давала эта книга для такого рода агитацій? Прежде всего, она предсказывала крестьянству предстоящее ему уничтоженіе, а крупному сельско-хозяйственному производству—грядущее торжество. „Мелкое крестьянство стоитъ въ такомъ же отношеніи къ современной крупной агрикультурѣ, какъ ручное тканье или пряденье къ машинному“. Поэтому „мелкое крестьянское хозяйство—это агрикультура прошлаго“. Правда, крестьянское хозяйство упорно сопротивляется своей неизбѣжной участи; но, по мнѣнію Эккаріуса, главнымъ средствомъ для этого служить страшное, сверхчеловѣческое отягощеніе себя работой и столь же ужасный „подъ-человѣческій“ образъ жизни, т. е. добровольныя лишенія и урѣзыванія себя въ самомъ необходимомъ. Такимъ образомъ, еще Эккаріусъ пустилъ въ обиходъ это упрощенное объясненіе жизнеспособности крестьянскаго хозяйства—объясненіе, которымъ до сихъ поръ питается, которое до сихъ поръ пережевываетъ К. Каутскій. Тотъ же Эккаріусъ указываетъ и на ипотечную задолженность, какъ на скрытую вначалѣ форму экспропріаціи крестьянина медленно, но вѣрно ведущую къ ликвидаціи его хозяйства—конецъ, который въ интересахъ производственнаго прогресса можно лишь привѣтствовать. Но на этомъ онъ не останавливается. Онъ приводитъ еще новый аргументъ въ пользу признанія мелкаго, трудового крестьянскаго хозяйства устарѣлымъ, отжившимъ. Мелкій, трудовой (selbstarbeitende) крестьянинъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, производство для собственного потребленія; наоборотъ, крупный капиталистическій фермеръ производитъ для сбыта. Но вѣдь современныя промышленныя страны выдвигаютъ цѣлые слои городского населенія, нуждающагося въ покупкѣ продуктовъ сельскаго хозяйства;

крытымъ. Впрочемъ, это несущественно; во всякомъ случаѣ, въ этой книгѣ нѣтъ ни одной мысли, которая бы не вышла изъ головы Маркса; вопросъ сводится лишь къ тому, попали ли въ книгу эти мысли косвеннымъ или непосредственнымъ путемъ“. На русскомъ языкѣ сокращенный переводъ этой книги Эккаріуса былъ данъ покойнымъ Н. Зиберомъ въ журналѣ „Слово“. Вопросъ Конштедта разрѣшается компетентнымъ свидѣтельствомъ автора статьи „Die Landfrage etc“: „Eccarius bei Abfassung der Artikel sich in hohem Grade der Beihilfe von Marx erfreute“.

самопотребительское по преимуществу хозяйство мелкаго крестьянина не можетъ удовлетворить этому спросу; для этого нужна смѣна его крупнымъ капиталистически-фермерскимъ хозяйствомъ. Словомъ, мелкое крестьянское хозяйство несомѣстимо съ современнымъ индустриальнымъ государствомъ. Этотъ аргументъ Эккаріуса нынѣ марксистами (ср. Kohnstaedt) оставлень, ибо очевидны тѣ преувеличенія, на которыхъ онъ основанъ: крестьяне все жъ таки повсюду продаютъ извѣстную часть своего продукта, и въ странахъ съ численнымъ преобладаніемъ крестьянскаго населенія его предложеніе хлѣба, скота и мяса на рынкѣ играетъ даже роль фактора, *понижающаго* цѣны на рынкѣ; да и привозъ хлѣба изъ другихъ странъ нельзя съ такимъ безмятежнымъ спокойствіемъ устранять изъ поля зрѣнія, какъ это дѣлаетъ Эккаріусъ. Само собою разумѣется, что авторъ не забываетъ особенно упомянуть и о socially-политическихъ выгодахъ крупнаго хозяйства въ земледѣліи. „Наемный рабочій далеко опережаетъ своего сотрудника по профессіи—собственника“; онъ привыкъ къ кооперации, тогда какъ крестьянинъ „для этого непригоденъ“ (taugt nicht dazu). „Мелкое крестьянство осуждено и политически, и socially-экономически. Оно нигдѣ не доказало и не могло доказать своей жизнеспособности въ качествѣ надежнаго, идущаго нога въ ногу современника современной индустріи и социального прогресса. Это—пятое колесо въ колесницѣ socially-политическаго развитія, свинцовая тяжесть, которая парализуетъ рабочее движеніе во Франціи, какъ и въ другихъ мѣстахъ континента“. Здѣсь, въ этомъ послѣднемъ практическомъ замѣчаніи, какъ мы ниже увидимъ, все дѣло: *da ist der Hund begraben!* Слабые пункты всей этой аргументаціи указать было бы весьма нетрудно. Но „овчинка не стоитъ выдѣлки“. Ниже намъ еще придется встрѣтиться съ тѣми же аргументами, но въ гораздо болѣе усовершенствованной, отшлифованной формѣ. Тогда мы и сведемъ съ ними наши счеты.

Практическіе выводы Эккаріуса, его абрисъ желательной аграрной политики отличается крайней общностью и неопредѣленностью. Полемизируя противъ Милля, желающаго „превратить рабочаго опять въ крестьянина“, онъ противопоставляетъ этому утвержденіе, что „рабочіе непосредственно заинтересованы подавлять въ зародышъ всякую попытку къ введенію мелкаго крестьянскаго хозяйства“. Эккаріусъ требуетъ передачи въ руки земледѣльческихъ товариществъ всѣхъ необработанныхъ земель, а также земель общин-

ныхъ, церковныхъ, коронныхъ etc., „не въ качествѣ вѣчной собственности, а на основѣ арендныхъ контрактовъ, обеспечивающихъ за обществомъ контроль надъ землею и почвой, какъ источникомъ всѣхъ средствъ существованія“.

Остается неяснымъ, какое же это общество — будущее ли, или современное, буржуазное — должно играть столь почетную роль? Если современное — то пригодно ли оно для этого? Если же будущее — то какова должна быть аграрная политика теперь, пока?

Книжка Эккаріуса вышла въ свѣтъ въ концѣ 1868 г., тотчасъ же послѣ безрезультатныхъ преній брюссельскаго конгресса. Она, такимъ образомъ, предшествовала базельской резолюціи и подготавливала ее. Тотчасъ же вслѣдъ за этой резолюціей вышла интересная брошюра, которая должна была служить популяризацией резолюціи въ деревенскихъ массахъ. Это — „Манифестъ къ земледѣльческому населенію“ Іоганна Беккера, опубликованный отъ имени центрального комитета нѣмецкой секціи „ассоціаціи“ въ Женевѣ (есть русскій переводъ). Брошюра эта съ крайнею прямолинейностью утверждаетъ, что „при существованіи современныхъ условій общежитія, всѣхъ мелкихъ собственниковъ неминуемо ждетъ въ будущемъ лишеніе владѣнія“, ибо „могущество капитала и дальнѣйшее развитіе науки, равно какъ и интересы всего общества, силою самихъ вещей безпощадно и безвозвратно обрекаютъ мелкое участковое хозяйство на вѣрную смерть“. Не стоитъ останавливаться на цифровыхъ данныхъ, которыми Беккеръ пробуетъ подтвердить свои выводы. Эти данныя ниже всякой критики. Характерно, между прочимъ, слѣдующее. Необычайно быстро — данными о продажѣ съ молотка мелкихъ имѣній въ нѣмецкой части Бернскаго кантона, — доказавъ, что „упадокъ среднихъ и мелкихъ хозяйствъ въ этой небольшой благодатной странѣ идетъ не въ арифметической, а въ геометрической (!) прогрессіи“, Беккеръ еще меньшимъ количествомъ данныхъ подтверждаетъ, что во Франціи „недалеко уже то время, когда одна часть сельскаго населенія обречена будетъ на батрачество, а другая увеличить число фабричнаго пролетаріата и городское нищенство“. За этимъ слѣдуетъ болѣе счастливая экскурсія въ Англію. Но вѣдь „манифестъ“ писался для нѣмецкаго земледѣльческаго населенія. Казалось бы, въ немъ прежде всего должно было найтись мѣсто для иллюстраціи общихъ положеній фактами нѣмецкой экономической жизни. Но, вмѣсто этого, мы находимъ чрезвычайно характерную фразу: „если бы мѣсто позволило намъ, мы бы

могли привести массу (!) подобныхъ фактовъ, проявившихся въ Германіи“. Но такъ какъ „мѣсто“ позволило говорить лишь о Бернскомъ кантонѣ, перекочевать во Францію и, переплывъ черезъ Ламаншскій проливъ, побывать въ Англіи, то вмѣсто ожидаемой „массы фактовъ“ изъ германской жизни, мы встрѣчаемъ классически-марксистскую фразу: „но экономическое состояніе Англіи развивается такъ опредѣленно и ясно, что можетъ служить всѣмъ цивилизованнымъ народамъ вѣрнымъ изображеніемъ ожидающей ихъ участи“. Съ этимъ переплывомъ мысли, высказанной Марксомъ, — что промышленно развитая страна показываетъ другимъ лишь картину ихъ собственнаго будущаго—мы встрѣтимся еще не разъ. Съ этой фразой Маркса (изъ предисловія къ I т. „Капитала“) тѣсно связана цѣлая система ортодоксально-марксистскихъ взглядовъ на общеобязательную схему хозяйственнаго развитія для всѣхъ отраслей производства и всѣхъ странъ. Ссылка на эту истину долгое время замѣняла для марксистовъ дѣйствительный анализъ. Индуктивное изслѣдованіе смѣло замѣнялось дедукціей изъ никогда не доказаннаго положенія. Здѣсь, конечно, стоитъ прибавить, что этотъ упрощенный способъ рѣшенія хозяйственныхъ вопросовъ ускользнулъ отъ марксистовъ, какъ скоро практическія соображенія заставили ихъ отвернуться отъ Англіи и перестать признавать ее далѣе за „классическій типъ“ развитія. Но до поры, до времени на ней-то и приходилось выѣзжать.

Интересно теперь поставить вопросъ: какіе же практическіе выводы дѣлаетъ брошюра по отношенію къ крестьянству? Вѣдь она обращается непосредственно къ крестьянству, да еще въ популярной формѣ. А писать въ популярной формѣ—вещь нелегкая, когда у самого въ головѣ недостаточно ясно и опредѣленно. Здѣсь нельзя прибѣгнуть къ такого рода „словамъ“, которыя прикрываютъ „недостатокъ понятій“. Здѣсь не замаскируешь абстрактностью формулы пробѣла въ конкретной опредѣленности представленій. Цитированный нами ортодоксальный авторъ статьи „Die Landfrage etc.“ характеризовалъ марксистское теченіе на конгрессахъ слѣдующимъ образомъ: „не рекомендуя какого-нибудь преждевременнаго вмѣшательства въ смыслъ своего міросозерцанія, оно отвергаетъ всякое соглашеніе съ враждебными современному развитію предразсудками отсталыхъ общественныхъ классовъ, и охотнѣе держится выжидательнаго образа дѣйствій, чѣмъ компрометируетъ свои цѣли“. Конечно, бываютъ такія положенія, что ничего не остается, какъ сидѣть у

моря и ждать погоды (концентраціи поземельной собственности и пролетаризаціи крестьянства). Но интересно знать, что можно выждать для агитаціи среди крестьянъ изъ склонности къ „выжидательному образу дѣйствій“? По существу, какъ мы уже и видѣли, марксизмъ долженъ былъ сбиваться на что-нибудь большее, чѣмъ „выжиданіе“. И едва ли не всего рельефнѣе это сказалось на беккеровскомъ „манифестѣ“. Тамъ предлагается крестьянамъ цѣлый конкретно-разработанный планъ. И, что важно замѣтить, планъ этотъ имѣетъ въ виду не Zukunftsstaat, ибо рѣчь идетъ о положеніи вещей въ настоящее время, „прежде чѣмъ совершится полное преобразование существующаго порядка, что будетъ дѣломъ нѣсколькихъ поколѣній, а потому входитъ въ область исторіи“. Рѣчь идетъ лишь о средствахъ, служащихъ для приближенія къ цѣли,—а потому и предлагаются здѣсь „совѣты, которыхъ *немедленное* исполненіе *теперь* весьма возможно“.

Вотъ эти совѣты:

- 1) Мелкіе собственники каждой общины соединяютъ свои участки, домашній скотъ, хозяйственные постройки, земледѣльческія орудія и рабочія силы для общинной обработки при помощи всѣхъ средствъ, указываемыхъ наукой и техникой, и образуютъ, такимъ образомъ, изъ себя производительную общину.
- 2) Всѣ неимущіе работники, которые теперь занимаются поденщиной или служатъ батраками, становятся равноправными членами общины, и получаютъ наравнѣ съ другими, и согласно установленнымъ правиламъ, изъ общаго производства часть, необходимую для своего существованія.
- 3) Мелкіе собственники до тѣхъ поръ, пока не можетъ быть еще введено болѣе справедливаго распредѣленія общей выручки, получаютъ ежегодное вознагражденіе, пропорціональное капиталу, внесенному ими въ общинное владѣніе, и опредѣляемое комитетомъ нарочно для того избираемымъ всей общиной.
- 4) Весь чистый доходъ будетъ обращенъ въ общественный фондъ, на который каждый членъ общины будетъ имѣть равное право, и для употребленія котораго будутъ установлены особенныя правила.
- 5) Эти земледѣльческія общины вступаютъ въ сношенія, какъ между собой, такъ и съ производительными и потребительными обществами городскихъ рабочихъ и со всѣми прочими рабочими товариществами, и составляютъ тѣсно-организованную федерацію сою-

зовъ для нравственной и матеріальной поддержки на основахъ полной солидарности и для общей борьбы противъ всякаго политическаго и экономическаго гнета.

Мы опускаемъ здѣсь другіе пункты, касающіеся сельско-хозяйственныхъ батраковъ (которые, со своей стороны, должны требовать, съ одной стороны, участія въ прибыляхъ предприятий, въ которыхъ работаютъ, а съ другой—части изъ общественныхъ, государственныхъ или церковныхъ земель, чтобы обрабатывать ее сообща). Для насъ болѣе существенно отмѣтить другую сторону дѣла. Марксизмъ, столь презрительный ко всякимъ „утопіямъ“ и „преждевременнымъ вмѣшательствамъ“ изъ боязни „компрометировать свои цѣли“,—здѣсь оказывается самъ повиннымъ какъ разъ въ томъ, въ чемъ обвинялъ онъ другихъ. „Планъ“ Беккера очень живо напоминаетъ старые проекты „утопистовъ“. Какъ у нихъ, у Беккера его „солидаризированная производительная община“ выскакиваетъ въ готовомъ видѣ, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Какъ у нихъ, у Беккера она ничѣмъ не связана съ предыдущей эволюціей, а спускается на землю, зарождаясь въ видѣ теоретическаго „совѣта“, и въ силу своей внутренней гармоничности, оказывая неотразимо-привлекательное дѣйствіе; „совѣту“, благодаря его разумности, слѣдуютъ, и вотъ—коллективистскій оазисъ создается внутри буржуазнаго строя. Какъ у утопистовъ, у Беккера отсутствуетъ пониманіе, что переходъ отъ индивидуализма къ коллективизму не можетъ быть простымъ и внезапнымъ, и потому предлагать людямъ „коротко и ясно“—„экспроприруй себя въ видахъ общей пользы“—врядъ ли не будетъ пустой затратой времени. Беккеръ стоялъ еще на старой точкѣ зрѣнія, по которой новый хозяйственный строй послѣ диктатуры пролетаріата едва ли не можетъ быть „декретированъ“ въ нѣсколько дней. Современныя оговорки ортодоксіи (см., напр., книгу Каутскаго о коренномъ социальномъ преобразованіи), по которымъ выходитъ, что сознаніе этого строя должно быть разсматриваемо, какъ сложный и длительный процессъ, требующій для своего завершенія, быть можетъ, около полустолѣтія—такія оговорки для него не существовали, и онъ, вмѣстѣ съ большинствомъ своихъ современниковъ, встрѣтилъ бы ихъ, вѣроятно, съ крайней враждебностью, какъ несомнѣнную буржуазную ересь. А потому и переходъ къ ассоціаціи въ земледѣліи представлялся ему столь же прямолинейнымъ, въ видѣ такого же „скачка“, какъ и будущій „скачекъ“ всего общества „изъ царства необходимости въ царство свободы“.

Не въ томъ, конечно, дѣло, что „планъ“ Беккера невѣрно на-
мѣчалъ *направленіе*, въ которомъ можно и должно работать среди
крестьянъ-земледѣльцевъ. Бѣда въ томъ, что „планъ“ этотъ являлся,
какъ что-то оторванное отъ жизни; что Беккеръ и товарищи не
сумѣли въ жизни самого крестьянства найти такихъ пунктовъ, изъ
которыхъ можно было бы перекинуть мостикъ къ идеалу. „Соли-
даризированная община“ ихъ проектовъ не вырабатывалась органи-
чески изъ тенденцій, естественно зарождавшихся въ трудовомъ
земледѣльческомъ хозяйствѣ; она была какимъ-то внѣшнимъ, замкну-
тымъ въ себѣ явленіемъ, не лучше „фаланстера“ Фурье. Всякій пе-
реходъ отъ индивидуализма къ коллективизму требуетъ извѣстной
ломки индивидуальныхъ привычекъ, требуетъ извѣстнаго самоогра-
ниченія, умѣнья приспособляться къ товарищамъ, согласовать свои
дѣйствія и приемы съ ихъ дѣйствіями и приемами; требуетъ извѣст-
ной, довольно широкой „уступчивости“, „уживчивости“, умѣнья от-
стаивать свои интересы, не затрогивая этимъ слишкомъ чувстви-
тельно чужихъ самолюбій, считаясь съ чужими слабостями и по воз-
можности „терпимо“ относясь хотя бы къ тому, что товарищу по
работѣ не всегда удастся во время ихъ подавлять. Всѣ такія „об-
щественныя добродѣтели“ не особенно пышно произрастаютъ въ
атмосферѣ современнаго строя, гдѣ рѣзкій индивидуализмъ и рѣзкій
авторитаризмъ взаимно дополняютъ другъ друга. Поэтому нелѣпо
разсчитывать, будто какой-то умный „совѣтъ“ (да еще къ тому же
совѣтъ человѣка, съ условіями земледѣльческаго производства со-
вершенно незнакомаго) можетъ внушить крестьянину такую колос-
сальную вѣру въ спасительность кооперативнаго труда, что онъ со-
гласится взять, да и „экспроприровать“ себя въ пользу общества“,
перейти сразу къ сліянію имуществъ и отказу отъ права самостоя-
тельнаго распоряженія своимъ хозяйствомъ, на которомъ зиждется
все его существованіе. И, тѣмъ не менѣе, дѣло кооперативнаго
труда, коллективной обработки въ деревнѣ не только не есть дѣло
безнадежное, но, какъ мы это теперь видимъ, крайне быстро разви-
вающееся. Только развивается оно, конечно, не тѣмъ путемъ, о
какомъ мечталъ симплицистъ Беккеръ. Оно именно вырастаетъ изъ
реальныхъ потребностей крестьянской жизни, разрастается путемъ
послѣдовательнаго увеличенія числа предпринимаемыхъ сообща хо-
зяйственныхъ операций; оно идетъ по линіи наименьшаго сопро-
тивленія и наибольшаго результата, начинаясь съ „соціализированія“
такого рода хозяйственныхъ функцій, гдѣ выгоды его стоятъ внѣ

всякаго сомнѣнія для всѣхъ; успѣхъ каждого предыдущаго шага подготавливаетъ почву для послѣдующихъ. Крестьянинъ — практикъ, и дать ему широкой и смѣлый, но совершенно абстрактный, схематическій проектъ, не облеченный въ конкретныя формы, безъ плоти и крови — значитъ показаться ему человѣкомъ совершенно необходимымъ, который смѣло говорить о томъ, о чемъ самъ имѣетъ смутное понятіе; т. е. это значитъ именно „компрометировать свои цѣли“ и „вмѣшиваться преждевременно“... Но „преждевременно“ не потому, чтобы жизнь еще не требовала такого вмѣшательства, а просто потому, что „вмѣшивающійся“ самъ совершенно неподготовленъ къ той задачѣ, которую беретъ на себя, и суется въ воду, не спросивъ броду. И естественно, что получается выводъ, выраженный Гл. Успенскимъ въ краткой формулѣ „не суйся!“

Какъ мы уже видѣли, у Беккера не могло и мысли явиться о томъ, чтобы крестьянское хозяйство могло разсматриваться, какъ нѣчто жизнеспособное, заключающее въ себѣ потенциально опредѣленные тенденции прогрессивнаго развитія, — тенденции, крайнее логическое развитіе которыхъ болѣе или менѣе совпадало бы съ его „планомъ“. Напротивъ, единственной естественной *эволюціей* крестьянскаго хозяйства Беккеръ считалъ его *разложеніе* и *уничтоженіе*. Поэтому съ его стороны было, конечно, чистѣйшимъ утопизмомъ, и весьма наивнымъ утопизмомъ выступать съ той программой, съ которой онъ выступилъ. Естественную и неизбежную — на его взглядъ — эволюцію онъ думалъ замѣнить *проектомъ*, принятіе котораго явилось бы своего рода универсальнымъ спасительнымъ средствомъ для крестьянства. „Нужно вчитаться въ партійные органы того времени, — говорить Коншtedтъ *), — чтобы хотя до нѣкоторой степени понять такую наивность въ аграрной области... Все, что знали эти люди о сельскомъ хозяйствѣ — это, по общему правилу, была I-й томъ „Капитала“ и маленькая книжечка Эккаріуса. За то эти вещи штудировались съ величайшимъ рвеніемъ; въ нихъ каждое слово было откровеніемъ, а всякое противорѣчіе имъ — было или буржуазною ложью, или профессорскою педантической ограниченностью“ (какъ видите, *mutato nomine* совершенно — характеристика нашихъ современныхъ марсистовъ). „Ихъ взоры были неподвижно устремлены на конечную цѣль; ни взгляда направо или

*) Съ анти-ревизионистомъ Коншtedтомъ въ этой оцѣнкѣ сходится и ревизионистъ Эдуардъ Давиль.

налѣво, въ сторону дѣйствительныхъ отношеній“ (это, конечно, не мѣшало имъ, какъ не мѣшаетъ и нашимъ современнымъ марксистамъ, быть твердо убѣжденными, что они, и только они, стоятъ на твердой почвѣ научнаго анализа жизни и безукоризненно-вѣрнаго предвидѣнія будущаго).

Немногія отдѣльные лица, пробовавшія усумниться въ догмѣ концентраціи, выражавшія инія и кое въ чемъ болѣе вѣрныя мнѣнія, не имѣли тогда достаточнаго вліянія. На самыхъ конгрессахъ мы уже видѣли яркій примѣръ этого рода въ лицѣ бельгійца Цезаря де-Папа, къ которому намъ еще придется вернуться. Въ Германіи во время дебатовъ о резолюціяхъ базельскаго конгресса также лишь однажды прозвучалъ голосъ скептицизма по отношенію къ датѣ. Именно, въ томъ же 1869 г. въ газетѣ „Volksstaat“ (партіиный марксистскій органъ) отъ 6-го октября появилась статья извѣстнаго вождя швейцарскихъ рабочихъ въ Цюрихѣ, Германа Грейлиха „Zur Heulmeierei gegen den Baseler Kongress“. Въ этой статьѣ авторъ, между прочимъ, проводитъ мысль, что крайняя концентрація землевладѣнія въ Англіи вызываетъ необходимость экспроприаціи и націонализаціи земельной собственности. Однако, на континентѣ, а особенно въ южной Германіи и Швейцаріи, положеніе дѣлъ существенно иное. „Не такъ легко сказать, какъ будетъ идти дѣло дальше. Однако, нельзя утверждать, что какъ въ Англіи въ теченіе послѣдняго столѣтія, такъ и здѣсь земельная собственность сконцентрируется въ рукахъ немногихъ. Возможно—а вмѣстѣ съ тѣмъ и *желательно*—что крестьяне, при помощи государственнаго кредита, общинныхъ кассъ и товариществъ, болѣе эманципируются отъ капиталистовъ и станутъ больше переходить къ кооперативному (товарищескому) труду, примѣняя сообща машины, дѣлая общія закупки, болѣе прочныя артельныя хозяйственныя сооруженія, пользуясь улучшенными сельско-хозяйственными школами и т. п. Такимъ образомъ, здѣсь будетъ достигнуть тотъ же результатъ, какой будетъ достигнуть и въ Англіи, но инымъ путемъ. Впрочемъ, опредѣлять, это—не наша задача; мы не поставщики системъ, и не торговцы ими въ разность; и взгляды делегатовъ базельскаго конгресса въ этомъ вопросѣ сильно расходились“...

Какъ видите, Грейлихъ самъ чувствуетъ недостатокъ матеріала, чтобы построить вполне опредѣленную систему, а тѣмъ болѣе—обосновать ее. Онъ и отдѣляется ловкой фразой. „Мы—не поставщики системъ“. Характерно отмѣтить и то, что очевидная шат-

кость вѣры Грейлиха въ непосредственно коллективное творчество самого крестьянства заставляетъ его больше напирать на государственную поддержку, что придаетъ его взглядамъ нѣкоторый привкусъ „государственного социализма“. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ на правомъ крылѣ разсматриваемаго теченія, тогда какъ де-Папъ стоитъ на лѣвомъ. Какъ бы то ни было, его взгляды, какъ и взгляды де-Папа, показываютъ, что уже въ нѣдрахъ междunarоднаго общества рабочихъ на ряду съ марксистски-догматическимъ, существовалъ и другой, совершенно отличный отъ него взглядъ на аграрный вопросъ. Только потому, что вопросъ этотъ тогда былъ слишкомъ теоретическимъ,—ибо *практическая дѣятельность* людей того времени ограничивалась городомъ,—два эти взгляда не столкнулись болѣе рѣзко. Они даже не размежевывались, какъ слѣдуетъ, и въ послѣдующемъ мы увидимъ еще не мало эклектического смѣшенія элементовъ того и другого даже у очень крупныхъ представителей марксизма. Ихъ столкновение было еще все въ будущемъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Лассальянцы и эйзенахцы.

Непосредственно къ временамъ „Международнаго Товарищества“ примыкаетъ въ Германіи обсужденіе аграрнаго вопроса у „лассальянцевъ“ и „эйзенахцевъ“. Смутная эпоха междупартийной борьбы между приверженцами Лассалья, главою которыхъ явился фонъ-Швейцеръ, и „марксистами“, основавшими, во главѣ съ Бебелемъ и Либкнехтомъ, новую партію на конгрессѣ въ Эйзенахѣ, мало извѣстна широкой публикѣ. Обычно принято думать, что лассальянцы являлись „не настоящими“ социалистами, а скорѣе довольно сомнительными социаль-реформаторами съ душкомъ прускаго націонализма. Знаменитый проектъ Лассалья „ассоціацій съ государственною помощью“, его маневры въ переговорахъ съ Бисмаркомъ, позднѣйшія метаморфозы Швейцера — все это служить подкрѣпленіемъ этого популярнаго воззрѣнія. Съ другой стороны, имя „марксистовъ“, обычно присвоиваемое эйзенахцамъ, имена Бебеля и Либкнехта, близкія отношенія ихъ съ Марксомъ, большее ихъ тяготѣніе къ принципу „международности“ и вражда ихъ съ лассальянцами еще больше подкрѣпляли это мнѣніе. Однако, его несправедливость теперь слишкомъ очевидна. Уже въ исторіи нѣмецкаго рабочаго движенія, написанной ортодоксомъ Мерингомъ, исправленьцѣлый рядъ ошибочныхъ и несправедливыхъ сужденій относительно лассальянцевъ. Не мало сдѣлалъ въ этомъ отношеніи и Бернштейнъ, издавшій сочиненія Лассалья со своимъ небезынтереснымъ историко-критическимъ предисловіемъ. Съ другой стороны, „эйзенахцы“ оказались далеко не столь „чистыми“ марксистами; оказалось, что они пережили извѣстную эволюцію, не сразу оторвавшую ихъ отъ радикальныхъ демократовъ съ партикуляристскими тенденціями. Коншtedтъ вынужденъ даже заявить, что, по провѣркѣ, „безъ всякаго

сомнѣнія, такъ называемые эйзенахцы въ марксизмъ стояли далеко позади приверженцевъ Лассалья“. Несправедливо рѣзкіе отзывы о нихъ Маркса объясняются, кромѣ его крайняго несочувствія прусскимъ симпатіямъ послѣднихъ, еще и тѣмъ, что Марксъ даже *совершенно не читалъ* органа лассальянцевъ („Der Neue Sozialdemokrat“) и судилъ о немъ лишь по полемическимъ противъ него статьямъ Либкнехта и др.

Какъ всѣмъ хорошо извѣстно, Лассаль мало занимался аграрнымъ вопросомъ теоретически и еще меньше—практически; но, поскольку онъ имъ занимался, мы найдемъ у него ту же аграрно-политич. точку зрѣнія марксизма.

Въ своей франкфуртской рѣчи, напримѣръ, Лассаль самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается за крупное хозяйство, какъ „источникъ національнаго богатства и увеличенія валового сбора съ полей“ и противъ раздробленія земли для надѣленія земледѣльческихъ рабочихъ, ибо парцеллированіе „есть источникъ національнаго обѣднѣнія и уменьшенія сбора хлѣбовъ“. Правда, онъ не отрицаетъ работы среди земледѣльческаго населенія; онъ признаетъ, что „интересы всѣхъ, невладѣющихъ капиталомъ, солидарны“; но тутъ же онъ прибавляетъ, что „земледѣльческій рабочій, даже когда онъ владѣетъ клочкомъ, едва достаточнымъ, чтобы прокормить корову, даже когда онъ вынужденъ обрабатывать этотъ клочекъ всего на всего лишь заступомъ да лопатой—все-таки еще воображаетъ себя „собственникомъ“; онъ еще нерасположенъ къ ассоціаціи, и этого расположенія, этой готовности ему не навяжешь“ *). Наконецъ, аграрнымъ вопросамъ Лассаль занимается еще въ своихъ письмахъ къ Родбертусу **), но тамъ его занимаетъ главнымъ образомъ теорія ренты и общее значеніе ея для конечныхъ выводовъ коллективизма. Лишь мимоходомъ онъ говоритъ о своемъ извѣстномъ планѣ—ассоціаціяхъ на основѣ государственнаго кредита—въ примѣненіи къ земледѣлію. Онъ полагаетъ, что только при учрежденіи такихъ ассоціацій, получающихъ землю отъ *государства*, возможно будетъ ввести поземельный налогъ, отъ котораго были бы свободны участки низшей категоріи (не дающіе ренты), и который

*) „Arbeiterlesebuch“, F. Lassalle's Reden und Schtiffen, hrg. von E. Blum, Leipzig, B. II, S. 124.

**) См. публикуемая Дитцемъ подъ ред. Бернштейна „Documente des Soz.“, 1903, № 4: „Zur Geschichte der soz. Agrartheorien“, гдѣ дается интересная коллекція всѣхъ этихъ мѣстъ въ подлинникѣ.

бы захватывать всю дифференціальную ренту другихъ участковъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, достигалась бы уравни-тельность въ положеніи разныхъ группъ земледѣльцевъ, а съ другой — конфискованная въ пользу государства рента была бы богатымъ источникомъ, дающимъ средства для выполненія культурно-просвѣ-тительныхъ задачъ государства. Лассаль даже заявляетъ въ виду этого, что „ассоціація, перенесенная въ среду сельско-хозяйственныхъ работниковъ, получаетъ значеніе перелома, пролагающаго новые пути, и постепенно должна вести къ окончательному разрѣшенію соціального вопроса, къ общественному состоянію, которое мы провидимъ въ концѣ современной производственной анархіи“.

Возникаетъ, однако, вопросъ: какое же именно „государство“ должно совершить всѣ эти прекрасныя вещи? Государство ли буду-щаго, въ которомъ *трудъ* вступилъ въ свои права и, преодолевъ всякое сопротивление, можетъ свободно налагать свою печать на всѣ жизненныя отношенія? Или современное государство, на кото-ромъ всегда болѣе или менѣе прикрито, болѣе или менѣе откро-венно тяготѣетъ классовая печать господства „златого тельца“, который царитъ надъ всей вселенной? Отсутствіе яснаго отвѣта на этотъ вопросъ всегда придавало лассальянству привкусъ „госу-дарственного социализма“. Лассаль превосходно понималъ, — и пи-салъ въ тѣхъ же письмахъ Робдертусу, — что считать ассоціаціи на основѣ государственнаго кредита „разрѣшеніемъ соціального во-проса“ ему „не позволяетъ его теоретическая совѣсть“; это лишь „практическая переходная мѣра“, а не конечная цѣль. Но *кто* дол-женъ осуществить эту переходную мѣру? Современное ли госу-дарство, подобно тому, какъ оно осуществляетъ мѣропріятія фабрич-наго законодательства? Но не въ слишкомъ ли тогда большую за-висимость отъ бюрократіи поставлена будетъ масса наиболѣе бѣд-наго и темнаго населенія? Не будетъ ли, въ дополненіе къ полити-ческой зависимости, эта экономическая зависимость ихъ отъ го-сударства новымъ орудіемъ ихъ всесторонняго, духовнаго и мате-ріальнаго закрѣпощенія? Не есть ли это, словомъ, выставленіе со-временнаго государства въ роли опекуна-благодѣтеля, вносящее смуту въ умы и отвлекающее въ сторону отъ выдержанно-оппози-ціоннаго къ нему отношенія? Таковы сомнѣнія, вынудившія сторон-никовъ Лассалья все болѣе и болѣе рѣзко отвергать возможность даннаго толкованія. „Товарищества“, въ частности земледѣльческія, и государственный кредитъ, какъ основа ихъ существованія, стали

разсматриваться, какъ одна изъ мѣръ, являющихся приступомъ къ строительству „государства будущаго“—слѣдовательно, послѣ соотвѣтствующаго общеполитическаго катаклизма.

Но тѣмъ самымъ былъ совершенно устраненъ вопросъ—нужны ли ассоціаціи *теперь*, до „второго пришествія“ этого катаклизма? *) Лассаль ухватился за этотъ лозунгъ, какъ за нѣчто *осязательное* и въ то же время *достаточно крупное*, достаточно нарушающее принципы современнаго хозяйства, чтобы на почвѣ этого лозунга вызвать энергичное, активное, боевое и въ то же время широкое движеніе. По замыслу, такимъ образомъ, идея его была весьма интересна; только выполнение ея, какъ мы видѣли, возбуждало цѣлый рядъ законныхъ сомнѣній и не гармонировало съ цѣлью. Позднѣе непосредственные лозунги, ближайшія требованія сдѣлались у наслѣдниковъ Маркса и Лассаля гораздо болѣе „умѣренными и аккуратными“. Создалась даже цѣлая теорія, которая говорила: современный хозяйственный укладъ самъ себѣ роетъ яму; не будемъ ему въ этомъ мѣшать; когда яма будетъ достаточно глубокой, онъ самъ въ нее упадетъ. Тогда исполнится наша программа-*maximum*. Пока же—пока не будемъ ему препятствовать; мы—его наслѣдники; пусть же онъ собираетъ и копить и растить намъ наше наслѣдство. Намъ нужно подумать только о томъ, чтобы наслѣдникъ оказался достойнымъ наслѣдства. Итакъ, ближайшая наша тактика сводится на „защиту духовнаго и физическаго здоровья“ рабочихъ въ рамкахъ буржуазнаго строя. Пока—не трогайте этихъ рамокъ, бережно относитесь къ ихъ эволюціи (иные даже говорили: „содѣйствуйте ей!“). Тактика, соотвѣтствующая программѣ *minimum*, оказывалась, такимъ образомъ, по существу своему *оборонительно-выжидательной* тактикой. Кипучій темпераментъ Лассаля не позволялъ ему придти къ такой постановкѣ вопроса. Ему хотѣлось и для настоящаго времени найти тактику наступательную,—которая бы непосредственно вмѣшивалась въ современныя хозяйственныя отношенія, не шадя ихъ „священныхъ“ основъ. Исканія его были неудачны, въ нихъ онъ такъ же сбился съ пути, какъ и въ политиканскихъ маневрахъ съ Бисмаркомъ. Но нельзя не усмотрѣть въ основѣ этихъ исканій здоровое зерно, позднѣе затерянное его духовными дѣтьми...

*) Мы говоримъ „второго пришествія“, ибо Лассаль насчетъ скорости его наступленія была крайнимъ скептикомъ. Интересно, что онъ въ спорѣ съ Родбертусомъ безъ возраженія ссылается на мнѣніе самого Р., что новый общественный строй наступитъ „лѣтъ черезъ пятьсотъ“.

Какъ бы то ни было, лассальянцы съ грѣхомъ пополамъ справились съ наслѣдіемъ своего учителя. Методъ, которымъ они съ нимъ справились, облегчилъ имъ объединеніе со своими „друго-врагами“, съ близкой по цѣлямъ, но враждебной по старымъ фракціоннымъ счетамъ „эйзенахской“ партіей. Но уже въ эпоху самой ожесточенной братоубійственной борьбы между ними, лассальянцы въ „марксизмѣ“ могли часто перешеголять своихъ соперниковъ. Въ частности, въ аграрномъ вопросѣ лассальянцы проявляли строгую вѣрность марксистской догмѣ. Достаточно ознакомиться съ серіей статей „Der Grundbesitz und die soziale Frage“ въ ихъ партійномъ органѣ *), чтобы убѣдиться въ этомъ. Землевладѣніе уже отчасти собрано, отчасти собирается „въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ“; землевладѣльцы, путемъ ли кредита, путемъ ли превращенія своихъ экономій въ акціонерныя предпріятія (особенно послѣднимъ въ земледѣліи предсказывается блестящее будущее!) открываютъ путь капиталу въ сельское хозяйство; затѣмъ ужъ все идетъ, какъ по писанному: организуется „сельско-хозяйственное крупное производство, которое можетъ стать на ряду съ современной крупной индустріей и вмѣстѣ съ тѣмъ своею конкуренціей изгоняетъ всѣхъ мелкихъ крестьянъ со своего двора, изъ подъ своей кровли“. Совершается цѣлая промышленная революція, „которая вынуждаетъ всѣхъ землевладѣльцевъ всецѣло перейти въ ряды буржуазіи, а всѣхъ крестьянъ—сдѣлаться пролетаріями“. „Итакъ, въ концѣ концовъ, земельные собственники, не имѣющіе капитала, должны будутъ, совершенно такъ же, какъ ремесленники въ городахъ, потерять свое состояніе въ безплодной борьбѣ съ капиталомъ; въ итогѣ землевладѣніе всецѣло попадаетъ въ руки буржуа, имѣющимъ достаточно капитала для крупнаго сельско-хозяйственнаго производства, вооруженнаго машинами“. „Мелкое крестьянство уничтожается существующимъ способомъ производства“. „Наступаетъ моментъ, когда все мелкое крестьянство должно погибнуть“. Съ другой стороны, и заступающіе мѣсто крестьянъ пролетаріи подвергаются, въ свою очередь, той же участи: ихъ заступаютъ машины. Ожидается, что машины вытѣснятъ ни

*) „Der Neue Sozialdemokrat“ 1871 г. (серія состояла изъ тринадцати статей). Эти статьи перепечатаны теперь вновь въ „Dokumente“, № 5, mai 1903 („Agrarisches aus der Lassalleianischen Literatur“). По всей вѣроятности, онѣ принадлежать перу самого редактора газеты, извѣстнаго В. Гассельмана (т. н. „берлинскаго Марата“).

много, ни мало, какъ $\frac{2}{3}$ земледѣльческихъ работниковъ; а между тѣмъ „лѣтъ въ пять“ машинное производство способно завоевать земледѣліе въ любой странѣ. Понятно, что это должно вызвать неимоверную безработицу, кризисъ и—конечный катаклизмъ.

„Кротъ, ты славно роешь!“ Могли бы, такимъ образомъ, смѣло сказать аграрному капитализму авторы этихъ статей, наивно принимая нарисованную ими фантастическую картину за дѣйствительность. Вотъ во что разрѣшились, такимъ образомъ, исканія Лассалья. Его страстная жажда теперь же болѣе крупной и смѣлой общественной борьбы, направленной противъ самыхъ основъ существующаго буржуазнаго режима, у преемниковъ Лассалья находить удовлетвореніе въ... успокоительномъ теоретическомъ предсказаніи быстраго наступленія полной ликвидаціи существующаго хозяйственнаго строя, благодаря внутреннимъ тенденціямъ его собственнаго развитія. Но спрашивается: что же дѣлать пока? Какія выставять въ области земледѣлія, въ деревнѣ, ближайшія, непосредственныя требованія для текущей, повседневной борьбы? Органъ лассальянцевъ ставитъ этотъ вопросъ, и намѣчаетъ очередныя задачи, которыя должны себѣ поставить сельскіе работники „непосредственно въ предѣлахъ современнаго общества“. Для сельско-хозяйственныхъ наемныхъ работниковъ это—борьба путемъ стачекъ за лучшія условія труда и давленіе на законодательство съ цѣлью регулированія рабочаго дня, установленія праздничнаго отдыха и т. п. „Что же касается мелкихъ крестьянъ, то они сильно повредили бы своему собственному дѣлу, если бы не поддерживали эту тактику батраковъ въ крупныхъ имѣніяхъ: вѣдь именно конкуренція этихъ имѣній, благодаря грошевой заработной платѣ, мѣшаетъ крестьянамъ продавать свою жатву по хорошей цѣнѣ, крестьяне, далѣе, должны обязательно соединяться, со своей стороны, въ союзы, чтобы рука объ руку съ сельско-хозяйственными батраками предпринять борьбу противъ крупныхъ землевладѣльцевъ и даже попытаться сьорганизовать планомѣрно продажу своего зерна въ противовѣсъ барышникамъ-хлѣботорговцамъ. Далѣе, передъ крестьянами прежде всего задача—бороться противъ косвенныхъ налоговъ и въ особенности противъ поземельнаго налога, отъ котораго какъ разъ болѣе всего и страдаетъ ихъ сословіе“. Совѣтуя стать такимъ образомъ на твердую почву реальныхъ потребностей крестьянства, авторъ предлагаетъ воспользоваться, для проповѣди обобществленія крестьянской собственности и труда, нѣкоторыми историческими переживаніями крестьянъ, которые, на-

примѣръ, „отлично могутъ вспомнить, что раздѣлъ общинной собственности не улучшилъ, а ухудшилъ ихъ положеніе“.

Такимъ образомъ, нѣкоторая программа текущей борьбы была скомпанована. Разумѣется, направленіе отъ этого сильно выигрывало. Оно уже не оставалось только порывомъ къ „конечной цѣли“, безъ знанія переходныхъ ступеней. Оно становилось на реальную почву и начинало искать способы практически использовать наличныя силы въ текущей борьбѣ, добиться тѣхъ или иныхъ завоеваній уже и до того момента, когда „трудъ“ будетъ достаточно силенъ, чтобы, устранивъ всѣ препятствія, созидать новый міръ „по своему образу и подобию“. Словомъ, на очередь былъ поставленъ вопросъ о „программѣ-минимумѣ“, тактикѣ частичныхъ пріобрѣтеній, достигаемыхъ попутно, въ процессѣ стремленія къ конечной цѣли и утилизируемыхъ въ видахъ скорѣйшаго осуществленія этой послѣдней. Но если методологически лассальянцы поступали правильно, вырабатывая такую практическую программу, то врядъ ли правильно, со своей точки зрѣнія, они опредѣлили конкретное содержаніе этой программы. Крестьянамъ они предлагали объединяться въ хозяйственные союзы, противостать сельскому ростовщичеству, планомѣрно организовать продажу своихъ продуктовъ, бороться съ крупнымъ землевладѣніемъ и т. д. Все это довольно практично, какъ практично и обращеніе къ воспоминаніямъ о выгодахъ общинной собственности. Но вотъ бѣда: аграрная *теорія* лассальянцевъ подкапывалась подъ намѣченную ими *практику*. Ставъ на строго-марксистскую точку зрѣнія въ аграрномъ вопросѣ, они сами подрубали тотъ сукъ, на который собирались сѣсть. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему всѣ эти совѣты крестьянству, разъ теорія доказала полную ихъ неосуществимость? Вѣдь крестьяне неумолимымъ рокомъ обречены на превращеніе въ пролетаріевъ; вѣдь „тщетными“ заранѣе были объявлены всѣ попытки „задержать, остановить процессъ вытѣсненія ихъ крупнымъ буржуазнымъ сельскимъ хозяйствомъ. Конечно, текущая, повседневная борьба—хорошая школа для будущаго, но только тогда, когда въ борьбѣ этой возможенъ хотя бы частичный успѣхъ. Борьба безнадежная, состоящая изъ однихъ пораженій, не воспитываетъ и не можетъ воспитывать въ массахъ ничего, кромѣ моральной пришибленности и унынія. А съ точки зрѣнія аграрной теоріи, принятой лассальянцами, вся эта борьба противъ хлѣбныхъ барышниковъ, крупныхъ землевладѣльцевъ и т. п. не могла сдѣлаться рычагомъ, при помощи котораго былъ бы расчищенъ новый путь для эволюціи

сельскаго хозяйства, вмѣсто старой торной капиталистической дорожки. Вся эта борьба должна была оказаться „тишетной“ и безпомощно разбиться о желѣзный законъ концентраціи и пролетаризаціи. Но тогда для чего же ее совѣтовать? Это была непоследовательность и внутреннее противорѣчіе. Впрочемъ, какъ мы увидимъ дальше, имъ грѣшили не одни лассальянцы.

Въ остальномъ для лассальянцевъ аграрный вопросъ не представлялъ большихъ трудностей. Поскольку имъ пришлось бы пойти къ крестьянамъ (если бы силы ихъ не были всецѣло поглощены исключительно городской работой), они понесли бы къ нимъ прямую, открытую проповѣдь своихъ конечныхъ цѣлей. Въ то самое время, когда резолюціи международныхъ конгрессовъ о поземельной собственности надѣлали большого шума, когда южно-германскіе демократы и прогрессисты повели противъ нихъ ярую агитацію, усиленно стараясь возстановить крестьянъ противъ людей, желающихъ „отобрать“ у нихъ землю—лассальянцы смѣло выступили съ открытымъ забраломъ. Въ специальной статьѣ на жгучую тему о своихъ планахъ въ области земледѣлія они писали: „Организацію сельскаго хозяйства, въ общемъ, можно себѣ представить приблизительно слѣдующимъ образомъ. Вся земля является общественной собственностью. Отдѣльныя села, съ тѣмъ количествомъ прилегающей земли, которое можетъ быть обработано силами населенія села, составляютъ производительныя товарищества. Народное представительство, избранное для верховнаго руководства индустріей и сельскимъ хозяйствомъ, заботится о томъ, чтобы производительныя товарищества—соотвѣтственныя сельскія общины—могли возможно легче и продуктивнѣе вести свое земледѣльческое дѣло, благодаря улучшенію путей сообщенія, доставленію имъ улучшенныхъ машинъ и орудій, химическихъ удобрений и т. п. Всѣ эти сельско-хозяйственные производительныя товарищества находятся въ связи между собою и нѣкоторымъ образомъ составляютъ одну, единую ассоціацію, чтобы отдѣльныя сельскія общины не были обдѣлены сравнительно съ другими—вслѣдствіе ли дурной почвы, или неурожаевъ,—но чтобы между ними доходъ распредѣлялся соотвѣтственно труду. Наконецъ, руководящее народное представительство должно взвѣсить, каково отношеніе ежегодно производимаго количества сельско-хозяйственныхъ и индустріальныхъ продуктовъ другъ къ другу и къ количеству затраченнаго на нихъ труда, чтобы справедливымъ об-

разомъ установить, какова доля различныхъ вѣтвей производительнаго труда въ годовомъ доходѣ“. Совершенно рѣшительно провозглашая свои конечныя desiderata въ аграрной области, лассальянцы, являющіеся лицѣмъ Швейцера, безъ всякихъ колебаній привѣтствовали резолюцію базельскаго конгресса, провозглашавшую, какъ принципъ, обращеніе всей земли въ общественную собственность.

Не такъ просто обстояло дѣло для „эйзенахцевъ“. Когда въ прогрессистско-демократическомъ лагерѣ поднялся шумъ по поводу резолюціи базельскаго конгресса, онъ, видимо, вызвалъ въ рядахъ „эйзенахцевъ“ немалое смущеніе. Либкнехтъ счелъ за самое удобное какъ нибудь обойти этотъ больной вопросъ, по которому, очевидно, не всѣ чувствовали себя твердо даже и въ средѣ его партіи. Поэтому онъ даже прибѣгъ къ слѣдующему заявленію, напечатанному въ тогдашнемъ партійномъ органѣ („Demokratische Wochenblatt“): „Насъ спрашиваютъ: какую позицію занимаетъ социальное-демократическая рабочая партія по отношенію къ базельской резолюціи о поземельной собственности? — Отвѣтъ: никакой; каждый отдѣльный членъ партіи можетъ и долженъ опредѣлить къ ней свою позицію, но партіи, какъ таковой, это вовсе не нужно. Въ то же время она ни съ какой стороны не связана этой резолюціей,—совершенно такъ же, какъ мало связано ею и само международное рабочее товарищество. Вообще резолюція эта, подобно всѣмъ резолюціямъ теоретическаго характера, имѣетъ связующее значеніе лишь для тѣхъ, кто за нее голосовали“.

Въ связи съ этимъ маневромъ стоитъ и уклончивое поведеніе вождей „марксистовъ“ въ другихъ вопросахъ, имѣющихъ связь съ резолюціей. Въ прошлой главѣ мы познакомились съ интереснымъ манифестомъ къ крестьянамъ Беккера. Беккеръ взялся за составленіе этого манифеста вслѣдствіе постановленія эйсенахскаго конгресса „марксистовъ“; за ту же работу должны были взяться Либкнехтъ въ Лейпцигѣ и Обервиндеръ въ Вѣнѣ. Исполнилъ работу только Беккеръ. Но Либкнехтъ, познакомившись съ его манифестомъ, нашелъ его „не подходящимъ для германскихъ условій“, и партія его не опубликовала. Беккеръ долженъ былъ издать его отъ имени жевевскаго центрального комитета секціи Международнаго Рабочаго Товарищества. Въ „Volksstaat“ манифестъ этотъ былъ перепечатанъ лишь много времени спустя, просто въ качествѣ документа,—но и это случилось лишь послѣ долгаго сопротивленія Либкнехта. Манифестъ былъ такъ распространенъ въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ

мѣстностяхъ южной Германіи. Случилось то, чего опасался Либкнехтъ: впечатлѣніе крестьянъ получилось неблагопріятное.

Партійное управленіе эйзенахской партіи вскорѣ рѣшило издать, со своей стороны, манифестъ, который бы являлся комментариемъ къ базельской резолюціи; но по совѣту Либкнехта планъ этотъ былъ оставленъ. Какъ потомъ обнаружилось, Либкнехтъ около того же времени писалъ къ Браке: „французы хорошо знали, что дѣлали, когда на базельскомъ конгрессѣ протестовали противъ голосованія!“

Со своей стороны, лассальянцы нѣсколько злорадствовали, видя затруднительное положеніе и уклончивую тактику своихъ фракціонныхъ противниковъ, и Швейцеръ задѣлывалъ ихъ болъную струну, насмѣшливо говоря объ „эйзенахскихъ полу-соціалистахъ“. Ошибочно, было бы думать, что вожди „эйзенахцевъ“ хотѣли послѣ базельской резолюціи попятиться назадъ. Если они фактически сдѣлали нѣчто въ этомъ родѣ, то это было исключительно стратегическимъ маневромъ. Il faut reculer pour mieux sauter“. Имъ еще нужно было достаточно подготовить идейно значительную часть своихъ приверженцевъ; базельская резолюція захватила ихъ врасплохъ; неизбежность разрыва съ прежними союзниками—прогрессивными демократами—создавала критическое положеніе для партіи. И Бебель, и Либкнехтъ поняли это и въ цѣлой серіи рефератовъ готовили своихъ приверженцевъ, укрѣпляли ихъ идейно на новыхъ позиціяхъ. Изъ такихъ рефератовъ возникли затѣмъ двѣ наиболѣе интересныя программныя брошюры даннаго направленія: „Unsere Ziele“ Бебеля и „Zur Grund-und Bodenfrage“ Либкнехта.

Когда почва была достаточно подготовлена, явилась и первая попытка дать ясную и отчетливую официальную формулировку разрѣшенія аграрнаго вопроса съ точки зрѣнія марксистовъ. Попытка эта была сдѣлана на партейтагѣ въ Штутгартѣ, при чемъ докладчикомъ выступилъ самъ Бебель *). Основные положенія своего реферата Бебель гораздо подробнѣе изложилъ въ „Unsere Ziele“, особой полемической брошюрѣ противъ ожесточенныхъ противниковъ базельской резолюціи, демократовъ, напавшихъ на Бебеля въ своей газетѣ „Demokratische Korrespondenz“ за одинъ изъ его докладовъ о базельскомъ конгрессѣ **).

*) August Bebel, als Referent zur Grund-und Bodenfrage, vom Kongress zu Stuttgart, öff. Sitzung v. 6 Juni 1870. Nachmittag.

**) „Unsere Ziele“. Eine Streitschrift gegen die „Demokratische Korres-

Изъ „Unsere Ziele“ мы узнаемъ, что мелкіе крестьяне, все болѣе и болѣе подавляются и вытѣсняются крупнымъ землевладѣніемъ, подобно тому, какъ мелкіе ремесленники — крупными фабрикантами; крестьянъ уничтожаютъ „тѣ же самыя причины, которыя приводятъ къ гибели мелкое городское бюргерство“. Рационализація хозяйства требуетъ большаго капитала и большей земельной площади, „отсюда и тенденція къ концентрации поземельной собственности, наблюдаемая въ современной агрикультурѣ“ (характерно, что даже удешевленіе продуктовъ сельскаго хозяйства авторъ конструируетъ по аналогіи съ индустріей—изъ рационализаціи производства и веденія его въ крупныхъ размѣрахъ). „Развитіе крестьянскихъ отношеній показало, что парцеллярная собственность въ эпоху паровой машины—ein überwundener Standpunct“, даже болѣе того, „тенденція къ концентрации, свойственная современному способу производства, все болѣе и болѣе уменьшаетъ даже число лэндлордовъ“. Конечно, и здѣсь фигурируетъ примѣръ Англіи, въ которой далеко подвинувшаяся впередъ концентрація поземельной собственности сдѣлала уже возможнымъ якобы „mit einem Federzug“, (однимъ почеркомъ пера) сдѣлать рѣшительный шагъ по направленію къ новой хозяйственной организаціи *) и т. д., и т. д.

Такимъ образомъ, всѣ соображенія экономическаго характера говорятъ за сельско-хозяйственный капитализмъ. Что касается крестьянства, то, повидимому, та же экономическая эволюція сказала объ немъ послѣднее слово. „Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что необходимымъ послѣдствіемъ развитія нашихъ экономическихъ отношеній должно быть увеличеніе плачевнаго положенія низшаго слоя крестьянскаго населенія и постепенное уничтоженіе средняго слоя крестьянства“ **). Авторъ, однако, на этомъ пунктѣ останавливается и дѣлаетъ неожиданный поворотъ. Онъ не только не приглашаетъ „дѣйствовать въ духѣ необходимой экономической тенденціи“, т. е. приспособляться къ ней; онъ считаетъ невозможнымъ даже рекомендовать своимъ товарищамъ политику нейтралитета, „непротивленія“ необходимому злу. Онъ взываетъ къ аргументамъ чисто-экономическаго свойства. Должны ли мы оставаться пассивными зрителями страданій и гибели крестьянства? — спрашиваетъ

pondenz“. Berlin. Въ 1893 году вышло *десятое* изданіе. Теперь только что появился первый русскій переводъ (Одесса, изд. фирмы „Буревѣстникъ“).

*) „Unsere“ Ziele, S. 49.

**) A. B., als Referent etc., „Uns. Z.“, S. 58.

онѣ. — „Должны ли мы предоставить крестьянина его естественной участи гибели? Онѣ такой-же человѣкъ, какъ и всѣ другіе, онѣ имѣть такое-же право на существованіе, какъ богатѣйшіе и сильнѣйшіе міра сего; и онѣ имѣть такое же право, какъ и мы (т. е. какъ индустріальные рабочіе), требовать отъ общества устраненія тѣхъ учреждений, которыя не его руками ссзданы, въ существованіи которыхъ онѣ не повинны, но которыя ему обходятся цѣной его существованія“ *).

Эти общія этическія положенія и служатъ для нашего автора логическимъ исходнымъ пунктомъ для того, чтобы выставить цѣлый рядъ требованій въ пользу крестьянства: уничтоженіе фидеикомиссовъ, церковныхъ и монастырскихъ владѣній, реорганизация государственныхъ доменовъ, распространеніе среди деревенскаго населенія сельско-хозяйственнаго образованія, націонализация земли и сдача ея въ аренду сельско-хозяйственнымъ товариществамъ, по контрактамъ, которые бы обезпечивали рациональную обработку земли и правильное распределеніе продукта совокупнаго труда. Для насъ имѣетъ особенно важное значеніе, что, согласно предложенію референта, штутгартскій партейтагъ объявилъ себя „противъ всякаго превращенія существующихъ государственныхъ и общинныхъ земель въ частную собственность“ **).

Резолюція, принятая на штутгартскомъ конгрессѣ, включаетъ въ себя почти дословно всю резолюцію брюссельскаго международнаго конгресса. Есть, однако, и дополненія, при томъ чрезвычайно характерныя. Во-первыхъ, вставкой является все, что содержитъ практическія требованія въ пользу крестьянства, въ томъ числѣ и протестъ противъ обращенія общинныхъ земель въ частную собственность. Во-вторыхъ, сдѣланы въ общей мотивировкѣ двѣ вставки съ цѣлью подчеркнуть аналогію между сельско-хозяйственной и промышленной эволюціей ***).

*) „Unsere Ziele“, S. 46.

**) „Gegen jede Verwandlung des oben angeführten Staats und Gemeindebesitzes (раньше перечислялись различные виды, въ томъ числѣ Staatsdomänen, Gemeindeländereien etc.) in Privatbesitz“. „U. Z.“, S. 59.

***) Тамъ, гдѣ въ брюссельской резолюціи говорится о введеніи сельско-хозяйственныхъ машинъ и организации рабочей силы, въ штутгартской прибавляется „ähnlich, wie in der modernen Industrie“; кромѣ того, прибавляется цѣлый новый пунктъ: „In Erwägung, dass demgemäss bei dem Ackerbau, wie bei der Grossindustrie, die allmähliche Verdrängung der kleinen und mittleren Eigenthümer durch die Grossgrundbesitzer vor sich geht, etc.“

Еще ярче та же точка зрѣнія „аналогизма“, простого перенесенія на сельское хозяйство истинъ, справедливыхъ въ приложеніи къ индустріи, выступаетъ у другого партійнаго сотоварища Бебеля—въ „Zur Grund-und Bodneftage“ Либкнехта *). Теоретическая аграрная догма марксизма въ этой книжкѣ выступаетъ рельефнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Такъ какъ книжка эта давно вышла изъ продажи и составляетъ теперь относительную библиографическую рѣдкость, то мы позволимъ себѣ остановиться на ея содержаніи нѣсколько подробнѣе и привести изъ нея цѣлый рядъ наиболѣе характерныхъ цитатъ.

По мнѣнію автора, прежде всего, какъ для сельскаго хозяйства, такъ и для индустріи „имѣютъ силу одни и тѣ же экономическіе законы“ (die gleichen ökonomischen Gesetze gelten). Но разъ дѣло обстоитъ такимъ образомъ—а тождество экономическихъ законовъ развитія индустріи и агрикультуры казалось тогда самоочевидной истиной, не требующей доказательства—то всѣ вопросы крайне упрощались. Какъ для социологовъ-органистовъ нужно было обращаться къ фактическому, конкретному изученію явленій общественности лишь за иллюстраціями законовъ и положеній, уже извѣстныхъ заранѣе—такъ и для марксистовъ того времени область агрикультуры была лишь матеріаломъ для иллюстраціи вполнѣ готовыхъ положеній, найденныхъ и доказанныхъ въ другой области—индустріальной. Результатъ изслѣдованія былъ предопредѣленъ „точкою зрѣнія“ и для свободнаго, научно-индуктивнаго изысканія новыхъ истинъ не оставалось мѣста. И вотъ, мы имѣемъ цѣлый рядъ положеній. „Сельско-хозяйственное мелкое производство не можетъ выдержать конкуренціи съ сельско-хозяйственнымъ крупнымъ производствомъ, и точно такъ же (gerade so) должно уступать мѣсто послѣднему, какъ индустріальное мелкое производство—крупному“. Да и вообще „мелкое крестьянство стоитъ въ такомъ же отношеніи къ современной крупной агрикультурѣ, какъ ручное пряденіе и ткачество—къ фабричному, машинному“.

Но разъ исходная точка дана, результаты вытекаютъ съ неотразимою логическою силою. Вытѣсненіе мелкаго парцеллярнаго крестьянства крупнымъ землевладѣніемъ англійскаго типа „есть только во-

*) „Zur Grund- und Bodenfrage“ von Wilhelm Liebknecht, zweite vervollständigte Auflage, Leipzig 1876. Первое изданіе носило другое, болѣе простое заглавіе „Vortrag, gehalten im Saale des Schützenhauses zu Meerane am 12 März 1870“ и вышло изъ печати въ 1873 году.

прось времени“. „Въ сельскомъ хозяйствѣ, не менѣе, чѣмъ въ индустріи, царить нынѣ (!), крупное производство, и разныя палліативныя мѣры такъ же мало могутъ спасти мелкое крестьянство, какъ шульце-деличевскія пилюли — мелкое городское бюргерство. Паровой плугъ произведетъ такой же переворотъ въ земледѣліи, какъ паровой ткацкій станокъ и прядильная машина—въ индустріи: онъ уничтожаетъ мелкое производство“.

На ряду со смѣлыми прорицаніями относительно значенія парового плуга (увы! не оправдавшимися и на половину!), въ этомъ послѣднемъ отрывкѣ всего характернѣе та непоколебимая догматическая вѣра, которая даетъ возможность нашему автору говорить о проблематическомъ будущемъ, какъ о чемъ-то такомъ, что уже существуетъ, что можно видѣть, осязать передъ собою... Либкнехтъ констатируетъ, что крупное производство уже „царить нынѣ“ въ сельскомъ хозяйствѣ, паровой плугъ уже „уничтожаетъ“ мелкое производство. Впрочемъ, таковы ужъ черты всякой догматической вѣры, которая, согласно классическому опредѣленію, есть „увѣренность въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ, и въ чаемомъ и ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ“ „уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ“. По увѣренію автора, далѣе, „многіе крестьяне, наученные горькимъ опытомъ, уже сами видятъ, что не могутъ конкурировать съ крупными экономіями, и даже—что мелкое крестьянское хозяйство безусловно идетъ на встрѣчу гибели *). Въ наше время о возникновеніи свободнаго мелкаго крестьянства можно такъ же мало думать, какъ и о томъ, чтобы „крупныя капиталы раздроблялись на мелкіе, а большія фабрики распадались на мелкія рамесленныя мастерскія. Ходъ экономическаго развитія совершается въ противоположномъ направленіи: не отъ крупной собственности къ мелкой, а наоборотъ, отъ мелкой къ крупной... Путь къ общественно - организованному крупному производству лежитъ черезъ частное крупное землевладѣніе и частное крупное производство **).

Этого еще мало. „Послѣдній результатъ частнаго землевладѣнія и частно-капиталистической продукціи заключается въ концентраціи владѣнія, богатствъ и силы въ однихъ рукахъ. Одинъ лэндлордъ ***),

*) Ibid., S. 117.

**) Ibid., S. 75.

***) Курсивъ, какъ и далѣе, подлинника.

владѣющій всей землей и почвой, всѣми фабриками, монополизирующій все земледѣліе и индустрію, имѣющій въ своемъ услуженіи по найму всѣхъ гражданъ и по собственному благожеланію регулирующій цѣны всѣхъ средствъ существованія и др. товаровъ — вотъ вершина, конечная цѣль, полный идеаль современной капиталистической культуры! Но, къ счастью, положеніе: „*summum jus — summa injuria*“ можно перевернуть и вверхъ ногами — *summa injuria* превращается въ *summum jus*. Доведенная до крайне рѣзкихъ проявленій несправедливость есть мать карающей Немезиды и всеискупляющей справедливости“ *).

Здѣсь передъ нами на лицо всѣ аксессуары догматическаго марксизма, вплоть до гегельянскаго развитія путемъ противорѣчій. Характерно, однако, что разговоръ объ „одномъ лэндлордѣ“ въ книгѣ играетъ большую роль, чѣмъ простое мыслительное *reductio ad absurdum* капиталистическаго режима. Въ качествѣ иллюстраціи здѣсь авторъ въ длиннѣйшемъ подстрочномъ примѣчаніи даетъ свѣдѣнія о нѣкомъ англійскомъ графѣ Фицъ-Вильямѣ, усердно работающемъ въ этомъ смыслѣ (гдѣ-то онъ теперь, этотъ графъ? что это ничего неслышно о немъ, этой надеждѣ марксизма). Для скептиковъ авторъ указываетъ и другой путь концентраціи земледѣлія, тяготящей къ прямой монополіи: возможность хозяйственной коалиціи, синдиката, треста Фицъ-Вильямовъ **). Вообще англійская сельско-хозяйственная эволюція стоитъ все время передъ глазами автора. Приведенная выше условная и осторожная фраза Маркса о возможномъ упрощеніи въ Англіи аграрнаго вопроса, благодаря растущей концентраціи поземельной собственности, разрастается въ рукахъ ослѣпленнаго сторонника въ цѣлую всемірно-историческую теорію общаго хода аграрной эволюціи. „Число земельныхъ собственниковъ въ Англіи годъ отъ году уменьшается... Эту растущую концентрацію земли въ рукахъ немногихъ обычно приписываютъ исключительно майоратамъ и другимъ законамъ, запрещающимъ или сильно затрудняющимъ распаденіе крупныхъ дворянскихъ помѣстій. Было бы глупо отрицать, что упомянутые законы имѣли большое вліяніе на образованіе всѣхъ отношеній собственности и существеннымъ образомъ способствовали тому, чтобы вызвать къ жизни современную англійскую поземельную аристократію; но, съ

*) Ibid., Ss. 75, 76, 77 и 78.

**) Ibid. S. 75, 76, 77, 78, 196.

другой стороны, несомнѣнно и то, что если бы даже этихъ законовъ не существовало, то при необыкновенномъ капиталистическомъ развитіи Англіи все равно воспослѣдовало бы то же поглощеніе крупнымъ землевладѣніемъ — мелкаго“ *). Такъ какъ, однако, въ реальной дѣйствительности не наблюдалось еще нигдѣ въ наше время такого процесса, то автору, очевидно, надо вѣрить на слово...

Правда, во Франціи, повидимому, наблюдается даже совершенно иная тенденція аграрной эволюціи: прогрессирующее дробленіе, парцеллированіе владѣній. Но, по Либкнехту, это парцеллированіе есть не что иное, какъ только своеобразная форма обнищанія и гибели крестьянства; гнетъ задолженности создаетъ надъ нимъ ту же власть капитала, хотя и не въ такой непосредственной формѣ, какъ въ Англіи. Парцеллированіе есть переходное явленіе, оно есть лишь своеобразная форма экспроприаціи мелкаго производителя, и, какъ таковая, лишь расчищаетъ дорогу капиталу. „Das französische Parcellensystem ist ökonomisch ein überwundener Standpunkt“. Въ концѣ концовъ, единственно „въ англійскихъ поземельныхъ отношеніяхъ выражается въ наиболѣе классической формѣ существо современнаго частнаго землевладѣнія“. Напримѣръ, въ Германіи,—говоритъ авторъ,—„въ силу желѣзныхъ законовъ современной общественной организаціи мы неудержимо стремимся на сѣверѣ и востокѣ — къ англійскимъ отношеніямъ, на югѣ и западѣ—скорѣе всего къ французскимъ, а въ послѣднемъ счетѣ одинаково и тамъ, и здѣсь, черезъ стадію поглощенія мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ (если только развитіе во время не будетъ направлено на болѣе здоровый путь) мы идемъ по направленію къ англійскимъ условіямъ“. „Англійскія условія показываютъ намъ на нѣсколько станцій впередъ ту дорогу, по которой идетъ наше развитіе. Что въ Англіи уже существуетъ, то въ Германіи будетъ. Что у насъ—еще незрѣлый плодъ, на которомъ еще висятъ засохшіе остатки недавняго цвѣта, но сердцевина котораго уже раздѣдается гніеніемъ, то тамъ плодъ уже зрѣлый, доразвившійся, съ золотисто-желтою оболочкою, но внутри совершенно сгнившій... Въ Англіи мы созерцаемъ наше будущее“. „Вездѣ одинаковыя явленія, только въ одномъ мѣстѣ — въ болѣе эмбриональной формѣ, въ болѣе расплывчатомъ видѣ, въ другомъ—въ болѣе рѣзкихъ и ясныхъ очертаніяхъ; но повсюду даютъ себя чувствовать тѣ же неумолимые законы: мелкое

*) Ibid., S. 74.

владѣніе поглощается крупнымъ, мелкій собственникъ сталкивается на ступень пролетаріата. Быстрѣе или медленнѣе идетъ процессъ — конечный результатъ одинъ и тотъ же“.

Логически продолжая эту догматическую струю, которая проходитъ черезъ все цитируемое сочиненіе, мы естественно получимъ то самое утрированно-отрицательное отношеніе къ крестьянству, которымъ такъ грѣшилъ всегда современный догматическій марксизмъ. Въ самомъ дѣлѣ, „для господствующаго или стремящагося къ господству современнаго крупнаго производства наемный рабочій составляетъ *необходимость*, а мелкій производитель — какъ въ земледѣліи, такъ и въ индустріи — *препятствіе*, которое должно устранить съ дороги“ *). „Тамъ, гдѣ есть еще относительно благопріятно поставленное крестьянство, — въ силу неотвратимыхъ законовъ современнаго способа производства, въ силу законовъ, гибельное дѣйствіе которыхъ можетъ прекратиться лишь съ уничтоженіемъ ихъ причины, т. е. современнаго способа производства, — это крестьянство подлежитъ гибели. Его смертный приговоръ произнесенъ, а посредствомъ палліативныхъ средствъ въ самомъ крайнемъ случаѣ можно лишь продолжить срокъ его мучительной агоніи... Дѣйствительнаго средства, средства противъ этой гибели нѣтъ. Противъ смерти нѣтъ лѣкарства, — противъ экономической такъ же, какъ и противъ физической. Кто вѣритъ въ жизненный элексиръ, тотъ невѣжда, а кто говоритъ, что обладаетъ имъ, — тотъ шарлатанъ“ **).

Какія же отсюда могутъ вытекать указанія для практической политики въ области аграрныхъ отношеній? Повидимому, прежде всего ждать, пока Фицъ-Вильямы не совершатъ своей исторической миссіи и не подготовятъ историческаго наслѣдства — монополизированнаго и планомѣрно организованнаго сельско-хозяйственнаго производства, которому требовалась бы лишь простая перемѣна формы — содержаніе было бы уже готово. Но какъ ни твердо вѣрилъ тогдашній марксизмъ въ неуклонный и быстрый ходъ этого подготовительнаго стихійнаго процесса, онъ не могъ остановиться на такомъ выводѣ. Улита ѣдетъ, когда-то будетъ, а марксизмъ былъ слишкомъ практиченъ, чтобы удовлетвориться кабинетными выкладками, сомнительными разсчетами на отдаленное будущее и пожертвовать для нихъ настоящимъ. Къ тому же, тогдашній марксизмъ слишкомъ

*) „Ein *Hinderniss*, das aus dem Weg geräumt werden muss“. Ibid., S. 122
 *курсивы подлинника.

**) Ibid., S. 139—140.

вѣрилъ въ себя и думалъ, что осуществленіе самыхъ смѣлыхъ его плановъ и мечтаній далеко не за горами, такъ что ожидать медленнаго, но вѣрнаго дѣйствія „естественныхъ законовъ“, пожалуй что, и некогда. И вотъ почему, переходя отъ теоріи къ практикѣ, мы встрѣчаемъ у автора „Grund-und Bodenfrage“ величайшую непоследовательность, — которая, на нашъ взглядъ, одновременно съ этимъ является и крупнѣйшимъ достоинствомъ книги. Будь она въ этомъ пунктѣ послѣдовательнѣе, она, конечно, была бы хуже...

Не желая ждать пріѣзда Улиты — капиталистической концентрации и даже конечной монополизации сельско-хозяйственного производства, и отыскивая въ реальной дѣйствительности элементъ, на который можно было бы при случаѣ опереться взаимнѣ Фицъ-Вильямовскаго наслѣдства, авторъ натывается на... сельскую общину. Это открытіе производитъ поворотъ въ теченіи его мыслей въ совершенно другую сторону. „Die Gemeinde, das Dorf ist ja eine natürliche Association!“ находитъ онъ *). И въ этомъ положеніи для него уже кроется цѣлое разрѣшеніе вопроса. Для него ясно, что осуществленіе новыхъ формъ производства, благодаря этому, „для земледѣлія еще гораздо легче, чѣмъ для городской индустріи. Я уже сказалъ выше: община, село есть естественная ассоціація — община вообще, а въ особенности сельская община. Это уже отражается въ самомъ словѣ: „община“. Община означаетъ общность, общее, совокупное дѣйствіе, — и дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы дать достаточное расширеніе, развитіе этой общности, перенести ее и на хозяйственную область, отъ которой она оттѣснена культомъ и культивированіемъ частной собственности. Несомнѣнно, что со временемъ противоположность между городомъ и деревней, а также и разрывъ между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ исчезнетъ. Но во всякомъ случаѣ новому хозяйственному принципу придется примѣняться, приспособляться къ существующимъ городамъ и деревнямъ, чтобы въ ихъ рамкахъ воплощать хозяйственные новообразованія. И въ селѣ это гораздо легче, чѣмъ въ городѣ. Безъ значительныхъ трудностей (если исчезнуть извѣстные предразсудки), съ полнымъ сохраненіемъ существующихъ отношеній собственности возможно превращеніе нынѣшнихъ сельскихъ общинъ въ ассоціаціи, къ непосредственной и очевидной выгодѣ всѣхъ сочленовъ. Именно тѣ самые мотивы, которые у всѣхъ народовъ и у самыхъ выдающихся мысли-

*) Ibid, S. 175.

телей заставляли придавать землѣ совершенно особенный характеръ, высоко поднимающій ее надъ другими вещами, являющимися объектами частной собственности: абсолютная невозможность обойтись безъ нея для всѣхъ людей, ея единство и однородность при качественномъ различіи сортовъ почвы, — благопріятствуютъ ассоціаціи и дѣлаютъ ее даже при нынѣшнихъ условіяхъ относительно легкой. Такъ какъ продукты земли непосредственно необходимы для поддержанія самой жизни, то имъ обезпеченъ прочный и постоянный сбытъ, въ то время, какъ продукты индустріи частью подвержены колеблющемуся вліянію моды, частью — опустошительному вліянію торговыхъ и промышленныхъ кризисовъ. Соединеніе отдѣльных участковъ земли, принадлежащихъ отдѣльнымъ владѣльцамъ, въ одно хозяйственное цѣлое представляетъ гораздо меньше затрудненій по самой природѣ земледѣлія, чѣмъ товарищеская организація различныхъ отраслей городской индустріи... Въ различныхъ мѣстахъ уже предпринимались въ этомъ направленіи опыты, и весьма успѣшны. Уже и теперь крестьяне на общественный счетъ приобрѣтаютъ и примѣняютъ земледѣльческія машины и основываютъ ассоціаціи для земледѣльческаго, молочнаго и скотоводческаго хозяйства*. Конечно, прибавляетъ Либкнехтъ, въ этихъ ассоціаціяхъ мы не найдемъ полного воплощенія новаго хозяйственнаго и общественнаго принципа; отдѣльныя ассоціаціи могутъ даже имѣть чисто-консервативныя цѣли. Тѣмъ не менѣе, онѣ „образуютъ естественный переходъ къ чистому типу коллективистскихъ организацій (den natürlichen Uebergang zu ächt soz. Organisationen)“ *).

*) Ibid., Ss. 185—186.

**) Авторъ идетъ настолько далеко въ своихъ уступкахъ, что временное частичное употребленіе наемнаго труда, въ видѣ подспорья къ собственной работѣ, еще не считаетъ обстоятельствомъ, лишающимъ права на имя Arbeiter'a (см. op. c., S. 187). Здѣсь будетъ также не лишнимъ отмѣтить, что на партейтагъ въ Будапештѣ венгерскіе единомышленники нашего автора вовсе рѣшили вычеркнуть изъ своего названія титулъ „Arbeiterpartei“, какъ ведущій къ слишкомъ одностороннимъ толкованіямъ („auch kleingewerbetreibende sollen durch Arbeiterpartei-Titel nicht zurückgeschreckt werden“, Protokoll des Parteitag's etc., S. 16). Все это ужъ, несомнѣнно, черезчуръ. Употребленіе наемнаго труда, какъ средства получить добавочный доходъ (съ этимъ не нужно смѣшивать своеобразныхъ случаевъ найма, имѣющихъ совершенно иную особую хозяйственную сущность, о чемъ будетъ сказано ниже), даже когда это употребленіе совершается въ умѣренныхъ размѣрахъ уже создаетъ промежуточный, переходный типъ къ мелкой буржуазіи. Боязнь же слова „Arbeiter“ является болѣе чѣмъ странной.

Содѣйствовать прогрессивному развитію, идущему въ указанномъ направленіи указаннымъ путемъ — такова, по мнѣнію нашего автора, естественная основа рациональной аграрной политики въ дѣлѣ марксизма. Онъ указываетъ и тѣ мѣры, которыя могло бы принять для этого государство. Бесплатное сельско-хозяйственное низшее образованіе; передача ипотечныхъ долговъ въ собственность государства; меліоративный кредитъ, который бы ставилъ частныя хозяйства подъ непосредственный контроль народнаго государства; учрежденіе образцовыхъ земледѣльческихъ колоній на земляхъ, составляющихъ государственныя имущества; увеличеніе общественной поземельной собственности. За всѣ эти мѣры, по мнѣнію нашего автора, должна горой стоять рабочая партія, ибо она должна представлять не исключительно интересы городскихъ наемныхъ рабочихъ, но интересы всѣхъ, живущихъ не на прибавочную собственность, а на свой собственный трудъ — слѣдовательно, и крестьянъ. А это, какъ онъ говорилъ въ цитированномъ выше мѣстѣ, возможно прежде всего путемъ расширенія общиннаго принципа въ деревнѣ на область сельско-хозяйственнаго производства.

Нѣтъ сомнѣнія, что взгляды, изложенные въ „Grund-und-Bodenfrage“, не составляли исключительнаго достоянія автора этой книги. Въ извѣстной мѣрѣ, — въ какой, мы увидимъ дальше, — они являлись прямымъ отраженіемъ взглядовъ Маркса и Энгельса, съ которыми онъ находился въ большой дружбѣ. Вообще „Grund-und Bodenfrage“ является чрезвычайно типичнымъ явленіемъ въ марксистской литературѣ перваго періода. Оно наиболѣе полно и законченно отражаетъ точку зрѣнія стараго, первоначальнаго марксизма на аграрный вопросъ; и въ немъ всего ярче отражается та двойственность, которая, въ концѣ концовъ, разъядала аграрно-политическія воззрѣнія марксизма.

Въ самомъ дѣлѣ, „Grund-und Bodenfrage“ состоитъ изъ двухъ рѣзко различныхъ частей, проникнутыхъ прямо противоположнымъ духомъ и наталкивающихъ на рѣзко-различныя практическіе выводы. Тотъ, кто прочтетъ первую половину книги и подпишется подъ развиваемыми въ ней взглядами, естественно скажетъ: „прогрессивно все, что разрушаетъ крестьянское хозяйство, что выбрасываетъ за бортъ этотъ историческій балластъ, мѣшающій хозяйственному развитію *). Реакціонно все, что стремится укрѣплять и развивать кре-

*) Съ этой точки зрѣнія нисколько не заслуживаетъ г. Гвоздевъ, усмотрѣвшій прогрессивный элементъ въ „ростощиствѣ-кулацествѣ“ того ироническаго отношенія, которымъ встрѣтили его книгу его же единомышленники.

стьянское хозяйство, а слѣдовательно — тормазить естественный и единственно возможный ходъ развитія“. Наоборотъ, прочитавшій вторую часть книги и согласившійся съ ней скажетъ: „прогрессивно все, что укрѣпляетъ и развиваетъ крестьянское хозяйство, направляя его на путь товарищеской организаціи. Реакціонно все, что разрушаетъ крестьянское хозяйство и мѣшаетъ ему идти по этому пути“. Прочитавшій же всю книгу скорѣе всего скажетъ, что въ ней соединено несоединимое и примирено непримиримое.

Въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ концовъ, рѣчь идетъ о двухъ совершенно различныхъ типахъ аграрной эволюціи. Одинъ — капиталистическій типъ, имѣющій своею вершиною частную монополію, которая по смѣнѣ формы легко превращается въ организованную общественную службу. Другой — типъ некапиталистическій, съ развитіемъ сельско-хозяйственной коопераци и прогрессивной эволюціей сельской общины въ качествѣ этаповъ пути, ведущаго къ тому же самому конечному результату. Конечно, вовсе не необходимо, чтобы все развитіе сельскаго хозяйства въ извѣстной странѣ непременно цѣликомъ уложилось въ рамкахъ одного изъ этихъ путей. То и другое теченіе можетъ идти рядомъ, другъ друга (въ концѣ концовъ, по отношенію къ окончательному результату) дополняя, хотя и борясь въ то же время другъ съ другомъ за преобладаніе. Но старый, первоначальный марксизмъ въ теоріи, какъ мы видѣли, признавалъ историческую необходимость и универсальное значеніе за первымъ изъ указанныхъ путей. Правда, на практикѣ въ то же самое время марксизмъ дѣлалъ рѣзкій поворотъ въ сторону второго; но этимъ въ міросозерцаніе вносились раздвоенность, и теоретическое убѣжденіе въ прогрессивной исторической миссіи лэндлордовъ не могло не подрывать вѣры въ практическую программу защиты торговыхъ крестьянскихъ интересовъ, поддержки сельско-хозяйственныхъ ассоціацій, общины, стремленія къ социализаціи земли и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, если въ земледѣліи не менѣе, чѣмъ въ индустріи, фатально вытѣсненіе мелкаго производства — крупнымъ, капиталистическимъ, если путь къ лучшему будущему необходимо лежитъ черезъ крупное частное землевладѣніе и хозяйство; если гибель крестьянства неизбежна; — то какую же будущность можно предрекать сельско-

Это только мужество мысли, не отступающей передъ логическими выводами какъ бы ни казались они абсурдны, лишь бы только они были въ соотвѣстствіи съ исходной точкой.

хозяйственнымъ ассоціаціямъ или общинѣ? Не будутъ ли всѣ эти эксперименты лишь жалкими попытками „гальванизировать трупъ“? Не будутъ ли они только „длить мучительную агонію“ мелкаго крестьянства, поддерживать его иллюзіи, отвлекать его умъ отъ, горькаго, но трезваго сознанія неизбежности пролетаризаціи? Не помѣшаютъ ли они ему заранѣе проникаться своими будущими, чисто пролетарскими интересами? Не будутъ ли они только поддерживать его фанатическую страсть къ собственности? Словомъ, не будутъ ли они только тормазомъ на пути побѣдной колесницы капитализма, которому остается только сказать: „что дѣлаешь, дѣлай скорѣе“? И не должно ли, наоборотъ, по возможности способствовать скорѣйшему „устраненію съ дороги“ этого тормаза?

Вотъ рядъ вопросовъ, на которые послѣдовательный марксистъ-догматикъ могъ отвѣтить только „да!“ И вотъ почему вся дальнѣйшая исторія аграрно-политическихъ воззрѣній марксизма свелась въ общемъ къ слѣдующему: отмѣченное нами внутреннее логическое противорѣчіе постепенно развивалось въ реальную, внѣшнюю противоположность между двумя крылами марксизма, двумя теченіями въ его средѣ. Одно изъ нихъ приняло (съ небольшими поправками, въ видѣ уступки духу времени) теоретическую часть „Gründ- und Bodenfrage“ и отвергло, какъ совершенно несоотвѣтствующую ей, всю вторую, практическую часть. Другое теченіе, напротивъ; приняло вторую и отвергло первую. Требуя сближенія съ крестьянствомъ (трудовою его частью) и защиты его интересовъ, оно пытается обосновать свою практическую программу на новой, самостоятельно выработанной теоріи сельско-хозяйственной эволюціи, существенной частью которой является *теорія некапиталистической эволюціи земледѣлія*.

Мы прослѣдимъ въ самыхъ общихъ чертахъ ходъ этого идеологическаго процесса въ Германіи, какъ родинѣ марксизма, лишь время отъ времени, гдѣ это необходимо, дополняя свое изложеніе экскурсіями въ другія страны.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Переходное время.

Подъ общей рубрикой „переходнаго времени“ я обозначаю періодъ отъ середины 70-хъ годовъ до франкфуртскаго и бреславльскаго конгрессовъ, на которыхъ обнаружилось рѣзкое различіе между двумя основными теченіями въ аграрномъ вопросѣ. Въ промежуткѣ между этими датами господствовалъ, въ существенномъ и главномъ, полный застой аграрно-политической мысли марксизма. За это время „аналогическій методъ“ сужденія объ аграрной эволюціи успѣлъ приобрѣсти всеобщее распространеніе и популярность. Марксистская догма—та самая, существованіе которой пробуетъ теперь съ героизмомъ отчаянія отрицать г. Плехановъ—успѣла за это время кристаллизироваться и заковать. Это было время ея полного торжества. Она даже постепенно стала приобрѣтать большую закругленность и послѣдовательность, освобождаясь отъ противорѣчивыхъ элементовъ или смягчая ихъ и приспособляя подъ общій тонъ догматической вѣры въ всеспасающую организующую роль крупнаго капитала „во всѣхъ путяхъ его“.

Правда, за этотъ періодъ, охватывающій собою два десятилѣтія, много воды утекло. То и дѣло обнаруживались новыя хозяйственныя явленія, плохо мирившіяся со старыми воззрѣніями. Это былъ цѣлый рядъ испытаній для эластичности догмы. Но послѣдняя въ это время настолько окрѣпла, выработалась въ настолько цѣлостный и упорно-живучій организмъ, что онъ могъ воспринимать множество разнородныхъ элементовъ окружающаго міра, совершенно усваивая, ассимилируя, органически перерабатывая ихъ и отбрасывая остатокъ, не поддающійся усвоенію. Но, такимъ образомъ, видимо побѣждая внѣшнія вліянія, онъ незамѣтно самъ эволюционировалъ подъ ихъ вліяніемъ. Но эволюція эта состояла въ слож-

ныхъ пристройкахъ къ старой концепціи, дѣлавшихъ все болѣе запутаннымъ и искусственнымъ ея строеніе, и, тѣмъ не менѣе, приспособлявшихся къ упорно сохраняемому старому плану.

Съ какими трудностями бывала связана эта работа внутренняго согласованія догмы, покажетъ хотя бы слѣдующій примѣръ.

Мы уже видѣли, что, обращаясь непосредственно къ крестьянству и пробуя практически работать въ деревнѣ, марксисты естественно натыкались на общинное владѣніе землей и на земледѣльческія товарищества, какъ на способы „предметной пропаганды“, какъ на такіе пункты въ жизни деревни, исходя изъ которыхъ можно создать психологическій мостикъ для проведенія новыхъ идей въ умы крестьянъ. Отсюда положительное отношеніе къ земледѣльческимъ коопераціямъ и остаткамъ общинной собственности, отсюда—всевозможные планы (иногда болѣе или менѣе реальные, чаще—совершенно утопическіе) „солидаризированныхъ общинъ“. Отсюда и программы аграрныхъ требованій, сводившіяся къ покровительству и развитію этихъ началъ народной жизни. Но эта аграрно-политическая „практика“ совершенно противорѣчила тѣмъ логическимъ выводамъ, которые сами напрашивались изъ теоріи.

Но теорія росла и укрѣплялась, практика же оставалась въ прежнемъ эмбриональномъ видѣ. Работа въ городахъ поглощала всѣ силы. Она была тутъ же, подъ рукой: рожденный городомъ, марксизмъ не могъ съ самаго начала разбросаться, разойтись по всѣмъ глухимъ уголкамъ, селамъ и весямъ страны, пока еще не была имъ достаточно насыщена подходящая городская атмосфера. Естественно, что основные мотивы будущей деревенской работы оставались едва намѣченными, неразработанными. Это были лишь смутные силуэты практической деревенской политики, очерченные блѣдными контурами. Въ противоположность этому, полная опредѣленность городского индустріальнаго шаблона работы, прочно согласованнаго со всѣмъ теоретическимъ міросозерцаніемъ марксизма, не могла не доставить „догмѣ“ перевѣса и въ практикѣ.

Но какъ же тогда относиться къ земледѣльческимъ товариществамъ, къ общинной собственности и т. п.? Возникло два способа разрѣшенія этого вопроса.

Первый способъ былъ очень простъ. Сохраняя симпатичное положительное къ нимъ отношеніе, можно было заявить, что процессъ буржуазной „обработки“ деревни зашелъ уже такъ далеко, что возможно лишь „идеологическое“ использованіе этихъ началъ

Новыя тенденціи эволюціи настолько сильны, да и само крестьянство, втянутое въ сферу ихъ вліянія, настолько обуржуазилось, что нечего и думать раздуть въ нихъ потухающую искру былого деревенскаго коллективизма. Все это—только *pia desideria*, благія намеренія изъ числа тѣхъ, которыми весь адъ вымощенъ. Можно и должно, пожалуй, жалѣть, что дѣло обстоитъ такимъ образомъ, но съ фактами приходится считаться. Тамъ, гдѣ еще разрушеніе старыхъ „устоевъ“ не стало совершившимся фактомъ, быть можетъ, возможенъ болѣе непосредственный переходъ крестьянъ къ высшимъ формамъ, соотвѣтствующимъ общимъ принципамъ „государства будущаго“; но въ другихъ мѣстахъ единственнымъ путемъ остается „капитализація и пролетаризація“.

Таковъ, напр., ходъ мыслей въ статьѣ извѣстнаго П. Лафарга о „мелкой поземельной собственности во Франціи“ („Neue Zeit“ 1883 г., августъ, № 8). Разсматривая вліяніе великой французской революціи на крестьянство, Лафаргъ особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что, „освободивъ собственность отъ феодальныхъ повинностей и разбивъ всѣ узы, сковывавшія свободное обращеніе сельско-хозяйственныхъ продуктовъ“, революція эта „вовсе не *подарила* крестьянамъ землю, какъ это вѣчно твердятъ либерально-буржуазныя легенды, но только дало крестьянину право свободного распоряженія ею. Крестьянинъ могъ пріобрѣтать землю и, сообразно объему своей мощны, ублаговотворять свою безмѣрную жадность по отношенію къ землѣ, которая сплошь и рядомъ отдастъ его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, въ руки ростовщичества. Но та же самая революція, провозгласившая неприкосновенность собственности поселянина, оторвала его съ семьей отъ земли посредствомъ той системы производства и обмѣна, которая проистекла изъ ея соціально-политическихъ реформъ; оторвала отъ земли и сбросила его ниже уровня городского пролетаріата“. „Въ то же время, какъ крестьянинъ получилъ абсолютное право собственности на свою землю, онъ получилъ себѣ на шею ростовщичество банкира, налоги государства и спекуляціи купечества; онъ разстался, кромѣ того, съ пользованіемъ общинной собственностью, уничтоженія которой такъ горячо требовали въ прошломъ столѣтіи фізіократы и тому подобные „друзья человѣчества...“ Эти общинныя имущества составляли одну изъ главныхъ опоръ мелкаго земледѣльца. Съ ихъ разрушеніемъ у мелкихъ крестьянъ отнималась даже возможность хорошо содержать свой скотъ и посредствомъ

этого обезпечивать себя навозомъ... Единственные пережитки общинныхъ пастбищъ—это придорожныя полосы, на которыхъ порой можно видѣть одѣтое въ лохмотья дитя, ведущее на веревкѣ жалкаго вида коровенку. Гдѣ же еще существуютъ остатки общинной собственности,—они сдаются въ аренду въ пользу общинной кассы, отъ которой получаютъ гораздо больше выгоды богатые крестьяне, чѣмъ бѣдные“.

Такимъ образомъ, по изображенію Лафарга, получилась завидная картина. Она—замѣтимъ мимоходомъ—рисуетъ то состояніе, которое желательно для ближайшаго времени въ социальномъ политическомъ смыслѣ русскимъ марксистамъ, аграрная программа которыхъ поκειται на трехъ китахъ: 1) уничтоженіе остатковъ крепостного строя, 2) полное право свободного распоряженія каждымъ отдѣльнымъ крестьяниномъ его землей, и 3) введеніе деревни въ условія жизни, свойственныя буржуазному режиму...

Получались и психологическіе результаты этого состоянія. „Скряжническія привычки вмѣстѣ съ индивидуалистическими инстинктами, которыя культивировала у французскаго крестьянина мелкая частная собственность и постоянная борьба съ ростовщикомъ и торговцемъ, сдѣлали его неподходящимъ для какихъ бы то ни было формъ кооперации, даже для самыхъ элементарныхъ, какъ товарищества для совмѣстной закупки сѣмянъ, удобрений и орудій. Со стороны нѣкоторыхъ рѣдкихъ друзей крестьянскаго человечества въ качествѣ средства сопротивленія вторженію крупнаго землевладѣнія, проповѣдывалось [крестьянамъ соединеніе ихъ парцеллъ для совмѣстной обработки. Но было бы легче научить пугатусскаго осла говорить стихами, чѣмъ склонить французскихъ крестьянъ къ подобнымъ новшествамъ“.

Общій выводъ статьи, конечно,—неизбѣжность уничтоженія крестьянства, обращеніе его въ пролетаріатъ, развитія на его мѣстѣ крупнаго капиталистическаго земледѣлія. Само собою разумѣется, что такой итогъ „фактическаго изслѣдованія“ даже для классической страны мелкаго землевладѣнія и земледѣлія, Франціи, представлялъ великое торжество догмы. Тѣмъ характернѣе, конечно, тотъ поворотъ въ 180°, который впослѣдствіи былъ продѣланъ Лафаргомъ и его партіей въ крестьянскомъ вопросѣ. Какъ извѣстно, они сами круто перешли въ ряды тѣхъ, кого онъ въ цитированной статьѣ иронически называетъ „рѣдкими друзьями крестьянскаго человечества“. Фактическая исторія сельско-хозяйственной

эволюціи не оправдала предсказаній Лафарга, да и рѣзкій приговоръ его о полной неспособности крестьянъ къ коопераціи оказался преждевременнымъ и крайне преувеличеннымъ, не смотря на дѣйствительно сильное проникновеніе въ деревню индивидуалистическихъ началъ...

Но все это обнаружилось лишь впоследствии. Для своего же времени выводы Лафарга казались неоспоримыми. Однако, и тогда если не во Франціи, то въ другихъ странахъ были факты, съ которыми нельзя было свести теоретическіе счеты по методу Лафарга. Такъ, напримѣръ, авторъ статьи „Die Lage des bäuerlichen Grundbesitzes“ въ № 6 „Neue Zeit“ за 1883 годъ долженъ констатировать, что, напр., въ Швейцаріи „частію осуществленныя съ успѣхомъ сельско-хозяйственныя ассоціаціи“ достигаютъ цѣлаго ряда серьезныхъ результатовъ: 1) закупая сообща необходимые сырые матеріалы, орудія etc., они отнимаютъ у посредника-торговца часть его прибыли въ пользу коллективности, 2) организуя дешевый кредитъ, сохраняютъ крестьянамъ часть того, что доставалось раньше ростовщику, 3) удешевляя стоимость производства, благодаря естественной экономіи при соединенномъ веденіи дѣла, избавляютъ крестьянъ отъ необходимости продавать продукты ниже ихъ индивидуальной стоимости, что случалось вслѣдствіе конкуренціи странъ или хозяйствъ съ болѣе производительнымъ трудомъ. „Товарищеское производство,—заявляетъ авторъ,—это, по моему мнѣнію, единственное, но за то рѣшающее (durchschlagende) средство улучшенія положенія нашего мелко-крестьянскаго населенія“. Какъ же, спрашивается, примирить это съ догмой капитализаціи и пролетаризаціи? Какъ будто трудно... Но „ищите и обрящите“. Нашъ авторъ обрѣтаетъ слѣдующее рѣшеніе вопроса. Во-первыхъ, распространеніе товариществъ и развитіе ихъ функцій довело бы до minimum'a прежнюю полную самостоятельность каждаго отдѣльнаго хозяина. „Достающаяся ему часть предпринимательской прибыли, его скромная часть въ чистомъ доходѣ товарищества, конечно, недостаточна, чтобы сдѣлать изъ него рентьера; онъ дѣлается наемнымъ рабочимъ...“ Почему же наемнымъ рабочимъ? И чѣмъ? Всего товарищества, т. е. всей совокупности такихъ же наемныхъ рабочихъ? Эти вопросы не останавливаютъ нашего автора. Разъ членъ ассоціаціи не рентьеръ и болѣе не самодовлѣющій индивидуальный предприниматель—куда же его зачислить, какъ не въ наемные рабочіе? Чтобы подкрѣпить, однако, свое положеніе хоть чѣмъ-ни-

будь, авторъ разсуждаетъ, что, къ тому же, въ случаѣ болѣзни членъ товарищества можетъ продать свой пай или, въ случаѣ раздѣла его по наслѣдству между многими дѣтьми, свести до самаго крайняго minimum'a. Ну, какъ же не наемный рабочий?

Этого удивительнаго доказательства автору еще мало. Не только этимъ путемъ, по его мнѣнію, кооперація является звеномъ на пути къ пролетаризаціи. „Выгода, которую доставляетъ товарищество, состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что она при производствѣ экономизируетъ трудъ. Такимъ образомъ, рабочія силы сберегаются и дѣлаются излишними. Сдѣлавшись излишними, онѣ выносятся на индустріальный рабочій рынокъ, и тамъ должны понижать заработную плату. Прибыль предпринимателей увеличивается—пролетаріатъ растеть!“

Способъ доказательства поистинѣ безпримѣрный! Догма торжествуетъ! Одна бѣда: авторъ нарушалъ для этого торжества элементарнѣйшія правила логики и элементарнѣйшія истины сельско-хозяйственной экономіи. Конечно, кооперація „сберегаетъ силы“; но что это значить? Это значить, что меньшей затраты труда стоитъ *единица продукта*; но это вовсе не значить, что меньшее количество труда приходится на обработку одного и того же клочка земли. Напротивъ, является общеизвѣстной истиной, что кооперація помогаетъ крестьянамъ перейти къ болѣе интенсивнымъ системамъ, а большая интенсивность означаетъ большую затрату труда и капитала на единицу пространства. Поэтому увеличеніе интенсивности крестьянскаго хозяйства, опирающееся на развитіе сельско-хозяйственныхъ коопераций, означаетъ увеличеніе емкости территоріи по отношенію къ народонаселенію. Экстенсивнымъ системамъ соотвѣтствуетъ разрѣженное сельское населеніе, интенсивнымъ—густое. Именно первобытная осталость и нищета крестьянскаго населенія ведутъ за собою превращеніе деревни въ огромный резервуаръ избыточной рабочей арміи, періодически гонять въ города массы бѣдности съ низкимъ уровнемъ потребностей, готовыхъ работать за ломаный грошъ и становиться въ ряды штрейкбрехеровъ. И, съ другой стороны, именно поскольку кооперація повышаетъ уровень благосостоянія деревни, она устраняетъ эту огромную — при иныхъ условіяхъ даже капиталистически-излишнюю—резервную рабочую армію...

Но нашъ авторъ, какъ мы видѣли, храбро шагаетъ черезъ всѣ препятствія, и логическія, и фактическія, чтобы получить въ итогѣ своихъ научно-литературныхъ подвиговъ желанное торжество догмы.

И онъ смѣло заканчиваетъ свою статью словами: „Итакъ, я вижу въ сельскохозяйственномъ товариществѣ подходящее средство, чтобы улучшить матеріальное положеніе современныхъ мелкихъ хозяевъ, или, если угодно, чтобы продолжить ихъ борьбу со смертью; но оно безусловно ведетъ къ уничтоженію мелкой собственности и затѣмъ—численному росту пролетаріата... Эволюція въ условіяхъ мелкой сельской собственности, слѣдовательно, ведетъ — совершенно такъ же, какъ это происходило на нашихъ глазахъ при вымираніи мелкаго ремесла — съ одной стороны, къ концентраціи силы капитала, съ другой — къ росту численности пролетаріата“...

Понятно, что такимъ методомъ, какъ охарактеризованный нѣсколькими примѣрами выше, можно доказать все, что угодно. И точка зрѣнія аналогизма торжествовала, хотя доходя до своего торжества все болѣе и болѣе извилистыми діалектическими путями. Ея полная официальная побѣда въ теоріи и практикѣ партіи была закрѣплена Эрфуртскимъ конгрессомъ, на которомъ былъ законченъ пересмотръ старой партійной программы и составленіе новой, остающейся въ силѣ и до сихъ поръ.

Программа эта начинается словами: „Экономическое развитіе буржуазнаго общества ведетъ съ естественной необходимостью къ гибели мелкаго производства“; далѣе, „средства производства превращаются въ монополію относительно малаго числа капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ“; „рука объ руку съ этимъ монополизированіемъ средствъ производства идетъ вытѣсненіе раздробленныхъ мелкихъ хозяйствъ колоссальными крупными предпріятіями“... Какъ видите, все развитіе хозяйственныхъ отношеній здѣсь охватывается одной общей формулой, которая должна быть одинакова для эволюціи деревни, какъ и города, — аграрныхъ отношеній, какъ и промышленныхъ. Полнота аналогіи усугубляется дальнѣйшими положеніями программы: именно, тамъ заявляется, что, на ряду съ очерченнымъ выше процессомъ, „частная собственность на средства производства, которая нѣкогда была средствомъ обезпечивать производителю продуктъ его труда,—теперь превращается въ средство экспроприировать крестьянъ, ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ“, этихъ представителей „приходящихъ въ упадокъ среднихъ слоевъ общества (versinkenden Mittelschichten)“. Однимъ словомъ, во всей программѣ вы не найдете даже намека на какое либо своеобразіе аграрной эволюціи; напротивъ, въ ней строго проведена идея единства хозяйственной эволюціи, одинаковости ея направленія во всѣхъ от-

расляхъ производства и тождества управляющихъ ими законовъ хозяйственной динамики.

Не менѣе важно отмѣтить, что, зачисляя крестьянъ вмѣстѣ съ мелкими торговцами въ ряды среднихъ слоевъ, программа особенно отчетливо формулируетъ такъ называемую „чисто-пролетарскую“ точку зрѣнія, при чемъ въ устахъ ортодоксальныхъ марксистовъ это означаетъ не что иное, какъ индустріально-пролетарскую *исключительность*... Нечего и говорить, что въ программу ближайшихъ или минимальныхъ требованій партіи не вошло ни одно изъ тѣхъ аграрныхъ требованій, о которыхъ шла рѣчь еще у эйзенахцевъ и лассальянцевъ. Вообще объ аграрной программѣ въ это время и не думали, и не заикались... Почти все предыдущее время, при господствѣ исключительнаго закона, работа въ деревнѣ была почти невозможна. А въ то же время городскіе успѣхи заставляли сосредоточиться исключительно въ сферѣ вопросовъ индустріально-пролетарскаго быта. Статей—не говоря уже о книгахъ—по аграрному вопросу не появлялось, за исключеніемъ весьма немногихъ, до нельзя шаблонныхъ и безсодержательныхъ. Вездѣ та же „аналогическая“ точка зрѣнія, вездѣ та же догма капитализаціи и пролетаризаціи, безъ всякихъ новыхъ—да и вообще почти что безъ всякихъ!—аргументовъ. Таковы брошюры „Die soziale Frage auf dem Lande“,—„Die Lage der ländlichen Lohnarbeiter in Preussen“, гдѣ наивно излагается, какъ крупный капиталъ побиваетъ мелкое крестьянство *низкими цѣнами* (!), въ особенности же вторая часть—„Ruine des ländlichen Kleinbetriebs durch die landwirtschaftliche Grossproduction“; „Die deutsche Zuckerindustrie“ Макса Шиппеля; предисловіе къ сокращенному переводу книги Каблукова „Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ Англіи“... Если бы мы считали еще нужнымъ, послѣ всего изложеннаго выше, приводить новыя доказательства существованія той „марксистской догмы“, которую пытается теперь отрицать г. Плехановъ, мы могли бы увеличить число цитатъ до безконечности...

Вообще говоря, характеризуемое нами время—наиболѣе тусклое, переходное, застойное для аграрно-политической мысли марксизма—явилось бы наименѣе благоприятнымъ для выработки аграрной программы. Въ это время даже болѣе внимательные къ крестьянскимъ нуждамъ и страданіямъ вожди марксизма, какъ Бебель, выражались о крестьянствѣ наиболѣе пренебрежительно. Такъ, въ его книгѣ „Женщина въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ“ мы читаемъ,

что крестьянинъ является тормазомъ культуры („ein kulturhemmendes Element“): „кто любитъ попятный ходъ (Rückwärtseri), потому что находить въ этомъ свою выгоду—тотъ можетъ испытывать удовлетвореніе отъ продолженія существованія этого соціального слоя; прогрессъ же человѣчества ставить условіемъ его исчезновеніе“. Неудивительно, что возникшая въ то время въ предѣлахъ партіи оппозиція такъ называемыхъ „молодыхъ“ (Jungen), ультра-радикаловъ и ультра-марксистовъ (Энгельсъ характеризовалъ ихъ марксизмъ, какъ „марксизмъ въ судорожныхъ корчахъ“—*krampfhaft verzerrte Marxismus*—это даже хуже Бельтовскаго „марксизма въ присядку“!), обвинявшая вождей партіи въ недостаткѣ послѣдовательности, въ эклектизмѣ и т. д., и здѣсь пробовала довести наиболѣе невѣрные исходныя посылки догмы до ихъ логическихъ крайностей. Въ своей деклараціи, послѣ отпаденія отъ партіи (когда они приняли имя „независимыхъ“, *Unabhängige*) они, между прочимъ, писали: „Устраненіе мелкой промышленности и мелкаго крестьянскаго хозяйства мы считаемъ однимъ изъ предварительныхъ условій осуществленія будущаго строя. Хозяйственное развитіе уже справляется съ этимъ, *и мы будемъ стараться только ускорять гибель этихъ элементовъ*. Въ этомъ заключается одинъ изъ важнѣйшихъ отличительныхъ признаковъ, раздѣляющій насъ отъ *оффиціальной* соціаль-демократіи“. Что въ этомъ пунктѣ программы „независимыхъ“ была своеобразная логика, показываетъ уже тотъ фактъ, что русскіе ортодоксальные марксисты то и дѣло сбиваются на эту точку зрѣнія, въ своихъ лозунгахъ „идти рядомъ съ буржуазіей тамъ, гдѣ дѣло касается устраненія старыхъ докапиталистическихъ отношеній“. Впрочемъ, чего въ данномъ вопросѣ не хватаетъ русскимъ ортодоксальнымъ марксистамъ—такъ это прямоты и откровенности „независимыхъ“.

Жизнь, однако, то и дѣло подтачивала то тамъ, то здѣсь разные составные элементы догмы. Отсюда необходимость то и дѣло мелкихъ поправокъ. Казалось, что можно отдѣлаться одними ими. Какъ на примѣръ, укажемъ хотя бы на два крупныхъ пункта (останавливаться на всѣхъ мелочахъ было бы слишкомъ долго и утомительно). Ортодоксальнѣйшій изъ современныхъ марксистовъ, Парвусъ *), долженъ былъ прочно установить полную невѣрность „аналогиче-

*) См. его „Міровой рынокъ и сельско-хозяйственный кризисъ“, имѣющійся уже давно и въ русскомъ переводѣ.

ской“ точки зрѣнія въ одномъ изъ самыхъ существенныхъ и основныхъ пунктовъ. До тѣхъ поръ предполагалось, что въ земледѣліи, какъ и въ индустріи, крупное производство побиваетъ мелкое большей дешевизной массового производства и болѣе низкими цѣнами продуктовъ. Но быющее въ глаза ежедневное и ежечасное свидѣтельство жизни заставило Парвуса признать, что при пониженныхъ цѣнахъ именно и наиболѣе чувствительна для *крупныхъ* хозяевъ конкуренція *мелкихъ* крестьянъ. Пришлось открыто признать, что пониженіе цѣнъ сильно затрагиваетъ крупное производство, чѣмъ мелкое. Причины этого Парвусъ усматриваетъ въ томъ, что мелкій земледѣлецъ легче ограничиваетъ свое личное потребление, чѣмъ его „благородный“ сосѣдъ. Въ этомъ упрощенномъ объясненіи сказывается опять таки недостаточное проникновеніе въ сущность, въ своеобразіе аграрныхъ отношеній. Какъ мы ниже увидимъ, настоящія причины лежатъ гораздо глубже. Но уже и а priori видна недостаточность объясненія Парвуса. Вѣдь конкурентомъ крестьянина является не только „знатный“ помѣщикъ, но и „незнатный“ современный буржуа. Правда, и ему ограничивать свое потребление трудновато. Но вѣдь и въ индустріи крупный предприниматель менѣе способенъ ограничивать свое потребление сравнительно съ мелкимъ ремесленникомъ. Однако, способность послѣдняго голодать не „вывезла“ его въ борьбѣ съ капиталомъ. Ясно, стало быть, что дѣло не только въ этомъ. Но со временъ Эккаріуса марксисты предпочитаютъ всѣмъ другимъ способамъ объясненія живучести крестьянскаго хозяйства—это безобидное для догмы указаніе на способность крестьянина вытягивать изъ себя на работѣ всѣ жилы и урѣзывать до послѣдней крайности свой потребительный бюджетъ. Косность мысли, обнаруживаемая ими при столкновеніи съ новыми фактами жизни, оказывалась поистинѣ изумительной. Даже набредая порой на вѣрную дорогу, они въ заключеніе непременно сворачивали со середины ея на старья, избитыя тропинки.

Для стараго марксиста индустрія не только стояла въ центрѣ міра, но и все окрашивала собою; по ней можно было судить о другихъ отрасляхъ производства; ея законы можно было просто переносить въ другія области. Парвусъ уже нѣсколько видоизмѣняетъ эту позицію. Отказываясь отъ сужденій по аналогіи съ индустріей, онъ только сохраняетъ за ней центральную, опредѣляющую роль. „Нельзя вывести изъ развитія сельскаго хозяйства развитія городовъ; но развитія сельскаго хозяйства, конечно, нельзя

будетъ понять, если не имѣть въ виду развитія городовъ“. Утвержденіе, безспорно, вѣрное. Но вѣдь будетъ не менѣе вѣрно, если мы скажемъ: „нельзя изъ развитія городовъ вывести развитія сельскаго хозяйства; но развитія городовъ, конечно, нельзя будетъ понять, если не имѣть въ виду развитія сельскаго хозяйства“. Діалектикъ Парвусъ проглядѣлъ, что его „тезису“ всегда можетъ быть противопоставленъ такой „антитезисъ“. Оба они покроются синтезисомъ: „нельзя ни изъ развитія городовъ логически выкрутить развитія сельскаго хозяйства, ни обратно; ибо ни того, ни другого нельзя понять отдѣльно, внѣ связи съ другими“. Или, иными словами: „народное хозяйство есть нѣчто цѣлостное, части его связаны между собою неразрывною связью, которую нельзя терять изъ виду, какой бы элементъ этого хозяйства мы ни стали разсматривать“. Парвусъ взялъ одну лишь часть этого трюизма, и, забывъ о ея неизбѣжномъ дополненіи, вообразилъ, что сдѣлалъ какое-то открытіе о большей „фундаментальности“, „первичности“ индустріи. Эта забавная аберрація, однако, оказалась живуча. Впослѣдствіи Каутскій положилъ ее въ основу цѣлой теоріи, которая знаменовала собою полный и окончательный переходъ аграрной догмы марксизма въ новую фазу: отъ злосключеній по аналогіи съ индустріей къ удержанію за послѣдней лишь болѣе первичной, центральной опредѣляющей роли, отъ „индустріо-морфизма“ къ „индустріо-центризму“.

Другую характерную поправку мы находимъ у Бебеля. Въ первыхъ изданіяхъ своей „Женщины“ онъ горячо полемизировалъ противъ взгляда, что въ настоящее (1883 г.) время происходитъ увеличеніе мелкаго сельско-хозяйственнаго производства. Съ полной категоричностью онъ отрицалъ возможность этого факта, иронизируя надъ защитниками даннаго взгляда. По его мнѣнію, именно чрезмѣрное парцеллированіе мелкихъ крестьянскихъ владѣній, ведущее ихъ на смарку и создаетъ ложную видимость численнаго „роста“. Такъ пыталась догма справиться съ фактами. Но увы! Непокорная дѣйствительность переупрямила догму. Перепись 1895 г. показала, что увеличеніе относится какъ разъ ко всѣмъ категоріямъ хозяйствъ отъ 5-ти гектаровъ; и какъ разъ мельчайшія парцеллярныя владѣнія оказались уменьшившимися въ числѣ. Приходилось отказываться отъ единственно возможнаго согласованія съ догмой и вычеркивать въ послѣдующихъ изданіяхъ все это мѣсто...

Здѣсь будетъ у мѣста припомнить слѣдующее обстоятельство-

Въ основу принятой въ Эрфуртѣ официальной программы легъ проектъ, представленный редакціей журнала „Neue Zeit“, т. е. собственно проектъ Карла Каутскаго. Въ немъ—а также въ вышедшей затѣмъ интересной книгѣ его, „Das Erfurterprogramm“, являющейся комментариемъ къ ней—въ этой квинтѣ-эссенціи марсистской „науки“—по собственнымъ словамъ Каутскаго, „красной нитью“ проходитъ идея о полномъ уничтоженіи мелкаго хозяйства*. Любопытно, однако, что среди другихъ представленныхъ эрфуртскому партейтагу проектовъ былъ одинъ, совершенно чуждый прямолинейнаго взгляда на аграрную эволюцію, какъ аналогично-индустріальной эволюціи процессъ вытѣсненія мелкаго крестьянскаго производства „колоссальными крупными предпріятіями“ и неизбежной пролетаризаціи мелкихъ производителей. Этотъ проектъ (Кампфмейера съ товарищами) болѣе осторожно выражается въ томъ смыслѣ, что капиталъ дѣлаетъ всѣ слои мелкихъ крестьянъ и горожанъ „zins-und tributpflichtig“. „Эти слои населенія, подавленные тяжестью ипотекъ, заемныхъ обязательствъ, долговъ,—все болѣе и болѣе теряютъ свою самостоятельность, спускаются до уровня лишь номинальныхъ собственниковъ своихъ средствъ производства, и въ дѣйствительности являются рабами капитала. Такъ происходитъ ежедневно растущая армія экономически-зависимыхъ наемныхъ рабочихъ и *мелкихъ производителей*...“ *)

Нѣтъ сомнѣнія, что такой взглядъ гораздо менѣе противорѣчитъ фактамъ аграрной эволюціи, чѣмъ предыдущій. Но—не говоря уже о томъ, что онъ не получилъ и у Кампфмейера никакого дальнѣйшаго логическаго развитія—партейтагъ совершенно оставилъ въ сторонѣ этотъ проектъ, заключающій, кстати сказать, и въ другихъ пунктахъ нѣкоторые „неправовѣрные“ формулировки, характерныя для будущаго неправовѣрнаго—„бернштейніанца“,—тогда неправовѣрнаго радикала.

Только въ 1894 году идея, робко и неопредѣленно формулированная Кампфмейеромъ, была высказана вполне опредѣленно и рѣшительно. Это было сдѣлано на франкфуртскомъ партейтагѣ извѣстнымъ Георгомъ фонъ-Фольмаромъ, который подвелъ итогъ предыдущимъ мелкимъ поправкамъ и, сводя ихъ воедино, попытался набросать нѣкоторую новую концепцію.

*) См. Protokoll über die Verhandlungen des Parteitagcs zu Erfurt. Berlin 1891, Ss. 16—17 и 20. Нынѣ Кампфмейеръ является однимъ изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ Э. Бернштейна.

„Во всякомъ случаѣ разложеніе средняго и мелкаго хозяйства въ земледѣліи происходитъ въ общемъ, не столько благодаря конкуренціи крупныхъ хозяевъ съ мелкими *внутри* сельско-хозяйственного производства—какъ то наблюдается въ индустріи,—но главнымъ образомъ благодаря вліянію *извне*, исходящему отъ денежнаго капитала“. Таково было одно изъ основныхъ положеній, выдвинутыхъ Фольмаромъ. Общее положеніе сельскаго хозяйства онъ рисовалъ слѣдующими чертами. Нѣтъ сомнѣнія, что въ немъ господствуетъ тяжелый кризисъ. Конкуренція заатлантическихъ странъ, Индіи, Россіи и т. д. бьетъ европейскихъ производителей низкими цѣнами. Задолженность ихъ растетъ, проценты по займамъ нерѣдко поглощаютъ всю чистую прибыль хозяйства. Такъ косвеннымъ путемъ „доходъ сельско-хозяйственного производства все болѣе переходитъ въ руки эксплуататоровъ, а тотъ, кто обрабатываетъ землю, спускается, въ сущности, на уровень простого управляющаго, приказчика, передающаго прибыль своему господину—капиталисту, да къ тому же еще несущаго исключительно на себѣ весь рискъ, связанный съ предпріятіемъ“. Господствовавшая раньше теорія оправдалась на фактахъ дѣйствительности постольку, поскольку она предвидѣла ухудшеніе положенія народа при растущей эксплуатаціи капиталомъ. „Но въ остальныхъ отношеніяхъ развитіе происходило не такъ, какъ это предсказывалось людьми нашего направленія, которые принимали за необходимый фактъ быстрое поглощеніе мелкихъ хозяйственныхъ единицъ крупными, рациональное хозяйство которыхъ должно было, по ихъ мнѣнію, пріобрѣсти доминирующее значеніе“. Если сейчасъ въ извѣстныхъ областяхъ Германіи замѣчается ростъ крупнаго землевладѣнія, то это относится къ дворянскимъ имѣніямъ, связаннымъ фидеикомиссами, такъ что причины такого явленія не имѣютъ ничего общаго съ внутренней силой превосходства капиталистическаго сельскаго хозяйства. Задолженность не ограничивается мелкимъ, крестьянскимъ хозяйствомъ, но еще въ большей степени тяготѣетъ на помѣщикахъ. Когда-то возлагались очень большія надежды на переворотъ въ сельскомъ хозяйствѣ, который долженъ произвести паровой плугъ (Фольмаръ, очевидно, имѣетъ въ виду цитированныя нами въ предыдущей главѣ смѣлыя пророчества „Grund-und Bodenfrage“), но и они не оправдались. Намъ указываютъ иногда на колоссальныя bonanza-farms Сѣверной Америки; но нельзя поспѣшно обобщать единичныя явленія, самые результаты которыхъ еще

весьма сомнительны. Въ скотоводствѣ, плодоводствѣ, огородничествѣ, производствѣ торговыхъ растений, мелкое производство представляетъ своеобразныя выгоды; интенсификація хозяйства представляетъ тенденцію, до извѣстной степени идущую въ разрѣзъ съ тенденціей расширенія площади землевладѣнія. Сравнительная жизнеспособность, обнаруженная крестьянскимъ хозяйствомъ, находитъ далѣе свое объясненіе въ цѣломъ рядѣ другихъ своеобразныхъ условий: земледѣлецъ производитъ не только товары, но прежде всего продукты, необходимые для его собственного потребленія; въ земледѣліи имѣетъ относительно преобладающую роль живой человѣческой трудъ, а не механическая сила; работа собственной семьи, при болѣе дешевомъ деревенскомъ образѣ жизни, также является сильной опорой мелкаго хозяйства и т. д., и т. д. Самый вопросъ о большихъ или меньшихъ преимуществахъ крупнаго и мелкаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ есть еще вопросъ спорный. Во всякомъ случаѣ ясно слѣдующее: „всякіе заимствованные изъ другихъ областей шаблоны, всякія прямолинейныя аналогіи, всякое чисто-механическое перенесеніе выводовъ, сдѣланныхъ изъ фактовъ индустріи, на сельское хозяйство—абсолютно недопустимо“. „Аграрный вопросъ—вопросъ въ высшей степени сложный; законы хозяйственнаго развитія проявляются здѣсь иначе, чѣмъ въ индустріи; особенный родъ самихъ средствъ производства, играющихъ главную роль въ сельскомъ хозяйствѣ, придаетъ послѣднему особое положеніе, и многое говоритъ за то, что сельское хозяйство вросетъ въ хозяйственную организацію будущаго своимъ собственнымъ, своеобразнымъ путемъ“ *). Эту послѣднюю фразу небезынтересно сопоставить съ указаніями другого марксиста, и вмѣстѣ съ тѣмъ челоѣка деревни, Молькенбура, на партийтагѣ въ Галле; онъ, между прочимъ, рѣшительно заявилъ, что крестьяне отнюдь не обладаютъ „антиколлективистскимъ черепомъ“: напротивъ, уже и сейчасъ можно найти въ деревнѣ довольно часто изрядную дозу практическаго коллективизма: при оросительныхъ работахъ, при примѣненіи машинъ, которыя дѣлаютъ невозможнымъ настоящее мелкое производство, при дѣятельности сельско-хозяйственныхъ товариществъ и т. д. “ **). Здѣсь-то и можетъ быть найденъ опорный пунктъ для дальнѣйшаго развитія.

*) Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages zu Frankfurt a. M. Berlin 1894, Ss. 146—148.

**) Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages zu Halle a. S., Berlin 1890, S. 190.

Такимъ образомъ, впервые была сдѣлана попытка поколебать „марксистскую догму“ въ примѣненіи къ аграрному вопросу. Въ самомъ дѣлѣ, у Фольмара мы видимъ принципиально новую оцѣнку роли сельско-хозяйственного капитализма. Онъ настаиваетъ, что капиталистическое накопленіе въ сельскомъ хозяйствѣ происходитъ главнымъ образомъ не *внутри* сферы производства, а *внѣ* ея. На первый, поверхностный взглядъ это можетъ показаться обстоятельствомъ мало существеннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно, какъ устанавливается господство капитала и какъ идетъ капиталистическое накопленіе? Во всякомъ случаѣ, господство капитализма устанавливается, капиталистическое накопленіе совершается, самостоятельность мелкихъ производителей уничтожается; а если они по имени остаются собственниками и хозяевами, то политической экономіи нѣтъ дѣла до пустыхъ видимостей, до этого „царства тѣней“: она просто отбрасываетъ обманчивую внѣшность и говоритъ, что по существу нынѣшній крестьянинъ есть пролетарій или полу-пролетарій, а нынѣшнее „мелкое производство“ есть замаскированное „царство капитала!“

Такъ ли это? Безразлично ли въ высшемъ политико-экономическомъ смыслѣ прямое и косвенное господство капитала, непосредственная организація имъ производителей *внутри* сферы сельско-хозяйственного производства и косвенная эксплуатація имъ непосредственныхъ производителей *извне*? Безразлично ли то и другое, взятое въ отношеніи къ такъ называемой „исторической миссіи“ капитализма?

Капитализмъ—какъ, впрочемъ, и все въ мірѣ—можно разсматривать, во-первыхъ, съ точки зрѣнія *формы*, и, во-вторыхъ, съ точки зрѣнія *содержанія*. Со стороны *формы* понятіе капитализма включаетъ въ себя лишь слѣдующіе признаки: овеществленный, накопленный трудъ, въ видѣ машинъ, орудій, строеній, денегъ и т. п., отдѣляется отъ живого труда, дифференцируется въ самостоятельную отъ него социальную силу и пріобрѣтаетъ постепенно все большее и большее господство надъ нимъ, всасывая въ себя изъ него въ видѣ прибавочной стоимости все новые и новые соки. Разсматриваемый-же со стороны *содержанія*, капитализмъ есть прежде всего крупная промышленность, вытѣсняющая мелкую; съ этой точки зрѣнія, капитализмъ есть не что иное, какъ одна изъ временныхъ формъ, одна изъ оболочекъ крупнаго производства, основывающагося на обобществленномъ трудѣ, на всестороннемъ развитіи пла-

номѣрно ассоціированныхъ работъ многихъ людей, выведенныхъ изъ первоначальной индивидуальной обособленности. Съ самаго же начала видно, что форма и содержаніе капитализма противорѣчивы. Въ то время, какъ первая есть воплощеніе антиобщественнаго, паразитическаго принципа,—послѣднее, напротивъ, есть столь же непосредственное воплощеніе принципа общности, ассоціаціи силъ. Первая—временна, послѣднее—вѣчно, какъ міръ. Первая можетъ развиваться до поры до времени, послѣднее развивается и будетъ развиваться, мѣняя лишь формы, сбрасывая одну оболочку, замѣняя ее другой, другую третьей, и т. д. „Вѣчная смѣна формъ, вѣчное отверженіе формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ, вслѣдствіе высшаго развитія того же содержанія“—эта соблазнительная гегельянская формула въ высшей степени умѣстна для внѣшней, поверхностной характеристики отношеній содержанія и формы въ процессѣ капиталистическаго развитія.

И то, и другое—и форма, и содержаніе капитализма—развиваются, и чѣмъ болѣе развиваются, тѣмъ болѣе развиваютъ свое внутреннее, непримиримое противорѣчіе. Слѣдовательно, въ томъ и другомъ, повидимому, проявляются два до извѣстной степени самостоятельныхъ, независимыхъ начала, съ особыми тенденціями развитія, которыя могутъ мирно уживаться лишь на извѣстныхъ стадіяхъ,—а на дальнѣйшихъ неминуемо враждебно сталкиваются между собою. Должны быть на лицо извѣстныя условія времени и мѣста, чтобы содержаніе и форма капитализма находились въ относительной гармоніи между собою.

Итакъ, не только нѣтъ никакой логической необходимости, но даже было бы совершенно невѣроятно, чтобы капиталистическая форма и капиталистическое содержаніе развивались совершенно равномерно, чтобы отношеніе между ними во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ оставалось одинаковымъ. Отношеніе это есть функція многихъ переменныхъ, и комбинаціи возможны самыя различныя. Содержаніе можетъ преодолевать и, въ концѣ концовъ, разорвать, сбросить съ себя форму; но и, наоборотъ, форма можетъ подавить, съѣсть содержаніе. Въ ряду переходныхъ комбинацій мыслимъ и идеальный средній случай: при исключительно благоприятныхъ обстоятельствахъ форма можетъ очень долгое время развиваться въ извѣстной гармоніи съ развивающимся содержаніемъ.

Первый крайній случай самъ собою понятенъ: имъ занимается, напримѣръ, Марксъ, когда говоритъ, что „матеріальныя производи-

тельные силы общества на известной ступени развития вступают въ противорѣчiе съ данными производственными отношенiями, въ предѣлахъ которыхъ они вращались“, т. е. перерастаютъ свою старую общественно-экономическую форму. Изъ „формы развитiя общественныхъ производительныхъ силъ“ эта послѣдняя „становится ихъ тормазомъ“; мѣра ея растяжимости, ея способность приспособленiя исчерпывается—и она подъ напоромъ силъ, развившихся въ процессъ броженiя и обостренiя противорѣчiй, лопается, уступая мѣсто новой.

Второй, противоположный случай иллюстрируется выше въ цитатахъ изъ Кампфмейера и Фольмара. Это—тотъ видъ господства капитала, при которомъ непосредственный производитель номинально можетъ даже сохранять свою самостоятельность, не дѣлаться формально пролетарiемъ: иногда достаточно, чтобы онъ только былъ „zins-und tributpflichtig“, когда, напримѣръ, „доходъ сельско-хозяйственнаго производства все болѣе переходитъ въ руки эксплуататоровъ, а тотъ, кто обрабатываетъ землю, спускается, въ сущности, на уровень простого управляющаго, приказчика, передающаго прибыль своему господину-капиталисту, да еще къ тому же несущаго исключительно на себѣ весь рискъ предпрiятiя“.

Этотъ видъ капиталистическаго накопленiя превосходно анализируютъ К. Марксомъ въ III томѣ „Капитала“, въ главѣ о ростовщическомъ капиталѣ. Надо замѣтить, что терминъ „ростовщическiй капиталъ“ Марксъ употребляетъ отнюдь не въ обычномъ вульгарномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ обычное словоупотребленiе не знаетъ рациональнаго принципа для разграниченiя кредита отъ ростовщичества. Марксъ предлагаетъ такой принципъ. Почему, спрашиваетъ онъ, въ старыя времена *ростъ* встрѣчалъ повсюду такое безусловное осужденiе, и почему теперь повсюду звучать восторженные гимны благодѣтельному *кредиту*? Да потому, что современный кредитъ служить предпринимателю для извлеченiя прибавочной стоимости; кредитъ обогащаетъ заемщика, ибо даетъ ему возможность завести капиталистическое предпрiятiе и, такимъ образомъ, *обогащаться* на заемныя деньги, только дѣлясь съ кредиторомъ частью извлекаемыхъ изъ чужого труда барышей. Кредитъ же въ старой формѣ, *ростъ*, ростовщичество былъ ссудой непосредственному производителю или просто человѣку, живущему въ свое удовольствiе; занятыя деньги для того и другого не были средствомъ извлечь откуда-то со стороны прибыль, прибавочную стоимость; платимый за

нихъ процентъ былъ чистымъ убыткомъ заемщика, былъ одной изъ первоначальныхъ формъ извлеченія прибавочной собственности изъ него самого, изъ его собственного труда (или унаслѣдованнаго имущества). Поэтому „капиталь, приносящій проценты, сохраняетъ форму ростовщическаго капитала по отношенію къ лицамъ и классамъ, или въ тѣхъ обстоятельствахъ, гдѣ займы совершаются и могутъ совершаться не въ смыслѣ капиталистическаго способа производства; когда занимаютъ на личныя потребности подъ ручныя залогомъ, въ ломбардахъ; когда потребляемое богатство занимается для мотовства; или когда производитель не есть производитель капиталистическій, а мелкій крестьянинъ *), ремесленникъ и пр., т. е. пока непосредственный производитель остается еще владѣльцемъ условий своего производства“ и т. п. Величина, размѣръ $\%$ не играетъ, такимъ образомъ, при этомъ опредѣляющей роли („Кап.“, III, стр. 494).

Какъ же теперь оцѣниваетъ Марксъ значеніе этого вида накопленія капитала? Въ высшей степени недвусмысленно онъ говоритъ: „Ростовщическій капиталъ обладаетъ *способомъ эксплуатаціи* капитала, не обладая его *способомъ производства*“ **). Т. е., придерживаясь намѣченной выше терминологіи, обладаетъ общою *формою* капитализма, не обладая его *содержаніемъ*. Форма въ этомъ типѣ капиталистическаго присвоенія развилась въ ущербъ сущности, со-держанію, подавила его; а соотвѣтственно этому такъ называемая

*) Послѣ этого читатель свободно можетъ оцѣнить по достоинству все остроуміе К. Каутскаго, который, полемизируя противъ причисленія крестьянства къ рабочему классу (у Фольмара), говоритъ: „Вслѣдствіе своего ипотечнаго долга крестьянинъ *столь же мало* (ebenso wenig) превращается въ пролетарія, какъ превращается въ пролетарія и фабрикантъ, который ведетъ свое предпріятіе въ нанятомъ, а не купленномъ помѣщеніи“... „Онъ тѣмъ не менѣе выполняетъ функціи *предпринимателя*, и въ качествѣ такового стоитъ въ противорѣчій къ пролетаріату, какъ и *фабрикантъ*, который только орудуетъ на заемный капиталъ, которому такимъ образомъ, собственно, не принадлежатъ его средства производства, но который, тѣмъ не менѣе, функционируетъ, какъ промышленный *капиталистъ*, и въ качествѣ такового противостоитъ враждебно пролетаріату“ (Die Agrarfrage, S. 307—308). Каутскій, этотъ ортодоксальнѣйшій изъ марксистовъ, такимъ образомъ, не только не уяснялъ себѣ Марксова различенія между *капиталистическимъ* кредитомъ и *ростовщическимъ* въ широкомъ смыслѣ, но, повидимому, забылъ еще болѣе азбучную истину, что „мелкія средства производства, служащія самому производителю средствами производства и не возрастающія въ своей стоимости посредствомъ прибавленія чужого труда, *вовсе не составляютъ капитала*“ („Кап.“, Т. I, стр. 616).

**) „Кап.“, III, стр. 492.

отрицательныя или разрушительныя стороны капитализма развились на счет *творческихъ, положительныхъ*. Получился тотъ специальный видъ капитализма—именно *капиталистическій паразитизмъ*, — который отмѣчался Энгельсомъ, какъ типически-распространенная форма капитализма въ нѣкоторыхъ отсталыхъ странахъ. Это Марксъ далѣе высказываетъ почти въ тѣхъ же самыхъ терминахъ. Онъ говоритъ далѣе про ростовщичество: „способа производства оно не измѣняетъ, но, какъ паразитъ, присасывается къ нему и приводитъ его въ бѣдственное состояніе. Оно его высасываетъ, лишаетъ его живучести и принуждаетъ воспроизводство совершаться при все болѣе и болѣе ухудшающихся условіяхъ“ *). И въ другомъ мѣстѣ: „Ростовщическій капиталъ, въ такой формѣ, когда онъ фактически присвоиваетъ весь прибавочный трудъ непосредственнаго производителя, не измѣняя способа производства; когда собственность или владѣніе производителемъ условіями труда—и соотвѣственно этому разъединенное мелкое производство—составляетъ существенное положеніе; когда, слѣдовательно, капиталъ не подчиняетъ себѣ трудъ непосредственно и потому не противопоставляется ему въ видѣ промышленнаго капитала, —такой ростовщическій капиталъ приводитъ этотъ способъ производства въ *бѣдственное* состояніе, *ослабляетъ* производительныя силы, вмѣсто того, чтобы *развивать* ихъ, и увѣковѣчиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ такое *плачевное* состояніе, въ которомъ общественныя производительныя силы труда *не развиваются* на счетъ самого рабочаго, какъ въ капиталистическомъ производствѣ“ **),—т. е. опять таки капиталистическая форма развивается на счетъ *содержанія*, отрицательныя стороны капитализма на счетъ творческихъ, положительныхъ.

Въ томъ же III т. „Капитала“ можно найти и другой примѣръ подобнаго же типа капиталистическихъ отношеній. Именно, могутъ существовать отношенія, „въ которыхъ земельная рента, форма землевладѣнія, соотвѣтствующая капиталистическому способу производства, существуетъ *формально*, безъ существованія самаго капиталистическаго способа производства, безъ того, чтобы самъ арендаторъ былъ промышленнымъ капиталистомъ, или чтобы способъ его хозяйничанья былъ капиталистическій. Это происходитъ, напр., въ

*) „Кап.“, III, стр. 419.

**) Ibid., стр. 490—491. Курсивы во всѣхъ цитатахъ отсюда принадлежатъ намъ.

Ирландіи *). Въ среднемъ здѣсь арендаторъ представляетъ мелкаго крестьянина. То, что онъ платитъ землевладѣльцу въ видѣ аренды, не только зачастую поглощаетъ часть его прибыли, т. е. часть его собственного прибавочнаго труда, на которую онъ имѣетъ право, какъ владѣлецъ собственныхъ орудій труда, но также часть нормальной заработной платы, которую бы онъ получилъ при иныхъ условіяхъ за такое же количество труда. Кромѣ того, землевладѣлецъ, который здѣсь ровно ничего не дѣлаетъ для улучшенія почвы, экспроприруетъ его маленькій капиталъ,—который онъ самъ влагаетъ въ землю большей частью своимъ собственнымъ трудомъ,—поступая совершенно такъ, какъ поступилъ бы ростовщикъ при подобныхъ условіяхъ,—только ростовщикъ рискуетъ, по крайней мѣрѣ, при своихъ операціяхъ собственнымъ капиталомъ **). Итакъ, опять *формальное* существованіе капитализма безъ соответствующаго содержанія—„обобществляемаго“ производства.

То же самое можно сказать и про нѣкоторыя болѣе законченныя формы капитализма. Такъ, напримѣръ, когда въ русскихъ помѣщичьихъ экономіяхъ цѣлыхъ губерній, по расчетамъ земскихъ статистиковъ и агрономовъ, около 75% всѣхъ хозяйственныхъ работъ производится крестьянскимъ скотомъ и инвентаремъ, то преобладаніе капиталистической формы надъ содержаніемъ вполне очевидно. Но это еще не такъ удивительно. Гораздо интереснѣе тотъ фактъ, что подобное же отношеніе наблюдается иногда при высоко развитыхъ способахъ культуры въ передовыхъ западно-европейскихъ капиталистическихъ націяхъ. Такъ, по свидѣтельству Л. Гумпловича ***), капиталистическая организація тепличной культуры въ Англіи характеризуется замѣчательной децентрализацией. Для успѣшности ходѣль требуются садовники-художники, превосходно изучившіе свою тепличку, свой уголокъ земли и взращиваемые на ней нѣжные растительные организмы во всѣхъ мелочахъ. Поэтому обычно садовниковъ раздѣляютъ на группы отъ двухъ до трехъ человекъ въ каждой; каждой группѣ порученъ совершенно особый, отдѣльный участокъ земли, или нѣкоторое число тепличекъ. Такимъ образомъ,

*) Замѣтимъ, кстати, что сопоставленіе книгъ г. Мануилова „Аренда земли въ Ирландіи“ и г. Карышева „Крестьянскія вѣнадѣльныя аренды“ наводитъ на много интересныхъ размышленій.

**) „Кап.“, III, стр. 516.

***) D-r Ladislaus Gumplowitz, „Kautsky über die Agrarfrage“, въ „Die Zeit“, Wien, 1899, № 236 (8 apr.).

отдѣльныя группы садовниковъ нисколько не объединяются самымъ процессомъ производства; они также индивидуализированно трудятся, какъ и самостоятельныя крестьянскія семьи, занимающіяся тѣмъ же промысломъ. Словомъ, все производство представляетъ изъ себя, въ сущности, цѣлый рядъ маленькихъ хозяйственныхъ организмовъ, соединяемыхъ лишь механически внѣшнею властью капитала, единствомъ, которое проявляется и воплощается не въ самомъ *процессѣ и способѣ производства*, а лишь во внѣшней для него сферѣ *эксплуатации*. Въ этомъ отношеніи капиталистическая организація такой высоко-интенсивной культуры, какъ тепличная, и такой грубый способъ эксплуатаціи самыхъ первобытныхъ формъ земледѣлія, какъ ростовщичество, сближаются между собою. И нѣтъ сомнѣнія, что въ организаціи тепличной культуры особенности земледѣльческаго капитализма отъ индустріальнаго проявляются рѣзче, чѣмъ на низшихъ стадіяхъ развитія. Зародыши различныхъ организмовъ тоже болѣе сходны, чѣмъ зрѣлыя особи. Въ индустріи первые захваты капитализма также ознаменованы преобладаніемъ внѣшней, поверхностной эксплуатаціи надъ внутренней реформаторской работой капитала въ области производства. Вотъ почему и западно европейская общественная мысль начала съ полной и всесторонней аналогіи между индустріей и земледѣліемъ, и только дальнѣйшее развитіе хозяйственной жизни заставило постепенно придти къ признанію своеобразія индустріальнаго и земледѣльческаго типовъ капитализма.

Съ этой точки зрѣнія понятно также, почему въ Россіи въ настоящее время сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо, упорство въ отождествленіи типовъ индустріальнаго и земледѣльческаго капитализма, въ признаніи „единства“ направленія и законовъ капиталистической эволюціи во всѣхъ отрасляхъ производства. Въ Россіи, экономически отсталой странѣ, оба типа въ значительной мѣрѣ еще переживаютъ зародышевыя фазы развитія, гдѣ черты различія вырисовываются еще недостаточно рѣзко. Вотъ почему невозможное въ Западной Европѣ возможно въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ Западной Европѣ положительно немислимо такое, хотя бы, явленіе, какъ марксистская апологія „ростовщичества-кулачества“, примѣръ которой мы видѣли въ оригинальной книжкѣ г. Гвоздева. Между тѣмъ, для Россіи это явленіе глубоко-характерное. Г. Гвоздевъ, что называется, беретъ быка за рога. Въ то самое время, когда цѣлый рядъ писателей и изслѣдователей доказываютъ, что въ Россіи, вообще говоря, отношеніе между положительными и отрицательными сторонами капита-

лизма представляется, въ силу различныхъ историческихъ и естественныхъ условий, крайне неблагоприятнымъ,—г. Гвоздевъ мужественно беретъ самый грубый способъ капиталистической эксплуатаціи и пишетъ диѳирамбъ его „общественно-исторической миссіи“. Съ другой стороны, у насъ это въ извѣстномъ отношеніи было легче сдѣлать, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ то время, какъ въ „Западной Европѣ“ (разумѣемъ, конечно, передовыя страны) отличие дѣйствительно „высшихъ формъ“ капитализма отъ простыхъ паразитическихъ наростовъ настолько рѣзки, что аналогія между ними всѣмъ показалась бы чудовищной,—у насъ и эти высшія формы не далеко ушли (въ смыслѣ отношенія между положительными и отрицательными сторонами) отъ примитивныхъ, а потому для тѣхъ читателей, которые, по аналогіи съ Западной Европой склонны переоцѣнивать творческую роль нашего національнаго капитализма, и книжка г. Гвоздева съ ея своеобразной логичностью не мало „говорить уму и сердцу“. Этимъ читателямъ мы рекомендуемъ вдуматься хорошенько въ слѣдующія слова К. Маркса (да и вообще въ ту главу „Капитала“, изъ которой они взяты): „Какъ разореніе ростовщичествомъ богатыхъ землевладѣльцевъ, такъ и эксплуатація мелкихъ производителей, ведетъ къ образованію и сосредоточенію крупныхъ денежныхъ капиталовъ. Но насколько такой процессъ разрушаетъ старые *способы производства*, какъ это происходило въ новѣйшее время въ Европѣ, и ставить ли онъ на его мѣсто капиталистическій *способъ производства*,—это находится въ полной зависимости отъ степени историческаго развитія и отъ порождаемыхъ имъ условий *). И далѣе: „при азіатскихъ формахъ ростовщичество можетъ длиться долго, не производя *ничего иного*, кромѣ *хозяйственнаго упадка* и политической испорченности. Только тогда и только тамъ, когда и гдѣ имѣются въ наличности *остальные условія капиталистическаго производства*, ростовщичество является однимъ изъ средствъ образованія *новаго способа производства*“... **).

Итакъ, центръ тяжести переносится въ рѣшеніе вопроса: есть ли на лицо въ европейскомъ земледѣліи тѣ „остальные условія“ (какъ внѣшнія, такъ и внутреннія), которыя требуются для замѣны поверхностной капиталистической эксплуатаціи идущимъ въ глубь

*) „Кап.“, III, гл. 36, стр. 489. Курсивъ нашъ.

**) Ibid., стр. 491—492. Курсивъ нашъ.

реформаторскимъ вліяніемъ капитализма. Фольмаръ, какъ мы видѣли, являлся въ этомъ отношеніи большимъ скептикомъ, и, что особенно важно, онъ рѣшительно высказалъ свой скептицизмъ тогда, когда еще только печатался III томъ „Капитала“ Маркса, систематически обсуждавшій собственно поземельный вопросъ. И выходъ этого III тома далъ только новыя теоретическія основанія для этого скептицизма.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Аграрная теорія К. Маркса.

Какъ извѣстно, главы о поземельной рентѣ и ея генезисѣ въ III томѣ „Капитала“ должны были бы получить совершенно иной видъ, если бы самъ авторъ дожилъ до ихъ выхода въ свѣтъ. Даныя изъ сѣверно-американской и русской аграрной жизни должны были лечь въ основу этой новой обработки, которую, однако, авторъ унесъ съ собою въ могилу... Энгельсъ сообщаетъ, что ему не удалось найти въ бумагахъ покойнаго даже первоначальныхъ набросковъ этого плана; кромѣ многочисленныхъ выписокъ изъ различныхъ изданій — официальныхъ, земско-статистическихъ и частныхъ — ничего не оказалось. А между тѣмъ, „въ отдѣлѣ о земельной рентѣ, Россія должна была бы сыграть такую же роль, какую въ первой книгѣ о промышленномъ наемномъ трудѣ играла Англія“... *)

Вообще говоря, мы не имѣемъ теперь передъ собою въ сколько-нибудь полномъ и законченномъ видѣ Марксовой теоріи аграрной эволюціи, параллельной теоріи индустріальной эволюціи, развитой въ I-мъ томѣ. Отдѣльныя замѣчанія, разбросанныя мимоходомъ въ различныхъ мѣстахъ всѣхъ трехъ томовъ, отрывки, фрагменты, — вотъ *membra disjecta* этой теоріи, изъ которыхъ мы попытаемся здѣсь теперь возстановить сколько-нибудь связанное цѣлое. Въ результатѣ мы всетаки получимъ довольно опредѣленную — хотя, а priori можно сказать, далеко не полную — картину возрѣній К. Маркса на своеобразныя черты аграрной эволюціи.

Въ числѣ „великихъ завоеваній“ капиталистическаго способа производства, Марксъ ставитъ „раціонализацію земледѣлія, которая допускаетъ его впервые вестись въ общественныхъ размѣрахъ“, и

*) Предисловіе Ф. Э. къ III тому, стр. XXXVIII русского изданія.

дальше поясняет свою мысль более подробно: „одно из крупных последствий капиталистического способа производства заключается в томъ, что онъ, съ одной стороны, превращаетъ земледѣліе изъ ряда простыхъ рутинныхъ пріемовъ, переходящихъ отъ одного къ другому въ наименѣ развитой части общества, въ сознательное научное приложеніе агрономіи“ — тотчасъ же, однако, прибавляя характерную оговорку — „насколько оно возможно въ предѣлахъ отношений, даваемыхъ частною собственностью“ *). Этой оговоркой намѣчается первая своеобразная черта, обнаруживаемая капитализмомъ въ земледѣліи **). Въ числѣ средствъ и орудій производства, улучшение которыхъ, вообще говоря, является обычно „заслугою“ капитализма въ земледѣліи, фигурируетъ сама земля, почва, съ ея природными, естественными свойствами, съ которыми необходимо считаться. Законы плодородія почвы, требованія, предъявляемыя производителю съ точки зрѣнія нормальнаго сѣвооборота, эксплуатирующаго землю равномерно, не истощая ее — сталкиваются съ властными требованіями рынка, съ законами, которые онъ диктуетъ производителю. Чѣмъ болѣе проникаютъ въ земледѣліе капиталистическія начала, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ безусловнѣе становится эта зависимость отъ рынка. Производитель *долженъ* поставлять на рынокъ такой продуктъ, и въ такомъ количествѣ, какой и сколько требуется; не удовлетворить этимъ требованіямъ — значитъ очистить мѣсто конкуренту и, быть можетъ, утратить данный рынокъ навсегда. Кромѣ того, въ этой напряженной борьбѣ — конкуренціи — капиталистъ, чтобы восторжествовать надъ противниками, вынужденъ ежедневно стремиться къ тому, чтобы съ наименьшими затратами получить наибольшее количество продукта, — вынужденъ жить минутой, вынужденъ думать лишь о своихъ непосредственныхъ выгодахъ, мало заботясь о томъ, что онъ передаетъ въ наслѣдіе потомству. Вотъ почему „дѣйствительно рациональное земледѣліе встрѣчаетъ повсюду въ частной собствен-

*) Всѣ эти цитаты изъ стр. 509 русск. изд. III тома „Капитала“.

**) Во избѣжаніе недоразумѣній, отмѣтимъ здѣсь слѣдующее. „Въ предѣлахъ отношений, даваемыхъ частной собственностью“, нерѣдко суживается возможность рационализациі производства и въ индустріи; примѣромъ могутъ служить ограниченія введенію машинъ, вытекающія изъ условій капиталистической эксплуатаціи крупнаго производства (см. „Кап.“, I, 343 etc.). Разница лишь вотъ въ чемъ: всѣ такія ограниченія, свойственныя капиталистической индустріи, распространяются и на капиталистическое земледѣліе, но не наоборотъ, — какъ мы это увидимъ ниже.

ности непреодолимую преграду... Зависимость культуры тѣхъ или другихъ продуктовъ земледѣлія отъ колебаній рыночныхъ цѣнъ, и постоянное измѣненіе этихъ культуръ, сопровождающее всю сущность капиталистическаго производства, имѣющаго ближайшею непосредственною цѣлью денежную выгоду,—находится въ противорѣчій съ земледѣліемъ, которое имѣетъ въ виду управленіе совокупностью всѣхъ постоянныхъ условій существованія тѣсно между собою связанныхъ человѣческихъ поколѣній“ *).

„Всякій прогрессъ капиталистическаго земледѣлія есть не только прогрессъ въ искусствѣ эксплуатировать работника, но въ то же время и въ искусствѣ истощать почву: каждый шагъ на пути увеличенія ея плодородія для даннаго періода времени, есть въ то же время шагъ къ разрушенію на долгое время источника этого плодородія. Чѣмъ болѣе развитіе какой-либо страны, напримѣръ, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, основывается на крупной промышленности, тѣмъ быстрѣе происходитъ этотъ процессъ разрушенія“ **).

Таково отрицательное вліяніе, вытекающее изъ самой сущности капиталистическихъ отношеній въ приложеніи къ земледѣлію. Есть и другое, обусловливаемое постороннимъ обстоятельствомъ болѣе общаго характера. Вообще говоря, „въ странахъ съ развившимся производствомъ поступательный ходъ земледѣлія былъ медленнѣе, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности. Такой фактъ, независимо отъ другихъ отчасти рѣшающихъ экономическихъ обстоятельствъ, нашелъ бы себѣ объясненіе въ болѣе раннемъ и болѣе быстромъ развитіи механическихъ наукъ, въ особенности приложеніе ихъ, сравнительно съ болѣе позднимъ и отчасти совершенно недавнимъ развитіемъ химіи, геологіи и фізіологіи и опять таки въ особенности въ приложеніи ихъ къ земледѣлію“ ***).

Говоря о фізіологіи, Марксъ, конечно, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду фізіологію растений. Но онъ не зналъ и не могъ знать истинныхъ размѣровъ значенія біологическихъ наукъ для земледѣлія. Онъ не могъ предвидѣть новѣйшихъ открытій въ области

*) „Кап.“, III, стр. 509. Къ этому Марксъ прибавляетъ: „поразительный примѣръ этого представляетъ лѣсное хозяйство, которое иногда ведется до нѣкоторой степени сообразно общественнымъ интересамъ,—если составлять не частную собственность, а подчинено государственному управленію“.

**) „Кап.“, I, стр. 442.

***) „Кап.“, III, стр. 626.

почвовѣдѣнія, открытій, доказавшихъ, что измѣненія въ плодородіи почвы сводятся на измѣненія въ жизнедѣятельности массы микроорганизмовъ почвы и составляютъ функцію количества и качества различныхъ видовъ и подвидовъ этихъ микроорганизмовъ, приходящагося на кубическую единицу пространства. Эти новыя открытія поставили поступательный ходъ земледѣлія въ еще болѣе непосредственную связь съ поступательнымъ ходомъ біологическихъ наукъ вообще. Но такъ какъ явленія жизни, біологическія свойства тѣлъ гораздо сложнѣе ихъ механическихъ и физико-химическихъ свойствъ, и такъ какъ, вообще говоря, болѣе сложныя науки основываются на менѣе сложныхъ и необходимо отстаютъ отъ послѣднихъ въ своемъ развитіи, — то и несомнѣнно, что агрономія всегда будетъ отставать отъ промышленной технологии, и что меньшая степень господства надъ естественными силами природы, большая необходимость приспособляться къ нимъ, всегда будетъ составлять отличительную черту земледѣлія сравнительно съ индустріей. Эта необходимая отсталость земледѣлія не можетъ не углублять другихъ отрицательныхъ особенностей земледѣльческаго капитализма.

Есть и еще важныя особенности земледѣлія, отражающіяся на шансахъ положительной исторической миссіи капитализма. Къ ихъ числу принадлежитъ изслѣдованное во II-мъ т. „Капитала“ отношеніе „времени производства“ къ „рабочему періоду“. Время производства есть „время, въ продолженіе котораго капиталъ находится въ области производства“. Рабочій же періодъ есть время, въ продолженіе котораго этотъ вложенный капиталъ приводитъ въ движеніе рабочую силу, и, слѣдовательно, всасываетъ въ себя прибавочную стоимость. Ясно, что чѣмъ меньше рабочій періодъ сравнительно со временемъ производства, тѣмъ меньше — при прочихъ равныхъ условіяхъ — получается на единицу затраченнаго капитала прибавочной стоимости. „Продолжительность затраты основнаго капитала... значительно разнится отъ того времени, въ продолженіе котораго онъ играетъ роль дѣйствительно производительную *)... При разницѣ между рабочимъ временемъ и временемъ производства прерывается постоянно на болѣе или менѣе продолжительные

*) Съ точки зрѣнія капитализма, какъ неоднократно разъясняетъ авторъ „Капитала“, „производительнымъ“ трудомъ вообще является трудъ, приносящій прибавочную стоимость.

сроки время потребленія затраченнаго основнаго капитала, напр., въ земледѣліи рабочаго скота, земледѣльческихъ орудій, машинъ. Насколько дѣло идетъ объ основномъ капиталѣ, состоящемъ въ рабочемъ скотѣ, то онъ постоянно требуетъ тѣхъ же или почти тѣхъ же расходовъ на кормъ и содержаніе, какъ и въ то время, когда онъ работаетъ. Что же касается до мертваго инвентаря, то неупотребленіе ведетъ также къ извѣстному обезцѣненію его“ *).

„Разница между временемъ производства и рабочимъ временемъ проявляется съ особенной очевидностью въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ нашемъ умѣренномъ климатѣ земля приноситъ хлѣбъ разъ въ годъ. Сокращеніе и удлиненіе періода производства... находится, съ своей стороны, въ зависимости отъ хорошей или дурной погоды даннаго года, поэтому онъ не подчиняется контролю, и заранѣе опредѣленъ быть не можетъ, какъ въ остальныхъ отрасляхъ промышленности... Поэтому въ сельскомъ хозяйствѣ, чѣмъ неблагоприятнѣе климатъ, тѣмъ болѣе, съ удлиненіемъ періода производства, сокращается рабочий періодъ, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ меньшій промежутокъ времени приходится затрачивать болѣе труда и капитала“ **). Въ связи съ этимъ стоитъ и новый важный факторъ—время обращенія капитала. Понятно, что чѣмъ быстрѣе оборачивается каждая изъ частей капитала, тѣмъ съ меньшимъ капиталомъ можетъ обойтись производство, тѣмъ больше, слѣдовательно, придется на единицу затраченнаго капитала высасываемой въ производствѣ прибавочной стоимости. И вѣдь, важно отмѣтить, что „въ большей части *настоящей* промышленности (курсивъ нашъ)... дѣло идетъ равномерно, рабочее время изъ году въ годъ одинаково... затраты капитала, вступающаго ежедневно въ процессъ обращенія, распределяются равномерно... обратная выручка затраченнаго оборотнаго капитала, или возобновленіе его, происходитъ въ продолженіе года также черезъ равномерные сроки;—въ тѣхъ же отрасляхъ производства, гдѣ рабочее время образуетъ только часть времени производства, — затраты оборотнаго капитала производятся въ теченіе года крайне неравномерно, между тѣмъ, какъ выручка ихъ происходитъ въ срокъ, разъ навсегда опредѣленный естественными условіями. Поэтому, при

*) „Кап.“, II, стр. 173.

**) Ibid., стр. 172. Какъ примѣръ особенно неблагоприятнаго отношенія рабочаго періода ко времени производства, авторъ дальше приводитъ Россію.

тѣхъ же размѣрахъ предпріятія, т. е. при той же величинѣ затраченнаго оборотнаго капитала, онъ долженъ быть вложенъ одновременно въ болѣе большое количество, и на болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ въ предпріятіяхъ съ безостановочными рабочими періодами“ *). Въ этомъ обстоятельствѣ находятъ себѣ нѣкоторое объясненіе тотъ постоянный недостатокъ капиталовъ, на который жалуется сельское хозяйство и который служитъ чаще всего оправданіемъ противъ всѣхъ упрековъ въ недостаточно рациональной культурѣ. Въ связи съ упомянутымъ выше непостоянствомъ погоды и зависимымъ отъ него непостоянствомъ урожая, этотъ недостатокъ оборотныхъ средствъ способенъ чрезвычайно сильно обостряться и приводить и къ чрезмѣрнымъ займамъ на крайне невыгодныхъ условіяхъ, и къ прямымъ банкротствамъ.

Не могутъ ли, однако, капиталисты включить въ цѣну продукта и, такимъ образомъ, перенести на потребителя и премію за рискъ предпріятія, и за болѣе продолжительный оборотъ капитала, и за неблагоприятное отношеніе рабочаго періода ко времени производства? Намъ извѣстно, что конкуренція есть великая уравнительница прибылей. Въ той отрасли производства, гдѣ естественная норма прибавочной стоимости выше, рискъ меньше, и т. д.,—положеніе капиталистовъ, конечно, бываетъ предметомъ зависти для собратьевъ изъ другихъ отраслей производства. Въ такую счастливую отрасль производства не замедлитъ послѣдовать приливъ капиталовъ изъ другихъ менѣе благоприятно поставленныхъ отраслей; и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока соперничество и даже перепроизводство не понизитъ цѣны продуктовъ привилегированной отрасли, а сокращеніе предложенія продуктовъ менѣе благоприятно поставленныхъ отраслей не повыситъ ихъ цѣны настолько, что прибыльность предпріятій тамъ и сямъ уравнивается. Такимъ путемъ привилегированныя отрасли дѣлятся съ непривилегированными избыткомъ своей прибавочной стоимости: безсознательный механизмъ соперничества осуществляетъ какъ бы взаимную круговую поруку капиталистовъ всѣхъ отраслей производства. Слѣдовательно, какъ выяснено въ III-мъ томѣ „Капитала“, „насколько дѣло касается прибыли, различные капиталисты играютъ при этомъ роль акціонеровъ какого-нибудь акціонернаго общества, въ которомъ прибыль распределяется равномерно на каждую сотню, а потому

*) „Кап.“, II, стр. 173.

отдѣльные капиталисты различаются только величиной капитала, затраченнаго каждымъ на общее предпріятіе, относительною долею въ общемъ предпріятіи, числомъ своихъ акцій“ *).

На основаніи этого можно бы, пожалуй, предположить, что эта стихійная, безсознательная круговая порука различныхъ отраслей капиталистической промышленности выравниваетъ прибыль земледѣлія съ средней прибылью; что отливъ капиталовъ отъ земледѣлія и приливъ ихъ къ болѣе выгоднымъ отраслямъ производства настолько поднимаетъ цѣну продуктовъ земледѣлія выше ихъ стоимости, что лишніе затраты, протори и убытки, проистекающіе отъ непостоянства урожаявъ, неблагоприятнаго отношенія рабочаго періода ко времени производства, медленнаго обращенія капитала, etc. возмѣщаются проистекающей отсюда добавочной прибылью. Если бы это предположеніе и было вѣрно (а ниже мы увидимъ, что есть условія, препятствующія его реализаціи), то даже въ этомъ лучшемъ случаѣ добавочная прибыль можетъ возмѣщать только *средніе* протори и убытки земледѣльческаго капитализма, происходящіе отъ *средней* разницы между рабочимъ періодомъ и временемъ производства во всемъ международномъ земледѣліи, *средней* степени риска отъ непостоянства погоды и урожайности, etc., etc. „При всякомъ опредѣленіи стоимости рѣшающее значеніе имѣютъ средства данныя“ *). Но въ томъ-то и дѣло, что неблагоприятность климата, разница между рабочимъ періодомъ и временемъ производства, etc. въ предѣлахъ той же самой отрасли производства, земледѣлія, не вездѣ одинаковы. Стало быть, въ тѣхъ странахъ, гдѣ разница эта больше средней, проистекающіе изъ нея протори и убытки покроются не цѣликомъ, тогда какъ въ странахъ благопріятно поставленныхъ, они покроются съ нѣкоторымъ излишкомъ. Говоря конкретнѣе, напр., соперничество тропическихъ и экваторіальныхъ странъ, гдѣ жатву можно собирать нѣсколько разъ въ году, не дастъ европейскому капиталисту, вынужденному довольствоваться одной жатвой, включить въ цѣну продукта невыгоду, проистекающую изъ того, что затраченный имъ въ земледѣліи капиталъ лежитъ непроизводительно въ теченіе очень долгаго мертваго сезона. Итакъ, даже въ самомъ лучшемъ случаѣ земледѣліе умѣреннаго и холод-

*) „Кап.“, III, стр. 115. Кстати упомянемъ, что тѣ, для кого такое рѣшеніе вопроса въ III т. явилось неожиданностью, просмотрѣли во II томѣ буквально такое же сравненіе кап. общества съ акціонернымъ товариществомъ (стр. 329).

**) „Кап.“, II, стр. 119.

наго пояса—а, слѣдовательно, почти всѣхъ европейскихъ странъ—все-таки должно кое-что потерять отъ неблагопріятнаго отношенія между временемъ производства и рабочимъ періодомъ.

Мы предполагали лучший случай—если прибыль земледѣльческаго капитализма въ среднемъ выравнивается съ индустріальной прибылью. Но еще выравнивается ли она? Это вопросъ. Для того, чтобы прибыль выравнивалась, необходимо отсутствіе препятствій для перекочевыванія капиталовъ изъ одной отрасли производства въ другую. Чтобы цѣны земледѣльческихъ продуктовъ достаточно превысили ихъ стоимость для возмѣщенія указанныхъ лишнихъ затратъ, нужно, чтобы дѣйствительно извѣстная часть капиталовъ отлила отъ земледѣлія, оставивъ тамъ пустое мѣсто, и наводнила болѣе выгодныя отрасли производства, чтобы понизить ихъ прибыльность въ пользу земледѣлія. Нужно, иными словами, соотвѣтственное относительное перепроизводство другихъ товаровъ и недопроизводство продуктовъ земледѣлія. Если бы земледѣліе было отраслью производства вполнѣ капитализированной и если бы меньшая норма капиталистической прибыли, благодаря этому, являлась, дѣйствительно, достаточнымъ основаніемъ для сокращенія земледѣльческаго производства, — тогда, конечно, выравниваніе прибыли не встрѣчало бы никакихъ препятствій. Но въ томъ-то и дѣло, что судьбы земледѣлія не находятся въ исключительномъ распоряженіи капиталистовъ. Въ томъ-то и дѣло, что на ряду съ ними мы встрѣчаемъ некапиталистическихъ производителей, у которыхъ совсѣмъ иной масштабъ „прибыльности“ предпріятія. Они ждуть отъ него не какой либо нормы прибавочной стоимости или прибыли, а просто нормальной *оплаты своего собственного труда*. И если капиталъ, находя норму прибыли въ земледѣліи слишкомъ низкой, ищетъ болѣе выгоднаго для себя помѣщенія, — то позиціи, покинутыя имъ, немедленно занимаютъ некапиталистическими производителями, а, слѣдовательно, не достигается и обычная „миссія“ отлива капиталовъ — недопроизводство продукта, необходимое для достаточнаго превышенія ихъ цѣны надъ ихъ стоимостью, а слѣдовательно, для созданія добавочной прибыли, поднимающей обычную ея норму здѣсь до высоты средней общественной. Вотъ почему и говоритъ Марксъ, что „такое выравниваніе (нормы прибыли) наталкивается на значительныя препятствія въ томъ случаѣ, когда многочисленныя и обширныя отрасли производства, эксплуатируемыя некапиталистическимъ способомъ (напримѣръ, земледѣліе мелкимъ крестьянствомъ), втираются между предпріятіями

капиталистическими и связываются съ ними“ *). Правда, эти производители работаютъ больше ради собственного потребления, чѣмъ для рынка, и, слѣдовательно, отъ замѣщенія одного капиталистическаго предпріятія группой производителей количество продуктовъ земледѣлія, предназначенныхъ для продажи, всетаки уменьшается. Но, во-первыхъ, увеличивается число лицъ, удовлетворяющихъ свою потребность въ продуктахъ сельскаго хозяйства собственнымъ трудомъ, а слѣдовательно, соотвѣтственно сокращается рыночный спросъ на нихъ. Во-вторыхъ, некапиталистическіе производители нерѣдко ради уплаты податей должны вынужденно отчуждать часть производимыхъ продуктовъ, а ничто такъ не роняетъ ихъ цѣны, какъ вынужденная продажа, при которой продавцу цѣны диктуются покупателемъ. Это—также факторъ, противодѣйствующій тенденціи къ выравниванію нормы прибыли, и даже нерѣдко далеко его пере-вѣшивающій, т. е. увеличивающій разницу нормъ прибыли.

Итакъ, крестьянинъ можетъ разсматривать землю, просто какъ средство приложенія труда, и отказываться отъ той части дохода, которая соотвѣтствуетъ рентѣ или прибыли на капиталъ, а, стало быть, можетъ понижать цѣны сельско-хозяйственныхъ продуктовъ до такой степени, до которой капиталистъ-хозяинъ не можетъ за нимъ слѣдовать. „Здѣсь—одна изъ причинъ, по которой хлѣбныя цѣны странъ съ господствомъ мелкаго хозяйства ниже, чѣмъ въ странахъ капиталистическаго хозяйства. Часть прибавочнаго труда крестьянъ, которые работаютъ при неблагоприятнѣйшихъ условіяхъ, безъ всякаго вознагражденія дарится обществу, не играетъ роли въ регулированіи стоимости производства и образованіи цѣнъ“. Это не можетъ не мѣшать капиталу, который въ индустріи побивалъ своихъ болѣе мелкихъ конкурентовъ низкими цѣнами; здѣсь онъ, наоборотъ, самъ побивается ими.

Наконецъ, новое противодѣйствіе выравниванію нормы прибыли имѣется тогда, когда происходитъ разработка новыхъ, болѣе плодородныхъ земель. Этотъ факторъ хотя имѣетъ лишь временное, преходящее значеніе, но дѣйствуетъ достаточно долго и съ большою силой. Марксъ говоритъ, что даже „относительно менѣе плодородная почва **), которая, однако, только что стала воздѣлы-

*) „Кап“, III, стр. 148.

**) Напомнимъ, что для Маркса „плодородіе“ почвы не есть опредѣленная, разъ навсегда данная величина, а условная и переменная. „Хотя плодородіе есть объективное свойство почвы, но въ экономическомъ смыслѣ

ваться и пока еще не была тронута культурой, при не совсѣмъ неблагоприятныхъ климатическихъ условіяхъ накопила, по крайней мѣрѣ, въ самыхъ верхнихъ слояхъ столько легко усвояемаго матеріала для питанія растений, что долго еще продолжаетъ давать урожанъ безъ удобренія, даже при самой поверхностной обработкѣ. Въ западныхъ преріяхъ (Новаго Свѣта) къ этому присоединяется еще то, что онѣ почти не требуютъ издержекъ на воздѣлываніе; объ этомъ позаботилась сама природа“ *). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Энгельсъ отъ себя прибавляетъ: „воздѣлываніе этихъ степей, прерій, пампасовъ, льяносовъ и т. д. еще только началось; влияние переворота, производимаго имъ на европейское сельское хозяйство, дастъ себя знать, слѣдовательно, еще иначе, чѣмъ это было до сихъ поръ“. Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ: „Океанскіе пароходы и сѣверо, и южно-американскія желѣзныя дороги поставили совершенно особенныя земли въ такое положеніе, что онѣ получили возможность конкурировать на европейскихъ рынкахъ. Съ одной стороны, это сѣверо-американскія преріи, аргентинскіе пампасы, степи, самую природою предназначенныя для запашки... Затѣмъ это были земли русскихъ и индійскихъ общинъ, которыя принуждены были продавать часть своего продукта, и именно часть, постоянно возрастающую, для того, чтобы пріобрѣсти деньги на уплату податей. Продукты эти продаются по цѣнамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ стоимости производства, по цѣнамъ, которыя даютъ торговцы, такъ какъ крестьянину во время платежа податей деньги нужны безусловно. И противъ такой конкуренціи — какъ дѣвственныхъ степныхъ земель, такъ и русскихъ и индійскихъ крестьянъ, находящихся подъ давленіемъ непосильныхъ податей, — европейскій арендаторъ и крестьянинъ при прежнихъ размѣрахъ ренты оказался безсиленъ. Часть земель въ европейскихъ странахъ совершенно перестала воздѣлываться подъ зерновые продукты, рента повсюду понизилась... понижающіяся цѣны и понижающаяся производительность дополнительныхъ затратъ капитала стала въ Европѣ явленіемъ обычнымъ. Отсюда вопли аграріевъ, раздающіеся отъ Шотландіи до Италіи и отъ южной Франціи до восточной Пруссіи. Еще далеко не всѣ степныя пространства находятся подъ запашкой; ихъ имѣется еще

оно предполагаетъ постоянно нѣкоторое отношеніе, отношеніе къ данному состоянію механическаго и химическаго развитія земледѣлія, а потому измѣняется съ такимъ состояніемъ развитія“ („Кап.“, III, стр. 537).

*) Ibid, стр. 553.

достаточно для того, чтобы разорить все крупное европейское земледѣліе, а вдобавокъ и мелкое *). Если это, можетъ быть, и немножко сильно сказано, то все-таки остается безспорной общая тенденція этого вліянія въ сторону пониженія нормы прибыли.

Есть еще два элемента, имѣющихъ важное значеніе для образованія естественной нормы прибыли. Это, во-первыхъ, органическое строеніе капитала, т. е. отношеніе постоянной части капитала къ переменнѣйшей и, во-вторыхъ, норма прибавочной стоимости, т. е. отношеніе оплаченной части рабочаго дня къ неоплаченной. Посмотримъ, какую роль могутъ играть оба эти элемента въ общемъ вопросѣ о сравнительной прибыльности земледѣлія для крупно-капиталистической его организаци.

Прибыль происходитъ отъ прибавочной стоимости, а прибавочная стоимость создается лишь живымъ трудомъ — таково основное положеніе теоріи Маркса. Только та часть капитала, которая затрачена на рабочую силу, возрастаетъ въ производствѣ и является величиной переменнѣйшей; та же часть капитала, которая затрачена на сырой матеріалъ, орудія, машины, постройки etc. просто переноситъ свою стоимость на произведенный продуктъ, и потому остается неизмѣнною, постоянною величиной. Понятно, что чѣмъ большій % ко всему капиталу составляетъ его *переменнѣйшая* часть, тѣмъ больше — *caeteris paribus* — прибыль, извлекаемая въ данномъ предпріятіи на единицу затраченнаго капитала. И, наоборотъ, чѣмъ большій процентъ капитала падаетъ на постоянную часть, тѣмъ меньше, *caeteris paribus*, естественная норма прибыли. Для каждой отдѣльной отрасли производства вѣрна та истина, что поступательный ходъ производства связанъ съ послѣдовательнымъ ростомъ постоянной части капитала насчетъ переменнѣйшей. Итакъ, для каждой отдѣльной отрасли производства отношеніе постоянного капитала къ переменному можетъ быть отличнымъ мѣриломъ высоты развитія, достигнутой въ данной отрасли производства. Но для сравненія отдѣльныхъ отраслей производства между собою этого признака уже недостаточно. Технические особенности отдѣльныхъ отраслей производства слишкомъ велики, чтобы, напримѣръ, изъ приближительной одинаковости въ органическомъ строеніи капитала заключать объ одинаковой высотѣ технического развитія двухъ отраслей производства. Есть отрасли производства *трудо-интенсивныя* и есть

*) Тотъ же авторъ, „Кап.“, III, 598.

капитало-интенсивныя. „Если строение капитала въ земледѣліи собственно ниже *) строения средняго общественнаго капитала, то это *prima facie* выразить, что въ странахъ съ развитымъ производствомъ поступательный ходъ земледѣлія былъ медленнѣе, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности“, — говоритъ Марксъ; но онъ не рѣшается поступать наоборотъ, т. е. исходя изъ болѣе медленнаго развитія земледѣлія сравнительно съ индустріей, умозаключать къ болѣе низкому строенію земледѣльческаго капитала сравнительно съ индустріальнымъ. Напротивъ, онъ говоритъ: „ниже ли въ какой-нибудь определенной странѣ съ капиталистическимъ производствомъ, напимѣръ, въ Англіи, строение земледѣльческаго капитала, чѣмъ строение средняго общественнаго капитала, представляется вопросомъ, который можно рѣшить *только статистическимъ путемъ*“ **). Но здѣсь вмѣшивается то обстоятельство, что „статистика почти абсолютно молчитъ объ отношеніи постоянной части всего общественнаго капитала къ переменнѣйшей его части“ ***).

На глазомѣръ рѣшать здѣсь невозможно. А priori, конечно, ясно, что въ земледѣліи играетъ меньшую роль стоимость машинъ, орудій, сырыхъ матеріаловъ и вспомогательныхъ веществъ, и болѣешую роль — живой трудъ. Поэтому, если бы всѣ прочія условія были одинаковы, то на переменный капиталъ въ земледѣліи пришлось бы относительно большій % всего капитала, чѣмъ въ индустріи. Но въ томъ-то и дѣло, что эти „прочія условія“ неодинаковы. Въ индустріи на единицу затраченнаго капитала можетъ приходиться меньшее количество рабочихъ, чѣмъ въ земледѣліи, но, работая съ помощью этого самаго капитала круглый годъ, они могутъ доставить столько же или даже больше живого труда. Въ земледѣліи можетъ приходиться на единицу затраченнаго капитала больше рабочихъ, но они работаютъ лишь часть года, тогда какъ капиталъ затрачивается на цѣлый годъ; слѣдовательно, живого труда въ общемъ итогѣ на единицу капитала можетъ быть доставлено меньше. Въ индустріи играютъ большую роль вспомогательныя вещества, сырые матеріалы, даже машины и орудія; но стоимость ихъ можетъ по мѣрѣ изготовленія продукта и поступленія

*) Напомнимъ, что *низшимъ* строеніемъ капитала М. называетъ преобладаніе переменнѣйшей части его надъ постоянной.

**) Объ цитатѣ изъ „Кап.“, III, стр. 626. Курсивъ нашъ.

***) Ibid., стр. 43.

его на рынокъ реализоваться въ денежной формѣ и вновь затрачиваться на производствѣ. Такимъ образомъ, одна и та же сумма стоимости въ теченіе извѣстнаго періода, напр., года, можетъ вступать въ производство два, три и т. д. раза, и, слѣдовательно, играть ту же роль, какую въ земледѣліи могъ бы выполнить лишь капиталъ вдвое, втрое и т. д. большей величины — такъ какъ въ земледѣліи условія сбора жатвы ставятъ тѣсныя предѣлы реализаціи первоначальныхъ затратъ и обратнаго ихъ употребленія на то же производство. Наконецъ, въ земледѣліи приходится къ затратамъ постоянного капитала причислить еще новый элементъ, не играющій столь важной роли въ индустріи, — именно уплату поземельной ренты—этого своеобразнаго налога, взимаемаго съ капиталистовъ-землевладѣльцевъ въ силу своего монопольнаго права *).

Тѣмъ не менѣе, можно предположить такое совпаденіе въ какой-либо странѣ благоприятныхъ естественныхъ и историческихъ условій, что естественная норма прибыли въ земледѣліи оказалась бы высшей, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ промышленности. Въ такомъ гипотетическомъ случаѣ уравниваніе прибылей, приведеніе ихъ къ средней нормѣ, повидимому, должно бы совершиться обычнымъ путемъ: посредствомъ усиленнаго притока къ земледѣлію капиталовъ, а слѣдовательно, усиленной реорганизациіи земледѣлія на капиталистическихъ началахъ. Чрезвычайно важной заслугой Маркса является доказательство того положенія, что *поземельная собственность* неминуемо стала бы поперекъ дороги такого рода тенденціи; пользуясь своимъ монопольнымъ правомъ, она захватила бы весь

*) Ибо „при капиталистическомъ способѣ производства предполагается слѣдующее: дѣйствительный земледѣлецъ есть наемный рабочій, работающій у капиталиста-фермера, который ведетъ сельское хозяйство только какъ особую отрасль эксплуатаціи капитала, въ видѣ помѣщенія капитала своего въ особенной отрасли производства. Такой фермеръ-капиталистъ платитъ землевладѣльцу, собственнику эксплуатируемой земли, въ опредѣленные сроки... установленную договоромъ сумму денегъ за позволеніе употребить свой капиталъ въ этой опредѣленной отрасли производства“ (К., III, 510). Конечно, вмѣсто этого земля можетъ быть куплена; но это значить лишь разомъ выплатить ту же самую, лишь по обычнымъ правиламъ капитализированную ренту. Наконецъ, капиталистъ и историческій владѣлецъ земли могутъ совпасть въ одномъ лицѣ; несомнѣнное преимущество такой комбинаціи очевидно. Но именно это преимущество и тормозитъ перемѣну личнаго состава сельскихъ хозяевъ, удерживая, напр., плохо приспособленные къ новымъ условіямъ старофеодальные элементы и тѣмъ затрудняя буржуазно-капитал-реорганизацію хозяйства.

этотъ избытокъ прибыли въ свои руки въ видѣ прибавки къ рентѣ, прибавки, которой Марксъ далъ и особое имя *абсолютной ренты* *).

„Сущность абсолютной ренты („при этомъ предполагается, оговаривается Марксъ, что земледѣльческій капиталъ приводитъ въ дѣйствіе больше труда, чѣмъ такой же величины неземледѣльческій капиталъ“) заключается въ слѣдующемъ: капиталы одинаковыхъ величинъ въ различныхъ отрасляхъ производства, смотря по различію ихъ средняго строенія, при одинаковой нормѣ прибавочной стоимости или одинаковой степени эксплуатаціи труда, производятъ различныя количества прибавочной стоимости. Въ обрабатывающей промышленности такія различныя количества прибавочной стоимости приравниваются къ средней прибыли и распределяются равномерно на различные капиталы, какъ на соответственныя части общественнаго капитала. Земельная собственность, какъ только производство потребуеъ земли, все равно для земледѣлія ли, или для извлеченія сырого матеріала, препятствуетъ такому выравниванію прибавочной стоимости на капиталы, затраченные на землю, и захватываетъ часть прибавочной стоимости, которая иначе пошла бы на выравниваніе общей нормы прибыли. Рента въ такомъ случаѣ составитъ часть стоимости, точнѣе, прибавочной стоимости товара, которая, вмѣсто того, чтобы достаться классу капиталистовъ, извлекающему ее изъ рабочихъ, перейдетъ землевладѣльцамъ, которые извлекаютъ ее изъ капиталистовъ“ **).

Но этого еще мало. Поземельная собственность и въ другихъ отношеніяхъ виситъ тяжелой гирей на ногахъ земледѣльческаго капитализма, ограничивая его творческую роль. Такъ, для улучшенія почвы „капиталъ можно прикрѣпить къ землѣ, присоединить къ ней, отчасти на болѣе короткій срокъ, какъ при улучшеніяхъ химическаго характера, при удобреніи и т. п., отчасти на срокъ болѣе продолжительный, болѣе прочно, какъ при устройствѣ сточныхъ канавъ, орошенія, нивелировки, хозяйственныхъ строеній и т. д... Такія затраты... по большей части, а въ нѣкоторыхъ отрас-

*) Въ отличіе отъ *дифференціальной* ренты, которая образуется вслѣдствіе разницы между стоимостью производства на худшихъ земляхъ, регулирующей рыночныя цѣны земледѣльческихъ продуктовъ, и меньшей стоимостью производства того же количества продукта на земляхъ лучшаго качества.

**) „Кап.“, III, стр. 636—637.

ляхъ сельскаго хозяйства часто исключительно, производится фермерами. Но какъ скоро истекаетъ арендный срокъ, установленный договоромъ, — а въ этомъ заключается причина, почему вмѣстѣ съ развитіемъ капиталистическаго производства землевладѣлецъ стремится, елико возможно, сократить срокъ аренды—улучшенія почвы, какъ нѣчто нераздѣльное съ землею, достаются землевладѣльцу, какъ его собственность... Это одна изъ тайнъ (совершенно независимо отъ движенія настоящей земельной ренты) увеличивающагося обогащенія землевладѣльцевъ, постоянного роста ихъ ренты и возрастающей денежной цѣнности ихъ земель, сопровождающей поступательный ходъ общественнаго развитія... Но это есть въ то же время *одно изъ величайшихъ препятствій рациональнаго земледѣлія*, такъ какъ фермеръ избѣгаетъ дѣлать какія бы то ни было улучшенія и затраты, которыя онъ не можетъ ожидать вполне выручить въ продолженіе аренднаго срока“ *).

Источникъ ренты этого рода—прямые вычеты изъ постояннаго капитала земледѣльческаго предпринимателя. „Но независимо отъ этого возможно, что подъ арендными деньгами частью, а въ извѣстныхъ случаяхъ вполне... скрывается вычетъ или изъ средней прибыли, или изъ нормальной рабочей платы, или одновременно изъ той и изъ другой“ **). Въ связи съ этимъ стоитъ наблюдение, что „рента для крупныхъ арендъ обычно ниже, чѣмъ для мелкихъ, такъ какъ соперничество для послѣднихъ обыкновенно больше, чѣмъ для первыхъ, и такъ какъ мелкіе арендаторы, которые рѣдко бываютъ въ состояніи обратиться къ какому-либо другому дѣлу, кромѣ сельскаго хозяйства, часто готовы заплатить такую ренту, которая, какъ извѣстно имъ самимъ, слишкомъ высока, — будучи принуждены необходимостью найти подходящее занятіе“ ***). Очевидно, что здѣсь мы имѣемъ примѣръ сбавки со средней прибыли. Чтобы возмѣстить эту потерю хотя отчасти, фермеры пытаются сложить часть ея на плечи своихъ батраковъ и поденщиковъ. Результатомъ является „пониженіе платы собственно земледѣльческихъ рабочихъ ниже ея средняго уровня, такъ что часть сбавленной заработной платы образовала составную часть арендныхъ денегъ“ **).

*) „Кап.“, III, стр. 510—511. Курсивъ нашъ.

**) Ibid., 516. Ср. примѣръ Ирландіи въ предыдущей главѣ.

***) Ibid., стр. 519.

****) Ibid., стр. 517.

Наконецъ, приводятся примѣры, когда и самъ арендаторъ вынужденъ такъ же работать, какъ и его батраки, потому что иначе онъ не можетъ существовать; въ этихъ случаяхъ въ составъ ренты, выплачиваемой землевладѣльцу, можетъ входить „сбавка съ рабочей платы самого арендатора“ *).

Слѣдуетъ замѣтить, что бѣлая выгода мелкихъ арендъ для землевладѣльца составляетъ „достаточное основаніе“ раздроблять крупныя участки на мелкія parcels, и эта тенденція опять-таки можетъ становиться поперекъ дороги концентраціи и рационализаціи земледѣлія. Здѣсь мы снова, такимъ образомъ, наталкиваемся на особенность земледѣльческаго капитализма. „Земельная собственность отличается отъ остальныхъ родовъ собственности тѣмъ, что, на извѣстной степени развитія, она оказывается излишней и вредной даже съ точки зрѣнія капиталистическаго способа производства“ **), но, какъ мы видѣли, къ вѣщшему торжеству капиталистическаго способа эксплуатаціи.

Выше приведено много причинъ, дѣйствующихъ въ смыслѣ пониженія средней нормы прибыли сельско-хозяйственнаго капитализма. Но въ созданіи нормы прибыли участвуетъ еще одинъ элементъ, разсмотрѣніе котораго мы намѣренно откладывали подъ конецъ. Этимъ элементомъ является норма прибавочной стоимости т. е. отношеніе неоплаченнаго рабочаго времени къ оплаченному. Очевидно, что чѣмъ болѣе всѣ другія условія давятъ на среднюю прибыль въ смыслѣ пониженія, и чѣмъ труднѣе добиться уравниванія нормы прибыли путемъ передвиженія капиталовъ, тѣмъ сильнѣе должна дѣйствовать тенденція возмѣстить остальные потери на нормѣ прибавочной стоимости. Ниже мы увидимъ, что своеобразныя условія земледѣльческаго промысла предоставляютъ этой тенденціи извѣстный просторъ.

Мы уже видѣли, что въ земледѣліи рабочій періодъ не совпадаетъ со временемъ производства. Въ сельскомъ хозяйствѣ играютъ особенно важное значеніе такъ называемыя „критическіе моменты“, т. е. — по опредѣленію Маркса — „извѣстные періоды времени, опредѣленные самою природою даннаго процесса труда, въ продолженіе которыхъ долженъ быть непременно достигнутъ извѣстный опредѣленный результатъ. Такъ, на примѣръ, если требуется остричь

*) „Кап.“, III, стр. 619.

**) Ibid., стр. 513. Курсивъ нашъ.

стадо овецъ, или сжать и убрать пашню, то не только количество, но и качество продукта зависитъ при этомъ отъ того, будетъ ли каждая изъ этихъ работъ начата и окончена своевременно. Тотъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго должна быть совершена работа, при этомъ напередъ опредѣленъ самими свойствами этихъ работъ, въ родѣ того, какъ опредѣлено время для ловли сельдей... Краткость времени, назначеннаго для работъ, вознаграждается при этомъ значительностью самаго количества труда, устремляемаго въ рѣшительный моментъ на поле производства“ *) Благодаря этому, капиталистическое земледѣліе хотя и предъявляетъ большой запросъ на рабочія руки, но этотъ запросъ—временный, и заработокъ, даваемый капиталомъ, крайне необезпеченъ. „Несовпаденіе періода производства и рабочаго періода—при чемъ послѣдній образуетъ только часть перваго—представляетъ естественное основаніе для соединенія земледѣльческаго съ другими сельскими побочными промыслами. Капиталистическая промышленность, производя отдѣленіе мануфактуры отъ земледѣлія, ставитъ сельскаго рабочаго все въ большую и большую зависимость отъ чисто случайныхъ побочныхъ занятій, ухудшая этимъ его положеніе“ **).

Понятно, что непрочность, необезпеченность положенія земледѣльческаго наемнаго работника, которому обезпеченъ заработокъ лишь въ теченіе части года, и который на этотъ скудный заработокъ долженъ существовать цѣлый годъ,—вызываетъ массовое бѣгство рабочихъ. „Сельскихъ рабочихъ, во всякомъ случаѣ, слишкомъ много для среднихъ и слишкомъ мало для исключительныхъ или временныхъ потребностей земледѣлія... Поэтому въ официальныхъ документахъ находимъ полныя противорѣчій жалобы однѣхъ и тѣхъ же мѣстностей, съ одной стороны, на недостатокъ, а съ другой,—на избытокъ рабочихъ рукъ. Временный или мѣстный недостатокъ работы производитъ не повышеніе рабочей платы, а привлекаетъ къ земледѣлію женщинъ и дѣтей. Коль скоро эксплуатація женщинъ и дѣтей принимаетъ большіе размѣры, то она, со своей стороны, дѣлается новымъ средствомъ обращенія мужского населенія въ „излишнее“, вслѣдствіе чего рабочая плата его удерживается на minimum’ѣ“ ***).

*) „Кап.“, I, стр. 280—281.

**) „Кап.“, II, 173.

***) „Кап.“, I, 606—608.

Здѣсь, несомнѣнно, проявляется опять-таки одно изъ своеобразныхъ свойствъ сельско-хозяйственного капитализма. И Марксъ самъ это подчеркиваетъ. „Если употребленіе машинъ въ земледѣліи большей частью не сопровождается физическими вредными послѣдствіями, которыя онѣ приносятъ фабричнымъ работникамъ *), за то здѣсь вліяніе ихъ несравненно сильнѣе и безъ всякаго противодѣйствія обнаруживается въ обращеніи рабочихъ въ излишніе“ **). „Какъ только капиталистическое производство овладѣваетъ земледѣліемъ, или по мѣрѣ того, какъ оно овладѣваетъ имъ, запросъ на сельское рабочее населеніе абсолютно понижается съ накопленіемъ функционирующаго здѣсь капитала, но при этомъ отталкиванье его не дополняется, какъ въ неземледѣльческой промышленности, большимъ притяженіемъ въ другомъ мѣстѣ. Часть сельскаго населенія находится, поэтому, постоянно въ переходномъ состояніи превращенія въ городской и мануфактурный пролетаріатъ и въ ожиданіи условій, благопріятныхъ для такого превращенія... Плата сельскому рабочему понижается, поэтому, до minimum'a, самъ же онъ всегда одной ногой стоитъ въ болотѣ пауперизма“ ***).

Таково первое своеобразие сельско-хозяйственного капитализма въ области рабочаго вопроса,—своеобразие, врядъ ли способствующее тому, что обычно подразумѣвается подъ „общественно-исторической миссіей“ капитализма. Есть и другія. „Разсѣяніе сельскихъ работниковъ на большихъ пространствахъ—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ той же книги—сламываетъ силу ихъ сопротивленія, между тѣмъ какъ скопленіе городскихъ рабочихъ увеличиваетъ ее“ ****)

*) Это замѣчаніе Маркса, быть можетъ и вѣрное въ его время, когда введеніе машинъ въ земледѣліе дѣлало лишь первые шаги, совершенно опровергается современной,—хотя бы русской—статистикой поврежденій и несчастныхъ случаевъ.

**) „Кап.“, I, стр. 440.

***) Ibid, стр. 562—563 (курсивъ нашъ). Поэтому можно судить о всей глубинѣ остроумія слѣдующей рѣчи одного изъ защитниковъ „марксистской догмы“ въ аграрномъ вопросѣ: „Стараются представить дѣло такъ, будто обнищаніе, пауперизація и пролетаризація—одно и то же. Но это неправда. Если мы говоримъ, что можемъ привлечь на свою сторону крестьянина только тогда, когда онъ будетъ пролетаріемъ, то это еще не значить, что онъ долженъ обнищать, а значить только, что онъ долженъ быть освобожденъ отъ собственности“ (рѣчь Фишера, см. Protokoll über die Verhandlungen des Parteitagcs zu Breslau, Berlin, 1895, S. 156: „von seinem Eigenthum losgelöst sein muss“).

****) Ibid., 441.

И дальше: „Безпрерывное образованіе „излишка“ сельскихъ работниковъ, не смотря на уменьшеніе числа ихъ, идущее вмѣстѣ съ возрастаніемъ количества продуктовъ ихъ труда—вотъ колыбель ихъ пауперизма. Ихъ случайный пауперизмъ является мотивомъ для лишенія ихъ крова и главнымъ источникомъ жалкаго состоянія ихъ жилищъ, а это подламываетъ окончательно ихъ способность къ сопротивленію и отдааетъ ихъ въ полнѣйшее рабство лэндлордамъ и арендаторамъ, такъ что *минимум* рабочей платы становится для нихъ какъ бы дѣломъ естественнымъ“ *). Въ итогѣ „капиталистическое производство... разрушаетъ физическое здоровье городскихъ работниковъ и *духовную жизнь сельскихъ*“ **). Деревня оскудѣваетъ количественно и качественно. Лучшія интеллигентнѣйшія силы бѣгутъ въ городъ, и это наноситъ новый непоправимый ударъ раціональному земледѣлію. Вотъ почему, хотя при вторженіи капитализма въ деревню „рутинные и нераціональные способы введенія хозяйства замѣняются научными“, онъ тѣмъ не менѣе „нарушаетъ обмѣнъ веществъ между человѣкомъ и землею, т. е. возвращеніе человѣкомъ составныхъ частей почвы, потребленныхъ имъ въ видѣ одежды и пищи, обратно почвѣ, нарушаетъ, слѣдовательно, вѣчныя естественныя условія постоянства плодородія почвы“ ***). Общій итогъ изслѣдованія Маркса подведенъ имъ самимъ въ слѣдующихъ словахъ: „Мораль исторіи (производства),—которую мы также можемъ извлечь, изслѣдуя земледѣліе съ иной точки зрѣнія,—заключается въ томъ, что капиталистическая система противодѣйствуетъ раціональному земледѣлію, или что раціональное земледѣліе несовмѣстимо съ капиталистической системой (хотя послѣдняя и способствуетъ техническому его развитію) и требуетъ рукъ или самостоятельно работающихъ мелкихъ крестьянъ, или контроля ассоциированныхъ производителей“ ****).

Въ такомъ видѣ представляются, по Марксу, особенности сельскохозяйственнаго капитализма. Мы собрали изъ трехъ томовъ „Капитала“ все существенное, имѣвшее отношеніе къ этому вопросу. Оставшіяся затѣмъ немногія отрывочныя и недоговоренныя замѣчанія будутъ освѣщены впослѣдствіи, при разборѣ дальнѣйшей полемики по аграрному вопросу, въ особенности, полемики между Каут-

*) „Кап.“, I, 606—607.

**) Ibid., 441.

***) Ibid., стр. 441.

****) Кап., III, стр. 83.

скимъ и Герцемъ. Но уже и теперь можно сказать, что изъ Маркса анализа, какъ ни неполонъ и отрывоченъ онъ, прямо вытекаетъ та самая формулировка, которую мы и предлагаемъ въ предыдущей главѣ. Въ земледѣліи *содержаніе* капитализма подавляется *формой*, а потому и наблюдается особенно сильное развитіе разрушительныхъ, *отрицательныхъ* *) сторонъ капитализма надъ творческими, положительными. Слѣдовательно, чѣмъ большее въ хозяйственномъ строѣ страны значеніе принадлежитъ земледѣльческому производству (въ силу международного раздѣленія труда),—тѣмъ неблагопріятнѣе въ ней, *caeteris paribus*, вообще отношеніе между темными и свѣтлыми сторонами капитализма—со всѣми послѣдствіями, которыя отсюда вытекаютъ, и о которыхъ намъ еще придется по-дробнѣе говорить въ концѣ этой книги.

*) Это выраженіе употребляется самимъ Марксомъ, который говоритъ, что „развитіе *отрицательной стороны современнаго земледѣлія съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ*, есть одна изъ безсмертныхъ заслугъ Либиха“ („Кап.“, I, стр. 442, пр. 329). Въ настоящее время аргументація Либиха, конечно, нуждается въ коренной переработкѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Связь аграрных воззрѣній Маркса и Энгельса съ ихъ первоначальнымъ общимъ міросозерцаніемъ.

Мы видѣли, что въ сочиненіяхъ Маркса есть на лицо всѣ элементы самой неблагоприятной оцѣнки роли капитала въ земледѣліи, въ связи съ довольно опредѣленнымъ констатированіемъ ряда причинъ, затрудняющихъ или даже дѣлающихъ невозможнымъ для него полное овладѣніе этой отраслью производства. Теперь спрашивается: какимъ же образомъ у того же самаго Маркса можно найти цѣлый рядъ такихъ отдѣльныхъ мѣстъ, что, если на нихъ сосредоточиться и забыть объ остальныхъ, такъ легко всецѣло попасть въ кругъ понятій старой, изжитой „догмы“? Такъ, „однимъ изъ великихъ результатовъ капиталистическаго способа производства“. Марксъ, кромѣ указанной выше роли капитала въ техническомъ прогрессѣ, считаетъ тотъ фактъ, что онъ „съ одной стороны, совершенно (?) освобождаетъ земельную собственность отъ господски-рабскихъ отношеній, съ другой же стороны — всецѣло (!!) отдѣляетъ землю, какъ условіе производства, отъ земельной собственности и земельныхъ собственников“. Такъ, далѣе, утверждается, что этотъ капиталистическій способъ производства „дѣйствуетъ въ агрикультурѣ тѣмъ болѣе революціоннымъ образомъ, что уничтожаетъ опору стараго общества, крестьянина, и замѣняетъ его наемнымъ рабочимъ“. Такъ, далѣе, говоря о самостоятельномъ воздѣлываніи почвы крестьяниномъ-земледѣльцемъ въ атмосферѣ капиталистическаго общества, Марксъ замѣчаетъ, что „такіе случаи на практикѣ встрѣчаются, но какъ исключеніе. Совершенно такъ же, какъ предполагается капиталистической эксплуатаціей почвы отдѣленіе функционирующаго капитала отъ земельной собственности — такъ же точно исключается имъ, какъ правило, самостоятельное воздѣлываніе земельной собствен-

ности. Тотчасъ же замѣчается, что это—чистая случайность“. Въ знаменитомъ „Манифестѣ“ мы уже читали, что „средніе слои“, включая сюда и крестьянъ, низвергаются въ ряды пролетаріата, что крестьяне уже „почти не существуютъ“ и „уничтожаются ежедневно“. Въ первомъ томѣ „Капитала“ мы читаемъ, что „крупная индустрія со своими машинами создаетъ постоянное основаніе капиталистической агрикультурѣ, радикально экспроприруетъ огромное большинство сельскаго населенія и заканчиваетъ отдѣленіе земледѣлія отъ сельскихъ домашнихъ промысловъ“. Въ „18-te Brumaire“ онъ, уже хороня французское крестьянство (эти похороны состоялись въ 1852 г.), объявляетъ, что „причина, отъ которой теперь крестьянинъ погибаетъ—это его собственный клочекъ земли“. Сопоставляя это съ бутадами, въ родѣ „идіотизма деревенской жизни“ или отзывомъ о крестьянствѣ, какъ „классъ варваровъ, стоящемъ наполовину внѣ общества“—остается спросить себя, чѣмъ объяснить такія противорѣчія?

Часть этихъ противорѣчій, безусловно, объясняется тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что рядъ его замѣчаній, не совпадающихъ другъ съ другомъ, относится къ разнымъ періодамъ времени, въ теченіе которыхъ воззрѣнія его эволюционировали. Это особенно слѣдуетъ сказать о „Манифестѣ“, относящемся къ 1848 г. Далѣе, приходится считаться съ несведенностью, незаконченностью работъ Маркса. Главная часть его аграрно-теоретическихъ воззрѣній изложена въ III томѣ „Капитала“, которую онъ самъ не успѣлъ приготовить къ печати. Энгельсъ, взявшій на себя это дѣло, долженъ былъ положить въ основу изложенія этого тома рукопись, которая вся была составлена между 1863 и 1867 годами. Сюда же были прибавлены извлеченія изъ тетради Маркса, помѣченной 1876 годомъ. Насколько въ этихъ разныхъ старыхъ рукописяхъ дѣлались позднѣйшія поправки, когда именно и въ какихъ—опредѣлить трудно. Извѣстно также, что весь отдѣлъ о рентѣ Марксъ хотѣлъ совершенно переработать, положивъ въ основу его изученіе русскихъ и американскихъ поземельныхъ отношеній. При такомъ положеніи вещей удивительно не существованіе недомолвокъ и противорѣчій; удивительно, что ихъ не оказалось еще больше.

Поэтому, становится чрезвычайно существеннымъ прослѣдить, по имѣющимся источникамъ, общую тенденцію эволюціи взглядовъ Маркса и Энгельса на аграрный вопросъ. И, въ то же время, интересно прослѣдить общественно-психологическіе мотивы этой эво-

люци. Въ Марксѣ и Энгельсѣ невозможно отдѣлить теоретиковъ отъ практиковъ, ученыхъ отъ общественныхъ дѣятелей. Ихъ общее міросозерцаніе постоянно стремилось перерабатывать матеріалы текущей дѣйствительности и отвѣчать на зрѣющіе въ нѣдрахъ этой дѣйствительности вопросы. Ихъ „чистый разумъ“ потому зачастую ходилъ на поводу у „практическаго разума“. Кто хочетъ понять марксизмъ, тотъ долженъ понять его изъ условій его возникновенія и развитія. Условія же эти были по преимуществу практически-политическаго характера.

„Злобой дня“ въ ту эпоху, когда складывался марксизмъ, были отношенія между городскимъ рабочимъ и крестьяниномъ. На столкновение между тѣмъ и другимъ наткнулось демократическое движеніе вѣка,—натолкнулось, чтобы потерпѣть крушеніе, какъ на подводныхъ камняхъ, на рядѣ недоразумѣній между городомъ и деревней. Понятно, какъ должна была по этому поводу торжествовать всеевропейская реакція...

Divide et impera—раздѣляй и властвуй—вотъ старый принципъ, на которомъ утверждали и утверждаютъ свою историческую силу и власть темныя силы прошлаго во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Такъ, въ старыя времена королевская власть опиралась въ своей борьбѣ съ гордыми феодалами на городскія общины, на только что народившуюся буржуазію,—чтобы нѣсколько времени спустя, поборовъ феодальную аристократію, повергнувъ ее къ ступенямъ трона и преобразовавъ ее въ значительной мѣрѣ въ аристократію придворную, вновь обратиться въ тѣсномъ союзѣ съ ней противъ усилившейся буржуазіи и дать ей послѣднюю рѣшительную битву. Такъ, та же самая королевская власть въ эпоху феодализма не брезговала даже поощрять и возбуждать крестьянскіе бунты противъ особенно сильныхъ феодаловъ. Такъ, въ болѣе близкое время, въ лицѣ Наполеона III и Бисмарка, старый порядокъ, чтобы справиться съ непомерно усилившейся буржуазіей и повергнуть ее къ стопамъ трона, заигрывалъ съ пролетаріатомъ, давая ему въ видѣ приманки всеобщее избирательное право или мѣропріятія „государственнаго социализма“.

Въ новое время, когда трудящіяся массы населенія стали все тѣснѣе и тѣснѣе спланиваться въ одну компактную общественно-историческую силу—основной заботой реакціонныхъ партій, естественно, становится поселить раздоры и разногласія въ ея рядахъ. Съ какимъ напряженнымъ ожиданіемъ прислушиваются служители

реакціи ко всякому шуму разногласій и споровъ среди сторонниковъ новаго общественно-историческаго теченія! Съ какимъ иногда явнымъ и шумнымъ, иногда затаеннымъ злорадствомъ встрѣчаются ими всѣ новые расколы въ рядахъ представляющихъ его партій! Сколько надеждъ связывается у представителей стараго порядка со всякимъ изъ такихъ расколовъ, со всякимъ раздробленіемъ широкаго потока новаго движенія на рядъ мелкихъ, отдѣльных теченій, со всякимъ раздробленіемъ широкой и всесторонней идеи на рядъ узкихъ, одностороннихъ, а потому неизбѣжно исключительныхъ и нетерпимыхъ сектантскихъ ученій!

Въ Англіи служители стараго порядка долго могли торжествовать, замѣчая въ рядахъ самаго рабочаго класса консервативное теченіе, нашедшее свое выраженіе въ практикѣ аристократическихъ trades-unions. Лучше оплачиваемая часть рабочихъ, такъ называемые квалифицированные рабочіе, тамъ одно время составляли настоящую рабочую аристократію, выдѣлившуюся изъ остальной сѣрой, необученной, чернорабочей массы. Консерваторы видѣли въ этой рабочей аристократіи лучшій оплотъ противъ всякихъ радикально-новаторскихъ стремленій, повсюду прививавшихся легко и быстро къ пролетариату. И они не ошиблись. До сихъ поръ, не смотря на возникновеніе новаго, боевого трэдъ-юніонизма, обь индифферентное, консервативное настроеніе „привилегированныхъ“ слоевъ рабочаго класса разбиваются всѣ попытки, хотя бы англійскихъ марксистовъ съ Гайндманомъ во главѣ, создать на своей родинѣ сильную, самостоятельную, политическую рабочую партію.

На континентѣ Европы историческія условія не вырыли такой пропасти между рабочимъ плебсомъ и рабочей аристократіей. За то тамъ надеждой реакціи всюду является другая противоположность, другое противорѣчіе, раздѣляющее ряды великой арміи труда,— противорѣчіе между городомъ и деревней, между фабрично-заводскимъ пролетаріемъ и труженикомъ земледѣльцемъ. Различіе условий жизни и культурныхъ типовъ, выросшихъ подъ вліяніемъ этихъ условий, явилось для реакціи благодарной почвой, чтобы сѣять между тѣми и другими раздоры,—„раздѣлять и властвовать“. Въ особенности ярко это сказалось въ исторіи Франціи. Вотъ что говорилъ по этому поводу одинъ изъ компетентныхъ свидѣтелей:

„Уже съ давнихъ поръ тактикой общихъ враговъ крестьянскаго и рабочаго пролетаріата было—разъединять ихъ и воссужать другъ

противъ друга... Долго были въ ходу жалкія и смѣшныя легенды, посредствомъ которыхъ крестьянамъ старались представить рабочихъ, какъ грабителей и „partageurs“ (дѣлителей), которые явятся отнять жатву, въ потѣ лица произведенную крестьяниномъ.

„Вотъ уже цѣлое столѣтіе, какъ стараются возбудить взаимное недовѣріе и тѣхъ, и другихъ, чтобы помѣшать, затормозить осуществленіе дѣла справедливости для крестьянъ. Да, еще тогда, когда передъ французской революціей былъ поставленъ вопросъ о раздѣлѣ національныхъ имуществъ, конфискованныхъ имѣній эмигрантовъ, духовенства и аристократіи,—явилась мысль раздать крестьянамъ, по крайней мѣрѣ, значительную часть этихъ имуществъ. Что же сказали тогда специалисты по части ажіотажа и спекуляціи, которые хотѣли сохранить блага, представляемые этими національными имуществами, для себя, для легкихъ и прибыльныхъ коммерческихъ оборотовъ? „Если раздать крестьянамъ національныя имущества—старыя владѣнія дворянства, духовенства и эмиграціи,—говорили они,—то какая изъ этого будетъ польза для васъ,—васъ, остальные рабочіе? Вѣдь это васъ обкрадутъ въ пользу крестьянъ!“ И такимъ образомъ сто лѣтъ тому назадъ, чтобы передать въ руки финансовой аристократіи имущества, только что вырванные изъ рукъ аристократіи родовой, пытались возбудить недовѣріе рабочаго противъ крестьянина,—въ то время какъ теперь—наоборотъ—пытаются возбудить недовѣріе крестьянина противъ рабочаго, ради поддержанія верховенства и силы капитала надъ разъединенными силами рабочихъ и крестьянъ. Это все та же самая вѣчная тактика!“ *).

Какъ всегда, эта тактика принесла плоды. Недоразумѣнія между тружениками города и деревни постепенно нарастали и накопились. И тѣ, и другіе страдали отъ общаго врага капитала; и тѣ, и другіе эксплуатировались; но формы эксплуатаціи были различны, а потому и ближайшія требованія были неодинаковы. Городскіе рабочіе были пролетаріями не только по образу жизни, не только по уровню благосостоянія, но и въ чисто формальномъ смыслѣ: они существовали продажей своей рабочей силы. Труженикъ деревни, земледѣлецъ, формально пролетаріемъ не былъ, онъ номинально былъ совершенно независимъ. Но изъ него тянули соки и ростовщикъ въ видѣ процентовъ за ссуды, и землевладѣлецъ въ

*) Discours de Jean Jaurès, p. 103—104.

видѣ арендной платы, и скупщикъ въ видѣ торговой прибыли, и правительство въ видѣ податей. Онъ угнетался и эксплуатировался часто нисколько не менѣе и даже болѣе, чѣмъ чистокровный фабричный пролетарій. Онъ фактически былъ пролетаріемъ особаго рода. Но формально онъ оставался собственникомъ своихъ средствъ производства, самостоятельнымъ предпринимателемъ, хозяиномъ. И поэтому его психика не совпадала съ психикой городского пролетарія. Этотъ послѣдній давно привыкъ себя чувствовать маленькимъ винтикомъ громаднаго производительнаго механизма— фабрики. Управление этимъ производственнымъ механизмомъ для него всегда было чѣмъ-то внѣшнимъ. Не естественно ли было ему перейти сразу къ мысли о коллективистскомъ государствѣ? Самая идея этого перехода для него должна была быть крайне проста. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ имущества, всѣ производственныя предпріятія попадаютъ изъ рукъ частныхъ собственниковъ въ руки народнаго государства, всѣ работники переходятъ изъ распоряженія капиталистовъ въ его распоряженіе; все сбрасывается въ одинъ кошелекъ, изъ котораго затѣмъ каждый работникъ имѣетъ право на равную часть. Иное у крестьянина. Онъ привыкъ быть въ хозяйственномъ отношеніи нѣкоторой самодовлѣющей единицей; въ его повседневной жизни ничто не наводило на аналогіи съ государственной, общественной организаціей земледѣльческаго производства. Съ государствомъ онъ встрѣчался повсюду лишь какъ съ внѣшней, гнетущей силой; его онъ переносилъ, какъ неизбежное зло. Было очевидно, что, пока крестьянинъ остается крестьяниномъ, идею о строѣ съ господствомъ обобществленнаго труда къ нему нельзя привить тѣмъ же самымъ путемъ, какъ къ фабричному пролетарію. Нужно или найти какой-то иной, особый путь, или рѣшить, что отъ крестьянина никакого добра ждать нельзя, что онъ—безнадежный индивидуалистъ, а слѣдовательно—буржуа.

Къ этому послѣднему рѣшенію и пришли Марксъ и Энгельсъ въ своемъ „Манифестѣ коммунистической партіи“.

Наканунѣ революціоннаго кризиса 1848 г. они провозгласили: „Средніе слои, мелкіе купцы и промышленники, ремесленники и крестьяне — всѣ они борются противъ буржуазіи, чтобы отстоять свое существованіе, какъ среднихъ слоевъ. Слѣдовательно, они консервативны. Еще того болѣе, они реакціонны, они стремятся повернуть назадъ колесо исторіи“. Исторически-прогрессивное значеніе они могутъ пріобрѣтать лишь постольку, поскольку имъ предстоитъ

переходъ въ ряды пролетаріата, поскольку они защищаютъ не современные, но будущіе свои интересы, поскольку они покидаютъ *свою точку зрѣнія* и становятся на *точку зрѣнія пролетаріата*“ (курсивъ нашъ).

И въ томъ же сочиненіи далѣе пѣлась настоящая отходная крестьянству. Возражая противъ обычной тактики реакціонеровъ, нашептывающихъ крестьянину, будто пресловутые „partageurs“ хотятъ отнять у него въ потѣ лица обработанную ниву и собранную жатву — Марксъ и говорить, что это пустяки, что социалистамъ нѣтъ надобности экспроприровать крестьянство, хотя бы по одному тому, что „оно уже уничтожилось, или уничтожается ежедневно“. Предполагалось, что капитализмъ подготовить въ земледѣліи, какъ и въ индустріи, все для новой организаціи производства: уничтожить мелкія самостоятельныя хозяйства, создать крупныя, сгонить воедино, подъ желѣзнымъ владычествомъ капитала, массы земледѣльцевъ-рабочихъ, приучить ихъ къ мысли глядѣть на себя, какъ на членовъ одного великаго производственного механизма, который нужно только вырвать изъ власти немногихъ узурпаторовъ-капиталистовъ и передать въ общую собственность всего государства, поставить подъ общій государственный контроль.

Словомъ, обезземеленіе и пролетаризація крестьянства представлялись явленіемъ и неизбежнымъ, и прогрессивнымъ. Неизбежнымъ — ибо объ эволюціи сельскаго хозяйства, тогда крайне недостаточно изученной, приходилось судить по аналогіи съ эволюціей индустріальной; прогрессивнымъ — потому что для Маркса и Энгельса творческая роль капитализма и его „воспитательное“ вліяніе на пролетаризируемыя массы рисовались въ то время особенно радужными чертами, и эта исторически-преобразовательная роль капиталистическихъ отношеній выступала особенно яркимъ контрастомъ сравнительно съ неповоротливостью, инертностью, неподатливостью крестьянъ.

Итакъ, совершенно естественнымъ образомъ у Маркса и Энгельса зародились тогда взгляды, которые затѣмъ, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію, отвердѣли и закристаллизовались въ особую „марксистскую догму“ въ крестьянскомъ вопросѣ, — ту самую догму, которую мы достаточно характеризовали въ предыдущихъ главахъ. Въ своей первоначальной формѣ, въ эпоху знаменитаго „Манифеста“, въ этомъ отношеніи марксизмъ былъ міросозерцаніемъ замѣчательно цѣльнымъ, стройнымъ и логически законченнымъ.

Въ это время Марксъ и Энгельсъ готовы были сводить къ недостаточности „капиталистическаго развитія“ всѣ бѣдствія, всѣ задержки въ социальномъ и политическомъ прогрессѣ каждой страны. Англія въ это время только что пережила чартистское движеніе; она стояла во главѣ рабочаго движенія. Марксъ и Энгельсъ были далеки отъ всякаго предчувствія того, что такое мощное движеніе можетъ попасть въ мелководное русло трѣдъ - юніонизма. Именно наиболѣе классическій, наиболѣе могучій ростъ капитализма въ Англіи въ ихъ глазахъ являлся наилучшей гарантіей того, что и англійскій пролетаріатъ, въ болѣе чистомъ видѣ испытаетъ „капиталистическую выучку“ и „выварившись въ фабричномъ котлѣ“, явить міру образецъ наиболѣе широкаго, смѣлаго и рѣшительнаго движенія въ сторону новой, неизбежно имѣющей наступить общественной формации.

Марксъ и Энгельсъ недооцѣнили упорную живучесть капитализма и переоцѣнили его діалектическое „самоотрицаніе“. Они не замѣчали, что „капиталистическая выучка“ есть палка о двухъ концахъ, что „власть денегъ“, всепроникающее могущество капитала и духъ буржуазной конкуренціи можетъ заражать и рабочихъ, внося въ ихъ среду духъ разединенія, разбивая ихъ на профессіи, замыкающіяся въ себѣ, борющіяся за привилегированное положеніе, хотя бы за счетъ остальной рабочей массы; что духъ буржуазнаго разсчета, узкой практичности и безсердечнаго чистогана можетъ и на пролетаріевъ простирать свое изсушающее дѣйствіе, развивая въ нихъ недовѣріе ко всякимъ „журавлямъ въ небѣ“ и вѣру только въ прозаическую „синицу въ рукахъ“, пропитывая ихъ психику узкимъ практицизмомъ и невоспримчивостью къ широкой идеалистической постановкѣ вопросовъ. А между тѣмъ, именно это и обнаружилось какъ разъ въ Англіи, гдѣ ученикамъ Маркса приходилось и до сихъ поръ приходится выносить крайне трудную, тяжелую и затяжную борьбу со всѣми указанными тенденціями въ рабочей средѣ. Марксъ и Энгельсъ, далѣе, вначалѣ не замѣчали, что „обобществленіе сверху“, подъ желѣзной ферулой капитала, можетъ оказаться палкой о двухъ концахъ еще и въ другомъ смыслѣ.—Именно внѣшне-принудительный „жестоковый“, казарменный характеръ такого обобществленія можетъ настолько сродниться въ глазахъ многихъ и многихъ „обобществляемыхъ съ самымъ принципомъ обобществленія, что вызоветъ въ нихъ, въ видѣ неизбежной психологической реакціи, взрывъ индивидуалистическихъ чувствъ и стремленій; что

этотъ страстный протестъ „необщественной“ личности внести новый расколъ въ среду пролетаріата, развѣвъ въ части его „аполитизмъ“ и доведенное до крайности недовѣріе къ самому принципу организаціи, какъ мы это и видимъ, особенно въ нѣкоторыхъ индивидуалистическихъ фракціяхъ анархизма. Марксъ и Энгельсъ не предвидѣли ни этой широкой возможности подпаденія части рабочихъ подъ моральную власть узкаго буржуазнаго практицизма, ни этой возможности впаденія части рабочихъ въ крайности реакціи противъ „обобществленія сверху“,—реакціи, доходящей до полного отрицанія всякой дѣятельности на почвѣ свободныхъ государственныхъ учрежденій современнаго буржуазнаго общества. Марксъ и Энгельсъ не отдавали себѣ отчета еще и въ томъ, что творческая роль капитализма въ самой производительной области окажется далеко не вездѣ одинаковой, и что далеко не во всѣхъ отрасляхъ производства она дастъ такіе же положительные результаты, какъ и въ высшихъ отрасляхъ индустріи. Если разсматривать различныя вѣтви промышленности, начиная отъ самыхъ элементарныхъ, занятыхъ непосредственнымъ добываніемъ тѣхъ или иныхъ сырыхъ матеріаловъ природы, восходя до самыхъ высшихъ отраслей переработки этихъ матеріаловъ и кончая производствомъ машинами самихъ же машинъ,—то, спускаясь по этой іерархической лѣстницѣ внизъ, мы увидимъ, что соотвѣтственно растутъ ея отрицательныя, разрушающія, дезорганизующія стороны. Послѣдующая хозяйственная эволюція доставила въ этомъ отношеніи такія неоспоримыя данныя, что даже ортодоксальнѣйшій изъ современныхъ учениковъ Маркса, Карлъ Каутскій, долженъ былъ дать слѣдующую характеристику роли капитала въ сельскомъ хозяйствѣ: „Капиталистическое развитіе вліяетъ въ деревнѣ иначе, чѣмъ въ городахъ. Здѣсь оно не соединяетъ людей, а разъединяетъ ихъ. Оно ведетъ не только къ относительному, но на извѣстной ступени развитія и къ абсолютному обезлюденію деревни. Оно уводитъ какъ разъ самые способные, самые энергичные и самые интеллигентные элементы. Слабѣйшіе и беззащитнѣйшіе—вотъ кто остается. Рука объ руку съ этимъ обезлюденіемъ идетъ и умственное запусканіе деревни“...

Повторяемъ, все это обнаружено было лишь послѣдующей исторіей. При всей своей геніальности, Марксъ былъ, однако, такимъ же смертнымъ, не способнымъ выбиться совершенно изъ ограниченныхъ рамокъ своей эпохи и подняться надъ недостаточно опредѣлившимся ходомъ развитія хозяйственныхъ отношеній. Онъ

обобщилъ тѣ данныя, которыя были передъ нимъ; онъ не могъ видѣть ограниченіе, которое несло съ собой дальнѣйшее развитіе, и потому обобщенія его зашли дальше, чѣмъ слѣдовало, и захватили области, къ которымъ оказались потомъ неприложимыми.

Теперь, послѣ выхода изданнаго Мерингомъ собранія старыхъ статей Маркса и Энгельса *), не трудно составить себѣ ясную картину ихъ тогдашнихъ общественно - политическихъ чаяній и упований.

Царство аристократіи и среднихъ классовъ въ Англіи, — утверждалъ Энгельсъ еще въ 1844 г., — „идетъ огромными шагами къ своему концу“ **). Англія переживаетъ теперь „вечеръ наканунѣ соціальной революціи“, повторилъ онъ года черезъ два въ своей эльберфельдской рѣчи. И это казалось ему естественно. Въдъ „ни въ одной странѣ въ мірѣ не развилось, вмѣстѣ съ массовымъ пролетариатомъ, до такой высоты противорѣчіе между пролетариатомъ и буржуазіей“, „въ Англіи существуетъ самый многочисленный, самый концентрированный, самый классическій пролетариатъ“ ***). Здѣсь, въ дѣйствительности, „развиваются самые сильнѣйшіе конфликты, самыя рѣшительныя революціи“. „Классовыя противорѣчія въ англійскомъ обществѣ развились до такой высоты, какъ ни въ какой иной странѣ; здѣсь противъ буржуазіи, не знающей себѣ равной по богатству и развитію производительныхъ силъ, стоитъ пролетариатъ, который также не знаетъ себѣ равнаго по могуществу и концентрированности“. „Здѣсь, подъ внѣшнимъ покровомъ конституціонной монархіи, развились гораздо больше и гораздо болѣе радикальные элементы общественной революціи, чѣмъ во всѣхъ странахъ міра, вмѣстѣ взятыхъ“. Неудивительно, что именно Англія и будетъ идти во главѣ новаго общественнаго историческаго теченія во всѣхъ странахъ. „Чартисты во главѣ англійскаго правительства“ — только съ этого момента, по его мнѣнію, крутой переходъ къ новому хозяйственному строю — „вступить изъ царства утопіи въ царство дѣйствительности“ ****).

Въ этомъ Марксъ и Энгельсъ были глубоко убѣждены. Это.

*) „Aus dem litterarischen Nachlass von K. Marx u. Engels“. Hrgb. v. F. Mehring, I, S. 463.

**) Ib. „Französische und Englische Klassenkämpfe“, III, S. 119.

***) Ib. — печ. на книгу Гизо, III, S. 413—414.

****) Ib. „Neujahr 1840“, III, S. 232.

былъ логическій выводъ изъ ихъ теоріи. Если именно развитіе капитализма, какъ таковое, есть подготовленіе новой общественной формаціи, то шансы перехода къ ней должны возрастать прямо пропорціонально „капиталистической обработкѣ“ страны, и Англія, какъ страна, всего полнѣе и всего долѣе испытывшая „капиталистическую выучку“, должна была идти впереди всѣхъ въ подготовленіи рѣзкаго историческаго перелома. Правда, жизнь тогда же уже начинала говорить что-то другое. Но что значить свидѣтельство короткаго момента! Это лишь случайное, преходящее вѣяніе. Теорія Маркса и Энгельса, изложенная въ „Манифестѣ коммунистической партіи“, не можетъ быть невѣрна, а, слѣдовательно, вѣрны и всѣ логически необходимые выводы изъ нея—вѣрно, слѣдовательно, и предвидѣніе исторически-преобразовательной инициативы Англіи!

„Страна, которая превратила всѣ націи въ своихъ пролетаріевъ, которая весь свѣтъ окружила своими колоссальными арміями, страна, которая уже уплатила однажды изъ своихъ средствъ расходы на европейскую реставрацію; страна, въ нѣдрахъ которой классовыя противорѣчія развились въ наиболѣе ярко выраженныхъ и наиболѣе безстыдныхъ формахъ—словомъ, Англія кажется скалой, о которую разбиваются волны революціи *)... Но это ничего не значить.

Впереди—великій историческій кризисъ, всемірная война, всеобщее потрясеніе, и въ эпилогѣ новое побѣдоносное возстаніе чартизма, этой организованной англійской рабочей партіи. Пусть сейчасъ одолѣла реакція, пусть новое движеніе всюду подавлено. Это слѣдствіе періода промышленнаго процвѣтанія, который въ свое время необходимо смѣнится по закону періодичности новымъ хозяйственнымъ кризисомъ, а съ нимъ и кризисомъ политическимъ. „При томъ всеобщемъ процвѣтаніи, во время котораго производительныя силы буржуазнаго общества развиваются такъ пышно, какъ это только возможно въ рамкахъ буржуазныхъ отношеній, — не можетъ быть и рѣчи о настоящей революціи. Такая революція возможна лишь тогда, когда два эти фактора—современныя производительныя силы и формы буржуазнаго производства—вступаютъ въ конфликтъ между собою... Новая революція возможна лишь какъ результатъ новаго кризиса. И ея наступленіе можно считать столь же вѣрнымъ, какъ и наступленіе этого послѣдняго“ **). Пусть же бур-

*) Ibid., S. 231.

**) Ibid., III, S. 467—468.

жуазія празднуетъ свою эфемерную побѣду. Человѣкъ науки знаетъ, что кризисъ вскорѣ вскроетъ ея эфемерность. „Тотъ рокъ, который кассируетъ побѣду, есть европейское банкротство, государственное банкротство“. Пусть, напримѣръ, англійская буржуазія фактически отмѣняетъ десятичасовой билль: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше; этимъ лишь „ускоряются кризисы и сокращается періодъ процвѣтанія. А что ускорять кризисы, то ускорять вмѣстѣ съ этимъ и ходъ англійскаго развитія, а стало быть и его ближайшую цѣль—низверженіе индустріальнымъ пролетаріатомъ индустріальной буржуазіи... Совершенно очевидно, что англійская индустріальная буржуазія... идетъ быстрыми шагами къ такому пункту своего развитія, когда всѣ ея ресурсы для поддержанія дѣлъ окажутся исчерпанными, когда періодъ процвѣтанія, нынѣ все еще отдѣляющій одинъ кризисъ отъ другого, совершенно исчезнетъ... и когда индустрія, торговля и все современное общество должно бы погибнуть, съ одной стороны, отъ избытка неимѣющей примѣненія живой силы, съ другой стороны—отъ полного истощенія... если бы не было класса, который одинъ можетъ взять въ свои руки дальнѣйшее управленіе обществомъ: и этотъ классъ есть пролетаріатъ. Такимъ образомъ, пролетарская революція неустраима и ея побѣда—обезпечена“ *). Только слѣпота буржуазіи мѣшаетъ ей видѣть, что она танцуетъ на вулканѣ, который черезъ нѣсколько часовъ придетъ въ дѣйствіе. „Буржуазія торжественно справляетъ свой величайшій праздникъ въ моментъ, когда предстоитъ катастрофа, крушеніе (der Zusammenbruch) всего ея господства—крушеніе, которое докажетъ ей убѣдительно, чѣмъ когда-либо, что силы ея выросшныя, переросли ея опеку. Во время будущей всемірной выставки г.г. буржуа, вѣроятно, будутъ фигурировать уже не въ качествѣ владѣльцевъ этихъ производительныхъ силъ, и развѣ только въ роли чичероне при ихъ осмотрѣ“ **).

Исторія жестоко насмѣялась надъ этой вѣрой въ благотѣльное и стремительно-быстрое „самоотрицаніе“ капиталистическаго порядка. Но въ свое время Энгельсъ такъ же твердо и несокрушимо вѣрилъ въ правильность своихъ предсказаній, какъ хотя бы современные русскіе марксисты вѣрятъ во всѣ свои пророчества. Энгельсъ не менѣе ихъ былъ убѣжденъ, что его устами глаголетъ точная, строгая, неумолимая наука. „Съ той же самой увѣренностью, съ какой мы

*) „Die englische Zehnstundenbill“ von Fr. Engels, id. III, S. 394.

**) „Aus den literarischen Nachlass“ etc., III, S. 457.

можемъ изъ данныхъ математическихъ положеній развить новую истину,—говорилъ онъ въ 1847 г.,—съ той же самой увѣренностью мы можемъ изъ данныхъ экономическихъ отношеній и политико-экономическихъ принциповъ заключать къ предстоящей социальной революціи“ *). Эту свою „математическую“ увѣренность въ абсолютной правильности всякихъ, выводимыхъ изъ марксистской догмы, предсказаній, Энгельсъ, во всей неприкосновенности, передалъ по наслѣдству своимъ ученикамъ. Степень ихъ увѣренности въ правильности всякихъ своихъ „научныхъ“ предсказаній, стоящая обычно въ обратномъ отношеніи къ ихъ умственному росту, заставляетъ вспомнить слова Маркса объ эпигонахъ другого направленія, что „ни одна школа не злоупотребляла еще такъ часто словомъ „наука“.

Посмотримъ теперь, какіе выводы для крестьянскаго вопроса могли вытекать изъ этихъ предпосылокъ.

Современные марксисты не мало спорили и еще продолжаютъ спорить о томъ—можно ли и, если можно, то въ какой формѣ слѣдуетъ защищать интересы крестьянства въ современномъ буржуазномъ обществѣ. Какъ относились Марксъ и Энгельсъ къ этому вопросу въ эпоху составленія своего „Манифеста“?

Для Маркса и Энгельса самая постановка такого вопроса представлялась дѣломъ совершенно недопустимымъ. Постановка этого вопроса предполагаетъ, что рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ другой вопросъ—о необходимости для социалистовъ имѣть, кромѣ программы—maximum, еще и программы — minimum. Но если система Маркса и Энгельса основывалась въ то время на „точномъ научномъ предвидѣніи“ въ ближайшемъ же будущемъ всеобщаго хозяйственного краха, экономической катастрофы, всеевропейскаго государственнаго банкротства и перехода руководства всѣми дѣлами государства къ партіи пролетаріата, то на какое же время могла быть разсчитана программа — minimum? Въ современномъ смыслѣ этого слова программа—minimum есть программа такихъ политическихъ и экономическихъ мѣропріятій, проведеніе которыхъ (мирнымъ или инымъ путемъ, безразлично) способно укрѣплять позиціи и облегчать положеніе рабочаго класса во время всего того періода, когда общественная власть находится еще въ рукахъ чуждыхъ ему политическихъ элементовъ, у которыхъ въ процессѣ роста движенія можно лишь вынудить частичныя уступки или сдѣлать частичныя завоеванія. Та-

*) „Versammlungen in Elberfeld“, II, S. 399.

кой программы — minimum „Манифестъ“ еще не выставлялъ. — Въ немъ, пожалуй, также есть программа — minimum, но только совершенно особаго рода: это — программа первоначальныхъ мѣръ, имѣющихъ своею цѣлью экспропріацію главныхъ имущественныхъ силъ буржуазнаго общества и закладку фундамента будущаго строя. Иными словами: эта программа — minimumъ есть практическій приступъ къ осуществленію интегральной программы — максимумъ; она предполагаетъ, что въ странѣ уже одержалъ полную и окончательную побѣду новый общественный слой.

Марксу и Энгельсу и нужно было безповоротно убѣдиться, что ихъ прогнозъ по меньшей мѣрѣ преждевремененъ, чтобы перейти къ другой точкѣ зрѣнія. Только въ 80-хъ годахъ они сами составляютъ программу для французской рабочей партіи, при чемъ, кромѣ формулировки конечной цѣли движенія, формулируютъ также программу — minimum — но уже не въ смыслѣ „Манифеста коммунистической партіи“, не въ смыслѣ первыхъ мѣръ къ введенію новой системы хозяйства взаимнъ товарно-буржуазной, а въ смыслѣ обезпеченія интересовъ рабочаго класса и подъема шансовъ его борьбы на періодъ господства буржуазныхъ интересовъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ заключать, что только въ 1880 г. они признали необходимость минимальной программы. Первая попытка, напримѣръ, ихъ аграрной минимальной программы, какъ мы увидимъ, датируется гораздо раньше.

Здѣсь важно будетъ отмѣтить и что программу — minimumъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Марксъ и Энгельсъ въ эпоху манифеста считали бы не только лишней и ненужной, но даже болѣе того — прямо вредной. Это явствуетъ хотя бы изъ чрезвычайно интересной статьи Фр. Энгельса объ англійскомъ десятичасовомъ рабочемъ биллѣ.

Въ современномъ рабочемъ движеніи борьба за сокращеніе рабочаго дня и связанная съ нею мѣры фабричнаго законодательства предполагаютъ буржуазный строй, во главѣ котораго стоятъ партіи, враждебныя основному, конечному требованіямъ рабочаго класса. Требованія рабочихъ имѣютъ своею цѣлью вынудить, вырвать у правительства классового, правительства болѣе или менѣе буржуазнаго, необходимыя для физическаго и моральнаго здоровья рабочихъ уступки или пріобрѣсти инымъ путемъ частичныя завоеванія. — Словомъ, требованія рабочихъ въ своемъ осуществленіи предполагаютъ санкцію — болѣе или менѣе вынужденную — враждебнаго имъ класса. И несомнѣнно, что десятичасовой англійскій билль былъ первымъ важнымъ

шагомъ на этомъ пути. Какъ первый шагъ, открывшій за собой эру дальнѣйшаго прогресса законодательства въ этомъ смыслѣ, онъ былъ настолько важенъ, что впослѣдствіи Марксъ называлъ его „побѣдой новаго принципа“.

Но съ точки зрѣнія чистаго, строгаго марксизма конца сороковыхъ годовъ дѣло представлялось совершенно въ иномъ свѣтѣ. Именно тотъ фактъ, что десятичасовой рабочій день былъ введенъ буржуазно-землевладѣльческимъ законодательствомъ, дѣлало его въ глазахъ Маркса и Энгельса актомъ реакціоннымъ.

Не въ томъ дѣло, конечно, что они не видѣли всю важность ограниченія рабочаго дня для физическаго и моральнаго здоровья рабочихъ. Они понимали это значеніе, но признавали въ послѣднемъ итогѣ полезность такой мѣры лишь въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ мѣръ, которыя въ своей совокупности означали бы полную ликвидацію существующаго хозяйственнаго строя, а, слѣдовательно, проводились бы не порознь, а вмѣстѣ, одновременно, и, само собой разумѣется, въ моментъ, когда назрѣла эта ликвидація и есть на лицо одержавшая эту побѣду организованная сила созданнаго капитализмомъ новаго общественнаго слоя, готоваго и способнаго его произвести.

Вывранный изъ живой, органической совокупности такихъ мѣръ, билль о сокращеніи рабочаго дня, съ точки зрѣнія Маркса и Энгельса, способенъ быть только соблазномъ для рабочихъ, совращая ихъ съ истиннаго пути на путь сдѣлокъ съ благотѣльными опекунами изъ привилегированныхъ классовъ, да еще задерживать развитіе всѣхъ противорѣчій капиталистическаго строя, — развитіе противорѣчій, въ которомъ лежитъ залогъ его діалектическаго самоотрицанія.

„Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Развитіе капитализма, не связанное никакими нормами, внѣ его лежащими, приведетъ кратчайшимъ путемъ, съ наименьшей потерей, къ наибольшимъ результатамъ. Таковъ былъ ясный опредѣленный смыслъ міросозерцанія, логически развиваемаго до его крайнихъ выводовъ. Это логическое безстрашіе передъ выводами, эта стройность и отсутствіе всякой двусмысленности представляли въ одно и то же время и силу, и слабость марксизма конца 40-хъ годовъ.

Сказанное не трудно подтвердить цитатами.

Энгельсъ, въ упомянутой статьѣ, прежде всего, отмѣчаетъ, что въ эпоху, когда англійскій рабочій классъ еще не былъ готовъ овладѣть государствомъ, проведеніе десятичасоваго рабочаго дня могло быть лишь дѣломъ компромисса. И онъ подчеркиваетъ тотъ фактъ,

что междупартизанная борьба въ предѣлахъ самой буржуазіи выдвинула изъ ея среды фракціи, пользовавшіяся десятичасовымъ биллемъ, чтобы привлечь на свою сторону рабочихъ. Съ одной стороны стояла индустриальная буржуазія, интересы которой этимъ биллемъ нарушались; съ другой — банкиры, торговцы, биржевики и землевладельцы, которымъ проведеніе билля ничего не стоило. Вмѣстѣ съ расчетливыми людьми эти общественные элементы выдвинули сантиментальныхъ и мечтательныхъ идеологовъ торизма, принимавшихъ въ серъезъ то, что для другихъ было лишь тактическимъ приѣмомъ: защиту интересовъ рабочихъ, возбужденіе ихъ противъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Съ другой стороны, навстрѣчу этому теченію, шедшему сверху, среди рабочихъ возникло теченіе, шедшее снизу — та первоначальная незрѣлая оппозиція индустриализму, которая мечтала о возвращеніи старыхъ патріархальныхъ отношеній. Такимъ образомъ, рабочее движеніе фальсифицировалось и извращалось тѣми реакціонными примѣсами, которыя были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ компромисса *).

Но этого мало. Когда десятичасовой билль послѣ разныхъ мытарствъ былъ проведенъ, то союзъ долженъ былъ распасться, ибо не оказывалось новаго крупнаго требованія, которое могло бы объединить столь разношерстные элементы въ одномъ интенсивномъ движеніи. Первая бѣда оказывалась, такимъ образомъ, лишь преходящей и временной. Но билль имѣлъ еще одно чрезвычайно важное послѣдствіе, и послѣдствіе, по англійскимъ условіямъ, безусловно реакціонное.

„Вслѣдствіе промышленной революціи, рѣшающей вѣтвью производства для Англіи стала ея индустрія, благодаря которой она завоевала и поработила себѣ всемірный рынокъ. Англія стоитъ и падаетъ со своей индустріей, возвышается и припадаетъ вмѣстѣ съ кривой ея колебаній... Но современная крупная промышленность можетъ существовать лишь при условіи постоянного расширенія, постоянного завоеванія новыхъ рынковъ... И такъ какъ индустрія на высотѣ ея современнаго развитія несравненно скорѣе увеличиваетъ свои производительныя силы, чѣмъ можетъ увеличивать свои рынки, то отсюда проистекаютъ тѣ промышленные кризисы, во время которыхъ, вслѣдствіе избытка средствъ производства и продуктовъ, обращеніе товаровъ внезапно парализуется, промышленность и тор-

*) «Die englische Lehnstudentenbill» von Fr. Engels, ib., III, S. 385—386.

говля почти совсѣмъ замирають, пока избытокъ продуктовъ не успѣтъ схлынуть, найдя для этого новые каналы. Но этотъ моментъ скоро даетъ мѣсто новому періоду процвѣтанія. Расторговавшіеся рынки требуютъ новаго подвоза и снабженія; фабриканты не успѣваютъ работать достаточно быстро. Но здѣсь-то и являются предписанія десятичасового билля нестерпимыми узами для индустріи, которая нуждается въ такой моментъ, болѣе чѣмъ когда либо, въ полной независимости, въ ничѣмъ не ограниченной свободѣ распоряженія всѣми необходимыми для нея ресурсами...

„Если раньше мы видѣли, что десятичасовой билль защищался главнымъ образомъ реакціонерами и былъ проведенъ исключительно реакціонными классами, то теперь мы видимъ, что въ томъ видѣ, какъ онъ былъ проведенъ, онъ является насквозь реакціонной мѣрою. Все общественное развитіе Англіи связано съ развитіемъ, съ прогрессомъ ея индустріи. Всѣ учрежденія, которыя стѣсняють этотъ прогрессъ, ограничивають его или стремятся его регулировать и управлять имъ посредствомъ масштабовъ, внѣ его лежащихъ—реакціонны, не могутъ быть удержаны и должны пасть. Революціонная сила, которая сумѣла тутъ покончить со всѣмъ патріархальнымъ строемъ старой Англіи, съ аристократіей и финансовой олигархіей, не дастъ себя втиснуть и уложить въ умѣренной и аккуратной постелькѣ десятичасового билля.

„И, однако, десятичасовой билль непременно нуженъ для рабочихъ. Онъ для нихъ — прямая физическая необходимость. Безъ десятичасового билля цѣлому поколѣнію англійскихъ рабочихъ угрожаетъ физическое вырожденіе. Но между тѣмъ, десятичасовымъ биллемъ, который... проведенъ реакціонной коалиціей 1847 г., и тѣмъ, котораго теперь требуютъ рабочіе—огромная разница...

„Они (рабочіе) испытали, какая имъ польза отъ того, что противъ индустріальной буржуазіи проводятся единичныя мелкія мѣры. Они на опытъ узнали, что пока индустріальная буржуазія все еще остается классомъ, который одинъ въ настоящій моментъ способенъ стоять во главѣ развитія, и что было бы напрасно работать вопреки ему въ этой его прогрессивной миссіи...

„Они чувствуютъ, что ихъ время можетъ придти лишь тогда, когда индустріальная буржуазія себя используетъ и исчерпаетъ: и вотъ почему, руководимые вѣрнымъ инстинктомъ, они должны ускорять тотъ процессъ развитія, который долженъ дать ей побѣду и тѣмъ самымъ подготовить ея паденіе...

„Лишь съ того момента, когда границы даже всемірнаго рынка сдѣлаются слишкомъ узкими для полнаго развитія всѣхъ ресурсовъ современной индустріи; когда послѣдней необходима будетъ общественная революція, чтобы вновь пріобрѣсти для игры своихъ силъ свободную арену—съ этого момента ограниченіе рабочаго времени перестанетъ быть реакціоннымъ дѣломъ, перестанетъ быть узами, стѣсняющими индустрію. Напротивъ, этотъ вопросъ выдвинется самъ собой. Первымъ слѣдствіемъ пролетарской революціи въ Англіи будетъ централизація крупной индустріи въ рукахъ государства, т. е. въ рукахъ получившаго господство пролетаріата. Но съ централизаціей индустріи устраняются всѣ отношенія конкуренціи, которыя нынѣ ставятъ въ конфликтъ регулированіе рабочаго времени съ прогрессомъ индустріи.

„Десятичасовой рабочій билль въ томъ видѣ, въ какомъ его теперь требуютъ рабочіе... не является болѣе единичной попыткой, ослабляющей индустріальное развитіе, онъ есть лишь звено въ длинной цѣпи мѣропріятій, производящихъ переворотъ въ своемъ современномъ обликѣ общества и уничтожающихъ послѣдовательно существовавшія до сихъ поръ классовыя противорѣчія; онъ — не реакціонная, но революціонная мѣра.

„И, такимъ образомъ, единственное разрѣшеніе вопроса о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, какъ и всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ отношеніями между трудомъ и капиталомъ — заключается въ пролетарской революціи“ *).

Эта статья объ англійскомъ десятичасовомъ биллѣ (напечатана въ 1850 г.) имѣетъ огромную важность для характеристики той точки зрѣнія, на которой Марксъ и Энгельсъ—въ это время работавшіе уже въ полномъ согласіи между собой — стояли въ эпоху „Коммунистическаго Манифеста“ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, непосредственно слѣдовавшихъ за его опубликованіемъ. Безъ пониманія этой точки зрѣнія нельзя достаточно полно и правильно понять и оцѣнить всѣ ихъ отдѣльные соціально-политическіе взгляды, мнѣнія и отзывы.

Мы уже сказали, что въ этой своей классической, чистой, ортодоксальной формѣ (не даромъ „Манифестъ Коммунистической Партіи“ во всѣхъ своихъ частностяхъ и теперь представляетъ Коранъ ортодоксіи) было міросозерцаніемъ чрезвычайно стройнымъ и логи-

*) „Die englische Zehnstundenbill; Nachlass etc., III, S. 392—395.

чески закругленнымъ *). Душой этой стройности, этой внутренней гармоніи, явилось убѣжденіе, что развитие капитализма, предоставленное самому себѣ, въ своихъ „натуральныхъ“, стихійно слагающихся формахъ, есть кратчайшій и наилучшій путь къ новой общественной системѣ, путь, который нужно только расчистить отъ всякой заграждающей дорогу старой, исторически накопившейся ве- тоши — и тогда дѣло въ шляпѣ. Этотъ оптимистическій фатализмъ по отношеніи къ капитализму лишь впоследствии, особенно въ рукахъ „учениковъ“, окончательно утратилъ свою послѣдовательность и приобрѣлъ совершенно эклектическую окраску, вмѣстѣ съ тѣмъ отъ него постепенно отлетѣлъ и тотъ всесторонній и глубокий духъ активности, которымъ онъ былъ проникнутъ особенно сильно именно въ концѣ 40-хъ годовъ. Онъ смѣнился духомъ оппортунизма, иногда откровеннаго, какъ у большинства „ревизионистовъ“, иногда скрытаго и замаскированнаго громкой фразеологіей (какъ у большинства „ортодоксовъ“).

Такъ какъ въ глазахъ Маркса и Энгельса самоотрицаніе капитализма шло семимильными шагами, и они уже собирались на будущей всемірной выставкѣ любоваться общественными богатствами новаго міра въ сопровожденіи услужливыхъ чичероне изъ бывшихъ капиталистовъ, то имъ легко было, конечно, праздновать именины сердца и съ революціоннымъ энтузіазмомъ звать къ рабочимъ: не мѣшайте побѣдоносному шествію капитализма, не тревожьте и не связывайте никакими нормами свободное развитие буржуазныхъ отношеній; въ вашихъ интересахъ не регулировать этого развитія какими-то внѣ его лежащими нормами, а только ускорить его. Но когда дѣйствительность показала, что реальное соотношеніе положительныхъ, созидających, и отрицательныхъ, дезорганизующихъ сторонъ капитализма далеко не такъ благопріятно, какъ это представлялось на первый взглядъ; когда въ дѣйствительности обнаружилось, что капитализмъ проявилъ безконечно болѣе упорную живучесть и безконечно меньшую поспѣшность въ самоотрицаніи — тогда перепѣвы

*) Нѣкоторые элементы, которые можно было отмѣтить въ философскомъ міросозерцаніи Маркса въ первой половинѣ 40-хъ годовъ, и которые могли въ своемъ развитіи придать его міросозерцанію иное направленіе, отчасти застыли въ своихъ эмбріональных формахъ, отчасти атрофировались, и въ послѣдующихъ сочиненіяхъ его фигурируютъ скорѣе какъ рудиментарныя формы, не играющія важной роли въ общей экономіи органическаго цѣлаго, какимъ является марксизмъ.

старого мотива объ „ускореніи“ и „содѣйствіи“ буржуазному прогрессу сразу приняли двусмысленный характеръ. Одни пѣвцы почувствовали ощущение, какъ будто съ ними случился какой-то скверный анекдотъ; а именно, неожиданно для самихъ себѣ и какъ-то противъ собственной воли и желанія, они стали впадать въ тонъ буржуазныхъ апологетовъ. Замѣтивъ это, они стали сбиваться съ такта и пробовать начинать какъ нибудь по новому. Другіе ничего не замѣчали, и, подобно П. Струве, благополучно допѣлись до либерально-буржуазныхъ кантатъ. Они попали въ то же двусмысленное трагикомическое положеніе, которое выпало на долю одной древней секты, почитавшей Іуду. Трагизмъ положенія этой секты вытекалъ изъ ея своеобразной логичности; она разсуждала такъ, что безъ крестной смерти Христа не было бы искупленія рода человѣческаго, а безъ предательства Іуды не было бы крестной смерти Христа; слѣдовательно, мы всѣмъ обязаны предательству Іуды, а потому долгъ истинно вѣрующаго человѣка, который увидѣлъ бы Іуду съ воинами, направляющихся на охоту за своей жертвой, состоялъ бы лишь въ томъ, чтобы совершенно серьезно ему посовѣтовать: „что дѣлаешь, дѣлай скорѣй“. Понятно, что такую вещь сказать съ энтузіазмомъ довольно трудно; и во всякомъ случаѣ доступно только исключительнымъ талантамъ; а извѣстно, что таланты отъ Бога, а не отъ рукъ человѣческихъ.

Послѣдовательность прежняго воззрѣнія также была безвозвратно утрачена. Въ программу болѣе ортодоксальныхъ марксистовъ (а извѣстно, что марксисты тѣмъ ортодоксальнѣй, чѣмъ они восточнѣй) вкралась основная двойственность. Поскольку рѣчь стала заходить о трудовомъ крестьянствѣ, постольку они цѣликомъ становились на точку зрѣнія статьи Энгельса о десятичасовомъ рабочемъ биллѣ и пользовались методомъ аргументаціи этой статьи. Защита трудовыхъ интересовъ крестьянства означаетъ стѣсненіе естественнаго развитія капиталистическихъ отношеній, компромиссъ съ буржуазными началами, задержку развитія, тогда какъ намъ нужно его ускореніе; вопросъ о защитѣ этихъ интересовъ можетъ быть поднятъ лишь послѣ наступленія „диктатуры пролетаріата“; тогда соотвѣтственные мѣры будутъ прогрессивны, теперь же они реакціонны; теперь мы можемъ лишь бороться за „свободу развитія буржуазныхъ отношеній“ въ деревнѣ, за введеніе ея „въ условія жизни, свойственныя буржуазному обществу“, а это послѣднее лишь „подталкивать“, „держа руку на его плечѣ“ и говоря: что дѣлаешь, дѣлай скорѣе. Но, ко-

нечно, въ вопросѣ о рабочей программѣ — minimum аргументація статьи Энгельса о десятичасовомъ биллѣ была совершенно отброшена.

Положеніе дѣлъ усугубилось еще тѣмъ, что ортодоксальные марксисты въ Россіи успѣли приспособить программу къ большей живучести капиталистическаго строя, и потому не смущались тѣмъ, что, при „введеніи деревни въ условія жизни, свойственныя буржуазному обществу“, они должны считаться съ крайне медленнымъ ходомъ аграрной эволюціи. Стало быть, они должны были привыкнуть къ мысли о „медленномъ поспѣваніи“. Именно теперь въ Западной Европѣ то и дѣло начинаютъ раздаваться голоса за болѣе активную тактику противъ рутины и кунштаторства, вѣѣвшихъ въ плоть и кровь нѣмецкаго движенія и другихъ, его копирующихъ. Само собой понятно, что тамъ весь вопросъ вращается вокругъ того, насколько возможно теперь же подрывать самыя основы буржуазной эксплуатаціи. И это въ тотъ самый моментъ, когда наша ортодоксальная социаль-демократія, наоборотъ, вполне приспособилась, вошла въ колею, по которой предстоитъ идти навстрѣчу трансформациі буржуазной. И это въ самой земледѣльческой странѣ Европы, и въ то самое время, когда сельскохозяйственный капитализмъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ показалъ, что онъ мѣнѣе всякаго прочаго способенъ сойти за сказочнаго пеликана, который услужливо спѣшитъ растерзать свою собственную грудь, чтобы обезпечить питаніе и жизнь произведеннаго имъ дѣтища — новаго, созрѣвшаго въ его нѣдрахъ, коллективнаго производственнаго механизма будущаго.

Короче, старый марксизмъ 1848 г. выродился въ направление, выступившее у насъ съ лозунгомъ—признаемъ необходимость введенія ближайшей трансформациі въ буржуазныя рамки и отважимся на... требованіе „отрѣзковъ“!

Явился ли этотъ процессъ вырожденія въ то же время единственно возможнымъ логическимъ процессомъ развитія марксизма? Продолжало ли наше „отрѣзочное“ направленіе до естественнаго конца ту самую эволюцію, которая происходила въ умахъ самихъ Маркса и Энгельса? Или взгляды этихъ послѣднихъ эволюционировали въ иномъ направленіи, и въ этомъ-то именно иномъ направленіи ихъ и слѣдуетъ развивать?

На эти вопросы намъ можетъ дать отвѣтъ только дѣйствительный анализъ взглядовъ на степень общественной воспримчивости крестьянства.

Но чтобы понять исходную точку этого развитія, нужно прежде всего помнить их основную точку зрѣнія, съ которой они смотрѣли на всѣ событія: ихъ вѣру въ непосредственно предстоящее коренное общественно-экономическое преобразование подъ руководствомъ пролетаріата. Эта вѣра должна была пережить рядъ жестокихъ испытаній. И естественно, что вначалѣ Марксу и Энгельсу не должно было казаться, что источникомъ разочарованій является прежде всего неправильный историческій прогнозъ, лежавшій въ основѣ ихъ политической программы. Этого источника, этого виновника разочарованій они должны были искать гдѣ-нибудь во внѣ. И неудивительно, что взоръ ихъ прежде всего могъ остановиться на крестьянствѣ. Какъ показываютъ литературные источники, такъ отчасти и случилось.

ГЛАВА VII.

Общественно-психологическіе источники первоначальныхъ аграрныхъ воззрѣній Маркса и Энгельса.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ бумагахъ, оставшихся послѣ Энгельса, былъ найденъ и затѣмъ опубликованъ въ „Neue Zeit“ чрезвычайно интересный, положительно драгоценный историческій документъ: неоконченный очеркъ „путевыхъ замѣтокъ“, относящихся къ его путешествію въ 1848 г. пѣшкомъ по Франціи отъ Парижа до Берна *). Путевыя замѣтки Энгельса особенно ярко, въ нѣсколько обостренной формѣ, отражаютъ настроеніе, явившееся той психологической почвой, на которой выросло и держалось своими корнями теоретическое отрицаніе всякой исторической будущности крестьянства—отрицаніе, провозглашенное и нерѣдко до сихъ поръ провозглашаемое марксизмомъ.

Всякое явленіе легче всего изучать въ его наиболѣе развитыхъ, наиболѣе опредѣлившихся формахъ. Мы видѣли, что со времени великой французской революціи реакція не безъ успѣха сѣяла недоразумѣнія, взаимное недовѣріе и раздраженіе между тружениками города и деревни. Мы указывали на то, что нѣкоторыя обстоятельства благоприятствовали этимъ условіямъ и создали во Франціи извѣстную отчужденность между крестьянствомъ и пролетаріатомъ. Это не могло не отразиться на теоретическихъ построеніяхъ идейныхъ представителей городского пролетаріата. Марксовскій „Манифестъ“ съ его смѣлыми предсказаніями исчезновенія „реакціоннаго крестьянства“ чуть ли не на завтрашній день—является въ этомъ отношеніи признакомъ времени. Но своего апогея историческія недоразумѣнія

*) Мы остановимся на немъ подробнѣе, такъ какъ онъ, къ сожалѣнію, не включенъ Мерингомъ въ его сборникъ „Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx, F. Engels u. F. Lassale“.

между тружениками города и деревни достигли немного спустя послѣ выхода „Манифеста“, и въ запискахъ Энгельса достигаетъ своего апогея отрицательное отношеніе марксизма къ крестьянству. Въ нихъ en toutes lettres, вполне закончено и откровенно высказано то, что у другихъ авторовъ и въ другихъ брошюрахъ не досказано или заключается лишь потенциально.

Чтобы понять проникающій эти записки общій духъ, нужно припомнить ту историческую обстановку, при которой онъ выливались изъ подъ раздраженного пера Энгельса. Во Франціи только что передъ тѣмъ впервые было поднято знамя „соціальной республики“. Рабочій Парижъ, весь охваченный энтузіазмомъ, какого страна еще не переживала съ 1789 г., готовъ былъ встать, какъ одинъ человѣкъ, на защиту своего прекраснаго идеала общественнаго равенства, всеобщаго права на трудъ и на вознагражденіе; онъ готовъ былъ помѣряться силами не только со всей Франціей, но и съ цѣлымъ свѣтомъ, поскольку онъ еще находился во власти темныхъ отжившихъ силъ политическаго угнетенія и экономической эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Перепуганная, захваченная врасплохъ буржуазія начинала бредить „краснымъ призракомъ“ и не знала, въ чьи объятія броситься, гдѣ и въ комъ искать отъ него спасенія. Дворянство, высшее духовенство, чиновники стараго режима конспировали противъ республики. Крестьянство глядѣло съ недовѣріемъ и опасеніями на новыхъ господъ положенія, не видя въ нихъ отклика на свои нужды и стремленія, считая ихъ, и не совсѣмъ безъ основанія,—чужими себѣ... Изъ-за спины всѣхъ этихъ сознательно-реакціонныхъ или безсознательно-стихійныхъ силъ къ республикѣ уже протягивались цѣпкія руки Бонапарта, — а гордый, свободолобивый Парижъ безстрастно и беззаботно поднималъ свое знамя, на которомъ были начертаны еще неясныя, туманныя, но тѣмъ болѣе соблазнительныя слова—соціальная республика, организація труда... Революціонный Парижъ былъ не только чуждъ сознанія непрочности собственнаго положенія—онъ даже во всеуслышаніе предлагалъ руку братской помощи всѣмъ другимъ народамъ, которые бы рѣшились послѣдовать примѣру Парижа въ своихъ домашнихъ дѣлахъ.

Не мудрено, что на Францію, на Парижъ было обращено вниманіе всего міра, а въ особенности—всей тогдашней передовой интеллигенціи. Лучшіе люди бредили Франціей, бредили Парижемъ; его смѣлый инициативъ приписывали грандіозное историческое значеніе самые глубокіе и прозорливые наблюдатели политической жизни.

Фердинандъ Лассаль считалъ вступленіе въ составъ временнаго правительства рабочаго Альбера предвѣстникомъ новой эры, восходящей зари совершенно новаго историческаго періода. Самымъ восторженнымъ образомъ отзывается о Парижѣ въ своихъ „замѣткахъ“ и Энгельсъ (въ противоположность своимъ позднѣйшимъ сухимъ и нѣсколько презрительнымъ отзывамъ о „незрѣлыхъ неясныхъ коллективистическихъ стремленіяхъ 1848 г.): „Парижъ—да это единственный въ мірѣ городъ: въ немъ соединены всѣ нервныя нити исторіи! Отсюда черезъ извѣстные промежутки времени раздаются электрическіе удары, отъ которыхъ дрожитъ весь свѣтъ. По счастливому выраженію Луи-Блана, это—сердце и мозгъ всего свѣта!“

Но—таковъ общій психологическій законъ — чѣмъ чрезмѣрнѣе были упованія, чѣмъ радужнѣе надежды—тѣмъ сильнѣе, тѣмъ тягостнѣе разочарованіе, реакція... Эту смѣну настроеній особенно сильно долженъ былъ ощущать Энгельсъ, тѣмъ болѣе, что трагическая исторія Парижа 48 года разыгралась передъ самыми его глазами. Онъ видѣлъ Парижъ и во время медоваго мѣсяца республики, „когда рабочіе, эти полные надеждъ глупцы, жертвовали республикѣ „три мѣсяца нужды“: днемъ ѣли черствый хлѣбъ, а вечеромъ сажали на бульварахъ, при звукахъ марсельезы, деревья свободы“... Увидѣлъ онъ лицомъ къ лицу Парижъ и позднѣе, въ октябрѣ, когда между рабочими и созданной ихъ руками республикой уже „лежали іюньскіе дни, море крови и пятнадцать тысячъ труповъ... Въ школѣ осаднаго положенія своенравная республика научилась быть краткой, умѣренной и послушной. Но Парижъ былъ мертвъ — это не былъ болѣе Парижъ. Тотъ же городъ, но безъ того духа, жизни, огня, безъ того бродильнаго фермента, который вносилъ въ него рабочий. Да, Парижъ былъ мертвъ, и этотъ прекрасный трупъ былъ тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ прекраснѣе онъ былъ!“

Отойдя отъ событія на извѣстное историческое разстояніе, конечно, не трудно разбираться довольно хладнокровно въ общій ходъ событій, въ неизбежной логикѣ фактовъ, разыскивать скрытыя подъ ними пружины—словомъ, понять данный процессъ, какъ вполне естественный, объяснимый цѣлымъ рядомъ стихійныхъ причинъ, независимыхъ отъ злой или доброй воли участниковъ. Но это именно точка зрѣнія посторонняго наблюдателя, чуждаго тому, что происходило на исторической аренѣ. На совершенно иную точку зрѣнія неизбежно становится тотъ, кто принималъ непосредственное участіе во всемъ происходившемъ, переживалъ его всѣми нервами и

фибрами своего существа. Его точка зрѣнія — неизбежно точка зрѣнія субъективной логики, оцѣнки, приговора, устанавливающего правоту однихъ и вину другихъ, словомъ — точка зрѣнія нравственного суда. Для него важны въ данный моментъ не столько всѣ нити закономѣрнаго сплетенія событій, не столько всѣ изгибы механизма ихъ развитія, сколько субъективное ихъ значеніе — побѣда или поражение извѣстнаго принципа, успѣхъ или неуспѣхъ даннаго лица или группы, доблесть и героизмъ одного, вольный или невольный грѣхъ другого. Надъ прекраснымъ трупомъ Парижа — кумира всѣхъ передовыхъ людей своего времени — прежде всего неизбежно поднимался грозный вопросъ: кто виноватъ? На кого должна пасть отвѣтственность за эту смерть нашего Парижа?

Да, кто виноватъ? Почему страна была молчаливой свидѣтельницей этого возмутительнаго дѣла? Зачѣмъ она безучастно дала растоптать грязнымъ солдатскимъ сапогомъ это „сердце и мозгъ свѣта?“ Съ такими вопросами долженъ былъ двинуться и двинулся Энгельсъ пѣшкомъ въ глубину страны.

И онъ нашелъ виноватаго. Виноватымъ въ его глазахъ оказалось крестьянство.

И мудрено ли? Что могъ найти во французской деревнѣ — особенно мимоходомъ, во время какого-нибудь двухнедѣльнаго путешествія — Ф. Энгельсъ — тогда, очевидно, горячій энтузіастъ, участникъ кипучей политической жизни столицъ, въ которыхъ вѣчно „шумъ, гремятъ витіи, кипитъ словесная война“, — что могъ онъ увидать тамъ, въ глубинахъ страны, которыхъ очень мало или только поверхностно коснулось столичное движеніе? Да въ лучшемъ случаѣ ту старую „вѣковую тишину“, о которой говоритъ поэтъ. А въ худшемъ... Но о худшемъ пусть рассказываетъ намъ самъ Ф. Энгельсъ.

„Что могъ знать тупоумный, ограниченный крестьянинъ о пролетаріатѣ и буржуазіи, о демократически-соціальной республикѣ, объ „организации труда“ — о вещахъ, основныя условія и элементы которыхъ никогда не встрѣчаются въ его селѣ? И когда черезъ грязный каналъ буржуазныхъ листовъ онъ получилъ смутное понятіе о томъ, что происходило въ Парижѣ, когда буржуазія бросила ему громкій пароль противъ социалистовъ — „ce sont les partageurs“, — это люди, которые хотятъ отнять отъ тебя имущество и землю — тогда ярость крестьянъ не знала предѣловъ...

„Я говорилъ съ сотнями крестьянъ въ самыхъ различныхъ мѣст-

ностяхъ Франціи *), и вездѣ господствуетъ тотъ фанатическій антагонизмъ противъ Парижа и парижскихъ рабочихъ. „Мнѣ хотѣлось бы, чтобы этотъ проклятый Парижъ взлетѣлъ на воздухъ!“ было самымъ кроткимъ пожеланіемъ.

„Понятно, что у крестьянъ старое презрѣніе къ городамъ подкрѣпилось и увеличилось событіями этого года. Крестьяне, деревня должны спасти Францію. Деревня производитъ все. Города живутъ нашимъ зерномъ, одѣваются въ нашъ ленъ и нашу шерсть; мы должны возстановить нормальный порядокъ вещей; мы, крестьяне, должны взять дѣло въ наши руки—вотъ вѣчный припѣвъ, который звучитъ болѣе или менѣе отчетливо, болѣе или менѣе сознательно во всѣхъ спутанныхъ разговорахъ крестьянъ. А какъ они хотятъ спасти Францію? Какъ хотятъ они взять въ свои руки это дѣло? Выбравъ президентомъ республики Луи Наполеона Бонапарта, ничтожнаго, но гордаго сумасброда, у котораго только и есть, что то великое имя, которое онъ носить... У всѣхъ крестьянъ, съ которыми я говорилъ, энтузіазмъ къ Луи Наполеону былъ такъ же великъ, какъ и ненависть къ Парижу. Этими двумя страстями и самымъ бессмысленнымъ, самымъ животнымъ изумленіемъ передъ общеевропейскимъ потрясеніемъ ограничивалась вся политика крестьянъ.

„Нужно пробыть двѣ недѣли съ крестьянами, съ крестьянами самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Франціи, нужно имѣть случай вездѣ находить ту же самую тупую ограниченность, то же самое полное незнаніе городскихъ, промышленныхъ и коммерческихъ отношеній, ту же самую слѣпоту въ политикѣ, то же самое „тыканье пальцемъ въ небо“, во всемъ, что выходитъ за околицу деревни, то же самое приложеніе масштаба крестьянскихъ отношеній къ величайшимъ историческимъ отношеніямъ—словомъ, нужно знать французскаго крестьянина именно въ 1848 г., чтобы испытать вполне то подавляющее впечатлѣніе, которое оставила эта упрямая глупость“...

Энгельсъ не прочь иронически признать въ крестьянинѣ „нѣкоторыя патріархальныя добродѣтели“, но... „мужикъ всегда останется мужикомъ“, „это варваръ среди цивилизаціи“, „тупоумный, ограниченный крестьянинъ“, который, почти что не умѣя отличить лѣвой

*) Энгельсъ нѣсколько увлекается: не надо забывать, что все это онъ успѣлъ сдѣлать въ продолженіе все того же двухнедѣльнаго путешествія, когда онъ къ тому же пѣшкомъ долженъ былъ пройти разстояніе отъ Парижа до Берна и, слѣдовательно, имѣлъ уже не такъ много времени для разговоровъ „съ сотнями крестьянъ“.

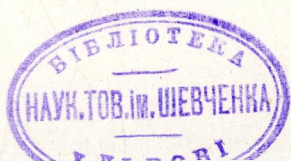
руки отъ правой, набрасывается на движеніе, котораго не понимаетъ, „съ полнымъ бѣшенствомъ слѣпой жадности“.

Вотъ картина, которую рисуетъ намъ Энгельсъ, и по поводу которой невольно вспоминается пословица, согласно которой даже и чортъ, навѣрное, не такъ страшенъ, какъ его малюютъ слишкомъ усердные и благочестивые художники.

Итакъ, мужикъ—этотъ бессмысленный, тупой, ограниченный, слѣпой, упрямый, жадный варваръ, съ животной яростью и бѣшенствомъ набрасывающійся на то, что выше его пониманія—вотъ козель отпущенія, на котораго, наконецъ, Энгельсъ можетъ свалить отвѣтственность за пораженіе великаго самоотверженнаго Парижа 1848 года.

Иного отношенія къ крестьянству, не поддерживавшему Парижа, конечно, было трудно и ожидать отъ человѣка, лучшимъ надеждамъ котораго подавленіе парижскаго движенія нанесло только что самый жестокий и чувствительный ударъ... Ему ли, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого удара, быть безпристрастнымъ судьей въ еще свѣжемъ спорѣ Парижа со всей Франціей? Нѣтъ, онъ не холодный изслѣдователь, парящій надъ событіями на такой высотѣ, которой не достигаютъ затронутыя борьбой и еще не остывшія страсти, интересы и предпочтенія... Онъ живой человѣкъ, онъ самъ цѣликомъ принадлежитъ этой борьбѣ, принадлежитъ одной изъ участвующихъ въ ней сторонѣ: всѣ его симпатіи, всѣ его лучшія чувства заранѣе и безраздѣльно отданы Парижу... Онъ не поставитъ въ высшей степени серьезнаго и даже роковаго историческаго вопроса: а кто виновать въ томъ, что французское крестьянство получало свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ Парижѣ, только „черезъ грязный каналъ буржуазныхъ листковъ“? Кто виновать въ томъ, что въ то время, когда буржуазія, сознавая громадную стихійную силу крестьянства, бросала въ деревню сѣмена недовѣрія и вражды противъ городскихъ рабочихъ — эти послѣдніе, при звукахъ марсельезы, беззаботно сажали „деревья свободы“ на *парижскихъ бульварахъ!*

Энгельсу не приходится при этомъ на умъ мысль, впоследствии такъ хорошо выраженная Лассалемъ въ одной изъ его рѣчей къ рабочимъ: „Господа, служители реакціи практики, а не краснобаи; но такихъ практическихъ служителей надо пожелать и вамъ“. Въ 1848 г. рабочему дѣлу во Франціи сильно не доставало такихъ практическихъ служителей. Это было естественно. Движеніе того времени было еще слишкомъ молодо и не зрѣло. Это были, собственно говоря, лишь первые проблески едва нарождавшагося движе-

нія, та „мятежная юность“ его, которая готова беззавѣтно, самоотверженно взвалить, подобно Атланту, на свои собственные плечи весь небесный сводъ, которая гордо стремится дать странѣ свободу и счастье, хотя бы не только безъ ея участія, но даже и прямо противъ ея собственной воли...

И мудрено ли, что крестьянство возрптало? Что оно могло ожидать отъ новаго движенія? И что оно ему дало въ краткую эпоху своего господства?

Оно дало ему... ни болѣе, ни менѣе, какъ увеличеніе поземельнаго налога на 45 сантимовъ. Увеличеніе налога на землю, т. е. для крестьянина — налога на средства труда, косвеннаго налога на самый трудъ!

Самъ Энгельсъ, даже въ то время, не могъ не признать, что этимъ республиканское правительство „сдѣлало непростительную, никогда не поправимую ошибку“... Но если такъ, то, полно, ужъ такъ ли виноваты и крестьяне въ своемъ нерасположеніи къ Парижу? Энгельсъ не задается этимъ вопросомъ; напротивъ, онъ спѣшитъ свести значеніе своего признанія на нѣтъ. Ошибка республиканскаго правительства, говоритъ онъ, не имѣла существеннаго значенія. Оно могло бы, конечно, въ иномъ случаѣ, самое большее — это привлечь къ себѣ крестьянъ „на какую-нибудь пару мѣсяцевъ“; а затѣмъ они все равно отпали бы, ибо поведеніе крестьянства опредѣляется въ цѣломъ не случайностями, а непреодолимой матеріальной причиной — экономическимъ положеніемъ мелкой собственности...

Такимъ образомъ, Энгельсъ подошелъ было совсѣмъ вплотную къ совершенно иному рѣшенію вопроса о причинахъ неудачи парижскаго движенія — рѣшенію, согласно которому эти причины лежали прежде всего въ незрѣлости самого движенія. Онъ совсѣмъ было, можно сказать, локтемъ зацѣпилъ истину, — но только для того, чтобы тотчасъ же опять отъ нея отойти.

А между тѣмъ признаковъ незрѣлости движенія было не мало. Они всякому не предубѣжденному человѣку били бы прямо въ глаза. Даже Энгельсъ, самъ того не желая, приводитъ мимоходомъ очень яркіе примѣры.

Въ одной деревнѣ Энгельсъ едва не пристроился къ артели парижскихъ рабочихъ, занятыхъ постройкой плотины. И вотъ какими нашелъ ихъ нашъ авторъ. „Они сохранили веселость, бодрость духа парижанъ, но въ общемъ, благодаря своей изолиро-

ванности въ маленькой деревушкѣ, они были совсѣмъ деморализованы. Не было ни признака, чтобы они занимались интересами своего класса, въ тѣсной связи съ которыми находились политическія злобы дня. Кажется, они даже не читали никакой газеты. Вся ихъ политика ограничивалась насмѣшливыми прозвищами. Одного большого и сильного оборванца звали Коссидьеромъ, другого, плохого работника и пьяницу—Гизо, и т. д. Утомительная работа, сравнительно хорошія условія жизни, и, главнымъ образомъ, оторванность отъ Парижа, и то, что они попали въ отрѣзанный отъ остального міра уголокъ Франціи,—замѣчательно сузило ихъ кругозоръ. Они начали уже омужичиваться... (sic). А они здѣсь были только два мѣсяца!

Такимъ образомъ, чуть ли не мужики оказались виноваты даже въ томъ, что у парижскихъ рабочихъ въ два мѣсяца успѣли совершенно вывѣтриться изъ головы всѣ навѣянные столицей идеи... Настолько вывѣтриться, что Энгельсъ не нашель у нихъ даже „никакого признака“ мыслей объ интересахъ своего класса. Конечно, всякій безпристрастный изслѣдователь могъ бы сдѣлать отсюда только тотъ выводъ, что парижское движеніе того времени было еще въ значительной степени стихійнымъ, стаднымъ, малосознательнымъ, носившемъ всѣ признаки поверхностной массовой заразы. Достаточно было на какихъ-нибудь два мѣсяца оторвать рабочихъ отъ центра, изъ котораго исходила зараза — отъ Парижа — и съ рабочихъ могъ быстро слетѣть весь социалистическій налетъ. Они не только не были въ состояніи освѣтить лучомъ сознанія ту тьму, въ которой бродили крестьяне, но быстро „омужичивались“ сами.

Мудрено ли, что въ то время не могли раздаваться голоса о необходимости сближенія, союза между тружениками города и деревни, фабричнымъ пролетаріатомъ и крестьянствомъ? Гораздо естественнѣе въ то время были совѣты отстраниться отъ крестьянства, какъ отъ чумы, какъ отъ заразы,—въ родѣ позднѣйшей краткой и выразительной русской формулы—„съ вами не сольешься, а сопьешься!“

Настроеніе Энгельса, выраженное въ его путевыхъ замѣткахъ, какъ нельзя лучше освѣщаетъ намъ и психологическую подпочву пресловутой фразы „Коммунистическаго манифеста“ объ „идиотизмѣ деревни“. Крестьяно-фобскія нотки, звучащія изрѣдка уже въ „Манифестъ“, навѣяны тѣми же самыми временными, преходящими историческими явленіями и событіями, какъ и замѣтки Энгельса.

Разница лишь въ томъ, что послѣднія написаны позже, когда недоразумѣнія между городомъ и деревней достигли своего апогея — соотвѣтственно этому въ нихъ достигли максимума силы и напряженія и эти крестьяно-фобскія нотки. Несчастье марксизма по отношенію къ аграрному вопросу состоитъ въ томъ, что марксизмъ, какъ міросозерцаніе, складывался въ головахъ Маркса и Энгельса именно въ ту печальную смутную эпоху. Ея впечатлѣнія наложили свою печать на ихъ міросозерцаніе, и слѣды этого еще не изгладились вполне до самаго послѣдняго времени. Не только для отдѣльных людей, но для цѣлыхъ міросозерцаній и теорій впечатлѣнія дѣтства—самыя сильныя, и отъ нихъ труднѣе всего отдѣлаться даже при условіяхъ дальнѣйшей сознательной критики.

Мы уже видѣли, что обвинительный актъ Энгельса противъ французскаго крестьянства хромаетъ во многихъ пунктахъ. По его же собственнымъ признаніямъ, ни мѣропріятія временнаго правительства, ни общеніе съ городскими рабочими не могли дать крестьянамъ основаній сочувствовать новому движенію. Среди мѣропріятій было одно прямо анти-крестьянское, рабочіе при столкновеніи съ деревней сами оказывались несостоятельными. Но если не рабочіе, то кто же могъ просвѣтить крестьянство? Съ какими представителями новаго теченія могли они еще встрѣтиться? Только со случайными туристами, въ родѣ того же Энгельса... Не говоря уже о томъ, что подобныя мимолетныя встрѣчи не могли оставлять послѣ себя сколько-нибудь глубокаго и прочнаго впечатлѣнія даже при самомъ лучшемъ отношеніи къ крестьянству со стороны туристов,—надо сознаться, что и это отношеніе часто оставляло желать много лучшаго...

Крайне характернымъ въ этомъ смыслѣ является слѣдующій рассказываемый Энгельсомъ про самого себя эпизодъ. Очень гостепріимно встрѣченный въ одномъ деревенскомъ домишкѣ (въдѣ „у крестьянъ есть кое-какія патріархальныя добродѣтели“, снисходительно замѣчаетъ Энгельсъ), нашъ путешественникъ слѣдующимъ образомъ отплачиваетъ своимъ хозяевамъ за это гостепріимство: „Уходя, я нарисовалъ, въ подарокъ дѣтямъ, нѣсколько рожъ и пресерьезнымъ образомъ объяснилъ: это—Луи Наполеонъ, это—Арманъ Марра, это—Ледрю Ролленъ, это—Кавеньякъ. Крестьяне, вытаращивши глаза, уставились на ужасныя рожи съ величайшимъ почтеніемъ, радостно благодарили и тотчасъ же прибили поразительно похожіе портреты на стѣну“... А Энгельсъ отправился далѣе, отмѣчая съ высоты сто-

личнаго величія столь несомнѣнные признаки безнадежнаго тупоумія грубой деревенщины.

Повѣствованіе объ этой удачной мистификаціи, однако, еще одно изъ самыхъ невинныхъ проявленій отношенія Энгельса къ крестьянству. Въ одномъ мѣстѣ онъ доходитъ даже до проповѣди необходимости въ будущемъ цѣлаго крестоваго похода „арміи пролетаріата“ противъ крестьянства: „Отношеніе крестьянъ къ революціи 1848 г. не есть слѣдствіе ошибокъ или случайныхъ недоразумѣній: оно естественно. Оно исходитъ изъ самаго положенія вещей, изъ общественнаго положенія мелкой земельной собственности. Французскому пролетаріату, прежде чѣмъ онъ проведетъ свои требованія, придется подавить всеобщую крестьянскую войну, войну, которую даже уничтоженія ипотечныхъ долговъ отложить лишь на короткое время“...

Дальше этого идти уже, очевидно, было некуда.

Audiat et altera pars. Приговоръ Энгельса суровъ... положимъ даже, что онъ справедливъ, но уже одна суровость этого приговора даетъ достаточное основаніе выслушать возможную рѣчь адвоката крестьянства въ отвѣтъ нашему прокурору.

„Хорошо, ученый и высокообразованный мыслитель!“—могъ бы сказать отъ лицъ крестьянъ этотъ воображаемый адвокатъ.—„Вы ярко выставили всю нашу темноту, нашу грубость, наше заскорузлое невѣжество. И мы не станемъ оспаривать вашу характеристику. Гдѣ ужъ! куда ужъ! Мы раздавлены, мы уничтожены вашимъ приговоромъ; вѣдь мы—сущее ничтожество предъ вами. Вѣдь вы съ вашими друзьями—вы умственный центръ, вы лучшее изъ того, что до сихъ поръ выработала столица, та самая столица, которую вы такъ гордо величаете „мозгомъ и сердцемъ всего свѣта“. Значить, вы—сердце сердца и мозгъ мозга всего свѣта. Но берегитесь! Чѣмъ больше вамъ дано, тѣмъ больше съ васъ и взыщется. Вы хорошо умѣете перечислять чужія историческія вины. Но оглянитесь и на себя самихъ. Почему вы, „хранители огня на алтарѣ, вверху стоящіе, какъ городъ на горѣ, дабы всѣмъ видѣнь былъ и свѣтъ вносилъ бы въ тьму“,—почему вы не подѣлились вашимъ умомъ и вашими знаніями съ нами, сѣрой, сермяжный деревенской массой? Или вы, въ самомъ дѣлѣ, хотѣли одни оставаться „сердцемъ и мозгомъ свѣта“, сами думать за этотъ свѣтъ и устраивать его судьбу, не спрашиваясь его согласія? Или вы воображали, что Парижъ—это вся Франція? Тогда при всемъ вашемъ

образованіи вы не ушли дальше насквозь прогнившихъ идеаловъ просвѣщеннаго абсолютизма и благодѣтельствованія насъ сверху. Вы—соль земли, вы — свѣтъ міра; недаромъ же Парижъ столѣтіями притягивалъ къ себѣ лучшія, способнѣйшія силы изъ всей страны, недаромъ онъ высосалъ изъ нея и впиталъ въ себя ея самые здоровые, жизненные соки. Но „зажегши свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ, но на подсвѣчникѣ, да свѣтитъ всѣмъ въ домѣ“. Зачѣмъ вы забыли объ этомъ? Зачѣмъ вы замкнулись отъ насъ? По отношенію къ намъ люди отжившаго прошлаго оказались большими демократами по своей тактикѣ, большими демократами, чѣмъ вы, люди будущаго! Они, какъ бы то ни было, шли къ намъ, давали намъ разныя обѣщанія, показывали намъ всевозможныя темныя и свѣтлыя перспективы, старались намъ передать свои политическія симпатіи и антипатіи. А вы? что мы видѣли отъ васъ? Чѣмъ вы заслужили наше расположеніе? Чѣмъ вы намъ доказали свое вниманіе къ нашимъ нуждамъ, къ нашимъ страданіямъ? То новое республиканское правительство, которое посадила у власти ваша революція, скоро показало свою государственную мудрость, увеличивъ давящія насъ налоги; но для этого нечего было свергать старое правительство, это одинаково сумѣло бы сдѣлать и оно. Для того, чтобы издѣваться надъ отсутствіемъ у насъ эстетическаго вкуса и надъ нашей способностью принимать какія-то грубо нарисованныя рожи за портреты Ледрю Роллена и Кавеньяка—для этого тоже не нужно быть Ангельсомъ; это съ одинаковымъ успѣхомъ могъ бы сдѣлать любой проѣзжій чиновникъ изъ „благородныхъ“, и даже любой военный писарь, слегка хватившій „цивилизациі“. Да, наконецъ, для будущаго „подавленія всеобщей крестьянской войны“ вовсе нѣтъ надобности въ новыхъ людяхъ, въ новыхъ знаменахъ. Крестьянскія войны уже не разъ бывали въ исторіи, а методъ „подавленія“ практиковался во всѣ вѣка представителями реакціи съ такимъ успѣхомъ, что и здѣсь ваша конкуренція будетъ нѣсколько излишней роскошью. Если вы не сумѣли сдѣлать намъ понятными свои идеи,—такъ, по вашему, это значить, что мы вѣчно останемся глухи ко всему новому и живому, такъ что только жандармъ вашего „государства будущаго“ сумѣетъ открыть намъ двери земного рая и втолкнуть насъ въ нихъ, таща за шиворотъ! И послѣ этого вы считаете, что заслужили право на наше благорасположеніе? И послѣ этого вы вините насъ въ неуспѣхѣ вашего дѣла? Вините въ

тысячу разъ больше самихъ себя и неспѣшите сваливать съ себя отвѣтственность на безотвѣтную крестьянскую массу, благо она приучена исторіей быть вѣчно козломъ отпущенія за всѣ и свои, и чужіе грѣхи!“

Если не все—преувеличенія въ горячихъ анти-крестьянскихъ филиппикахъ Энгельса, то нельзя не признать нѣкоторой справедливости и въ этой примѣрной защитительной рѣчи. Мы отнюдь не хотимъ, однако, набросить тѣнь на Энгельса или вообще передовую интеллигенцію того времени. Ея историческія заслуги для насъ святы. Конечно, и ея дѣятельность была не безъ ошибокъ, но вѣдь не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Историческія условія всякаго времени представляютъ естественныя границы, предѣлы, его же не преидетъ никто изъ живущихъ въ этихъ условіяхъ, хотя бы онъ былъ семи пядей во лбу. Вмѣнять человѣку извѣстнаго времени то, что онъ не зналъ многого, прояснившагося только для насъ, его отдаленныхъ потомковъ,—было бы болѣе, чѣмъ странно. И такъ, не въ укоръ и не въ осужденіе славнымъ тѣнямъ прошлаго говорили мы. Мы хотѣли только показать, до какой степени является „палкой о двухъ концахъ“ тотъ методъ, которымъ Энгельсъ дошелъ до своего отрицательнаго отношенія къ крестьянству. Забывая впередъ, мы поспѣшимъ сказать въ интересъ не безславнаго имени Энгельса, что его отношеніе къ крестьянству съ теченіемъ времени измѣнилось очень существенно. Можетъ быть, даже въ этомъ обстоятельствѣ заключается одна изъ причинъ того, что „Путевыя замѣтки“ никогда не были закончены самимъ авторомъ и увидѣли свѣтъ только послѣ его смерти. И мы охотно воздержались бы поднимать и раскапывать эту старину, если бы... если бы еще до сихъ поръ въ марксизмъ не удержалось, въ качествѣ историческаго переживанія, нѣчто отъ презрительнаго третированія крестьянства по образцу старыхъ временъ; если бы и до настоящаго времени не сохранились люди, съ особеннымъ удовольствіемъ и подчеркиваніемъ повторяющіе фразы о „мелко-буржуазной реакціонности крестьянства“, о крестьянствѣ, какъ „классѣ варваровъ, стоящихъ наполовину внѣ общества“, о „твердомъ анти-коллективистическомъ крестьянскомъ черепѣ“, „идіотизмѣ деревни“ и т. п., и т. п. Единственно необходимость бороться противъ этого „переживанія“ заставила насъ обратиться къ выясненію генезиса первоначальнаго отношенія къ крестьянству духовныхъ отцовъ марксизма, а для этого нѣтъ лучшаго историческаго документа, чѣмъ энгельсовскія „путевыя замѣтки“ „отъ Парижа до Берлина“.

ГЛАВА VIII.

„Поправки“ и „оговорки“.

До сихъ поръ мы условно предполагали, что Энгельсъ, по крайней мѣрѣ въ объективной части своихъ „замѣтокъ“, былъ совершенно правъ: что французское крестьянство во время революціоннаго періода конца сороковыхъ годовъ дѣйствительно было настроено въ безнадежно-реакціонномъ и враждебномъ передовымъ идеямъ духъ; что, дѣйствительно, вся „политика крестьянъ“ исчерпывалась тремя страстями: фанатической привязанностью къ своей земельной собственности, столь же фанатическимъ благоговѣніемъ передъ именемъ Наполеоновъ и, наконецъ, столь же фанатической ненавистью къ свободолюбивому пролетарскому Парижу.

Мы старались доказать, что даже въ томъ случаѣ, если бы все это было вѣрно, Энгельсъ все-таки не имѣлъ бы права на такіе огульные приговоры и рискованные пророчества, какъ тѣ, которые встрѣчаются въ его „замѣткахъ“. Но теперь пора, однако, поставить на очередь новый вопросъ: да вѣрны ли были впечатлѣнія Энгельса и въ ихъ объективной части? Иные, пожалуй, сочтутъ съ нашей стороны самую постановку такого вопроса дерзостью. Авторитетъ Энгельса, въ глазахъ многихъ, слишкомъ силенъ, чтобы наши слова, не подкрѣпленные ссылками на какіе нибудь равные или большіе „авторитеты“, могли поколебать въ глазахъ большинства читателей вѣру въ достовѣрность столь рѣшительнаго и категорическаго свидѣтельства Энгельса. По правдѣ сказать, намъ лично не особенно нравится этотъ способъ апеллированія къ „отцамъ церкви“, — слишкомъ ужъ напоминаетъ онъ буквоедство старой ортодоксальной теологии. Но намъ хотѣлось бы убѣдить многихъ читателей, чувствующихъ слабость къ „текстамъ“, отъ „писанія“, и ради нихъ стоитъ иной разъ пожертвовать личными вкусами. Мы имѣемъ возможность

опереться на такой авторитетъ, что его не заподозрять, надѣюсь, въ пристрастіи къ крестьянству даже самые подозрительные крестьянофобы отъ марксизма—даже такіе, которые не могутъ говорить о крестьянинѣ иначе, какъ надѣляя его ироническимъ титуломъ „мужичка“ и ставя это слово для большей язвительности въ кавычки. Этотъ авторитетъ—никто иной, какъ самъ „учитель“, самъ Карлъ Марксъ.

Вотъ что, между прочимъ, читаемъ мы въ его „Die Klassenkämpfe in Frankreich“ *) относительно періода отъ 13 іюня 1849 г. до 10 марта 1850 г.: „Въ самыхъ различныхъ симптомахъ проявился постепенный переворотъ въ настроеніи крестьянства. Онъ обнаружился уже при выборахъ въ законодательное собраніе, онъ обнаружился въ фактѣ объявленія на осадномъ положеніи пяти смежныхъ съ Ліономъ департаментовъ; онъ обнаружился нѣсколько мѣсяцевъ послѣ 13 іюня въ выборѣ одного изъ монтаньяровъ на мѣсто бывшаго президента ультра-реакціонной *chambre introuvable* въ департаментѣ Жиронды; онъ обнаружился въ выборѣ 20-го декабря 1849 г. депутатомъ Гардскаго департамента—этой обѣтованной земли легитимизма—одного „краснаго“ на вакантное мѣсто умершаго депутата-легитимиста. Это революціонизированіе даже самыхъ неподвижныхъ умовъ воочію проявилось особенно послѣ возобновленія отмѣненнаго налога на вино. Правительственные мѣропріятія и законы въ теченіе января и февраля 1850 г. были направлены почти исключительно противъ крестьянскихъ департаментовъ. Это самое вѣское доказательство ихъ прогресса.

„Циркуляръ Гауптпуля, который превратилъ жандарма въ своеобразнаго инквизитора префектовъ, подъ-префектовъ и въ особенности мэровъ; который распространилъ съѣтъ шпіонской организаціи вплоть до самыхъ глухихъ закоулковъ отдаленнѣйшихъ деревенскихъ общинъ; законъ противъ школьныхъ учителей, вслѣдствіе котораго они, эти наставники, истолкователи, выразители и духовные вожди крестьянскаго класса, были подчинены произволу префектовъ; законъ, въ силу котораго учителей, этихъ пролетаріевъ образованнаго класса, гоняли, словно дикихъ звѣрей, изъ однѣхъ сельскихъ общинъ въ другія... Далѣе, проектъ закона противъ мэровъ, въ силу котораго надъ ихъ головой вѣчно висѣлъ дамокловъ мечъ

*) „Die Klassenkämpfe in Frankreich“ 1848 bis 1850, von Karl Marx, Abdruck aus der „Neuen Rheinischen Zeitung“, 1850. Berlin, S. 90—91.

отрѣшенія отъ должности, и согласно которому они, эти президенты крестьянскихъ общинъ, ежеминутно чувствовали себя лицомъ къ лицу съ президентомъ республики и „партіей порядка“; ордонансъ, въ силу котораго 17 военныхъ дивизій Франціи были превращены въ четыре настоящихъ турецкихъ пашалыка, а казармы и бивуакъ дарованы свыше всѣмъ вѣрнымъ французамъ въ качествѣ національнаго салона; законъ о народномъ образованіи, посредствомъ котораго партія порядка объявляла необходимымъ условіемъ своего существованія при режимѣ всеобщаго избирательнаго права — безсознательность и насильственное отупленіе народонаселенія Франціи. Что же такое представляли собой всѣ эти законы и мѣропріятія? Да не что иное, какъ отчаянную попытку „партіи порядка“ вновь завоевать и подчинить себѣ департаментъ съ ихъ крестьянскимъ населеніемъ...

„Разсматриваемыя въ качествѣ репрессій, все это — жалкія средства, которыя обычно сами роютъ яму той цѣли, которая имѣется въ виду... Они прививали революцію каждому селу, они локализовали и окрестьянивали революцію“.

Уже отсюда видно, какую важную поправку приходится сдѣлать къ заключеніямъ и обобщеніямъ Энгельса.

Вообще говоря, первоначальный строгій и крайній марксизмъ — марксизмъ „коммунистическаго манифеста“ постепенно, часто почти незамѣтно, но въ концѣ концовъ очень сильно эволюционировалъ. Жизнь заставляла вносить въ первоначальную простую и стройную схему поправку за поправкой, соответственно развивая и усложняя ее. Говоря о марксизмѣ, приходится различать нѣсколько стадій въ его развитіи, потому что иначе рискуешь запутаться въ явныхъ и несогласимыхъ противорѣчіяхъ. Что касается въ частности крестьянскаго вопроса, то здѣсь первой, эмбриональной фазой марксизма являлось абсолютно-отрицательное отношеніе къ крестьянству. Крестьянство — это элементъ мелко-буржуазный, абсолютно - реакціонный и враждебный рабочему классу; конечно, не слѣдуетъ его раздражать, приходится считаться съ нимъ, какъ съ силою, политиканить, но не слѣдуетъ забывать, что все это — временныя средства для отдаленія рѣшительной битвы пролетаріата съ крестьянствомъ, а не радикальныя средства для устраненія ея необходимости. Лучшій союзникъ пролетаріата въ этой будущей борьбѣ — время. Оно быстро подкашиваетъ, подрѣзаетъ экономическіе корни существованія крестьянства. Капитализмъ — этотъ враго-другъ и друго-врагъ

пролетаріата — простираєть своє вліяніє и на земледѣліє, и дни мелкаго производства сочтены. Крестьянство быстро уменьшается въ численности, пролетаризируется, и этотъ процессъ пролетаризаціи, съ точки зрѣнія марксизма, понятно, является процессомъ прогрессивнымъ, благопріятствующимъ движенію къ „конечной цѣли“. Каждый захватъ капитализма у мелкаго земледѣлія означаетъ, что у пролетаріата убавилось враговъ. Мы уже говорили, что какъ разъ событія французской соціально - политической жизни вплоть до 1848—49 гг. и создали то настроеніе, ту духовную атмосферу, въ которой зарожденіе такихъ взглядовъ было болѣе, чѣмъ естественно.

Вторая фаза развитія марксизма—которую будетъ хорошо называть фазой переходной—начинается съ Марксовой „Klassenkämpfe“. Жизнь быстро показала, что соціально-революціонное движеніе даже очень можетъ „окрестьянствоваться“. Съ этихъ поръ, вмѣсто того, чтобы объяснять недоразумѣнія между тружениками города и деревни естественной необходимостью, обусловленной самымъ существомъ, общественнымъ положеніемъ мелкой собственности — съ одной стороны, и пролетаріата — съ другой, приходилось искать объясненія больше въ какихъ нибудь преходящихъ условіяхъ даннаго и исключительнаго момента. То, что раньше казалось неизбежной враждой на подкладкѣ раціональной противоположности интересовъ—теперь приходилось изображать въ качествѣ случайнаго и печальнаго недоразумѣнія.

Марксъ такъ и сдѣлалъ. Порой даже съ чрезмѣрною суровостью онъ отзывается о тогдашней французской „соціальной демократіи“. По адресу вождей тогдашняго пролетаріата у него нерѣдко вырываются презрительныя клички въ родѣ „первосвященниковъ соціалистической синагоги“. Онъ дѣлаетъ даже основной руководящей идеей своей брошюры слѣдующее положеніе: видимое пораженіе французской революціи 1848 г. было, собственно, пораженіемъ вовсе не революціи, а лишь пораженіемъ тѣхъ дореволюціонныхъ предрасудковъ, иллюзій и традицій, отъ которыхъ только горькій опытъ поражений и могъ избавить рабочую массу. „Французскій рабочий классъ,—говорить онъ далѣе,—былъ еще не способенъ провести свою собственную, чисто пролетарскую революцію... Если французскій пролетаріатъ въ моменты революціонныхъ кризисовъ и обладаетъ такой фактической силой и вліяніемъ, которыя подстрекають его къ скачкамъ, превышающимъ его силы,—то за то въ остальной Франціи онъ стиснутъ въ немногихъ разрозненныхъ индустріальныхъ центрахъ, уто-

пая въ подавляющей массѣ крестьянъ и мелкихъ бюргеровъ. Борьба противъ капитала въ его современной развитой формѣ, въ ея высшей стадіи—борьба индустріальнаго наемнаго рабочаго противъ индустріальнаго буржуа-капиталиста — во Франціи является фактомъ частичнымъ... который не могъ дать послѣ іюльскихъ дней національнаго содержанія революціи... Французскіе рабочіе не могли сдѣлать ни одного шага впередъ, прежде чѣмъ ходъ революціи не вызвалъ возмущенія противъ общаго порядка вещей, противъ господства капитала въ массѣ націи, стоящей между пролетаріатомъ и буржуазіей—среди крестьянъ и мелкихъ буржуа; прежде чѣмъ ходъ вещей не вынудилъ эти общественные слои примкнуть къ пролетариату, какъ къ своему революціонному авангарду“ *).

Хозяйственный строй тогдашней Франціи былъ похожъ на строй нынѣшней Россіи. Марксъ немногими рѣзкими чертами очерчиваетъ его параллельно между Англіей и Франціей. „Въ Англіи господствуетъ индустрія, во Франціи—агрикультура. Въ Англіи индустрія ощущаетъ потребность въ свободѣ торговли, во Франціи въ покровительственныхъ пошлинахъ, въ особой національной монополіи сверхъ другихъ монополій. Французская индустрія не господствуетъ надъ французскимъ національнымъ производствомъ—и вотъ почему французскіе фабриканты и заводчики не стоятъ во главѣ французскихъ буржуазныхъ классовъ“... „Индустріальная буржуазія можетъ господствовать только тамъ, гдѣ современная индустрія преобразовала соотвѣтственно своимъ потребностямъ всѣ отношенія собственности,—а эту силу можетъ пріобрѣсти индустрія только тамъ, гдѣ она завоевала всемірный рынокъ, ибо національныя границы для нея недостаточны **). Французская же индустрія по большей части даже

*) Die Klassenkämpfe etc, S. 28—29. Мимоходомъ сказать, эти слова Маркса не мѣшало бы получить запомнить и продумать многимъ, считающимъ себя его приверженцами у насъ въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, то, что въ словахъ Маркса вѣрно по отношенію къ тогдашней Франціи, вѣрно также и по отношенію къ теперешней Россіи. Даже если бы было доказано, что такое положеніе для Россіи, какъ и для Франціи, будетъ лишь временнымъ, что въ отдаленномъ будущемъ отношеніе численности и силы между пролетаріатомъ и остальнымъ трудящимся народомъ сильно измѣнится въ пользу перваго, то и тогда нельзя было бы позабыть, что мы-то живемъ настоящимъ, а не отдаленнымъ будущимъ, и въ движеніи нынѣшняго дня должны считаться прежде всего съ современными фактическими условіями и отношеніями силъ...

**) Это не мѣшаетъ также принять къ свѣдѣнію нашимъ теоретикамъ „самодовлѣющаго капитализма“, которому яко бы ненужно никакихъ внѣшнихъ рынковъ. Пора перестать выдавать подобную теорію за марксизмъ!

на своемъ собственномъ, внутреннемъ рынкѣ утверждается лишь благодаря болѣе или менѣе видоизмѣняемой покровительственной системѣ "... „По необходимости, французскій фабрикантъ дѣлается фанатическимъ приверженцемъ партіи порядка“. Въ приведенномъ отрывкѣ, между прочимъ, содержится достаточное косвенное объясненіе, почему въ Россіи буржуазія до сихъ поръ пассивно уживается подъ „старыми надстройками“, хотя многіе марксисты догматики со всею увѣренностью предрекали, что она у насъ должна сдѣлаться активной исторически-революціонной силой не только въ экономикѣ, но и „въ надстройкахъ“: такъ было на западѣ, не ясно ли, что такъ же должно быть и у насъ въ Россіи?

Оставимъ присяжнымъ экономистамъ доказывать, много ли шансовъ имѣеть Россія на завоеваніе внѣшняго рынка, достаточнаго для того, чтобы доставить современной индустріи, а вмѣстѣ съ нею и буржуазіи ту силу, мощь и творческое, культурное вліяніе, про которое говоритъ Марксъ. Будемъ держаться пока фактической почвы.

Итакъ, борьба индустріальнаго пролетарія противъ индустріальнаго буржуа въ концѣ 40-хъ годовъ во Франціи не могла дать національнаго содержанія революціи. Формула этой борьбы должна была расшириться, чтобы охватить подавляющее большинство трудящагося населенія—крестьянство. „Сельское населеніе Франціи,—писалъ Марксъ,—составляя болѣе двухъ третей всей націи, состоитъ по большей части изъ такъ называемыхъ свободныхъ поземельныхъ собственниковъ... Но, при режимѣ парцеллированья, земля представляетъ для ея собственника не болѣе, какъ орудіе, средство труда... Въ формѣ процентовъ за лежащій на землѣ ипотечный долгъ, въ формѣ процентовъ за непревращенные въ ипотеки долги у ростовщиковъ французскій крестьянинъ отдаетъ капиталистамъ не только земельную ренту, не только предпринимательскую прибыль, словомъ, не только весь чистый доходъ, но даже нѣкоторую часть заработной платы... Какъ видите, эксплуатація крестьянъ только по своей формѣ отличается отъ эксплуатаціи рабочихъ. Эксплуататоръ у тѣхъ и другихъ одинъ и тотъ же—капиталь. Единичные капиталисты эксплуатируютъ крестьянство посредствомъ ипотеки и ростовщичества (слѣдовало бы прибавить арендную систему и спекуляцію крестьянскимъ хлѣбомъ), а весь классъ капиталистовъ въ цѣломъ эксплуатируетъ крестьянство въ формѣ государственныхъ налоговъ. Титулъ собственника, принадлежащій крестьянину, служить для капитала талисманомъ, посредствомъ котораго онъ до сихъ поръ умѣлъ

заклинать, околдовывать крестьянство,—поводомъ возбуждать крестьянство противъ индустріальнаго пролетаріата,—не болѣе. Только паденіе капитала можетъ повести къ подъему крестьянства; только анти-капиталистическое, пролетарское правительство можетъ сломить гнетъ его экономической нужды и общественной деградации... Соціально-демократическая, красная республика—это диктатура естественнаго союзника крестьянъ“.

Опираясь на эти слова, не трудно оспаривать самую правильность включенія трудового крестьянства, для котораго земля есть только „ein reines Productionsinstrument“ въ общую рубрику „среднихъ слоевъ“, Mittelstände, вмѣстѣ съ лавочниками, ремесленниками, словомъ „мелкой буржуазіей“ (Kleinbürgerthum). Крестьянство, рассматриваемое, конечно, не въ качествѣ сословія, а лишь какъ классъ мелкихъ самостоятельныхъ производителей, живущихъ собственнымъ трудомъ и хотя эксплуатируемыхъ, но не отлученныхъ отъ средствъ производства, есть, несомнѣнно, только часть той самой огромной арміи труда, часть того самаго рабочаго народа, другой частью котораго является индустріальный пролетаріатъ. Средними, промежуточными слоями между рабочимъ народомъ и буржуазіей будутъ лишь тѣ элементы въ крестьянствѣ, (равно какъ и въ ремесленной или кустарной средѣ), которые соединяютъ въ себѣ черты и буржуа-эксплуататора, и работника: элементы, живущіе еще отчасти и своимъ собственнымъ, личнымъ трудомъ, но въ то же время отчасти уже „пріобщившіеся“ и къ общему фонду неоплаченного труда другихъ, національной прибавочной стоимости. Эти ублюдочные общественные элементы, уже отставшіе отъ работниковъ, добывающихъ свой хлѣбъ въ потѣ лица своего, но еще не приставшіе окончательно къ буржуа, живущимъ всецѣло чужимъ трудовымъ потомъ—дѣйствительно относятся къ „среднимъ слоямъ“. Но зачислить въ ряды „мелкой буржуазіи“ крестьянина, эксплуатація котораго, говоря словами Маркса, „только по формѣ“ различается отъ эксплуатаціи рабочаго—что за насиліе надъ здравымъ смысломъ! Какое игнорированіе существа экономическаго положенія!

„Мелкая буржуазія!“ Уже одно это словосочетаніе показываетъ, что мелкая буржуазія только по размѣрамъ своихъ хозяйственныхъ оборотовъ, а не по ихъ существу, отличается отъ остальной буржуазіи — крупной, средней. Въ чемъ же хозяйственная сущность крупной буржуазіи? Конечно, въ томъ, что ея имущество служитъ для нея капиталомъ, даетъ ей возможность прямо или косвенно из-

влекать изъ чужого труда прибавочную стоимость. Но не надо забывать, что въ рукахъ мелкаго крестьянина земля—„ein reines Productionsinstrument“ или, иными словами, „мелкія средства производства, служащія самому производителю средствами производства и не возрастающія въ своей стоимости посредствомъ прибавленія чужого труда, вовсе не составляютъ капитала“ *). Слѣдовательно, и сами эти мелкіе производители отнюдь не мелкіе капиталисты и не мелкіе буржуа. Мелкая буржуазія можетъ лишь количественно, а не качественно отличаться отъ крупной. А между трудовымъ крестьянствомъ и классомъ капиталистовъ существуетъ не только качественное различіе, но и прямая противоположность противоположность эксплуатируемыхъ и эксплуататоровъ. Наоборотъ, между пролетаріатомъ и трудовымъ крестьяниномъ есть различіе только въ формахъ эксплуатаціи ихъ капиталомъ. Слѣдовательно, повторяемъ, искусственно вырывать трудовое крестьянство изъ общей рабочей массы и относить къ мелкой буржуазіи — и не справедливо, и не логично. Въ этомъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ „нашихъ разногласій“ съ современными „россійскими“ социальными демократами.

Было время, когда Марксъ самымъ рѣшительнымъ образомъ относилъ крестьянство къ „реакціоннымъ среднимъ слоямъ“. Это было время „Коммунистическаго манифеста“. Тогда Марксъ прямо утверждалъ, что крестьянство лишь постольку можетъ революціонизироваться, поскольку оно забываетъ свои нынѣшніе крестьянскіе интересы и думаетъ о своихъ будущихъ интересахъ, т. е. становится на точку зрѣнія пролетаріата. Нечего и говорить, что въ этихъ словахъ уже заключается самый безпощадный приговоръ надъ крестьянствомъ. Отдѣльныя личности изъ того или другого класса, конечно, могутъ забыть свои временные и узкіе интересы, стать на точку зрѣнія пролетаріата, жить не настоящимъ, а будущимъ,—идеальными интересами. Но чтобы цѣлый классъ, да еще классъ малокультурный, забылъ свои „настоящіе“ интересы для „будущихъ“—это не мыслимо и не возможно. Одно изъ двухъ. Или интересы крестьянъ, какъ таковыхъ, влекутъ ихъ въ сторону реакціи, отрываютъ отъ пролетаріата и сближаютъ съ ублюдочными мелко-буржуазными элементами—и тогда правъ Энгельсъ „Путевыхъ замѣтокъ“, ставя надъ крестьянствомъ крестьян. Или интересы крестьянъ, какъ таковыхъ,

*) „Капиталь“, т. I, стр. 616.

дѣйствительно сближаютъ ихъ съ пролетаріатомъ, ставятъ ихъ, говоря словами Маркса, въ положеніе *Verbündeten* — естественныхъ союзниковъ. Тогда надо включить узкую формулу „интересовъ пролетаріата“ въ болѣе широкую — „интересовъ труда“, какъ ея естественную составную часть.

Въ „*Klassenkämpfe*“ Марксъ еще не дѣлаетъ ни того, ни другого. Онъ по прежнему неоднократно беретъ крестьянъ за одну скобку съ „бюргерствомъ“, „мѣщанствомъ“, „средними сословіями“, хотя въ то же время рядомъ разъясняетъ, что экономическое положеніе крестьянства только по видимости, по формѣ разнится отъ пролетарскаго. Подобно Энгельсу, онъ говоритъ о „фанатизмѣ собственности“ крестьянъ (стр. 42), но уже не пророчествуетъ о будущей междоусобной войнѣ пролетаріата съ крестьянствомъ, а лишь говоритъ: „исторія послѣднихъ трехъ лѣтъ достаточно доказала, что этотъ классъ населенія (крестьянство) неспособенъ ни къ какой революціонной инициативѣ“ *).

Можетъ ли исторія какихъ-нибудь трехъ лѣтъ достаточно доказать столь широкое, обобщающее положеніе — это вопросъ, которымъ и Марксъ еще не задавался, когда писалъ свою брошюру. И не мудрено. Какъ бы то ни было, деревенская Франція во время революціоннаго кризиса 1848 г. производила слишкомъ не выгодные впечатлѣнія на революціонера-соціалиста, каковъ былъ Марксъ, и это невыгодное впечатлѣніе должно было незамѣтно подталкивать къ обобщенію, слишкомъ поспѣшному и не оправдываемому достаточнымъ числомъ данныхъ. Крестьянская революція 1895 г. въ Сициліи и современное соціалистическое крестьянское движеніе въ Венгріи, конечно, не оправдало пессимистической оцѣнки Маркса; но, какъ бы излишне-пессимистической ни была она сама по себѣ, все-таки по сравненію съ „Коммунистическимъ манифестомъ“ и энгельсовскими „Путевыми замѣтками“ въ ней нельзя не отмѣтить значительнаго шага впередъ...

Марксъ уже не объясняетъ поведенія французскаго крестьянства, подобно Энгельсу, естественнымъ мужицкимъ „тупоуміемъ“ и „упрямой глупостью“. Онъ гораздо справедливѣе и прозорливѣе. Онъ не спѣшитъ пробѣжать мимо ошибокъ временнаго республиканскаго правительства, а отмѣчаетъ въ полномъ объемѣ ихъ вліяніе на крестьянское настроеніе. Положеніе вещей было въ общемъ таково: временному

*) „*Klassenkämpfe*“ etc., S. 102.

правительству для покрытія дефицита требовались деньги, а, слѣдовательно, нужны новые налоги. Сдѣлать ихъ объектомъ коммерцію и промышленность боялись: политическій кризисъ и безъ того сопровождался потрясеніемъ буржуазнаго кредита и заминкой въ дѣлахъ; новые налоги могли окончательно возстановить всю буржуазію противъ новой формы правленія. Однако, кто-нибудь долженъ же былъ расплачиваться... Кого же сдѣлать козломъ отпущенія? „Да, конечно, говорить Марксъ, Жака простачка, Jacques le bonhomme—крестьянина“... Вы помните, читатель,—

Не бѣда, что потерпѣть мужикъ,
Такъ ведущее насъ Провидѣніе
Указало... да онъ же привыкъ.

И вотъ, временное правительство вступило на торную дорожку, предписавъ прибавку 45 сант. на каждый франкъ 4-хъ прямыхъ налоговъ. „Правительственная пресса сбила съ толку парижскій пролетаріатъ своими увѣреніями, что будто бы этотъ налогъ своей тяжестью падеть на крупное землевладѣніе. Въ дѣйствительности же онъ прежде всего падалъ на крестьянскій классъ, т. е. на громадное большинство французскаго народа: онъ долженъ былъ выплатить стоимость издержекъ и расходовъ февральской революціи, и въ этомъ впослѣдствіи черпало пищу контръ-революціонное движеніе. 45-сантимный налогъ былъ для крестьянства вопросомъ жизни—и онъ обратился въ вопросъ жизни для самой республики. Съ этихъ поръ для французскаго крестьянина республика стала обозначать увеличеніе податей, а парижскій пролетаріатъ сталъ для него представляться чѣмъ-то въ родѣ расточителя, живущаго въ свое удовольствіе на народный счетъ“.

Понятно, что тотъ же самый французскій крестьянинъ, который въ 1789 г. распространилъ на всю страну, „обміршилъ“ революцію, начатую въ центрѣ, — въ 1848 г., напротивъ, отвернулся отъ революціи. Она не сумѣла выставить никакой крестьянской, аграрной программы; она оказалась чужда деревнѣ, и деревня оказалась чужда ей. Въ то время, какъ революція 1789 г. начала съ освобожденія крестьянъ отъ гнета феодальныхъ повинностей—революція 1848 г. дебютировала новымъ налогомъ на сельское населеніе. Отсюда и увлеченіе крестьянства Наполеономъ. „Наполеонъ—это была для крестьянъ не личность, а цѣлая программа. Со знаменами и музыкой шли къ избирательнымъ урнамъ съ

боевымъ кличемъ: „Довольно налоговъ, долой богачей, долой республику, да здравствуетъ императоръ!“ Именемъ императора прикрывалась крестьянская война; республика, которую забаллотировало крестьянство, была „республика богатыхъ“.

Такимъ образомъ, по Марксу, избраніе Луи-Наполеона въ президенты республики было лишь ирраціональной формулировкой революціоннаго настроенія крестьянства. „10-ое декабря 1848 г. было днемъ крестьянской инсurreкціи. Съ этого дня начинается февральская революція и для крестьянъ. Актъ, символизировавшій ихъ вступленіе въ революціонное движеніе,—неуклюже-лукавый, глуповато-наивный, топорно-возвышенный, это проявленіе расцѣпчиваго суевѣрія, патетическій фарсъ, гениально-нелѣпый анахронизмъ, шутка всемірной исторіи, какой-то неразборчивый гіероглифъ для разсудка цивилизованнаго человѣка—онъ носилъ несомнѣнную печать этого класса, который является престоавителемъ варварства среди современной цивилизаціи“. Во всемъ этомъ отрывкѣ едва ли не самое вѣрное то, что настроеніе крестьянъ до и во время революціи 1848 г. для тогдашней интеллигенціи было дѣйствительно „неразборчивымъ гіероглифомъ“. Исторія выдвинула передъ пролетарской революціей 1848 г. въ видѣ загадки сфинкса, французское крестьянство, со словами: разгадай эту загадку, или я тебя поглочу. Революція не рѣшила загадки, и исторія безслѣдно поглотила ее, предоставивъ ученымъ мудрецамъ заднимъ числомъ выказывать свою мудрость указаніями на ошибки движенія. И строгіе критики, какъ Марксъ, къ сожалѣнію, до революціи 1848 г. сами ничего не предвидѣли; они не могли, не сумѣли предупредить этихъ ошибокъ, которыя *post factum* разоблачить не такъ трудно. Они отстаивали, какъ въ „Коммунистическомъ манифестѣ“, наримѣръ, исключительно пролетарскій характеръ движенія, предсказывали быстрое, едва ли уже не заканчивающееся уничтоженіе крестьянства. О мелкой крестьянской собственности мы читаемъ въ манифестѣ, что „развитіе крупной промышленности уже уничтожило ее, или уничтожаетъ ежедневно“. *) Французская революція недостаточно считалась съ крестьянствомъ; но что въ этомъ удивительнаго, если самъ суровый критикъ ея, Марксъ, приравнивалъ въ это время крестьянство къ *quantité négligeable*?

Избраніе Луи-Наполеона въ президенты, дѣло въ значительной

*) Манифестъ К. П., русское изд. 1882 г., стр. 18.

степени крестьянъ, недовольныхъ республикой, Марксъ считаетъ свидѣтельствомъ того, что крестьяне есть классъ, представляющій „варварство среди современной цивилизаціи“. Не будемъ, однако, забывать, что по собственному признанію того же Маркса „мелкое мѣщанство и пролетаріатъ голосовали за Наполеона en bloc, чтобы протестовать противъ Кавеньяка etc.“ *) Не является ли и это, однако, также „геніально-нелѣпымъ анахронизмомъ, шуткой всемірной исторіи, патетическимъ фарсомъ, etc., etc.? И стало быть, такъ ли далеко отставало поведеніе крестьянства отъ поведенія пролетаріата, этого, согласно марксизму, избраннаго народа социализма и революціи?

Все это опять-таки приводитъ насъ къ тому выводу, что событія 1848 г., если приступить къ нимъ съ холоднымъ анализомъ и безпристрастно въ нихъ разобраться, не даютъ никакого права поставить крестъ надъ крестьянствомъ. Только въ пылу борьбы они могли ожесточать противъ „грубой деревенщины“ представителей городской интеллигенціи и наталкивать ихъ на слишкомъ поспѣшные и несправедливые выводы.

Дальнѣйшее развитіе политической жизни Франціи дважды заставляло Маркса вернуться къ обсужденію все той же проблемы социально-политической роли французскаго крестьянства и установленія нормальныхъ отношеній между нимъ и французскимъ пролетаріатомъ. Въ первый разъ это произошло по случаю государственнаго переворота Наполеона III и установленія второй имперіи (см. „Der 18-te Brumire des Louis Bonaparte“ von K. Marx, 3-te Auflage, Hamburg, 1885); во второй разъ—послѣ паденія второй имперіи, установленія третьей республики и ея борьбы съ парижской коммуной (см. Der Bürgerkrieg in Frankreich, его же, 3-te Auflage, Berlin, 1891).

Въ „Der Achtzehnte Brümairе“ Марксъ прежде всего даетъ общую характеристику мелкихъ крестьянъ, Parzellenbauern. Эти крестьяне, говоритъ онъ, образуютъ огромную массу, которая, по условіямъ своей хозяйственной жизни, хотя и влачитъ свое существованіе среди одинаковыхъ обстоятельствъ, на одинаковомъ уровнѣ благосостоянія, однако не образуетъ особаго единого цѣлаго. „Ихъ способъ производства изолируетъ ихъ другъ отъ друга, вмѣсто того, чтобы установить между ними взаимность общенія“. Производя,

*) Die Klassenkämpfe etc., S. 52.

главнымъ образомъ, для собственнаго потребленія, крестьянинъ приобрѣтаетъ средства жизни „болѣе въ обмѣнѣ вѣществъ съ природой, чѣмъ въ сношеніяхъ съ обществомъ“. Парцелла, крестьянинъ и его семья; рядомъ другая парцелла, другой крестьянинъ и другая семья. Чисто механическое соединеніе нѣсколькихъ такихъ единицъ составляетъ село, нѣсколько сель—департаментъ,—„совершенно такъ же, какъ извѣстное количество отдѣльныхъ картофелинъ составляетъ мѣшокъ картофеля“ *).

Эта превосходная характеристика положенія мелкой, подворной собственности, соединенной съ парцеллярнымъ хозяйствомъ, не новость для насъ, русскихъ. Именно указанія на печальный примѣръ французскаго крестьянства въ рукахъ „соціалъ-народниковъ“ 70-хъ годовъ служили наиболѣе вѣскимъ аргументовъ въ пользу нашей общинной поземельной системы. Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ того времени („Устой“), между прочимъ, была переведена статья Лафарга, въ которой констатировалось, что уничтоженіе общинныхъ порядковъ и связанныхъ съ ними привычекъ, взглядовъ, чувствъ, настроенія—довело французскую деревню до того, что легче научить пуатусскихъ ословъ говорить стихами Виктора Гюго, чѣмъ французскому крестьянину внушить мысль о его солидарности съ другими крестьянами. Что въ этомъ заключается безусловное преувеличеніе—несомнѣнно (что и доказала позднѣйшая исторія организаціонной и т. п. работы среди французскихъ крестьянъ), но въ основѣ преувеличенія заключается, тѣмъ не менѣе, вѣрная мысль.

„Поскольку милліоны семействъ, — говоритъ далѣе Марксъ,— живутъ среди такихъ экономическихъ условій существованія, которыя обособляютъ ихъ образъ жизни, ихъ интересы, ихъ образованіе отъ образа жизни, интересовъ и образованія другихъ классовъ и враждебно противопоставляютъ ихъ—постольку эти милліоны семействъ образуютъ одинъ классъ. Поскольку же между этими мелкими крестьянами существуетъ исключительно мѣстная, пространственная связь, поскольку одинаковость ихъ интересовъ не влечетъ за собой ихъ общности, а, слѣдовательно, національнаго объединенія и политической организаціи—постольку они никакого класса не образуютъ“ **).

Это положеніе, на нашъ взглядъ, нуждается въ нѣкоторыхъ поясненіяхъ и дополненіяхъ, безъ которыхъ оно можетъ повести къ

*) Der 18-te Brûmaire, Auf Hamburg, 1885, S. 88.

**) Ibid., S. 98.

существеннымъ недоразумѣніямъ. Именно, могутъ подумать, что между классомъ самостоятельныхъ крестьянъ-производителей и другими классами существуетъ нѣкоторая чисто-качественная, принципиальная разница: то классы въ настоящемъ, полномъ смыслѣ этого слова, тогда какъ *Parzellenbauer* — и классъ, и не классъ. Такое заключеніе было бы ошибочнымъ. Понятіе класса вообще есть понятіе относительное. Буржуазія въ цѣломъ представляетъ особый, единый классъ, поскольку она противопоставляется классу рабочихъ. Въ этого противоположенія „буржуазія“ сама есть разнородный и сложный агломератъ. И прежде всего въ ней приходится отмѣтить существенное противоположеніе буржуазіи, живущей рентой, и буржуазіи, живущей капиталомъ. Борьбой капитала и ренты заполнено множество чрезвычайно важныхъ и полныхъ драматизма страницъ всемірной исторіи. Но, опять-таки, собственно буржуазія, классъ капиталистовъ, представляетъ единое цѣлое только въ предѣлахъ этого противоположенія владѣльцамъ поземельной ренты. Буржуазія, живущая собственно промышленной прибылью, буржуазія, живущая процентомъ на денежный и торговый капиталъ, биржевая и финансовая плутократія суть элементы во многомъ противоположные. И этой противоположностью Марксъ объясняетъ въ „*Klassenkämpfe*“ и „18-te Brümair“ множество фактовъ, которые иначе были бы совершенно непонятными. За этимъ слѣдуетъ различіе — а съ нимъ часто и соперничество — буржуазіи крупной, средней и мелкой. Далѣе, между различными отдѣльными отраслями самой капиталистической промышленности очень нерѣдко обнаруживается крупное несходство и противорѣчіе интересовъ. Наконецъ, отвлекаясь отъ всѣхъ этихъ частичныхъ противоположностей, соединяющихъ, съ одной стороны, и разъединяющихъ, съ другой — отдѣльные общественные агломераты, въ предѣлахъ cadaго даже самаго мельчайшаго агломерата, мы найдемъ новую послѣднюю экономическую противоположность — между отдѣльными хозяйственными единицами. Каждый предприниматель является конкурентомъ другому, каждый стремится подставить другому ножку въ борьбѣ; мало того, острота, интенсивность этого стремленія прямо пропорціональна близости, сходству занятій. То же вѣрно и относительно пролетаріата. И онъ представляетъ особый и единый классъ, поскольку мы противопоставляемъ всю массу эксплуатируемыхъ пролетаріевъ массѣ эксплуатирующихъ буржуа. Но въ предѣлахъ самого пролетаріата можно наблюдать сложную дифференцировку. Рабочая аристократія, рабочій плебсъ и

рабочій Lumpenproletariat далеко не всегда идутъ одинаковыми историческими путями. Противоположность социализма и анархизма, равно какъ и противоположность различныхъ теченій въ социализмъ (какъ и въ анархизмъ) можетъ быть понята только въ связи съ этими частичными противорѣчiями въ нѣдрахъ самого пролетарiата. Наконецъ, пролетарiатъ непрерывно разъѣдается еще новой противоположностью — конкуренцiей отдѣльныхъ индивидовъ, ищущихъ работу, перебивающихъ ее другъ у друга, нерѣдко сбивающихъ другъ у друга плату. Только существованiемъ этихъ разъѣдающихъ началъ объясняется та легкость, съ которой національныя, расовыя и вѣроисповѣдныя различiя среди рабочихъ ведутъ въ ихъ средѣ къ столкновенiямъ. Французы-рабочiе бьютъ конкурентовъ-итальянцевъ; русскiе рабочiе, съ одной стороны, бьютъ рабочихъ татаръ за то, что у нихъ болѣе низкiй жизненный уровень, за то, что они соглашаются на болѣе низкую заработную плату и на болѣе грубое обращенiе; съ другой стороны, тѣ же русскiе рабочiе бьютъ прiѣзжихъ рабочихъ бельгiйцевъ за то, что тѣ, напротивъ, сравнительно съ русскими живутъ „баринами“ и пользуются лучшимъ обхожденiемъ и платой...

„Словомъ, „классъ“ не есть нѣчто абсолютное, разъ навсегда данное и неподвижное. Общество есть въ высшей степени сложный комплексъ, разслоивающiйся во всѣхъ направленихъ, вдоль и поперекъ. Я уже не говорю о разграниченихъ сословно-правовыхъ, политическихъ, національныхъ, расовыхъ, вѣроисповѣдныхъ, изъ которыхъ каждое также вноситъ свою лепту въ пестроту и сложность общественныхъ группировокъ. Я беру исключительно лишь категорiю хозяйственного, экономического порядка, и нахожу, что при антагонистическомъ строѣ современнаго общества всякая одинаковость интересовъ лишь относительна. Существуютъ различныя степени сходства, подобiя интересовъ, что дѣлаетъ возможнымъ понимать ихъ общность, ихъ солидарность то шире, то уже, въ зависимости отъ степени интеллектуальнаго развитiя и степени исторической необходимости искать союзниковъ въ борьбѣ. Иными словами, при подобii, однородности интересовъ ихъ общность не есть что-то изначала данное самой природой, въ готовомъ видѣ слетѣвшее съ неба. Общность эту еще необходимо установить, и процессъ этого установленiя въ значительной степени есть процессъ искусственный. Необходимость борьбы съ однимъ общественнымъ классомъ заставляетъ другой классъ, въ видахъ большаго успѣха въ

этой борьбѣ, стремиться къ установленію внутри себя возможнаго максимума сплоченности, подавить или, по крайней мѣрѣ, сгладить противоположности, примирить, согласовать, координировать разнородныя стремленія. Въ предѣлахъ cadaго общественнаго слоя при установленіи такого классового единства центростремительныя силы борются съ центробѣжными.

Такимъ образомъ, не одни Parzellenbauern, но и всякій другой общественный слой въ этомъ смыслѣ и классъ, и не классъ. Онъ классъ въ предѣлахъ противоположенія другимъ общественнымъ силамъ, и не классъ въ предѣлахъ отвлеченія отъ этихъ противоположеній, односторонняго сравненія между собой его составныхъ элементовъ—какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и группъ. Чѣмъ болѣе интенсивнымъ становится общественное движеніе, всегда связанное съ борьбой, и чѣмъ сознательнѣе становится самая борьба, тѣмъ шире дѣлается область дѣйствія центростремительныхъ силъ, тѣмъ слабѣе дѣйствіе силъ центробѣжныхъ. Узкіе личные, семейные, групповые, профессиональные интересы отступаютъ на второй планъ передъ классовыми въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова. Общество стремится превратиться въ арену борьбы двухъ могучихъ силъ: единой и сплоченной арміи труда противъ единой и сплоченной арміи эксплуататоровъ труда. Въ то же время на знамени одной изъ этихъ армій написано уничтоженіе всякихъ классовъ, а съ ними и классовою борьбы, торжество общечеловѣческаго идеала надъ всѣми узкими, національными, сословными, классовыми etc., etc. Этотъ общечеловѣческій характеръ ея идеала и ея программы увеличиваетъ ея центростремительную силу, выводитъ дѣйствіе этой силы за классовые предѣлы: все лучшее, все честное, все идеалистически настроенное въ другихъ классахъ постепенно покидаетъ ихъ ряды, чтобы пристать къ единственному дѣлу, которое можетъ дать удовлетвореніе ихъ нравственному чувству. Растущая армія труда становится мало-по-малу не только самой большою матеріальной силой, но, еще раньше, самой большою интеллектуальной силой въ современномъ обществѣ. И это потому, что ея дѣло — есть дѣло всего человѣчества, что ея царство не есть царство новой привилегіи, а царство труда, который самъ представляетъ общечеловѣческій элементъ.

Основная практическая задача при этихъ условіяхъ одна: найти средства подавить и сгладить всѣ центробѣжныя силы, дѣйствующія среди тѣхъ группъ и слоевъ населенія, которые въ современномъ обществѣ являются выразителями и живыми носителями трудового

начала; найти средства въ антагонистическихъ условіяхъ современнаго общества создать между этими элементами для каждаго историческаго момента возможный максимумъ хозяйственнаго и политическаго единенія. Для этого существуютъ различные типы экономическихъ и политическихъ организаций: синдикаты, союзы, кооперативныя товарищества, открытые политическіе клубы, конспиративныя группы etc., etc. Лишь поскольку распространяются такого рода организации, постольку и смягчаются, отступаютъ на второй планъ разрозненность, индивидуализмъ; лишь постольку однородность интересовъ обращается въ ихъ общность.

Такимъ образомъ, если бы на основаніи цитированныхъ словъ Маркса кто-нибудь вздумалъ искать между *Parzellenbauern* и другими общественными слоями не только количественное, но и качественное, принципиальное различіе, то это было бы ошибкой противъ истинъ, довольно-таки элементарныхъ и самоочевидныхъ, противъ истинъ, которыя было бы совѣстно даже излагать, если бы не ходячіе предразсудки, если бы не популярный способъ представлять себѣ „классъ“, какъ нѣчто абсолютное.

Для догматиковъ теоріи классовой борьбы есть только два настоящихъ класса: буржуазія и пролетаріатъ. Ставить рядомъ съ этими общественными элементами, какъ равноправную величину, крестьянство—это въ ихъ глазахъ злоупотребленіе терминомъ „классъ“, въ который они вкладываютъ какое-то абсолютное неподвижное содержаніе, который для нихъ—настоящая мистическая субстанція,—это вмѣстѣ съ тѣмъ оскорбленіе чистоты и строгости теоріи классовой борьбы. Еще больше оскорбленіе чистоты и строгости теоріи они видятъ въ томъ, что одно изъ нашихъ направленийъ осмѣливается объединять въ понятіи „рабочаго класса“ индустріальный пролетаріатъ вмѣстѣ съ трудовымъ крестьянствомъ. А такъ какъ то же направленіе иногда (*horribile dictum!*) говоритъ также о „рабочемъ народѣ“, то вотъ удобный случай зачислить ихъ въ число „буржуазныхъ демократовъ“. Припомнимъ кстати одно мѣсто изъ того же „18-te Brûmaire“, которое особенно усиленно старается эксплуатировать г. Плехановъ въ предисловіи своемъ къ брошюрѣ Энгельса о крестьянскомъ вопросѣ.

„Демократъ, являющійся представителемъ мелкаго бюргерства, т. е. того переходнаго класса, въ которомъ соединяются, взаимно другъ друга обезцвѣчивая, интересы двухъ различныхъ классовъ, воображаетъ себя стоящимъ надъ классовыми противорѣчіями. Демок-

краты признають, что противъ нихъ стоитъ привилегированный классъ, но они со всей остальной совокупностью нации образуютъ народъ. То, что они защищаютъ, есть народное право; то, что ихъ интересуетъ, есть народный интересъ. При этомъ они не имѣютъ обыкновенія при предстоящей борьбѣ изслѣдовать интересы и положенія различныхъ классовъ. Они не имѣютъ обыкновенія взвѣшивать тщательно своихъ силъ и средствъ. Ихъ дѣло — дать сигналъ къ тому, чтобы народъ во всеоружіи своихъ необъятныхъ силъ возсталъ на притѣснителей“. Въ случаѣ же неудачи, они обычно обвиняютъ „пагубныхъ софистовъ, которые раздѣляютъ единый недѣлимый народъ на различные враждебные лагери“...

Что сказать объ этихъ положеніяхъ К. Маркса? Что же, положенія какъ положенія. Надо думать, что въ нѣсколько преувеличенной, карикатурной формѣ, но по существу они представляютъ „съ подлиннымъ вѣрную“ характеристику демократовъ 40-хъ годовъ. Но когда среди русскихъ марксистовъ, какъ у Плеханова въ вышеупомянутомъ предисловіи къ новому одесскому изданію ст. Энгельса о крестьянскомъ вопросѣ, дѣлаются попытки непосредственно приложить эту самую характеристику къ намъ, то это покушеніе съ негодными средствами, и авторы этого покушенія съ полнымъ правомъ могли бы сказать: „oleum et operam perdidit“... Ибо мы не только не вѣруемъ въ абсолютное „единство и нераздѣльность“ народа; болѣе того, мы не вѣруемъ въ абсолютное, стихійно-данное „единство и нераздѣльность“ даже той части этого народа, которая называется пролетаріатомъ. Но именно поэтому мы и ставимъ своей задачей создать это единство своей социально-педагогической и организаціонной работой, вѣруя, что почва для этого единства есть и дается однородностью интересовъ труда (какого бы рода ни былъ этотъ трудъ), подавленнаго въ современномъ обществѣ эксплуатаціей (въ какой бы формѣ ни проявлялась эта эксплуатація).

Русскихъ марксистовъ не разъ соблазняла идея провести параллель между словами Маркса о демократахъ, представляющихъ „народный интересъ“, „народное право“, „народную волю“ съ нѣкоторыми аналогическими категоріями русской жизни. Вѣдь, мыслить словами вообще гораздо легче, чѣмъ понятіями! Но разъ ужъ рѣчь пошла о словахъ и о названіяхъ, то кстати будетъ здѣсь припомнить, что въ Швейцаріи „Volksrecht“ (Народное Право) есть имя центрального органа социаль-демократической партіи въ Цюрихѣ, а

во Фландріи (Бельгія) такое же названіе носить органъ *Partie Ouvrier Belge*; „*Peuple*“ (Народъ)—имя центрального органа бельгійской социаль-демократіи; „*Volksfreund*“—название нынѣ существующаго въ Германіи органа социалъдемократической партіи, назначеннаго специально для крестьянъ; „*Volkswille*“—название одного изъ бывшихъ органовъ венгерской социаль-демократіи; въ „*Volksstaat*“, бывшемъ органѣ нѣмецкой социаль-демократіи, вы встрѣтите подписи К. Маркса и Фр. Энгельса, и т. д., и т. д. Не кто иной, какъ Каутскій, въ своей „Эрфуртской программѣ“ утверждаетъ, что его партія стремится все болѣе и болѣе стать „единственной истинно-народной партіей“; не кто иной, какъ покойный Вильгельмъ Либкнехтъ, заявлялъ отъ лица германской социаль-демократіи: „Мы называемъ себя рабочей партіей, потому что рабочій народъ (*das arbeitende Volk*) имѣтъ ближайшій интересъ, а благодаря своей численности только онъ одинъ имѣтъ силу водворить желательный для насъ порядокъ“. Представитель другого крыла нѣмецкаго марксизма, Фольмаръ также заявляетъ, что „социаль-демократія вовсе не есть просто на просто партія индустріальныхъ рабочихъ, нѣтъ она передовой отрядъ всего трудящагося и борющагося за свое политическое и экономическое освобожденіе народа“. Если были когда-то въ 40-хъ годахъ такіе политическіе младенцы, для которыхъ это понятіе „народъ“ было какой-то метафизической единой, простой и нераздѣльной субстанціей, то неужели Каутскій, Либкнехтъ и др., только потому, что тоже говорятъ о „народѣ“, употребляютъ то же сочетаніе звуковъ, подлежатъ обвиненію въ томъ же идейномъ прегрѣшеніи? Идя этимъ путемъ, можно зайти далеко. Вотъ, напр., въ тѣхъ же самыхъ брошюрахъ Маркса можно найти цѣлый рядъ самыхъ язвительныхъ, самыхъ уничтожающихъ насмѣшекъ надъ социаль-демократами. Да, надъ социаль-демократами! Марксъ именно употреблялъ этотъ терминъ. Дѣло очень просто: въ концѣ 40-хъ годовъ Марксъ, Энгельсъ и ихъ сторонники называли себя коммунистами, а социаль-демократами называлась одна изъ французскихъ партій, надѣлавшая не мало политическихъ ошибокъ. И если бы кто-нибудь изъ насъ хотѣлъ отплатить нашимъ остроумнымъ критикамъ ихъ же монетой, то ему было бы это сдѣлать еще легче, чѣмъ послѣднимъ. Стоило бы только выписать всѣ эти насмѣшки Маркса и торжественно провозгласить: а, такъ вы тоже социаль-демократы? Слушайте же, что про васъ говоритъ вашъ собственный „учитель“! Конечно, такого упрощеннаго метода полемики

мы никогда не употребляли, ибо мы полагаемъ, что такого рода „остроуміе“ можетъ только свидѣтельствовать о недостаткѣ другихъ, болѣе серьезныхъ аргументовъ, и мимо него можно пройти, какъ мимо *testemonium paupertatis*, свидѣтельства о бѣдности, выданнаго нашими противниками себѣ самимъ.

* * *

„Der achtzehnte Brumaire“ написано Марксомъ почти непосредственно вслѣдъ за „Klassenkämpfe“ (одно, конечно, во второй половинѣ 1850 года, другое начато въ самомъ началѣ 1852 г.). Приблизительно то же разстояніе отдѣляетъ другъ отъ друга „Klassenkämpfe“ и „Путевыя замѣтки“ Энгельса. Понятно, что крупныхъ, радикальныхъ, принципиальныхъ перемѣнъ въ трехъ этихъ историко-литературныхъ документахъ искать нечего. Да и вообще, всякая перемѣна взглядовъ чаще всего не наступаетъ *ex abrupto*, а совершается постепенно, путемъ накопленія цѣлаго ряда мелкихъ „поправокъ“ и „оговорокъ“. Такъ и здѣсь. Ко времени появленія „18 брюмера“ накопился цѣлый рядъ новыхъ фактовъ, не мирившихся съ огульной характеристикой французскаго крестьянства, какъ жадной, грубой, идиотски-реакціонной массы. Сгущенныя краски энгельсовской картины, абсолютный характеръ его утвержденій, болѣе того, нѣсколько „суздальскій“ пошибъ его изображенія оказались явно несостоятельными. Посмотримъ же, какъ старался К. Марксъ примирить свою основную точку зрѣнія, точку зрѣнія „Коммунистическаго Манифеста“, съ новыми фактами жизни, на которые Марксъ никогда не закрывалъ глазъ.

Основную, ортодоксально-марксистскую точку зрѣнія на крестьянство Марксъ еще разъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: „Государственная власть—пишетъ онъ—никогда не виситъ въ воздухѣ. Бонапартъ является представителемъ извѣстнаго класса и при томъ многочисленнаго класса французскаго общества—именно парцеллярнаго крестьянства“. „Какъ Бурбоны являются династіей крупнаго землевладѣнія, или Орлеаны—династіей денежной аристократіи, такъ и Бонапарты являются династіей крестьянъ, т. е. массы французскаго народа. Не тотъ Бонапартъ, который подчинялся буржуазному парламенту, а тотъ, который разогналъ буржуазный парламентъ—вотъ истинный крестьянскій избранникъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ городамъ удавалось фальсифицировать, искажать смыслъ голосованія 10-го декабря и водить крестьянъ за носъ въ вопросѣ о возстановленіи имперіи. Только посредствомъ *coup d'état* 2 декабря

1851 г. быть осуществленъ, воплощенъ въ жизнь вотумъ 10 декабря 1848 г.“ *).

Мы увидимъ, что приблизительно черезъ 20 лѣтъ Марксъ высказывалъ уже діаметрально противоположный взглядъ на роль крестьянъ въ дѣлѣ возвышенія Наполеона III до императорскаго трона.

Но и въ это время онъ уже видѣлъ, что не всѣ факты мирятся съ этимъ представленіемъ Бонапартовъ „крестьянской династіей“. Уже раньше пришлось Марксу однажды отмѣтить, что тогдашняя социаль-демократическая партія (которую, какъ говорилось выше, конечно, не слѣдуетъ смѣшивать съ современной социаль-демократіей), какъ показали департаментскіе выборы, составила себѣ значительную партію приверженцевъ среди деревенскаго населенія **). Но было, конечно, кое-что и посущественнѣ этихъ департаментскихъ выборовъ, хотя послѣ всѣхъ ошибокъ, сдѣланныхъ республиканцами по отношенію къ крестьянству, и такой результатъ выборовъ нельзя не признать весьма знаменательнымъ.

„Однако—говоритъ самъ Марксъ почти непосредственно послѣ пожалованія Бонапартамъ титула „крестьянской династіи“—мнѣ возразятъ: а бунты крестьянъ почти въ половинѣ Франціи, а облавы на крестьянъ съ войсками, а массовые аресты и высылки крестьянъ?

„Со времени Людовика XIV Франція не переживала никакихъ подобныхъ преслѣдованій крестьянъ „изъ-за демагогическихъ козней“.

„Но это нужно глубже понять. Династія Бонапарта представляетъ не революціоннаго, а консервативнаго крестьянина; не того крестьянина, который подымается надъ социальными условіями своей жизни, надъ своей парцеллой, но который скорѣе хочетъ ее укрѣпить; не тотъ деревенскій народъ, который собственной энергіей, примыкая къ городамъ, хочетъ низвергнуть старый порядокъ, но напротивъ того, который, глухо замыкаясь въ условіяхъ этого стараго порядка, ждетъ спасенія и преимуществъ отъ призрака имперіи. Династія Бонапартовъ представляетъ не просвѣщеніе, а суевѣріе крестьянъ, не ихъ разсудокъ, а ихъ предрасудки, не ихъ будущее, а ихъ прошедшее“... ***)

*) „Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte“ von K. Mark 3 Auf., Hamburg 1885, S. 97—99.

**) „...zeigten die Departementswahlen, dass sie einen bedeutenden Anhang unter der Landbevölkerung gewonnen hatte“ I. c. 31.

***) Op. cit. 99.

Но сказать это — не значить ли, в сущности, ничего не сказать? Напомним фактъ, констатированный Марксомъ въ „Klassenkämpfe“: „мелкое мѣщанство и пролетаріатъ голосовали за Наполеона en bloc, чтобы протестовать противъ Кавеньяка“ (стр. 52). Напомнимъ свидѣтельство Виктора Гюго, что когда нѣсколько сотъ интеллигентовъ, студентовъ, рабочихъ — вообще говоря, сознательныхъ разночинцевъ — пытались увлечь за собой парижское население въ контръ-революціонное движеніе противъ *coup d'état* Бонапарта — они натыкались или на холодность и индифферентизмъ рабочей массы, или даже на враждебныя восклицанія: „долгой 25-франковиковъ!“ (25 фр. — дневное содержаніе депутата, незадолго передъ тѣмъ вотиrowанное французскимъ парламентомъ). Напомнимъ кокетничаніе Наполеона съ социализмомъ и пролетаріатомъ, напомнимъ, что однимъ изъ предлоговъ, выставленныхъ имъ въ оправданіе переворота 2-го декабря, была отмѣна палатой всеобщаго избирательнаго права. Напомнимъ, наконецъ, недавніе успѣхи и популярность среди значительной части рабочихъ разныхъ буланжистовъ, деруледистовъ и т. п. цезаристовъ плебисцитаріевъ — и мы увидимъ, что цитированныя выше слова Маркса не трудно съ одинаковымъ правомъ перефразировать въ примѣненіи къ пролетаріату. И это тѣмъ легче будетъ намъ сдѣлать, что роль, сыгранная въ революціи самыми низшими слоями пролетаріата (которымъ здѣсь Марксъ даетъ презрительное названіе „Lumpenproletariat“), въ изображеніи нашего автора является реакціонной въ самой высшей степени. И такъ, въ pendant къ словамъ Маркса мы можемъ сказать: „Династія Бонапартовъ, или общѣе, демагогическій, плебисцитарный цезаризмъ представляетъ не революціоннаго, а консервативнаго пролетарія; не того пролетарія, который поднимается надъ непосредственными социальными условіями своей жизни, надъ прибавкой пятачка на рубль своей заработной платы, а того, который хочетъ лишь улучшить и упрочить свое теперешнее положеніе; не того пролетарія, который хочетъ своими силами, въ союзъ со всѣми своими собратьями, низвергнуть старый порядокъ, а того, который, напротивъ, глухо замыкаясь въ условіяхъ этого стараго порядка, ждетъ спасенія и преимуществъ отъ призрака имперіи. Демагогическій цезаризмъ представляетъ не просвѣщеніе, а суевѣріе пролетаріата, не его разсудокъ, а его предразсудки, не его будущее, а его прошлое“...

Словомъ, разсужденія Маркса не подвинули насъ ни на шагъ въ вопросѣ о пониманіи специфически-крестьянской реакціонности.

Никакого качественного, принципиального различія между историческою ролью крестьянства и пролетаріата нельзя усмотрѣть изъ предложенныхъ нашему вниманію данныхъ. Намъ указываютъ на невѣжество, полную политическую незрѣлость и неорганизованность, разрозненность крестьянъ; намъ указываютъ, что они „неспособны заставить считаться со своими классовыми интересами, дѣйствуя во имя себя самихъ, черезъ парламентъ ли, или черезъ конвентъ. Они не могутъ сами представлять самихъ же себя, ихъ долженъ представлять кто-нибудь другой. Ихъ представитель одновременно долженъ стоять надъ ними, какъ ихъ повелитель, какъ авторитетъ, какъ организованная правительственная сила, которая защищаетъ ихъ отъ другихъ классовъ и посылаетъ имъ свыше благодѣтельный солнечный свѣтъ, и тепло, и живительный дождь. Политическое вліяніе парцеллярныхъ крестьянъ находить, поэтому, свое послѣднее выраженіе въ томъ, что общество подчиняется исполнительной власти! Не очевидно ли, однако, что эта характеристика одинаково справедлива по отношенію ко всякому классу, если онъ недостаточно политически зрѣлъ и недостаточно силенъ, чтобы при свободной игрѣ парламентскихъ силъ отстаивать свои интересы отъ натиска другихъ классовъ? Въ эпоху кризисовъ для такого класса или сословія всегда есть только одинъ исходъ—броситься въ объятія чьей-нибудь диктатуры, конечно, въ томъ разчетѣ, что эта диктатура сумѣетъ и пожелаетъ лучше защищать его интересы, чѣмъ это могъ сдѣлать онъ самъ при условіяхъ нормальнаго функціонированія свободныхъ демократическихъ учреждений. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятенъ и тотъ фактъ, что „мелкое мѣщанство и пролетаріатъ en bloc голосовали за Наполеона“. Все предыдущее изложеніе Маркса, на которомъ мы не имѣли возможности остановиться подробнѣе, достаточно показываетъ, какъ безуспѣшны были попытки пролетаріата воспользоваться революціей 1848 г. въ своихъ классовыхъ интересахъ, какой дорогой цѣной обошлись ему эти попытки, и до какой степени „французскій рабочій классъ былъ еще неспособенъ произвести свою собственную пролетарскую революцію“. И когда рядомъ съ буржуазной республикой, обогрЕННОЙ кровью „укрошенныхъ“ ею рабочихъ, всталъ ловкій и беззащитный авантюристъ, дѣятельно агитируя чрезъ своихъ эмиссаровъ, не разбирая средствъ, кокетничая даже съ социализмомъ и имѣя за себя на придачу великое имя,—выборъ былъ не труденъ. Словомъ, пролетаріатъ, не хуже крестьянства, оказался „неспособенъ

заставить считаться со своими классовыми интересами, дѣйствуя во имя себя самого... Но разъ онъ не могъ самъ представлять себя, его долженъ былъ представлять кто-нибудь другой“, какъ у Маркса, вплоть до фатальнаго исхода „подчиненія общества исполнительной власти“.

Самъ Марксъ въ другомъ мѣстѣ гораздо вѣрнѣе оцѣниваетъ истинную причину возвышенія Наполеона, въ качествѣ *tertius gaudens*. Она кроется въ томъ, что буржуазія оказалась *уже* неспособной управлять государствомъ, а рабочій классъ — *еще* неспособнымъ къ этому. Въ нормальное время дѣло, быть можетъ, кончилось бы какимъ-нибудь миролюбивымъ компромиссомъ, но Франція переживала эпоху хозяйственнаго кризиса, одного изъ тѣхъ обычныхъ циклическихъ кризисовъ, которые такъ обостряютъ всѣ „противорѣчія“ и „антагонистическія стороны“ капиталистическаго строя. Такова общая формула, объясняющая фатальное фіаско революціи.

Эта формула, конечно, не исключаетъ, а, напротивъ, включаетъ въ себя и политическую незрѣлость крестьянства, какъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ, или, если угодно, „факторовъ“ этого фіаско. Во избѣжаніе всякихъ возможныхъ недоразумѣній, быть можетъ, будетъ не лишнимъ еще разъ подчеркнуть, что мы не доказываемъ полнаго тождества, рѣчь идетъ лишь о нѣкоторой аналогіи между поведеніемъ городского рабочаго класса съ поведеніемъ крестьянства во время политическихъ кризисовъ 1848 и 1851 гг. Это не исключаетъ, конечно, крупной политической разницы въ степени политической незрѣлости того или другого изъ этихъ общественныхъ классовъ. Было бы ни съ чѣмъ несообразно, если бы такой разницы не оказалось. Вѣдь, прежде всего французскій и, особенно, парижскій городской пролетаріатъ (такъ какъ парижскіе рабочіе были главнымъ дѣйствующимъ лицомъ революціи) жилъ вольнымъ воздухомъ столицы, умственного центра, куда стекались всѣ лучшія интеллигентныя передовыя въ общественно-политическомъ смыслѣ силы не только Франціи, но и многихъ сосѣднихъ странъ, гдѣ, можно сказать, передовыми идеями была насыщена вся атмосфера,—онѣ носились въ воздухѣ. Сравните съ этимъ обособленную деревеньку, гдѣ, прикованный къ своей бороздѣ, влачитъ крестьянинъ, поглощенный борьбой за насущный хлѣбъ, и лишь изрѣдка прислушиваясь къ гулкому эхо революціонныхъ бурь, разыгрывающихся на многолюдныхъ улицахъ столицы. Среди крестьянъ не велось почти никакой сколько-нибудь серьезной и система-

тической пропаганды, для нихъ не издавалось подходящей литературы; о специфическихъ интересахъ крестьянства думали только сторонники школы Прудона, но и ихъ практическое безсиліе, порою сомнительное политиканство и доктринерское прожекторство слишкомъ ярко и слишкомъ скоро выказались въ настоящемъ свѣтѣ. И если, не смотря на все это, въ крестьянствѣ, не переставая, билась живая общественная струя, такъ это лучшее доказательство, что реакціонное настроеніе въ извѣстные историческіе моменты все не вытекаетъ изъ имманентныхъ социальныхъ свойствъ крестьянства, какъ такового, что это относится, выражаясь философскимъ жаргономъ, не къ его субстанціи, а къ его акциденціи...

„Трехлѣтнее, суровое господство парламентской республики — говорить далѣе Марксъ—освободило часть французскаго крестьянства отъ наполеоновскихъ иллюзій и, хотя поверхностно, революционизировало его. Но какъ только въ крестьянствѣ начиналось движеніе, буржуазія тотчасъ же насильственно подавляла его. При парламентской республикѣ вступили въ борьбу два крестьянскихъ міровоззрѣнія: традиціонное и новѣйшее, современное. Процессъ этотъ проявлялся въ видѣ непрерывной борьбы между школьными учителями и попами. Буржуазія гнула и подавляла учителей. Впервые крестьяне пытались защищать свою самостоятельность противъ правительственнаго вмѣшательства. Это проявлялось въ постепенныхъ конфликтахъ между деревенскими мэрами и правительственными префектами. Буржуазія смѣщала мэровъ, отрѣшала ихъ отъ должностей. Наконецъ, въ теченіе періода парламентской республики крестьяне различныхъ мѣстностей поднялись противъ своего собственнаго порожденія—арміи. Буржуазія наказала ихъ осаднымъ положеніемъ и экзекуціями. И эта самая буржуазія нынѣ вопіетъ о ту-поуміи массъ, *vile multitude*, измѣнившихъ ей для Бонапарта! *). Она сама насильственно укрѣпила въ крестьянахъ имперіализмъ, она создала и поддерживала тѣ условія, которыя явились родильнымъ домомъ для этой крестьянской религіи. Съ другой стороны, буржуазіи приходится страшиться и невѣжества массъ, пока онѣ остаются консервативными,—и проницательности ихъ, какъ скоро онѣ становятся революціонными“.

„Послѣ *coup d'état* —продолжаетъ Марксъ—часть французскихъ

*) Только ли буржуазія? Не въ тѣхъ ли самыхъ выраженіяхъ всего года 4 передъ тѣмъ вопіалъ объ измѣнѣ крестьянства республиканскому Парижу Фр. Энгельсъ?

крестьянъ въ рядѣ возстаній, съ оружіемъ въ рукахъ протестовала противъ своего собственного вотума 10 декабря 1848 г. Та школа, сквозь которую они прошли съ 1848 г., проучила ихъ“. Но именно потому-то и возникаютъ вновь сомнѣнія: правильно ли говорить, что „Бонапарты являются династіей крестьянъ“, что „не тотъ Бонапартъ, который подчинился буржуазному парламенту, а тотъ, который разогналъ буржуазный парламентъ,—вотъ кто истинный крестьянский избранникъ“, и что, наконецъ, „только посредствомъ *coup d'état* 2 декабря 1851 г. былъ осуществленъ, воплощенъ въ жизнь вотумъ 10 декабря 1848 г.?“. Не преувеличеніе ли это? Не противорѣчатъ ли ему факты? Повидимому, эти сомнѣнія уже во время писанія „18 Brumaire“ были у Маркса, а спустя 20 лѣтъ онъ однимъ ударомъ устранилъ ихъ, заявивъ: „правда, французскій крестьянинъ избралъ Луи Бонапарта въ президенты республики, но вторую имперію создала „партія порядка“ *). Въ чемъ дѣйствительно нуждался французскій крестьянинъ, это онъ началъ показывать въ 1849 и 1850 гг., когда онъ повсюду противопоставилъ правительственнымъ префектамъ—своихъ мэровъ, правительственнымъ попамъ—своихъ сельскихъ учителей, правительственнымъ жандармамъ—себя самого. Всѣ законы, изданные партіей порядка въ январѣ и февралѣ 1850 г., были ясно выраженными мѣрами насилія, обращенными противъ крестьянъ. Крестьянинъ былъ бонапартистомъ потому, что въ его глазахъ имя Наполеона было воплощеніемъ великой французской революціи, со всѣми ея выгодами для крестьянства. При второй имперіи этотъ самообманъ быстро рушился“... **).

*) Этимъ именемъ Марксъ обозначалъ коалицію монархическихъ партій того времени: легитимистовъ, орлеанистовъ и т. п. представителей напуганныхъ „краснымъ призракомъ“ правительственныхъ классовъ.

**) „Der Bürgerkrieg in Frankreich 3-te Aufl., Berlin 1891, S. 52. Это произведеніе Маркса о парижской коммуны также крайне интересно. На парижскую коммуну и ея судьбу постоянно ссылаются въ томъ же духѣ, какъ и на событія 1848 года. Извѣстно, что съ легкой руки одного радикальнаго депутата, реакціонное большинство національнаго собранія въ Бордо получило презрительную кличку „деревенщины“, „деревенскаго большинства“. И это большинство задавило парижскую коммуну. Для нашихъ социаль-демократовъ ссылки на судьбу коммуны представляютъ одинъ изъ самыхъ ходячихъ аргументовъ, доказывающихъ „идіотизмъ“ и неизбежную реакціонность крестьянства. И здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, они обнаруживаютъ изрядную долю незнанія сочиненій собственного учителя. Если мы посмотримъ, какъ судилъ объ этихъ событіяхъ самъ К. Марксъ, то прежде

На этомъ мы оставляемъ Марковскій анализъ событій 1848 г. Вульгарно-марксистское воззрѣніе постоянно возвращается къ голословнымъ и поверхностнымъ ссылкамъ на эти событія, какъ на самый яркій примѣръ и доказательство исторической реакціонности крестьянства. Событія 1848 г.—самый крупный козырь крестьянофобовъ отъ марксизма. Что же мы нашли, присмотрѣвшись къ нимъ поближе? Да то, что вопреки Энгельсу, даже реакціоннѣйшія стремленія, проявлявшіяся во французскомъ крестьянствѣ, были только ирраціональной формой выраженія его революціонныхъ нуждъ и потребностей. Поскольку крестьянинъ увлекался даже бонапартизмомъ, онъ увлекался имъ—по свидѣтельству Маркса—олицетворяя въ Бонапартахъ великую французскую революцію, „удавшуюся жакерію“ по выраженію одного историка; „именемъ императора—говоритъ Марксъ—въ сущности, прикрывалась крестьянская война“. Только полное игнорированіе республиканцами и демократами того времени нуждъ и интересовъ крестьянства привело къ грандіознѣйшему и плачевнѣйшему историческому недоразумѣнію—братоубійственной враждѣ между рабочими людьми города и деревни...

Такова злая иронія исторіи. Въ свое время крестьянскія войны,

всего мы должны будемъ остановиться на слѣдующихъ энергическихъ заявленіяхъ покойнаго: „изъ всѣхъ лживыхъ выдумокъ, высиженныхъ въ Версали и разнесенныхъ по всему свѣту достославными баши-бузуками европейской прессы, едва ли не одной изъ самыхъ чудовищныхъ была та, согласно которой захолустные дворянчики національнаго собранія фигурировали въ роли представителей французскаго крестьянства. Стоить только вообразить себѣ любовь французскихъ крестьянъ къ людямъ, которымъ они были вынуждены съ 1815 года выплатить цѣлый милліардъ вознагражденія! Да въ глазахъ французскихъ крестьянъ уже одно существованіе крупнаго землевладѣнія представляется покушеніемъ на завоеванія и пріобрѣтенія 1789 года“. Событія коммуны „обезпечили крестьянамъ въ лицѣ городскихъ рабочихъ естественныхъ представителей ихъ интересовъ“... Коммуна „имѣла полное право воскликнуть по адресу крестьянъ: въ нашей побѣдѣ—ваше спасеніе!“... „Дворянчики знали—и въ этомъ-то и заключалось ихъ главное опасеніе—что три мѣсяца свободнаго сообщенія между Парижской Коммуной и провинціями произвели бы всеобщее крестьянское возстаніе (einen allgemeinen Bauernaufstand). Отсюда и та испуганная поспѣшность, съ которой они окружили Парижъ полицейской блокадой, чтобы задержать распространеніе революціонной заразы“.

Итакъ, въ благопріятномъ случаѣ Марксъ предвидѣлъ возможность „всеобщаго крестьянскаго возстанія“ совсѣмъ другого рода, чѣмъ Энгельсъ. Не пролетариату пришлось бы съ нимъ вѣдаться и расправляться...

могучей полосой прошедшія по всей Европѣ, были подавлены, предводители и участники ихъ потоплены въ морѣ крови. Разбросанность, неорганизованность крестьянъ, несогласованность ихъ дѣйствій, отсутствіе руководящихъ городскихъ центровъ, гдѣ бы концентрировался революціонный авангардъ,—погубили дѣло. Теперь такой же могучей полосой по Европѣ прошелъ рядъ городскихъ революцій. Сконцентрированный авангардъ на этотъ разъ былъ на лицо, но ему не доставало живой связи съ массами деревенскаго люда, не доставало поддержки земли... И опять тѣ же неудачи, тѣ же рѣки крови, то же множество человѣческихъ жертвоприношеній, та же реакція... Кажется, болѣе чѣмъ ясно, что единственный историческій выводъ, который мы можемъ извлечь изъ этихъ событій, заключается въ слѣдующемъ: въ странахъ, гдѣ рабочее населеніе распадается на двѣ крупныя части—индустріальный пролетаріатъ и крестьянъ-земледѣльцевъ—въ такихъ странахъ только то движеніе можетъ быть жизненнымъ, рациональнымъ и успѣшнымъ, которое будетъ синтезомъ предыдущихъ неудавшихся движеній, соединить съ инициативой концентрированныхъ силъ города поддержку деревенскихъ крестьянскихъ массъ. И это начинаетъ понемногу уже входить въ общее сознаніе; намъ уже не странно слышать изъ устъ нѣмецкаго марксиста, Кварка, слова: „пусть же силы деревни подкрѣпятъ и нашу партію, какъ того сказочнаго великана, который каждый разъ набирался новыхъ и свѣжихъ силъ, какъ только прикасался къ своей матери-землѣ“... Геркулесъ, какъ говорить мифическое сказаніе, замѣтилъ это и побѣдилъ Антея, поднявши его на воздухъ, оторвавъ отъ земли. Реакціонныя силы точно такимъ же образомъ сумѣли во Франціи локализовать революціонное движеніе въ немногихъ промышленныхъ центрахъ, посягая раздоры между городомъ и деревней; и вотъ почему въ 1848 г. для французскаго Антея,—пролетаріата буржуазный режимъ остался непобѣдимымъ Геркулесомъ...

ГЛАВА IX.

Крестьянскія войны передъ судомъ марксизма.

„Удавшаяся жакерія... крестьянская война... Пусть такъ; но развѣ мы не знаемъ, что крестьянскія войны были движеніемъ реакціоннымъ, что въ случаѣ удачи онѣ только поворотили бы назадъ колесо исторіи? Итакъ, если бы вы даже и доказали, что подъ нелѣпой оболочкой, подъ протестомъ деревни противъ города крылись въ зародышѣ старыя тенденціи крестьянскихъ войнъ,—развѣ все это говорило бы сколько-нибудь въ пользу крестьянъ? Революціонность ихъ настроенія была бы только пустой внѣшностью; по существу оно оставалось бы реакціоннымъ“!

Вотъ что могутъ намъ отвѣтить сторонники ортодоксальнаго марксизма. Но въ ихъ отвѣтѣ будетъ заключаться крупнѣйшее недоразумѣніе.

Положеніе что крестьянскія войны были явленіемъ реакціоннымъ принадлежитъ собственно Лассалю. Но его считали, да и сейчасъ многіе считаютъ (и не только изъ приверженцевъ этого взгляда, но и изъ его противниковъ), необходимымъ логическимъ выводомъ изъ глубочайшихъ положеній марксизма. Впрочемъ, нѣкоторая незначительная доля истины въ этомъ взглядѣ есть. Марксизмъ въ его эмбриональной фазѣ, марксизмъ „Путевыхъ замѣтокъ“ Энгельса, „Коммунистическаго Манифеста“ Маркса и Энгельса очень гармонируетъ съ этимъ положеніемъ Лассалья. И въ этомъ отношеніи какъ лассальянцы были болѣе чистыми марксистами, нежели собственно марксисты-эйзенахцы (см. гл. III настоящей книги), такъ и Лассаль былъ болѣе марксистомъ, чѣмъ самъ Марксъ.

Революционнымъ принципомъ того времени Лассаль считаетъ принципъ капитала. Именно капиталъ, разрушая старыя, отжившія феодальныя и полуфеодальныя формы, представлялъ собой въ его

глазахъ залогъ дальнѣйшаго историческаго развитія. Это было прежде всего принципъ индивидуализма, освобожденія личности отъ узъ стараго порядка. Крестьянское же движеніе, по мнѣнію Лассалья, имѣло въ виду не провозглашеніе новаго принципа, а лишь послѣдовательное и строжайшее проведеніе общаго принципа тогдашней эпохи. Крестьянамъ и въ голову не приходило заявлять свои требованія непосредственно во имя человѣческой личности. Принципъ, во имя котораго они дѣйствовали, былъ принципъ землевладѣнія. Они требовали и для крестьянскаго землевладѣнія такихъ правъ на участіе въ государственномъ управленіи, какія раньше принадлежали только землевладѣнію дворянскому. А между тѣмъ важное экономическое значеніе землевладѣнія и его опредѣляющая политическая роль, какъ необходимаго условія участія въ общественномъ представительствѣ, шло къ гибели; и разрушалъ его именно капиталъ.

Въ русской литературѣ, для которой въ семидесятыхъ годахъ народъ, какъ совокупность трудящихся классовъ (одинаково — земледѣльческихъ и индустріальныхъ, чисто пролетарскихъ и хозяйственно-самостоятельныхъ), стоялъ въ центрѣ всей практической общественной программы, — въ этой литературѣ взглядъ Лассалья встрѣтилъ серьезную и рѣшительную критику. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ еще Н. К. Михайловскимъ было указано прежде всего на фактическія погрѣшности въ изображеніи Лассалья. Не вѣрно, будто крестьянамъ не приходило въ голову выставлять свои требованія прямо отъ имени человѣка, его интереса, его личнаго достоинства. Такъ французскіе крестьяне пѣли: „nous sommes hommes comme eux“, а среди крестьянъ нѣмецкихъ и англійскихъ пользовалась не меньшей популярностью пѣсенка, вышучивавшая „историческія права“ дворянства и спрашивавшая: „а когда жили наши прародители, Адамъ и Ева, — кто изъ нихъ былъ дворяниномъ?“ Не вѣрно далѣе, будто бы въ социальномъ-политической области крестьянское движеніе имѣло своимъ девизомъ землевладѣніе, какъ таковое — нѣтъ, оно имѣло въ виду не интересы землевладѣнія, а интересы крестьянскаго земледѣльческаго труда; да и религіозная свобода личности имъ отстаивалась въ гораздо большей степени и гораздо радикальнѣе, чѣмъ Лютеромъ, котораго считаютъ (въ томъ числѣ и Лассаль) представителемъ въ интеллектуальной области новаго принципа — личной индивидуальной свободы. Безъ сомнѣнія, въ крестьянскомъ движеніи было много темнаго, грубаго, невыработаннаго, наконецъ, такого, что

прямо противорѣчило основнымъ принципамъ движенія. Но отъ такихъ недостатковъ не свободно всякое движеніе, которое только что зарождается, и при томъ еще зарождается въ тискахъ самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ ..

Ошибка Лассаля произошла отъ незаконнаго стремленія разсматривать исторію односторонне телеологически, какъ нашу собственную эмбриологію. Проведя доктринерски-прямолинейно отъ себя въ глубь исторіи, до любого событія, прямой рядъ звеньевъ причинной цѣпи, мы начинаемъ считать прогрессивнымъ все, что лежало въ сторонѣ отъ найденной такимъ образомъ столбовой дороги исторіи, все, что стремилось свернуть исторію съ той колеи, которая фактически соединяетъ прошлое съ настоящимъ, — все это мы начинаемъ считать или не стоящимъ вниманія, или даже еще хуже — тормазомъ „единственнаго вѣрнаго“ прогресса. Одностороннее превращеніе исторіи въ нашу эмбриологію необходимо приводить къ фаталистическому оптимизму, къ оправданію всякой исторической дѣйствительности только потому, что она дѣйствительность, къ фетишистскому преклоненію передъ фактомъ. Вольтеровскій Панглоссъ такъ утѣшалъ своего пріятеля Кандида: „Все тѣсно связано въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ: если бы васъ не выгнали изъ прекраснаго замка пинками за вашу любовь къ дочери барона, если бы вы не побывали въ когтяхъ инквизиціи, если бы вамъ не пришлось скитаться пѣшкомъ по всей Америкѣ, если бы вы не ранили шпагой барона и не потеряли вашихъ бароновъ изъ прекраснаго Эльдорадо — то теперь вы не сидѣли бы здѣсь и не ѣли бы цукатовъ и фисташекъ“. Слѣдовательно, не трудно, ставши на эту точку зрѣнія, признать „прекрасными“, „исторически-прогрессивными“ въ жизни Кандида и пинки баронскихъ слугъ, и доносъ на него инквизиціи, и подвиги грабителей, изнасиловавшихъ его прекрасную Кунигунду — ибо „въ послѣднемъ счетѣ“ комбинація этихъ обстоятельствъ свела таки вмѣстѣ и Кандида (хотя изрядно помятаго жизнью), и Кунигунду (хотя и изнасилованную), и Панглосса (хотя уже въ видѣ жалкаго больного старика); — свела ихъ вмѣстѣ и посадила за одинъ столъ, на которомъ даже оказались... цукаты и фисташки. Напротивъ, и сопротивленіе Кандида лакейскимъ пинкамъ, и борьба Кунигунды за свою дѣвичью честь, и неудачная попытка Панглосса бѣжать отъ инквизиціи — все это были „тормазы“ необходимому и въ послѣднемъ счетѣ прогрессивному ходу вещей, попытки „задержать, остановить колесо исторіи“.

Панглоссъ разсматривалъ личную исторію Кандида, какъ эмбриологію цукатовъ и фисташекъ, истребляемыхъ ихъ дружескимъ тріо съ приправой философскихъ разсужденій. Такъ какъ „все тѣсно связано между собой въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ“, то онъ могъ по произволу связать причинно ихъ дружескую трапезу съ съ любымъ изъ мерзѣйшихъ приключеній ихъ прошлой жизни. Но тотъ же самый незамысловатый фокусъ-покусъ панглоссовой „телеолого-космолого-нигилиеологіи“ (выраженіе Вольтера) можно съ успѣхомъ продѣлать и надъ всемірной исторіей человѣчества. Какъ ни богата наша сѣренъкая современность и страданьями, и несправедливостью, и смѣха, и жалости достойными вещами,—все-таки можно и въ этой дѣйствительности произвольно сосредоточить все свое вниманіе исключительно на рядѣ „свѣтлыхъ явленій“, а затѣмъ и связать ихъ причинною цѣпью съ любымъ историческимъ фактомъ—какъ съ самымъ благороднымъ, такъ и съ гнуснѣйшимъ изъ дѣяній. Ибо, вѣдь, господство причинности всеобще и безусловно, все неразрывно связано со всѣмъ „въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ“...

Если статья „вполнѣ и исключительно“ на эту точку зрѣнія, то уже нельзя оцѣнивать событія при помощи какого бы то ни было высшаго принципа; фактическое преобладаніе, фактическая побѣда—вотъ единственно остающийся критерій оцѣнки... Мы превращаемся въ безпринципныхъ „жрецовъ минутнаго, поклонниковъ успѣха“, помнящихъ и свято чтущихъ двѣ новѣйшія заповѣди: „побѣдителей не судятъ“ и „vae victis“.

Лассаль оптимистически восклицаетъ: „изъ исторіи можно вывести то оптимистическое заключеніе, что истинно-революціонное движеніе никогда еще не погибало, по крайней мѣрѣ, надолго“. Конечно, есть очень простой способъ оправдать исторически такой оптимизмъ. Для этого стоитъ лишь всѣ революціонныя движенія, не имѣвшія успѣха, объявить революціонными лишь по внѣшности, по формѣ, но реакціонными по существу. Пусть этой операціей занимаются тѣ, кто держится принципа: „тѣмъ низкихъ истинъ намъ дороже насъ утѣшающій обманъ“. Мы предпочитаемъ глядѣть прямо въ глаза суровой дѣйствительности. Какъ будто мы не знаемъ, что для цѣлыхъ историческихъ періодовъ нерѣдко приходится подвести печальный итогъ—„нѣтъ великаго Патрокла, живъ презрительный Терситъ“. Какъ будто мы не знаемъ, что въ этой исторіи почти всегда каждый шагъ покупается массой жертвъ, „и на смерть

обречены слишкомъ ранніе предтечи слишкомъ медленной весны..“ Чартистское движеніе, напимѣръ, было раздавлено, было потоплено въ крови не хуже крестьянскихъ войнъ. И послѣ жестокой расправы долгое-долгое время движеніе казалось умершимъ. Можно было думать, что въ той формѣ и съ той программой оно никогда не воскреснетъ. И только недавно рабочія и радикально социалистическія фракціи Англіи образовали лигу, союзъ для осуществленія тѣхъ требованій, которыя были выставлены еще чартистами и до сихъ поръ еще, однако, не воплощены въ жизнь. Вотъ одна изъ многихъ возможныхъ иллюстрацій, показывающая, какъ безжалостно можетъ разбивать жизнь тѣ розовыя очки, сквозь которыя Лассаль разсматривалъ „уроки исторіи“. Или, можетъ быть, и чартистское движеніе нужно признать реакціоннымъ? Вѣдь оно тоже осталось безъ результата, а славный мужественный подвигъ его борцовъ — вѣдь это, въ концѣ концовъ, только внѣшность, форма... Оно отвергнуто исторіей, и это было исторически необходимымъ. Свергнемъ же чартистское движеніе съ его революціоннаго пьедестала, развѣнчаемъ его, — благо, вѣдь оно умерло, оно не можетъ протестовать, не можетъ вступить за свою поруганную, историческую честь, а „мертвымъ тѣломъ хотъ заборъ подпирай!“

Марксъ и Энгельсъ тоже бывали не безгрѣшны по части фаталистическаго. Извѣстенъ классическій „объективизмъ“ марксистской оцѣнки рабства. Насмѣшки надъ тѣми, кто способенъ по этому поводу впадать въ лирический тонъ, въ негодованіе по поводу „подобныхъ гнусностей“, почти панглоссовское разсужденіе на ту тему, что рабство было явленіемъ исторически-необходимымъ и прогрессивнымъ, что безъ древняго рабства не было бы и новѣйшаго социализма — нужно ли искать болѣе яркаго примѣра разсматриванія исторіи, какъ собственной эмбриологіи?

Но быть „объективнымъ“ за счетъ классической древности нетрудно. Труднѣе во имя той же всемогущей исторической необходимости давать подобную же апологію болѣе близкимъ къ нашему времени событіямъ, труднѣе здѣсь добровольно отречься отъ права всякую гнусность называть гнусностью. И ни у Маркса, ни у Энгельса не хватало моральнаго самоотреченія, самозабвенія настолько, чтобы признать необходимымъ, а слѣдовательно исторически прогрессивнымъ явленіемъ и грязный сапогъ солдата версальской арміи, топчущій распростертую во прахъ, истекающую кровью парижскую коммуну; и цѣпкія лапы Бонапарта, задушившаго въ своихъ объятіяхъ съ

іудинимъ лобзаніемъ республику 1848—1850 г. и обгагренную въ крови іюльскихъ повстанцевъ шпагу Кавеньяка. Нѣтъ, въ такихъ близкихъ и живыхъ вопросахъ и Марксъ, и Энгельсъ немедленно превращались въ рѣшительнѣйшихъ „субъективистовъ“. Послушайте, напимѣръ, чѣмъ звучитъ этотъ упрекъ Прудону. „Прудонъ стремится изобразить государственный переворотъ, какъ производное предыдущаго историческаго развитія. Но между рукъ у него про- скальзываетъ превращеніе исторической конструкціи государственнаго переворота въ историческую апологію героевъ этого переворота. Онъ впадаетъ такимъ образомъ въ ошибку нашихъ такъ называемыхъ объективныхъ историковъ“... Въ другомъ мѣстѣ по поводу „исторической школы въ правѣ“, которая тоже грѣшила не мало по части претензій на объективизмъ, Марксъ пишетъ, между прочимъ: „существуетъ школа, которая сегодня совершаемая низости оправдываетъ вчерашними; которая объявляетъ мятежемъ всякій протестъ крѣпостного раба противъ кнута, если только это—кнутъ старый, прирожденный историческій; школа, которой исторія, какъ Богъ Израиля своему слугѣ Моисею, показываетъ только свое а posteriori... „Этотъ Шейлокъ во всякомъ кускѣ мяса, вырѣзываемомъ изъ народнаго сердца, ссылается подъ присягой на свой вексель— на свой историческій вексель“...

Словомъ, на ряду съ „объективистской“ въ сочиненіяхъ Маркса бьетъ и „субъективистская“ струя. Первая—ведетъ за собой на- смѣшки надъ моральной оцѣнкой событій, драпируется въ тогу ледяного равнодушія къ виду „кусковъ мяса, вырѣзаемыхъ изъ народнаго сердца“, хотя бы, напимѣръ, рабствомъ, щеголяетъ своимъ признаніемъ рабства исторически прогрессивнымъ ин- ститутомъ и т. п. Къ идеямъ этого порядка слѣдуетъ отнести и то странно заявленіе Маркса, которое мы встрѣчаемъ въ его „Bürgerkrieg in Frankreich“, будто, „рабочій классъ не имѣетъ осуществить никакихъ идеаловъ, а только дать свободный ходъ естественной тенденціи развитія буржуазнаго общества“. Именно эту струю идей въ марксизмъ подчеркивали одинъ изъ первыхъ легальныхъ русскихъ марксистовъ, заявляя, что марксизмъ „не со- держитъ ни одного грамма этики“, и что его отличительныя черты— *объективность* и *историчность*. Цитаты изъ предисловія къ „18 Brümaire“ и „Введенія къ критикѣ философіи права Гегеля“ рисуютъ субъективистскую струю идей въ марксизмъ, превосходно выражен- ную словами Маркса въ послѣднемъ изъ названныхъ произведеній:

„Задача исторіи теперь, когда исчезла правда внѣміровая,—это установить правду въ мірѣ.“ Съ этой точки зрѣнія „историческій“ патентъ на существованіе, выданный стихійной судьбой какому-нибудь общественному движенію, такъ же мало говоритъ за его прогрессивность какъ мало говоритъ пораженіе другого движенія—о его реакціонности.

На эту вторую точку зрѣнія стали Марксъ и Энгельсъ и въ своей оцѣнкѣ рискованнаго и двусмысленнаго тезиса Лассалья о реакціонности крестьянскихъ войнъ. Какъ извѣстно, Лассаль въ „Францъ Зикингенъ“ попытался дать художественную иллюстрацію къ своимъ историческимъ идеямъ. По поводу этого-то произведенія между Марксомъ и Энгельсомъ—съ одной стороны, Лассалемъ—съ другой, произошелъ (въ частной перепискѣ) интересный споръ коснувшійся вопроса о крестьянскихъ войнахъ. Такъ какъ въ русской литературѣ какъ легальной, такъ и нелегальной, объ этомъ спорѣ совершенно не упоминалось, такъ какъ благодаря этому данный тезисъ Лассалья обычно считается логическимъ дополненіемъ марксовской оцѣнки крестьянства, то мы приведемъ здѣсь нѣкоторые данныя, которыя опубликованы въ нѣмецкой социалъ-демократической литературѣ относительно сказанной переписки, которая, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не опубликована цѣликомъ.

Эдуардъ Бернштейнъ въ большомъ біографическомъ вступленіи къ первому тому изданныхъ подъ его редакціей сочиненій Лассалья, между прочимъ, сообщаетъ: „благодаря любезности Фридриха Энгельса, я получилъ письма Лассалья къ Карлу Марксу, найденныя въ бумагахъ, оставшихся послѣ смерти послѣдняго. Между ними находится и письмо, разбѣрами въ 34 страницы in quarto, въ которомъ, за исключеніемъ немногихъ строкъ, дѣло идетъ о Францѣ фонѣ Зикингенѣ. Немедленно послѣ появленія этой драмы въ печати, Лассаль послалъ по экземпляру ея Карлу Марксу и Фр. Энгельсу. Тотъ и другой (жившіе въ это время еще въ разныхъ мѣстахъ) въ отвѣтъ на это сообщили ему подробно свое мнѣніе о драмѣ, а упомянутое письмо Лассалья является отвѣтомъ на ихъ отзывы. Онъ соединяетъ ихъ въ одномъ и томъ же письмѣ „потому что (какъ онъ выражается)—возраженія, присланныя обоими вами, не будучи совершенно тождественными, все-таки въ главномъ касаются однихъ и тѣхъ же пунктовъ“.

„Вы оба сходитесь въ томъ,—пишетъ Лассаль въ другомъ мѣстѣ,—что я „придалъ слишкомъ второстепенное значеніе (Zu sehr

zurückgesetzt habe) крестьянскому движению, недостаточно подчеркнул, выдвинулъ его“ (nicht genug hervorgehoben habe). Ты (Марксъ) обосновываешь это такъ: Зикингенъ и Гуттенъ должны были у меня погибнуть въ силу того, что они, подобно польской аристократіи, были революціонеры лишь въ своемъ воображеніи, а на самомъ дѣлѣ были представителями реакціонныхъ интересовъ. „Аристократическіе представители революціи“, говоришь ты, „за боевыми лозунгами которыхъ—„единство“ и „свобода“—постоянно таятся мечты о старыхъ имперскихъ формахъ и кулачномъ правѣ, вовсе не должны бы поглощать все вниманіе, сосредоточивать на себѣ весь интересъ разсказа, какъ это выходитъ у тебя (Лассалья); напротивъ, представители крестьянъ, именно крестьянъ, да еще революціонныхъ элементовъ въ городахъ должны были бы образовать гораздо болѣе активный фонъ картины. Ты бы могъ тогда въ гораздо большей степени заставить высказываться какъ разъ новѣйшія, современнѣйшія идеи, только въ самой наивной формѣ, между тѣмъ какъ теперь, кромѣ религіозной свободы, главной идеей остается идея буржуазнаго единства; „Ужъ не впалъ ли ты самъ“, восклицаешь ты, „въ ту самую дипломатическую ошибку, какъ твой Зикингенъ, ставя лютеранско-рыцарскую оппозицію выше плебейско-гражданской“?

Только въ этихъ цитатахъ Лассалья и извѣстенъ пока подлинный текстъ Марксовскихъ писемъ. Лассаль, полемизируя съ ними, заявляетъ, что, по его мнѣнію, напротивъ, исторически крестьянское движеніе было настолько же реакціоннымъ, какъ и дворянское.

„Послѣднее воззрѣніе свое,—прибавляетъ Бернштейнъ, — Лассаль, какъ извѣстно, защищалъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, какъ, напримѣръ, въ „Программѣ работниковъ“. По моему мнѣнію, его ни въ какомъ случаѣ нельзя признать правильнымъ. Тотъ фактъ, что крестьяне выступали съ требованіями, носившими на себѣ печать прошлаго, нисколько не дѣлалъ ихъ движенія реакціоннымъ. Правда, крестьяне не были новымъ классомъ, но они также не были погибающимъ классомъ—подобно рыцарямъ. Реакціонное въ ихъ требованіяхъ относится лишь къ ихъ формѣ, а не къ существу. Этого не видитъ Лассаль... Къ Марксовскому замѣчанію: „тогда ты могъ бы заставить фигурировать и высказываться самыя современнѣйшія идеи, только въ самой наивной формѣ“—Лассаль ставитъ два вопросительныхъ знака плюсъ одинъ восклицательный...

Неизвѣстно, писалъ ли Марксъ отвѣтъ на отвѣтъ Лассалья. Не

извѣстенъ и текстъ его первого письма. Было бы крайне желательно, чтобы онъ, наконецъ, увидалъ свѣтъ. Для историка развитія соціальной философіи Маркса и Энгельса это было бы чрезвычайно драгоценнымъ матеріаломъ. Но уже изъ того, что сообщаетъ Бернштейнъ въ идейномъ согласіи съ Энгельсомъ, этимъ alter ego Маркса, достаточно ясно, насколько неосновательно поступаютъ тѣ, которые считаютъ тезисъ Лассалля о реакціонности крестьянскихъ войнъ выводомъ логически обязательнымъ для всякаго марксиста. Напротивъ, „наивная форма“ многихъ крестьянскихъ требований не помѣшала Марксу разглядѣть въ нихъ здоровое революціонное зерно „самыхъ современныхъ идей“.

Съ отношеніемъ Энгельса къ крестьянскимъ войнамъ можно, впрочемъ, познакомиться также изъ его статьи, составляющей, къ сожалѣнію, библиографическую рѣдкость — „Der deutsche Bauernkrieg“. Статья эта была помѣщена въ №№ 5 и 6 „Neue Rheinische Zeitung“ 1905 г. и позднѣе (1871 г.) выпущена отдѣльной брошюрой.

Въ этой брошюрѣ Энгельсъ разсматриваетъ крестьянскія войны, какъ свидѣтельство того, что „и у нѣмецкаго народа есть свои революціонныя традиціи“, ибо въ то время „нѣмецкіе плебеи и крестьяне выступили съ такими идеями и планами, передъ которыми довольно часто случалось съ испугомъ отпрянуть ихъ потомкамъ“. „Три столѣтія протекло съ тѣхъ поръ, и тѣмъ не менѣе крестьянскія войны не такъ ужъ далеко отстоятъ отъ современныхъ гражданскихъ войнъ, да и враги, которыхъ приходится одолѣвать, въ значительной мѣрѣ все тѣ же самые... И если въ движеніи послѣднихъ лѣтъ лишь мѣстами — въ Силезіи, въ Шварцвальдѣ, въ Оденвальдѣ — проявлялся тотъ здоровый вандализмъ, какимъ отличались крестьянскія войны, — то это во всякомъ случаѣ нельзя считать преимуществомъ современныхъ инсurreкцій“.

У Энгельса мы видѣли не разъ самые рѣшительные отзывы о безнадежной разрозненности, изолированности крестьянства, дѣлающихъ его совершенно неспособнымъ къ широкой организаціи. Тѣмъ интереснѣе тотъ фактъ, что въ крестьянскихъ войнахъ онъ не могъ не найти фактовъ, по меньшей мѣрѣ значительно ограничивающихъ силу и примѣнимость этихъ отзывовъ. „Упорство и терпѣливость, съ которыми верхненѣмецкіе крестьяне 1493 г. конспирировали въ теченіе тридцати лѣтъ; съ которыми они побѣдили всѣ препятствія, вытекавшія изъ ихъ деревенски-разрозненного образа жизни и стоявшія поперекъ дороги къ образо-

ванію большой, централизованной организаціи; съ которыми они, не смотря на безчисленные разгромы, пораженія, казни своихъ вождей, постоянно все снова и снова принимались за конспирацію, пока, наконецъ, не явился поводъ къ массовому возстанію—это упорство, поистинѣ, заслуживаетъ изумленія“.

Въ сущности, Энгельсъ наводитъ читателей на ту мысль, что крестьянскія войны могли бы завершиться успѣхомъ, будь у крестьянъ какой-нибудь союзникъ. Но этого союзника не было, ибо тогда не существовало индустріальнаго пролетаріата, концентрированнаго въ городахъ.

„Съ современнымъ пролетаріемъ тогдашній нѣмецкій крестьянинъ имѣлъ то общее, что доля его въ продуктахъ собственнаго труда равнялась минимуму средствъ существованія, необходимому для его поддержанія и для воспроизведенія крестьянской расы“.

Безъ такого союзника всецѣло преодолѣть свою разрозненность, усугубленную массою внѣшнихъ условій (Энгельсъ перечисляетъ—„децентрализація, мѣстная и провинціальная самостоятельность, взаимное и индустріальное, и коммерческое отчужденіе областей, дурные пути сообщенія“), крестьяне всетаки не могли. Въ одиночку крестьяне не были въ состояніи сдѣлать революцію, пока имъ противостояла организованная сила князей, дворянства и городовъ, объединенныхъ и сплоченныхъ. Только союзъ съ другими сословіями далъ бы имъ шансы побѣды; но какъ могли они объединяться съ какими-либо другими сословіями, когда всѣ эти сословія одинаково были ихъ эксплуататорами?“ Только плебейская бѣдность, да еще люмпенпролетаріатъ и присоединились къ нимъ,—но послѣдній оказывалъ на нихъ развращающее вліяніе, а мелкое бюргерство нерѣдко измѣняло въ самые рѣшительные моменты.

Съ этой точки зрѣнія Энгельсъ прослѣживаетъ идеологію того времени и приходитъ къ выводу, діаметрально противоположному выводамъ Лассалю. Этотъ послѣдній видѣлъ въ буржуазномъ слоѣ истинно-революціонный элементъ того времени, выставляя, въ сравненіи съ нимъ, крестьянское движеніе, какъ элементъ реакціонный—Энгельсъ, наоборотъ, ставитъ крестьянско-плебейскія тенденціи эпохи гораздо выше буржуазныхъ. Разсматривая различныя теченія во времена реформаціи, онъ вскрываетъ крайнюю плоскость и поверхность праваго буржуазнаго крыла, съ Лютеромъ и Меланхтономъ во главѣ. „Совершенно иной характеръ имѣло сектантство, поскольку оно было прямымъ выраженіемъ крестьянскихъ и

плебейскихъ потребностей и почти всегда примыкало къ возстанію. Оно, конечно, раздѣляло всѣ требованія сектанства бюргерскаго относительно поповства, папства и возстановленія древнехристіанскаго церковнаго устройства, но въ то же время оно шло безконечно далѣе... Оно требовало возстановленія древнехристіанскаго равенства отношеній между всѣми членами общины и признанія его за норму для всего гражданскаго общества. Изъ „равенства передъ Богомъ всѣхъ дѣтей его“ оно заключало къ гражданскому равенству, а частью даже къ равенству благосостоянія“.

Плебейскіе слои городовъ разсматриваются Энгельсомъ, какъ предтечи современнаго пролетаріата, которымъ приходилось вести аналогичное съ послѣднимъ существованіе—поскольку, разумѣется, это возможно было въ условіяхъ тогдашняго социальнаго строя. „Изъ этого положенія ихъ и объясняется, почему плебейская фракція уже тогда не могла остановиться на простой борьбѣ съ феодализмомъ и привилегированнымъ слоємъ бюргерства; почему она, по крайней мѣрѣ въ фантазіи, могла подняться уже надъ современнымъ—тогда едва-едва зарождавшимся—буржуазнымъ обществомъ; почему она, эта совершенно неимущая фракція общества, должна была сдѣлать спорными учрежденія, взгляды и представленія, общія всѣмъ общественнымъ формамъ, покоющимся на классовыхъ противорѣчіяхъ“.

„Крестьяне и плебеи объединяются, наконецъ, въ одну революціонную партію, требованія и доктрины которой находятъ свое наиболѣе рѣзкое выраженіе у Мюнцера“.

„У Мюнцера впервые эти коммунистическіе мотивы становятся выраженіемъ реальной общественной фракціи; впервые у него они получаютъ до нѣкоторой степени опредѣленную формулировку, и съ тѣхъ поръ, послѣ него, въ каждомъ крупномъ народномъ потрясеніи мы снова и снова встрѣчаемся съ ними, пока они постепенно не сливаются съ современнымъ пролетарскимъ движеніемъ; совершенно такъ же, какъ въ средніе вѣка борьба свободныхъ крестьянъ противъ все болѣе и болѣе окутывающаго ихъ феодальнаго господства сливается съ борьбою крѣпостныхъ противъ господъ, вплоть до окончательной гибели феодальныхъ началъ“.

Эта попытка—провести преемственную линію современнаго социализма до „крестьянско-плебейскаго“ движенія эпохи реформации чрезвычайно интересна. Существуютъ два взгляда на социализмъ. Съ точки зрѣнія одного—социализмъ есть специальное порожденіе спе-

ціальныхъ хозяйственныхъ условій, а именно — крупной капиталистической индустріи. Съ этой точки зрѣнія нѣлѣпо искать социализму предшественниковъ тамъ и тогда, когда индустріально-капиталистическаго „обобществленія“ не существовало. Народныя движенія и возстанія противъ гнета и эксплуатаціи въ эпоху рабства, феодализма, крѣпостного права, съ этой точки зрѣнія, суть явленія совершенно иного порядка, чѣмъ современное рабочее движеніе; они несравнимы, они не являются разными стадіями одного и того же всемірно-историческаго движенія, постепенно въ наши времена доходящаго до болѣе или менѣе полной зрѣлости. Нѣтъ, каждое изъ нихъ есть нѣчто совершенно особое, самостоятельное, со своимъ замкнутымъ цикломъ. Специфическое дѣйствіе опредѣленной буржуазно-капиталистической общественной формаціи, социализмъ не *эволюционировалъ* изъ коммунистическихъ теорій и мечтаній древности и среднихъ вѣковъ, а *родился* отъ капитализма. Таковъ одинъ взглядъ. Другой разсматриваетъ социализмъ, какъ нѣчто гораздо болѣе *универсальное*. Всю исторію онъ разсматриваетъ, какъ борьбу началъ солидарности и конкуренціи, приводящую, на разныхъ стадіяхъ, къ разнымъ временнымъ сочетаніямъ обоихъ этихъ началъ въ томъ или другомъ общественномъ режимѣ. Первобытный коммунизмъ и разлагавшія его теченія, возстанія рабовъ и жестокія ихъ усмиренія, движенія крѣпостныхъ и поддержка силою устоевъ феодальнаго строя — все это сплошная линія развитія двухъ антагонистическихъ элементовъ: одного, стремящагося къ общественному равенству, и другого, поддерживающаго или усугубляющаго исторически сложившіяся формы гнета и эксплуатаціи. Съ точки зрѣнія этого взгляда, современное рабочее движеніе въ своей борьбѣ съ буржуазіей есть лишь послѣднее по времени, крайнее звено этого всемірно-историческаго процесса борьбы. Условія буржуазно-капиталистическаго строя даютъ лишь своеобразную конкретную обстановку для этого развивающагося явленія, а вовсе не „рожаютъ“ его „изъ себя“ въ силу какого-то мистическаго діалектическаго закона самоотрицанія. Ясно, что два эти существенно-различныхъ взгляда на социализмъ приводятъ и къ различнымъ практическимъ выводамъ. Въ предѣлахъ капиталистическаго режима существуютъ, живутъ классы докапиталистическаго общества, напимѣръ, трудовое крестьянство. Ему свойственно свое историческое движеніе, у него есть традиціи своихъ гражданскихъ войнъ и возстаній; въ новой обстановкѣ эти традиціи переживаютъ серьезныя внутреннія превращенія, борьбу,

кризисы. Можно ли надѣяться и стремиться логически развивать, приспособлять къ новымъ развившимся условіямъ общественности эти традиции и тенденціи для органическаго сліянія ихъ съ революціонными тенденціями пролетаріата — или же это — абсурдъ, безуміе, утопизмъ? Этотъ вопросъ приходится рѣшать такъ или иначе, въ зависимости отъ того, какое принять общее пониманіе социализма изъ двухъ, изложенныхъ выше — болѣе ли узкое, превращающее социализмъ въ простой побочный рефлексъ капиталистически-индустріальнаго строя, или болѣе широкое, универсальное, всемірно-историческое. Для насъ характерно, что Энгельсъ, обычно весьма прямолинейно развивающій узкое воззрѣніе, при оцѣнкѣ крестьянскихъ войнъ сбился на болѣе широкое. Мы увидимъ ниже, что точно такимъ же образомъ сбивался онъ на то же болѣе широкое воззрѣніе въ вопросѣ о русскомъ крестьянствѣ и судьбахъ русской общины.

При анализѣ крестьянскихъ войнъ приходится столкнуться еще съ однимъ элементомъ — именно, той *религіозной формой*, въ которую облекались тогда общественныя домогательства различныхъ общественныхъ сословій и классовъ. Оцѣнивая его значеніе въ исторіи крестьянскихъ войнъ, мы дѣлаемъ то же самое, что долженъ дѣлать и всякій политикъ-революціонеръ въ настоящее время, изучая *роль сектантства* въ народной жизни. Предположимъ, что по существу своему данныя классовыя домогательства были не реакціонными, а, наоборотъ, наиболее передовыми изъ всѣхъ теченій эпохи. Но въѣдъ форма, въ какую они вылились, остается насквозь реакціонной? На этихъ соображеніяхъ чрезвычайно охотно останавливаются всѣ невѣрующіе въ революціонную воспримчивость крестьянства, подчеркивая, что высшее, до чего можетъ доработаться деревня, это — смутныя коммунистическія фантазіи, плотно заросшія мистически-религіозной шелухой. Они забываютъ, что и современное пролетарское движеніе, особенно поскольку оно было предоставлено самому себѣ, начало съ той же фазы; примѣръ — религіозный коммунизмъ Вейтлинга. И Энгельсъ, конечно, какъ человекъ умный, прекрасно понималъ то, чего никакъ не могутъ взять въ толкъ многіе современные марксисты. Останавливаясь на характерномъ сочетаніи въ эпоху крестьянскихъ войнъ революціонныхъ тенденцій съ религіознымъ аскетизмомъ, Энгельсъ приходитъ даже къ цѣлому историко-соціологическому обобщенію. „Уже здѣсь, — говоритъ онъ, — у первыхъ піонеровъ движенія, мы находимъ тотъ аскетизмъ, который мы встрѣчаемъ при каждомъ средневѣковомъ возстаніи съ

религіозной окраской, а въ новое время—въ началѣ всякаго пролетарскаго движенія. Эта морально-аскетическая суровость, это требованіе отрѣшиться отъ всѣхъ житейскихъ наслажденій и радостей. съ одной стороны, направляетъ противъ господствующихъ классовъ принципъ спартанскаго равенства, а съ другой стороны, является необходимой переходной стадіей, безъ которой низшій слой общества никогда не можетъ вступить въ движеніе. Чтобы развить свою революціонную энергію, чтобы самому себѣ выяснитъ свое враждебное положеніе по отношенію къ другимъ общественнымъ элементамъ, чтобы сконцентрироваться въ качествѣ особаго класса, онъ долженъ начать съ отрѣшенія отъ всего, что еще можетъ примирять его съ существующимъ общественнымъ порядкомъ; онъ долженъ отказаться отъ тѣхъ немногихъ радостей, которыя временно дѣлаютъ болѣе сноснымъ его угнетенное положеніе и которыя не могутъ быть у него отняты самымъ суровымъ притѣсненіемъ. Этотъ плебейскій и пролетарскій аскетизмъ, такимъ образомъ, какъ по своему содержанію, такъ и по дико-фанатической формѣ отличается отъ аскетизма буржуазнаго, проповѣдуемаго буржуазной моралью лютеранства и англійскаго пуританства (въ отличіе отъ индепендентовъ и еще далѣе идущихъ сектъ), вся тайна котораго заключается въ простомъ мѣщанскомъ скопидомствѣ“.

Энгельсъ анализируетъ и другіе религіозные элементы движенія. Всѣ они, конечно, являются „заблужденіями“. Но заблужденіе заблужденію рознь. Среди нихъ возможны и такія, къ которымъ какъ нельзя лучше приложимы слова Ф. А. Ланге: „заблужденіе часто служить лишь формой, въ которую отливается колоколь правды, и которая тотчасъ разбивается, какъ только законченъ процессъ литья“. Энгельсъ указываетъ на цѣломъ рядѣ примѣровъ, какое, въ сущности, совершенно новое вино вливалось въ старыя мѣха. „Подъ царствомъ Божіимъ,—говоритъ Энгельсъ, —Мюнцеръ понималъ, въ сущности, не что иное, какъ общественное состояніе, въ которомъ болѣе не существуетъ никакихъ классовыхъ различій, никакой частной собственности и никакой самостоятельной, чуждой членамъ общества государственной власти. Всѣ же существующія власти, поскольку онѣ не захотятъ подчиниться и примкнуть къ революціи, должны быть низвергнуты, всѣ работы и все имущество должно сдѣлаться общимъ; должно быть проведено полнѣйшее равенство“. „Его философско-теологическая доктрина затрогивала всѣ основныя пункты не только католичества, но и христіан-

ства вообще. Онъ училъ въ формахъ христіанства, собственно, пантеизму, представлявшему замѣчательное сходство съ современнымъ умозрительнымъ міросозерцаніемъ и даже частично приближавшемся къ атеизму“. На этихъ примѣрахъ прекрасно видно, какъ религиозная оболочка сама себя элиминируетъ, изживаетъ свое содержаніе, дѣлается излишней, какъ излишенъ, хотя бы, напримѣръ, современному рабочему движенію тотъ религиозный аскетизмъ, который когда-то, однако, сослужилъ ему, по мнѣнію Энгельса, свою немаловажную службу.

Взгляды Мюнцера, разумѣется, слишкомъ сильно опережали его время, и потому раздѣлялись лишь самымъ передовымъ революционнымъ меньшинствомъ движенія. Это не мѣшало имъ — наоборотъ, скорѣе помогало — играть дирижирующую роль, задавать тонъ всему движенію, толкая его впередъ. Исторія не судила этимъ стремленіямъ и людямъ практическаго торжества именно потому, что то были — *люди будущаго...* На нихъ частично даже сбылось то, что Энгельсъ считаетъ общимъ закономъ для всѣхъ передовыхъ партій. „Самое худшее, что только можетъ постигнуть вождя крайней партіи, — это если онъ вынуждается принять власть въ эпоху, когда движеніе еще не созрѣло для господства того класса, который онъ представляетъ, и для проведенія тѣхъ мѣръ, которыхъ требуетъ господство этого класса“. Получается противорѣчіе между тѣмъ, что онъ *долженъ бы былъ*, и тѣмъ, что онъ *можетъ* сдѣлать. Фактически онъ въ своей дѣятельности, поэтому, ограничивается выполненіемъ требованій не своего класса, а того, для котораго созрѣло движеніе. Энгельсъ показываетъ, какъ отразилось это на партіи Мюнцера и, какъ ея коммунистическія чаянія разрѣшились на практикѣ въ довольно плоскихъ и компромиссныхъ мѣропріятіяхъ, имѣвшихъ не столько революціонный въ социальномъ смыслѣ, сколько социально-благотворительный или обще-демократическій характеръ. Такова, по мнѣнію Энгельса, была бы судьба и современной социаль-демократіи, если бы она преждевременно получила власть. Такимъ образомъ, самое банкротство движенія тамъ, гдѣ оно временно добилося успѣха, Энгельсъ, относитъ не на счетъ его реакціонности, а наоборотъ — на счетъ слишкомъ передового для своего времени характера его.

На этомъ мы можемъ считать поконченнымъ вопросъ о томъ, правильно ли считаетъ большинство современныхъ марксистовъ крестьянскія движенія прошлаго „революціонными лишь по внѣш-

ности, но реакціонными по существу“. Если этотъ Лассалевскій взглядъ такъ долго и такъ многими принимался за чистое выраженіе ортодоксальнаго марксизма, то это можетъ быть объяснено лишь тѣмъ зачастую поразительнымъ невѣжествомъ относительно дѣйствительныхъ воззрѣній Маркса и Энгельса, которое господствуетъ среди огромнаго большинства рядовыхъ (да и только ли однихъ рядовыхъ!) русскихъ марксистовъ.

ГЛАВА X.

Марксъ и Энгельсъ, какъ аграрь-политики.

Выше мы уже говорили, что во времена „коммунистическаго манифеста“ Марксъ и Энгельсъ не выставляли программы - *minimum* въ современномъ смыслѣ. Ихъ программа требованій, начертанная въ манифестѣ для „передовыхъ странъ“, предназначена для того времени, когда пролетаріатъ достигнетъ полного господства въ государствѣ и сможетъ „последовательно (*nach und nach*) централизовать въ рукахъ государства всѣ орудія производства“. Существуетъ довольно распространенный взглядъ, будто отрицаніе программы - *minimum* есть болѣе радикальная постановка партійныхъ задачъ, чѣмъ ея признаніе. Это, конечно, невѣрно. Отрицающіе программу-*minimum* болѣе революціонны лишь въ своемъ собственномъ воображеніи. Они перепрыгиваютъ черезъ вопросы, которые должны рѣшить. Такъ какъ программа - *maximum* есть совокупность требованій, осуществляемыхъ послѣ окончательной побѣды сознательнаго рабочаго класса, то ея еще не разрѣшается вопросъ,—а чѣмъ руководиться въ оцѣнкѣ практическихъ завоеваній *до* этой полной побѣды? Этотъ вопросъ сохранялъ свою силу и для Маркса, ибо *до* диктатуры пролетаріата ему не могло быть желательно то, что онъ требовалъ послѣ нея. *До* диктатуры пролетаріата „последовательно централизовать въ рукахъ государства“ средства производства „значило бы практиковать *государственный социализмъ*“,—но это подходяще для Бисмарковъ, а не для Марксовъ. Возможна, конечно, точка зрѣнія, съ которой всѣ частичныя завоеванія до полной побѣды всегда вредны. Такая точка зрѣнія устранила бы самую постановку этого неразрѣшеннаго вопроса. Но бѣда въ томъ, что этой точки зрѣнія никто не держался и не держится,—по крайней мѣрѣ, надолго. Но предположимъ, что дана партія, которая придерживается

ея. „Все или ничего“—звучить, конечно, очень радикально, — если имѣется возможность, имѣются и силы дѣйствительно въ непосредственно предстоящій моментъ взять разомъ „все“. Если же такой возможности нѣтъ, а есть только наивная дѣтская вѣра въ нее, то на практикѣ громкая формула претерѣиваетъ чувствительную метаморфозу. Она превращается, примѣрно, въ такую формулу: все — въ неизвѣстномъ будущемъ и нуль — въ настоящемъ.

Но что это значить—нуль? На лицо есть извѣстная наличность силъ; она недостаточна для осуществленія „всего“. Но вѣдь она, всетаки, немедленно можетъ быть практически утилизирована. Точка зрѣнія „все или ничего“ *отвѣргаетъ* такое непосредственное практическое утилизиrowаніе. Она ведетъ къ частичному самооскопленію. Такъ, напримѣръ, стоя на точкѣ зрѣнія Маркса-Энгельса конца сороковыхъ годовъ, рабочіе очень „революціонно“ вѣрили бы въ то, что ко времени новой всемірной выставки экспропрированнымъ капиталистамъ ничего бы не осталось, какъ служить гидами для посѣтителей выставки при осмотрѣ бывшихъ „своихъ“ богатствъ. Но, отрицая съ этой точки зрѣнія пользу борьбы за сокращеніе рабочаго дня, они вычеркнули бы совершенно тѣ страницы всемірной исторіи, которыя заполнены этой борьбой, крѣпнувшей въ ея процессѣ организаціей, ростомъ широты движенія, его сознательностью, настойчивостью, выдержкой, т. е. развитіемъ тѣхъ драгоцѣнныхъ способностей, которыя не вырабатываются самими благочестивыми пожеланіями разомъ перескочить въ социалистическій Элизіумъ при помощи одного упавшаго съ неба наитія революціоннаго вдохновенія. Мало того. Въ концѣ концовъ, дѣло свелось бы на то же самое (въ принципиальномъ смыслѣ, а не въ частностяхъ, не въ практическихъ формахъ). Предположивъ, что сознательная часть рабочаго класса, не интересуясь частичными завоеваніями, пробовала бы лишь отдѣльными героическими попытками прыгнуть сразу къ конечной цѣли,—мы всетаки должны были бы признать, что, до поры, до времени, это имѣло бы лишь одно послѣдствіе: подъ все усиливающимся напоромъ рабочаго класса правящіе элементы общества—хотя бы съ цѣлью ослабить сознательную часть рабочихъ, отвлекая отъ нея безсознательную—стали бы, время отъ времени, практиковать реформаторскія мѣры. Итакъ, слѣдствіемъ революціонныхъ попытокъ—на этотъ разъ не просто путнымъ, но и *невольнымъ* ихъ слѣдствіемъ—были бы пока частичныя уступки. Какъ оцѣнивала бы ихъ сознательная часть рабочаго класса?

Возможны двѣ комбинаціи. Или она съ высоты величія одинаково отрицательно относилась бы *ко всѣмъ* реформамъ безъ разбора; — или бы дѣлала среди нихъ извѣстное различіе: однѣ реформы признавали бы *лишь недостаточными*, другія, кромѣ того, и *вредными*; — иначе, говоря, послѣдняя она признавала бы не дѣйствительными уступками (хотя бы и недостаточными), а уступками *мнимыми*, въ которыхъ за фальшивой видимостью уступокъ скрываются *ловушки*. Если бы осуществилась первая комбинація, — то сознательная часть рабочаго класса своимъ поведеніемъ стала бы въ разрѣзъ съ слишкомъ жизненными интересами массъ; этимъ бы она вызвала ихъ отчужденіе и тѣмъ затормозила бы свою собственную дѣятельность. Изъ ея революціонныхъ попытокъ, какъ мы видѣли, до поры, до времени получались бы всетаки лишь реформы, но онѣ лишь получались бы менѣе успѣшно — это разъ, а во-вторыхъ, среди нихъ былъ бы больше % реформъ обманныхъ — ибо устраненіе сознательной части рабочаго класса отъ дѣйствительнаго анализа реформаторской дѣятельности господствующихъ элементовъ общества и замѣна этого анализа огульнымъ абсолютнымъ отрицаніемъ понизила бы общую способность рабочихъ массъ ориентироваться въ мѣропріятіяхъ, преподносимыхъ имъ въ качествѣ уступокъ. Если же осуществилась бы вторая комбинація — результаты получились бы слѣдующіе. Изъ различнаго рода частичныхъ уступокъ и реформъ однѣ были бы выдѣлены со знакомъ плюса, какъ дѣйствительныя — *приобрѣтенія*, завоеванія рабочаго класса, облегчающія ему дальнѣйшее теченіе борьбы за конечныя свои цѣли; другія же, наоборотъ, со знакомъ *минуса*, какъ ловко замаскированныя препоны въ этомъ революціонномъ шествіи. Но что это значить? Если разсмотримъ всю совокупность реформъ — совершившихся и проектируемыхъ, — къ которымъ партія ставитъ знакъ плюса, то что это такое, какъ не программа - *минимумъ* въ эмбрионѣ? Мы говоримъ — въ *эмбрионѣ*, ибо ей въ такомъ случаѣ недостаетъ лишь извѣстной полноты, сведенности, гармонизированности и отчетливой, методической формулировки, чтобы вполне стать такой программой. Если при этомъ партія будетъ наивно убѣждена, что у нея *нѣтъ* программы - *минимумъ*, то она очутится въ комичномъ положеніи гоголевскаго Акакія Акакіевича, который только на пятидесятомъ году съ изумленіемъ узналъ, что всю жизнь *говорилъ прозой*. Если же партія будетъ лишена такой наивности, но будетъ избѣгать явной формулировки программы-*минимумъ* изъ страха, якобы неизбежно съ этимъ связаннаго

оппортунистическаго грѣхопаденія, то это значить лишь, что она является политически неискренней и, не желая имѣть *оффициальной* минимальной программы, довольствуется *оффициозной*; стыдясь имѣть *явную*, имѣетъ *закулисную*. Такъ обычно и бываетъ съ отрицающими программу-*минимум* (всевозможные „аполитики“). Они напоминаютъ людей, которые гордо заявляютъ, что отрицаютъ философію; на дѣлѣ это, конечно, значить, что они имѣютъ „самодѣльную“ философію—ибо философствуютъ всѣ люди—только зачаточную, туманную и несведенную. Такъ же на дѣлѣ имѣютъ зачаточную и плохую программу - *минимум* и направленія, громогласно отрицающія ее изъ „принципальныхъ соображеній“. Но если партія поставлена въ необходимость *практиковать* минимальную программу, не выработавъ ее для себя самостоятельно—она разомъ становится въ опасное положеніе, рискуя въ этой практической сторонѣ своей дѣятельности *смѣшаться* съ другими, „сосѣдными“ въ политическомъ смыслѣ партіями. Въ частности этой опасности не избѣгли Марксъ и Энгельсъ. При всей видимости радикализма ихъ постановки вопроса, при которой въ экономикѣ они отрицали всякія минимальныя требованія, на дѣлѣ эта постановка вопроса—иронія судьбы—практически *сблизила* ихъ съ буржуазнымъ политическимъ радикализмомъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу Конштедтъ: „Итакъ, вся программа „Коммунистическаго Манифеста“ предназначена не на то время, когда буржуазія еще править въ государствѣ; нѣтъ, осуществленіе всѣхъ ея отдѣльныхъ требованій проектировано было лишь для времени пролетарской диктатуры. Вплоть до этого времени пролетаріатъ вообще не долженъ былъ вести никакой экономической политики—а только демократическую (въ полномъ смыслѣ). Его задачей было—*образовать лѣвое крыло буржуазной демократіи, толкать бюргерство* къ его самымъ крайнимъ и послѣднимъ политическимъ цѣлямъ—и затѣмъ, перешагнуть черезъ нихъ, идти дальше“ (курсивъ нашъ). То же, по существу, констатируетъ и Мeringъ, который находитъ, что „характеръ тогдашнихъ германскихъ условій требовалъ, чтобы рабочій классъ сначала могъ выступить здѣсь на революціонную арену лишь какъ самое крайнее крыло демократической партіи“, при чемъ Марксъ и Энгельсъ должны были дѣйствовать, какъ передовые бойцы движенія, „которое еще не могло разъ навсегда написать на своемъ знамени специфически пролетарской идеи“. Энгельсъ объясняетъ эту ихъ позицію тѣмъ, что они не хотѣли „оставаться маленькой сектой“, подобно старымъ уто-

пистамъ, или играть роль „проповѣдниковъ въ пустынь“, но стремились къ практическому политическому вліянію и къ образованію партіи дѣйствія. Что это ихъ стремленіе было стремленіемъ здоровымъ—въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія; однако, оно вовсе не было необходимо связано съ превращеніемъ въ лѣвое крыло бургерской демократіи. Марксъ и Энгельсъ вскорѣ сами это увидѣли и выступили изъ демократической организаціи („блока“) съ лозунгомъ болѣе тѣснаго объединенія между собой организацій рабочихъ. Съ этого времени и начинается новая тактика ихъ органа, который до того времени—даже по признанію Меринга—„болѣе отстаивалъ интересы буржуазной революціи противъ абсолютизма, чѣмъ интересы пролетаріата противъ буржуазіи“.

Такъ или иначе, но марксизмъ росъ и развивался, учась изъ самыхъ своихъ ошибокъ. Точка зрѣнія статьи объ англійскомъ десятичасовомъ биллѣ, съ ея отрицаніемъ „минимальныхъ“ требований, была оставлена. Необходимость и въ ближайшей практической тактикѣ отмежеваться отъ несоціалистической демократіи была понята. Въ программномъ смыслѣ результатъ былъ таковъ: выработка въ Парижѣ, въ дополненіе къ требованіямъ „Манифеста“ особой деклараціи „Требованія коммунистической партіи въ Германіи“. Первые требованія приурочивались, какъ мы видѣли, къ эпохѣ диктатуры пролетаріата, вторыя—къ демократической революціи. Последнія, такимъ образомъ, относились къ первымъ, какъ въ современныхъ программахъ минимальная часть къ максимальной.

Нашему разсмотрѣнію здѣсь подлежатъ лишь *аграрныя* требованія обѣихъ программъ; остальное ихъ содержаніе выходитъ изъ рамокъ занимающей насъ въ этой книгѣ темы. Перейдемъ же къ этому разсмотрѣнію, замѣтивъ кстати, что „максимальныя“ аграрныя требованія въ особенности не приходится судить слишкомъ строго. Сами авторы „Манифеста“ позднѣе отзывались объ отдѣлѣ „требований“ въ немъ, какъ устарѣвшемъ, и не вносили въ него поправки лишь потому, что смотрѣли на „Манифестъ“, какъ на извѣстнаго рода историческій документъ, который долженъ сохраняться въ полной неприкосновенности.

Во-первыхъ, слѣдуетъ отмѣтить, что и послѣ „диктатуры пролетаріата“, по Марксу, предстоитъ не моментальный „скачекъ изъ царства необходимости въ царство свободы“, а процессъ творческой работы, централизующей средства производства въ рукахъ государства послѣдовательно, постепенно („nach und nach“). Начи-

нать приходится съ земли, отсюда первое требованіе: „экспропріація поземельной собственности и употребленіе ренты на государственные расходы“. Что касается пользованія экспропріированной землей, то оно опредѣляется другими требованіями такимъ образомъ: „воздѣлываніе и улучшеніе земель по одному общему плану“ и, далѣе, „учрежденіе индустріальныхъ рабочихъ армій, въ особенности для земледѣлія“. Наконецъ, еще дальше: „Соединеніе индустріальнаго производства съ земледѣліемъ, воздѣйствіе въ смыслѣ постепеннаго устраненія различія между городомъ и деревней“. Убѣжденіе, что такого рода требованія будутъ разсматриваться, какъ подлежащія непосредственному практическому осуществленію при помощи диктатуры пролетаріата (а извѣстно, что въ передовыхъ странахъ Марксъ и Энгельсъ надѣялись на ближайшее осуществленіе этой диктатуры), конечно, лишній разъ свидѣтельствуешь, насколько малымъ въ эту эпоху было пониманіе Марксомъ и Энгельсомъ природы земледѣльческаго производства. „Воздѣлываніе полей по одному общему плану“! Стоитъ только подумать о крайнемъ, неисчерпаемомъ разнообразіи земледѣльческихъ культуръ, въ связи съ различными сортами хлѣбовъ, овощей, фруктовыхъ деревьевъ, кормовыхъ злаковъ, въ связи, далѣе, съ различіями въ климатѣ, въ почвѣ! Чѣмъ дальше идетъ развитіе земледѣлія, тѣмъ яснѣе обнаруживается, насколько въ этой области принципъ широкой децентрализаціи долженъ торжествовать надъ тѣмъ принципомъ всеобъемлющей централизаціи, который рисовался Марксу прежде всего въ видѣ даваемого сверху, государствомъ, „единого общаго плана“ для воздѣлыванія полей. Другая сторона того же централистическаго плана заключается въ томъ, что обработка полей все болѣе и болѣе начинаетъ производиться организованными для этого „рабочими арміями“. Этотъ дальнѣйшій шагъ по пути веденія агрикультуры связанъ, какъ само собой понятно, съ цѣлымъ рядомъ новыхъ и большихъ трудностей. Съ этой точки зрѣнія достаточно посмотрѣть на современныя государственныя имущества. Мы не говоримъ, конечно, о государственныхъ имуществахъ полуевропейскихъ, полуазіатскихъ странъ, гдѣ подкупная, хищническая и неумѣлая администрація доводитъ всѣ пороки бюрократическаго механизма до его мыслимыхъ крайностей. Нѣтъ, возьмемъ передовыя, демократическія страны (какъ хотя бы Англія) или такія страны, гдѣ „хозяйственная дѣловитость“ администраціи представляетъ собой историческую традицію (какъ Германія). Вездѣ наивыгоднѣйшимъ способомъ использованія

государственныхъ имуществъ оказалась сдача ихъ въ аренду. Центральное веденіе „по одному плану“ хозяйства столкнулось здѣсь съ тѣмъ, что единые шаблоны менѣ всего примѣнимы къ земледѣлію, гдѣ ничѣмъ нельзя замѣнить свободной инициативы, соединенной съ любовью къ дѣлу, заинтересованностью въ немъ, хозяйственной заботливостью и всестороннимъ знаніемъ даннаго участка. Работа производится не въ мастерскихъ, облегчающихъ контроль, а на весьма различныхъ, часто отдаленныхъ другъ отъ друга поляхъ; необходимо, въ зависимости отъ погоды, быстро принимать тѣ или другія мѣры, и всякая централизація, необходимость сношенія съ инстанціями и т. д., здѣсь менѣ всего цѣлесообразны. Всякія улучшения, легко видимыя на мѣстѣ, здѣсь труднѣе всего обнаружить изъ отдаленнаго хозяйственнаго „центра управленія“. Съ этими и еще другими многочисленными трудностями не могла еще справиться до сихъ поръ даже самая образцовая организація управленія домами, съ ея всевозможными вспомогательными мѣрами, какъ премія за удачное веденіе дѣла, отвѣтственность чиновниковъ за minimum дохода, участіе ихъ въ прибыляхъ и т. п. Легко себѣ представить, что случилось бы, если бы „диктатура пролетаріата“ (да еще въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія!) попыталась бы внести въ область земледѣлія, этого царства разрозненнаго мелкаго производства и крестьянскаго хозяйственнаго индивидуализма, свои централистическіе планы новаго хозяйственнаго строительства. Это было бы практическое банкротство новыхъ плановъ, и какъ результатъ ихъ, не только дискредитированіе ихъ въ глазахъ живущаго и будущихъ поколѣній, но и, дѣйствительно, болѣе чѣмъ вѣроятная „крестьянская война“ противъ новаго режима—крестьянская война, о неизбѣжности которой (какъ и ея усмиренія ресурсами „диктатуры пролетаріата“) пророчествовалъ въ своихъ „Путевыхъ замѣткахъ“ Энгельсъ. Но бѣда въ томъ, что побѣдоносной, въ концѣ концовъ, оказалась бы не партія будущаго, и вина за ея банкротство падала бы не на внѣшнія для нея силы, а на ея собственную внутреннюю несостоятельность.

Что касается послѣдняго требованія, то его даже нельзя назвать требованіемъ. Коллективистское соединеніе индустріи съ земледѣліемъ въ противоположность ихъ буржуазно-капиталистическому разводу; коллективистское устраненіе различій между городомъ и деревней въ противоположность ихъ рѣзкой дифференціаціи въ буржуазно-капиталистическомъ строѣ—все это черты новаго общественнаго идеала,

и, какъ таковая, намѣчены въ „Манифестѣ“ совершенно правильно. Но формулировка ихъ такъ обща, что отношеніе ихъ въ рядъ *конкретныхъ требованій* совершенно неправильно. Ими намѣчаются и частично характеризуются великія историческія цѣли грядущаго хозяйственного переворота, но не практическія мѣры къ воплощенію этихъ цѣлей. Такова, въ общихъ чертахъ, аграрная программа-maximum „Манифеста“. Она выставилась какъ практически-ближайшая программа, какъ непосредственная Actionsprogramm „для наиболѣе передовыхъ странъ“ („für die fortgeschrittensten Länder“). Оставались, однако, страны отсталыя. Для нихъ то даже въ эту эпоху должны были признать необходимость иныхъ предварительныхъ мѣръ сами Марксъ и Энгельсъ. Отсюда—ихъ первые абрисы аграрной программы-minimum.

Вопросъ объ этой программѣ представляетъ нѣкоторый специфическій интересъ современности. Дѣло въ томъ, что русскіе марксисты уже не разъ пытались по отдѣльнымъ статьямъ Маркса самаго ранняго періода реконструировать его тогдашніе взгляды на практическую аграрную программу. Дѣлалось это, само собой разумѣется въ пику русскимъ „соціалъ-революціонерамъ“, имѣвшимъ возможность ссылаться на сочувственные отзывы Маркса о русской общинѣ. Врядъ ли, однако, можно назвать остроумнымъ полемическій приемъ этого рода. Вѣдь это значить ни болѣе, ни менѣе, какъ апеллировать къ рудиментарному марксизму противъ марксизма, умудреннаго историческимъ опытомъ. Вѣдь это значить косвенно сознаваться въ рудиментарности собственныхъ взглядовъ, въ томъ, что послѣ историческаго опыта, протекшаго съ 1848 г., „ученики“, въ противоположность своимъ учителямъ, „ничего не забыли и ничему не научились“.

Не говоря уже о самоубійственности данного метода полемики въ самомъ его существѣ, приходится сказать, что и пользуются имъ марксисты не всегда удачно: основательность ихъ ссылокъ нерѣдко хромаетъ на обѣ ноги. Такъ, въ посрамленіе соціалистовъ-революціонеровъ органъ г. Ленина, „Впередъ“, съ большой помпой сообщилъ своимъ читателямъ о старой (1846 г.) полемикѣ Маркса противъ одного изъ его современниковъ, Германа Криге, который, увлекшись въ Америкѣ проповѣдью націонализаціи земли, по мнѣнію „Впередъ“— „совсѣмъ какъ соціалисты-революціонеры, облакалъ вопросъ объ аграрной революціи въ пышныя ширококовшательныя фразы“. Марксъ, по мнѣнію того же „Впередъ“, „бичуетъ его

именно за тѣ черты его воззрѣній, которыя мы видимъ теперь у нашихъ „соціалистовъ-революціонеровъ“; господство фразы, мелко-буржуазныя утопіи, выставляемая въ качествѣ высшаго революціоннаго утопизма (соціализма? В. Ч.), непониманіе реальныхъ основъ современнаго хозяйственнаго строя и его развитія“.

Оставимъ пока въ сторонѣ эти безсодержательныя фразы о какихъ то якобы „фразахъ“ „непониманія“ и „утопіяхъ“ соціалистовъ-революціонеровъ и обратимся къ провѣркѣ исторической параллели „Впередъ“.

Что такое представлялъ собою Германъ Криге и насколько похожъ онъ былъ на насъ?

Соціалисты-революціонеры, прежде всего, добиваются въ аграрномъ вопросѣ *соціализаціи* земли, т. е. упраздненія всей частной поземельной собственности; передачи этой земли въ общественное распоряженіе, на началахъ широкой децентрализаціи этого распоряженія—съ формальной стороны, и на началахъ организаціи уравнительнаго пользованія ею—со стороны реальной. Они отводятъ при этомъ существенную роль демократически организованной *общинѣ* и высшимъ соединеніямъ общинъ: примѣрно, волостному, земскому, областному союзу. Высшимъ коллективностямъ по отношенію къ низшимъ они при этомъ даютъ слѣдующія функціи: 1) уравнивать тѣмъ или другимъ способомъ землепользованіе отдѣльныхъ общинъ, считаясь, при распредѣленіи земель, общественныхъ повинностей, сборовъ на общія нужды etc., съ разницей въ плодородіи почвы, системѣ хозяйства, густотѣ населенія и т. д. 2) болѣе непосредственно распоряжаться такого рода природными благами, пользованіе которыми, по самому своему существу, выходитъ изъ узкихъ рамокъ отдѣльной общины (крупныя лѣсныя угодья, рыбныя ловли, нѣдра земли), и 3) заведывать резервнымъ земельнымъ фондомъ, т. е. пространствами, обработка которыхъ при данной плотности населенія и системѣ хозяйства еще невыгодна, но которыя, при дальнѣйшемъ увеличеніи населенія или интенсификаціи хозяйства, поступятъ въ составъ культурной площади.

Что касается опредѣленія нормъ земельного надѣленія на каждую общину, то какъ максимальная, такъ и минимальная нормы опредѣляются естественными данными. *Поглощеніе всей рабочей силы взрослого населенія* — таковъ естественный максимальный предѣлъ землепользованія; *удовлетвореніе въ нормальныхъ гигиеническихъ размѣрахъ потребленія* — такова минимальная норма. Въ зависи-

мости отъ степени интенсивности или экстенсивности хозяйства, та и другая нормы выразятся въ большей или меньшей площади земли. Итакъ, нормы эти текучи, и потому предполагають не какой-нибудь одинъ, навѣки годный «черный передѣлъ», а постоянное регулирование уравнительности землепользованія на мѣстахъ. Хозяйственное самоуправленіе въ общинѣ, мелкой и крупной земской единицѣ и т. д., т. е. широкая децентрализація въ дѣлѣ урегулированія уравнительности пользования—есть необходимая предпосылка социализаціи земли. Совпадетъ ли норма земельного надѣленія съ максимальной или минимальной нормой, или же пройдетъ гдѣнибудь посрединѣ—это каждый разъ будетъ зависѣть отъ того, насколько поддерживается или нарушается равновѣсіе между ростомъ земледѣльческаго населенія и ростомъ производительныхъ силъ. Ростъ же производительныхъ силъ предполагаетъ улучшенныя средства производства, кооперацію, коллективизацію труда. Система социалистовъ-революціонеровъ открываетъ широкій просторъ обобществленію труда снизу, сознательными усиліями самихъ производителей,—и въ этомъ отношеніи ею учитывается тотъ перевѣсъ отрицательныхъ, разрушительныхъ сторонъ надъ положительными, организующими, которымъ характеризуется капитализмъ въ аграрной области.

Въ то же время социализація земли для этой партіи есть часть минимальной программы, т. е. разсматривается партіей не какъ „разрѣшеніе социального вопроса“ въ деревнѣ, а лишь какъ созданіе прочнаго базиса для дальнѣйшей борьбы за это разрѣшеніе. Социализація земли еще не разрѣшаетъ вопроса о другихъ, необходимыхъ въ земледѣліи, средствахъ производства. Обеспеченіе ими (какъ и сѣменами для посѣва и другими сырыми матеріалами и продуктами) можетъ и должно быть функціей демократически управляемой и служащей не землевладѣнію и не капиталу, а труду, *агрономической организаціи*. Социализація земли еще не устраняетъ эксплуатаціи крестьянъ денежнымъ, кредитно-ростовщическимъ, торговымъ капиталомъ, несправедливой системой налоговъ и т. п. Слѣдовательно, продолжается борьба противъ всѣхъ этихъ силъ современнаго общества, борьба, которая только съ полнымъ уничтоженіемъ этихъ силъ (т. е. экспропріаціей всѣхъ экспропріаторовъ) придетъ къ своей конечной цѣли. Итакъ, партія, обь аграрной программѣ которой мы говорили, ни мало не идеализируетъ социализаціи земли. Она считаетъ такого рода земельные распоряжки есте-

ственнымъ базисомъ для дальнѣйшей агитаціи среди крестьянъ, имѣющей однимъ изъ своихъ лозунговъ развитіе общиннаго хозяйства, распространеніе кооперативныхъ началъ, послѣдовательный переходъ къ коллективной обработкѣ полей съ дѣлежомъ продукта.

Все это, кромѣ непосредственнаго улучшенія положенія массъ, служить цѣлямъ наглядной пропаганды выгодъ крупнаго, общественнаго хозяйства, уже не только въ маломъ масштабѣ, а въ общенациональныхъ предѣлахъ, т. е. хозяйства социалистическаго. Необходимымъ условіемъ такой программы является организація трудового земледѣльческаго населенія, для систематической борьбы противъ всѣхъ эксплуататорскихъ и антисоціальныхъ элементовъ, въ синдикаты, кооперации, въ политическія организаціи, добывающія власти въ общинномъ, волостномъ, земскомъ, областномъ самоуправленіи, какъ и центральномъ народномъ представительствѣ, и борющіяся руку объ руку съ другой частью рабочаго класса, индустріальнымъ пролетаріатомъ, противъ общихъ враговъ, за установленіе *единого*, планомѣрно ведомаго общественнаго хозяйства, въ которое деревенскія производительныя общины вросли бы, какъ естественная составная часть, на началахъ сознательной общественной организаціи всеобщаго труда на всеобщую пользу.

Посмотримъ теперь, что общаго съ этой общественной программой имѣетъ социальная философія Германа Криге.

Прежде всего, насколько можно судить по статьѣ Маркса, Криге даже и не говорилъ объ обращеніи *всей* земли въ общественную собственность. Онъ только настаивалъ, вмѣстѣ съ частью американскихъ „національ-реформаторовъ“, на томъ, „чтобы 1400 милліоновъ акровъ земли (сѣверо-американскія государственныя земли) были сохранены, какъ неотчуждаемое общее достояніе всего человѣчества“. Правда, это всетаки огромная территория; но, какъ бы то ни было, слѣдуетъ отмѣтить, что планъ Криге вполнѣ мирился съ тѣмъ, что нѣкоторое количество земель спекулянтами уже расхищено, расхвачено, и не заикался объ экспроприаціи у похитителей; ибо, какъ выражался Криге, „мы не хотимъ касаться собственности ни у одного человѣка; и что ростовщикъ однажды получилъ, онъ можетъ удержать у себя“. Это разъ. Второе и весьма существенное: централистическое распоряженіе земель. Съ одной стороны, по плану Криге, стоитъ государственная власть, раздающая во владѣніе землю, повидимому, на началахъ безсрочной или вѣчно-наслѣдственной аренды; съ другой—разрозненные индивидуальныя кандидаты

на полученіе. Третья характерная черта: чисто механическій критерій „уравнительности“ землепользованія. Криге предлагалъ, именно, предоставлять „каждому крестьянину 160 акровъ американской земли для прокормленія“. — „160 акровъ земли—смѣется по этому поводу Марксъ—представляются ему, въ качествѣ вѣчно остающейся равною самой себѣ нормы, какъ будто бы цѣнность такой земельной площади не различна, смотря по ея качеству“.

Не стоитъ терять словъ по поводу первой же характерной черты плана Криге—неприкосновенности уже установившейся собственности. Она, конечно, прекрасно вяжется съ общей его тенденціей, которую Марксъ опредѣляетъ, какъ „лицемѣрное изображеніе коммунизма въ качествѣ силы, явившейся „не разрушить, а исполнить“ существующія дурныя условія вмѣстѣ съ иллюзіями, которыми расцвѣчиваютъ ихъ буржуа“. Въ планѣ Криге совершенно не замѣчается даже тѣни желанія считаться съ необходимостью развитія производительности земледѣлія, примѣненія машинъ, меліорации въ широкихъ размѣрахъ, вообще развитія кооперации, раздѣленія труда и т. д. Обособленные, самодовлѣющія 160-ти акровыя хозяйства разрѣшаютъ всѣ вопросы. Это дало извѣстный поводъ Марксу замѣтить, что „не во власти законодателей декретами остановить развитіе желаннаго для Криге патріархальнаго строя въ индустріальный или отбросить промышленные и торговые штаты восточнаго берега назадъ въ патріархальное варварство“. Далѣе. Въ своихъ 160-акровыхъ надѣлахъ Криге видѣлъ не просто временное улучшеніе положенія земледѣльцевъ, но и *полное разрѣшеніе* социальнаго вопроса, и даже не только въ деревнѣ, но и въ городѣ. *Каждый бѣднякъ* тотчасъ же превращается въ полезнаго члена человѣческаго общества, разъ ему обезпечать возможность производительной работы. *Такая возможность будетъ обезпечена для него навсегда*, если общество дастъ ему кусокъ земли, на которомъ онъ можетъ прокормить себя и свою семью. Если эта гигантская земельная площадь (все тѣ же 1400 милл. акровъ) будетъ изъята изъ торговаго оборота и въ опредѣленныхъ количествахъ обезпечена труду, *тогда нищета въ Америкѣ будетъ положена однимъ ударомъ конецъ*“. Такимъ же точно образомъ въ другой статьѣ Криге утверждаетъ, что достаточно Нью-Йорку сдѣлать должное употребленіе изъ своихъ 52.000 акровъ земли, чтобы „сразу“ освободить Нью-Йоркъ навсегда отъ всякаго пауперизма, нищеты и преступлений“. Словомъ, какъ видите, съ этой точки зрѣнія достаточно

имѣть большую площадь общественныхъ земель и дѣлить ихъ на индивидуальныя участки, чтобы упразднить всѣ бѣдствія существующаго строя. Никакого социализма, никакого перехода индустриальныхъ средствъ производства въ руки общества не надобно. Торговый, промышленный и кредитный капиталъ могутъ оставаться неприкосновенными. И потому Марксъ былъ вполне правъ, когда иронизировалъ надъ Криге: хорошо, пусть земля не будетъ попадать „въ руки грабителей-спекуляторовъ“; но вѣдь въ ихъ руки могутъ попадать *продукты* земли; а развѣ это не одно и то же?“ *)

Словомъ, грубость, упрощенность, примитивность политической экономіи Криге поразительны. Индивидуальное хозяйство — центръ всей системы. Никакой революціонной струи, никакого стремленія двинуть впередъ обобществленіе собственности и труда во всѣхъ отрасляхъ жизни (по крайней мѣрѣ, судя по изложенію Маркса) — у него и слѣда нѣтъ. Раскритиковать подобную систему было, конечно, не трудно. Однако, нельзя не отмѣтить, что Марксъ въ своей критикѣ кое въ чемъ самъ грѣшитъ — не противъ Криге, конечно, система котораго ниже всякой критики — а противъ дѣйствительности. Именно: по его мнѣнію, достаточно уже того, что крестьяне, работая на неотчуждаемой землѣ (на началахъ, скажемъ, вѣчно-наслѣдственной аренды), мѣняются между собою и съ третьими лицами продуктами своего труда: „разъ дѣло дойдетъ до этого, то *скоро* окажется, что одинъ крестьянинъ и безъ капитала, благодаря своему труду и большой плодородности своихъ 160 акровъ, доведетъ другого до положенія своего батрака“. Однако, не слишкомъ ли ужъ это *скоро*, и даже скоропалительно? Маркса статей о Криге можно для разрѣшенія этого вопроса отослать къ Марксу „Капитала“. Тамъ, въ послѣдней главѣ 1-го тома („Новѣйшая теорія колонизаціи“) разъяснено, что не только „безъ капитала“, но даже и съ капиталомъ, и не малымъ, въ колоніяхъ, гдѣ доступъ къ землѣ свободенъ, часто ничего не подѣлаешь. „Въ колоніяхъ владѣніе деньгами, средствами существованія, машинами и другими орудіями производства еще не дѣлаетъ человѣка капиталистомъ... Здѣсь повсюду капиталистическій способъ производства наталкивается на препятствія, представляемые собственностью, при-

*) „Ist es nicht einerlei?“ — Мимоходомъ сказать, Марксъ здѣсь впадаетъ въ другую крайность; это, разумѣется, далеко не совсѣмъ „одно и то же“, хотя спекуляція не перестаетъ быть „грабительской“ и требуетъ соотвѣтственной борьбы противъ себя.

брѣтвенной собственнымъ трудомъ, и производителями, которые, въ качествѣ частныхъ владѣльцевъ своихъ собственныхъ условій труда, сами обогащаются своимъ трудомъ, вмѣсто того, чтобы обогащать имъ капиталистовъ“. Отсюда и происходитъ, что капиталисты, начиная въ такихъ колоніяхъ предпріятія, привозятъ съ собой не только свой капиталъ, но даже и достаточный запасъ наемныхъ рабочихъ; но тутъ оказывается, что они „все преувидѣли, забыли только вывезти вмѣстѣ съ собой капиталистическія условія производства“. Поэтому „скоро“ оказывается не то, что предвидѣлъ Марксъ 1846 года, а совсѣмъ другое; оказывается, что эти капиталисты привозятъ на свой счетъ... своихъ собственныхъ будущихъ конкурентовъ! И вмѣсто того, чтобы одинъ крестьянинъ, „и безъ капитала“ скоро превращалъ сосѣда въ батрака, оказывается вотъ что: „Сегодняшній наемный работникъ дѣлается завтра независимымъ крестьяниномъ или ремесленникомъ, имѣющимъ собственное хозяйство... Это постоянное превращеніе наемнаго работника въ независимаго производителя очень вредить состоянію рынка наемнаго труда. Не только степень эксплуатаціи работника становится низкой до неприличія, но послѣдніе вмѣстѣ съ зависимыми отношеніями теряютъ также „чувство зависимости“ отъ „воздерживающагося капиталиста“. Отсюда необходимость искусственныхъ мѣръ, грубыхъ или утонченныхъ, явныхъ или замаскированныхъ, чтобы если не устранить, то ослабить такого рода „безпорядки“...

Что Марксъ 1846 года можетъ многому научиться у Маркса 1867 года—это неувидительно. Но что марксисты 1905 года регрессируютъ отъ Маркса 1867 года къ Марксу 1846 года—это обстоятельство, передъ которымъ, дѣйствительно, остается только развести руками. Впрочемъ, въ наукѣ такія явленія извѣстны и частью изучены. Люди науки называютъ ихъ *историческими переживаниями* или явленіями *регрессивной эволюціи*.

Въ связи съ указанной юношеской ошибкой Маркса, ошибкой, которую устранило болѣе глубокое изученіе экономическихъ явленій, предпринятое имъ въ зрѣлые годы, стоятъ и кое-какія другія слишкомъ поспѣшныя заключенія. Таково его утвержденіе, и что однимъ изъ „необходимыхъ послѣдствій“ раздѣленія земли на индивидуальныя хозяйства будетъ „концентрація“, и что при этомъ даже безразлично, попадетъ ли въ сферу товарнаго круговорота земля, или только продукты земли. Здѣсь сказалась та самая „марксистская догма“, самое существованіе которой теперь оспариваетъ г. Плеха-

новъ *). Кромѣ того, стоитъ отмѣтить тогдашнее глубокое убѣжденіе Маркса, будто „не во власти законодателя“ остановить развитіе патріархальнаго строя въ индустріальный или отбросить „назадъ въ патріархальное варварство“ промышленныя мѣстности. Этотъ взглядъ соотвѣтствовалъ тѣмъ увлеченіямъ Маркса и Энгельса въ области преувеличенія силы стихійнаго экономическаго развитія, въ которыхъ позднѣе сознавался Ф. Энгельсъ. Увы, теперь мы слишкомъ хорошо знаемъ, что иные „законодатели“ своимъ веденіемъ государственнаго хозяйства и финансовъ могутъ надолго заморозить развитіе производительныхъ силъ страны, остановить его или даже отбросить „назадъ въ патріархальное варварство“. Теперь мы слишкомъ хорошо знаемъ, какъ сильно могутъ иногда „политическія надстройки“ вліять на „экономическій фундаментъ“.—Но наши ортодоксальные марксисты этимъ ни мало не смущаются. Имъ достаточно откопать хотя бы изъ самыхъ раннихъ произведеній Маркса полемическій отрывокъ, въ которомъ можно выудить хоть маленькое, хотя самое поверхностное, чисто словесное сходство съ ихъ полемикой противъ нашей программы (они вѣдь слишкомъ часто мыслятъ *словами*, а не *понятіями*), — и они уже довольны. Что за дѣло до того, что данный отрывокъ отразилъ на себѣ эпоху дѣтства марксизма! Подъ старость впадать въ дѣтство не удивительно,—а русскій марксизмъ, видимо, все болѣе старѣеть, изживая себя,—отсюда и возвращеніе къ своему собственному историческому дѣтству,—возвращеніе къ рудиментарнымъ формамъ марксизма...

Въ самомъ дѣлѣ: развѣ это не называется мыслить словами вмѣсто понятій? Подхвативъ у Криге слова „изъять изъ торговаго оборота“ государственныя земли и „обезпечить ихъ труду“, редація „Впередъ“ съ торжествомъ дѣлаетъ къ этому мѣсту отъ себя примѣчаніе: „Вспомните, что писала Р. Р. начиная съ № 8 о перетеканіи земли отъ капитала къ труду, о значеніи государственныхъ земель въ Россіи, объ уравнительномъ землепользованіи, о буржуазной идеѣ вовлеченія земли въ торговый оборотъ и пр. Совсѣмъ какъ Криге!“ Дѣйствительно, въ Р. Р. утверждалось, что твердыми данными земской статистики установленъ этотъ фактъ: мѣстами у насъ совершается стихійный экономическій процессъ перетеканія земли отъ

*) См. его предисловіе къ статьѣ Энгельса „Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи“, цитированное нами въ первой главѣ.

капитала къ труду. Бѣда лишь въ томъ, что у Криге намъ неизвѣстно подобныхъ утверждений для Америки. Дѣйствительно, мы писали о значеніи русскаго государственнаго земельного фонда, но только не о *достаточности*, а наоборотъ, о молнѣйшей *недостаточности* его для удовлетворенія земельной нужды даже русскаго крестьянства (не говоря уже о „крестьянахъ“, изъ какихъ бы странъ они ни происходили). Дѣйствительно, мы писали объ уравнительномъ землепользованіи—но никогда этой идеи мы не пробовали втиснуть въ нелѣпныя рамки раздѣла государственнаго фонда на фиктивно равныя, пространственно одинаковыя куски территоріи, раздаваемые бюрократіей отдѣльнымъ вѣчно-наслѣдственнымъ арендаторамъ. Что касается протеста противъ буржуазной идеи пустить въ торговый оборотъ государственный поземельный фондъ, то... развѣ не протестовалъ противъ нея Марксъ, и не менѣе, а гораздо болѣе рѣшительно и послѣдовательно, чѣмъ Криге?

Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ упомянутыя выше „Forderungen der kommunistischen Partei in Deutschland“. Они приведены цѣликомъ въ энгельсовскомъ предисловіи ко второму изданію „Enthüllungen über den kommunisten-Prozess zu Köln“ Карла Маркса *). Согласно этимъ требованіямъ, „княжескія и иныя феодальныя поземельныя владѣнія... превращаются въ государственную собственность. На этихъ поземельныхъ владѣніяхъ ведется земледѣліе въ крупныхъ размѣрахъ, при помощи самыхъ современныхъ вспомогательныхъ средствъ, выработанныхъ наукой, въ интересахъ всего общества“. Далѣе, „ипотечные долги, лежащіе на крестьянскихъ владѣніяхъ, объявляются государственной собственностью; проценты по этимъ долгамъ уплачиваются крестьянами государству“. Наконецъ, „въ мѣстностяхъ, гдѣ развита арендная система, поземельная рента или арендная плата въ видѣ особаго налога уплачиваются государству“.

*) Подписаны членами Центрального Комитета: Марксомъ, Шапперомъ, Бауэрромъ, Энгельсомъ, Моллемъ и Вольфомъ. Требования эти являются, несомнѣнно, программой-минимумъ. Въ ихъ число входятъ: жалованье народнымъ представителямъ, «чтобы и рабочіе могли засѣдать въ парламентѣ»; «ограниченіе права наслѣдства»; предоставленіе транспортныхъ средствъ для пользованія «неимущимъ классамъ» и т. п. Мотивируя аналогичныя минимальныя требованія, Марксъ позднѣе, въ «Ansprache der Zentralbehörde an den Bund» въ мартѣ 1850 года писалъ, что «рабочіе, конечно, въ началѣ движенія еще не могутъ предлагать никакихъ непосредственно коммунистическихъ мѣропріятій»—«Die Arbeiter können natürlich im Anfang der Bewegung noch keine direct kommunistische Massregeln vorschlagen».

Какъ видите, въ однихъ случаяхъ путемъ прямой экспроприации земли, въ другихъ — путемъ косвеннымъ (посредствомъ экспроприации поземельной ренты или ипотечнаго долга) дѣлаются такіе крупные шаги къ социализации земли (въ чрезвычайно централистической формѣ, въ формѣ *націонализации*), какіе и не снились Герману Криге. Стоитъ отмѣтить, что заключительныя слова манифеста съ этими требованіями гласятъ, что „въ интересахъ нѣмецкаго пролетаріата, мелкаго городского и *крестьянскаго* сословія — со всей энергіей работать для проведенія этихъ мѣропріятій въ жизнь“.

Въ связи съ этой точкой зрѣнія у Маркса и Энгельса выработалось и определенное отношеніе къ различнымъ фракціямъ англійскаго чартизма. Революціонной его фракціей они признавали ту, которая стояла на ихъ точкѣ зрѣнія въ аграрномъ вопросѣ. По ихъ мнѣнію, именно къ этой фракціи принадлежала „масса рабочихъ, живущихъ въ дѣйствительно пролетарскихъ условіяхъ существованія“. Наоборотъ, другой, „чисто демократической“ фракціи, ограничивающейся „мелко-буржуазными“ реформами, они приписывали и соотвѣтствующій личный составъ: мелкое мѣщанство вмѣстѣ съ рабочей аристократіей. „Главнымъ пунктомъ столкновенія обѣихъ фракцій чартизма является земельный вопросъ. О’Конноръ и его фракція хотѣли использовать „хартію“ для того, чтобы перенести часть рабочихъ на мелкія земельныя парцеллы и сдѣлать, въ концѣ концовъ, парцеллированіе земли въ Англіи явленіемъ всеобщимъ... Тенденція всякой буржуазной революціи, — раздробить крупныя поземельныя владѣнія въ теченіе извѣстнаго времени могла создать у англійскихъ рабочихъ представленіе объ этомъ парцеллированіи, какъ о чемъ то революціонномъ, хотя оно правильно дополняется неизмѣнной тенденціей мелкой собственности концентрироваться и гибнуть подъ напоромъ крупной агрикультуры. Что же касается революціонной фракціи чартистовъ, то этому требованію парцеллированія земельной собственности она противопоставляла требованіе конфискаціи всей поземельной собственности и помогала, чтобы она не была подѣлена, а оставалась собственностью всей націи“ *).

Съ этой же точки зрѣнія слѣдуетъ понять и тѣ мѣста въ полемикѣ Маркса противъ Криге, которыя приводятся, но, увы, недостаточно хорошо понимаются „Впередомъ“: мѣста, въ которыхъ ярко

*) «Aus dem lit. Nachlass», III, S. 469.

сказывается *положительное* отношеніе къ стремленію теперь же, ранѣе полнаго социалистическаго переворота, изъять землю изъ частной собственности и передать въ общественную. Эти мѣста ярко показываютъ, *въ чемъ именно* усматривалъ Марксъ ошибку Криге.

„Если бы Криге понялъ движеніе въ смыслѣ „освобожденія земли“, какъ необходимую при опредѣленныхъ условіяхъ первую форму пролетарскаго движенія; если бы онъ его понялъ, какъ движеніе, которое, вслѣдствіе жизненнаго положенія породившаго его класса, необходимо должно развиться далѣе въ коммунистическое; если бы онъ показалъ, какимъ образомъ въ Америкѣ коммунистическія тенденции должны были первоначально выступить въ этихъ аграрныхъ формахъ, по внѣшности противорѣчащихъ всякому коммунизму—то противъ всего этого ничего нельзя было бы сказать. Но вѣдь онъ объявляетъ извѣстную, въ сущности лишь подчиненную форму движенія опредѣленныхъ реальныхъ людей „дѣломъ всего человѣчества“, выставляетъ эту форму движенія, наперекоръ тому, что самъ отлично знаетъ, послѣднюю, высшую цѣль всякаго движенія вообще и такимъ образомъ превращаетъ конкретныя цѣли движенія въ чистую и неимовѣрную бессмыслицу“.

Или, въ другомъ мѣстѣ:

„Мы всецѣло признаемъ движеніе американскихъ національ-реформаторовъ въ его историческомъ оправданіи. Мы знаемъ, что это движеніе стремится къ результату, который для даннаго момента благоприятствовалъ бы индустриализму современнаго бюргерскаго общества, но который, какъ результатъ пролетарскаго движенія, какъ нападеніе на собственность, долженъ, какъ вообще, такъ въ особенности при современныхъ американскихъ условіяхъ, вести, благодаря своимъ собственнымъ послѣдствіямъ, къ коммунизму“.

Итакъ, какъ видите, въ основѣ самаго стремленія теперь же напасть на частную собственность въ этомъ уязвимомъ пунктѣ—въ поземельной области—Марксъ не видѣлъ никакой ошибки. Ошибка начинается тогда, когда эту *частную* цѣль движенія превращаютъ въ *конечную* цѣль, когда ее дѣлаютъ не исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго нападенія на частную собственность, а послѣднимъ этапомъ пути. Лишь въ томъ случаѣ „аграрный социализмъ“ дѣлается одностороннимъ, исключительнымъ ученіемъ, вступающимъ въ противорѣчіе съ послѣдовательной и всесторонней концепціей социализма. Напомнимъ здѣсь кстати, что и позднѣе, въ началѣ 60-хъ годовъ,

Марксъ писалъ въ своихъ „письмахъ къ Кугельману“ *): „Ich war aber von jeher überzeugt, dass die sociale Revolution vom Grund aus, das heisst vom Grund und Bodeneigenthum aus ernsthaft anfangen muss“, т. е. „я, впрочемъ, издавна былъ убѣжденъ, что социальная революція въ серьезъ должна начаться съ самаго основанія, т. е., съ собственности на землю“ (въ подлинникѣ непереводаемая игра словъ: Grund—основаніе и Grund—земля).

Но это мы и утверждаемъ, когда выдвигаемъ на первый планъ, какъ жизненную и неотложную задачу ближайшей революціи, переворотъ въ поземельно-собственническихъ отношеніяхъ, замѣну частной собственности—общественной, т. е. *соціализацію земли*,—и когда разсматриваемъ эту соціализацію земли, какъ исходную точку грядущаго историческаго поворота и грядущихъ битвъ труда съ капиталомъ, которыя завершатся осуществленіемъ интегральнаго социализма.

Другая попытка дискредитировать нашу аграрную программу, противопоставивши ей аграрныя воззрѣнія марксизма конца сороковыхъ и начала пятидесятихъ годовъ, сдѣлана была г. Плехановымъ.

Партія социалистовъ-революціонеровъ не только не относится отрицательно къ крестьянской общинѣ, но, напротивъ того, считается съ ней, какъ явленіемъ жизненнымъ, естественно выросшимъ и способнымъ къ развитію. Наше требованіе соціализаціи земли заключается не въ какомъ-то кабинетномъ планѣ, который долженъ быть осуществленъ, сверху внѣдренъ въ жизнь магическою силою декретовъ. Онъ опирается на реальныя силы, на совершенно конкретныя элементы наличной экономической дѣйствительности. Община, освобожденная отъ бюрократическихъ и сословныхъ путъ, не перестанетъ при этомъ быть одною изъ ячеекъ новаго строя землепользованія. Въ ея рукахъ сосредоточится не мало функций по распоряженію извѣстными родами и количествами земли. Ей будетъ предложено осуществленіе начала уравнительности во внутри-общинныхъ отношеніяхъ, въ наиболѣе практичныхъ и соответствующихъ мѣстнымъ условіямъ формахъ. Стоящія надъ нею общественно-правовые союзы, какъ, на примѣръ, будущая демократически-организованная мелкая земская единица, будутъ осуществлять то же уравнительное начало въ отношеніяхъ между-общинныхъ. Это означаетъ, во-первыхъ, подъемъ современнаго общиннаго землевладѣнія на высшую

*) Briefe von K. Marx an D-r L. Kugelmann, «Neue Zeit», XX Jhrg., № 6, S. 191.

ступень, и во-вторыхъ, трансформацию современной государственной собственности на демократическихъ началахъ.

Иначе смотря на дѣло наши социаль-демократы, „отъ нихъ же первый есть“ г. Плехановъ. Со временъ ихъ яраго похода противъ русскаго „социаль-народничества“, самое слово „община“ для нихъ не переносно. Неудивительно, что всѣ ихъ аграрныя программы заключаютъ въ себѣ прямыя или косвенныя тенденціи замѣнить общинную собственность частной собственностью. „Отмѣна общиннаго землевладѣнія,—говоритъ по этому поводу г. Плехановъ,—безъ всякаго сомнѣнія, была бы равносильна очень значительному поддержанію и умноженію частной собственности. Болѣе того: благодаря ей, многіе русскіе крестьяне впервые приобрѣли бы землю въ частную собственность. Могутъ ли социалисты согласиться на это, не измѣняя своей программѣ? Мы думаемъ, что могутъ; и думая такъ, мы снова видимъ себя въ очень недурной компаніи. Въ мартѣ 1850 г. центральный комитетъ союза коммунистовъ въ „обращеніи“ (Ansprache) къ членамъ этого союза—написанномъ, очевидно, рукою Маркса—категорически говорилъ, что *партія пролетаріата меньше всего (am allerwenigsten) должна мириться съ увѣковѣченіемъ общинной собственности (Gemeinde Eigenthum), которая представляетъ собою отсталую форму даже сравнительно съ современною частною собственностью и которая повсюду необходимо разлагается въ эту послѣднюю*. Умноженіе частной собственности, являющееся результатомъ разложенія собственности общинной, какъ видимъ, совсѣмъ не представлялось Марксу явленіемъ, способнымъ замедлить движеніе современнаго общества къ социализму“ *).

Обычный адвокатскій методъ аргументаціи и обычный свободно-художественный методъ цитированія г. Плеханова выступаетъ здѣсь во всей своей яркости и наготѣ.

По странной случайности, г. Плехановъ забываетъ указать источникъ, по которому онъ цитируетъ. Мы знаемъ этотъ источникъ. Текстъ обоихъ „Ansprächen“ цѣликомъ приведенъ въ „Enthüllungen über den Kommunistenprozess zu Köln“ К. Маркса. Мѣсто относительно общины Плехановъ цитируетъ со страницы 82. Изъ него онъ и выводитъ, что „поддержаніе и умноженіе частной собственности“, есть вещь, на которую „социалисты могутъ согласиться, не

*) Г. Плехановъ. Ортодоксальное „буквоѣдство“. „Искра“, № 43, прил., стр. 4. Курсивъ принадлежитъ самому г. Плеханову.

измѣняя своей программѣ,—особенно, если это поддержаніе и умноженіе совершается за счетъ общиннаго землевладѣнія. Марксъ оказывается идейно солидарнымъ съ стремленіемъ гг. Ленина, Плеханова и др. „вести деревню въ условія жизни, соотвѣтствующія буржуазному способу производства“ путемъ уничтоженія всѣхъ „феодальныхъ“, „докапиталистическихъ“ пережитковъ, и Плехановъ торжественно заявляетъ, что онъ „въ недурной компаніи“.

Бѣда лишь въ томъ, что передъ страницей 82 стоитъ стр. 81, а на ней мы читаемъ: „Первымъ пунктомъ, при которомъ буржуазные демократы придутъ въ конфликтъ съ рабочими, будетъ уничтоженіе феодализма. Какъ и во время первой французской революціи, мелкіе буржуа захотятъ отдать крестьянамъ феодальныя земли на началахъ свободной собственности, т. е. сохранить сельско-хозяйственный пролетаріатъ и образовать мелко-буржуазный крестьянскій слой, который продѣлываетъ тотъ же круговоротъ задолженности и обѣднѣнія, въ который втянуть теперь французскій крестьянинъ. Какъ въ интересахъ земледѣльческаго пролетаріата, такъ и въ своемъ собственномъ интересѣ рабочіе должны воспротивиться этому плану“. Объ этомъ мѣстѣ, совершенно разбивающемъ натянутое толкованіе г. Плеханова, послѣдній, конечно, благоразумно умалчиваетъ.

Но вѣдь все-таки Марксъ говоритъ, что съ увѣковѣченіемъ общины можно мириться *am allerwenigsten*, менѣе всего? Да, говорить. Но не потому, что онъ хотѣлъ бы замѣнить общинную собственность частной, а потому, что и разрозненную общинную собственность, и разрозненную частную собственность онъ хотѣлъ бы замѣнить государственной. Онъ даже полагалъ въ 1850 г., что, если общинная собственность не будетъ превращена въ общенародную собственность, то она неминуемо *разложится въ частную собственность*. Мало того: онъ, дѣйствительно, въ 1850 г. общинную собственность ставилъ *ниже* частной. Но г. Плехановъ забываетъ, что взгляды Маркса на общину такъ же эволюціонировали, какъ и вообще его взгляды на земледѣліе, на крестьянство, на аграрный вопросъ. Ниже мы покажемъ, какъ его отрицательное отношеніе къ общинѣ перешло въ положительное.

Теперь же отмѣтимъ, что старый, первоначальный взглядъ Маркса на общину стоялъ въ тѣсной связи съ его первоначальными взглядами на соотвѣтствующій интересамъ пролетаріата государственно-правовой строй. Марксъ въ это время былъ самымъ яркимъ централистомъ и въ экономикѣ, и въ политикѣ. Всякому, кто читалъ про-

грамму требований, сформулированную въ знаменитомъ „Манифестѣ“, бросалась въ глаза эта тенденція крайней централизаціи экономическихъ функцій въ рукахъ государства въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. центральныхъ органовъ управления. Обратной стороной экономического централизма былъ централизмъ политической. Въ томъ же „Anspräche“, на той же 81 стр., говорится: „демократы, далѣе, будутъ либо прямо работать для созданія федеративной республики, либо, если имъ нельзя будетъ никакъ обойти единую и нераздѣльную республику, будутъ стараться ослабить центральное правительство посредствомъ возможно большей самостоятельности и независимости областей и общинъ. Въ противоположность этому плану, рабочіе должны воздѣйствовать не только въ смыслѣ единой и нераздѣльной нѣмецкой республики, но и въ смыслѣ самой рѣшительной централизаціи силы внутри нея въ рукахъ государственной власти“. Соотвѣтственно этому и въ области поземельныхъ отношеній социализаторскія требованія Маркса выступали въ формѣ централистически-государственной, *націонализаторской*. Выступая противъ плановъ мелкобуржуазныхъ демократовъ освободить отъ феодальныхъ путъ землю и ввести ее въ круговоротъ свободной частной собственности, рабочіе „должны требовать, чтобы конфискованная феодальная собственность осталась имуществомъ государственнымъ и была употреблена для основанія рабочихъ колоній; чтобы ее обрабатывали товарищества земледѣльческихъ рабочихъ, со всѣми преимуществами крупнаго земледѣлія; и чтобы посредствомъ этого принципъ общественной собственности тотчасъ же пріобрѣлъ твердую почву посреди колеблющихся буржуазныхъ отношеній собственности“. Въ связи съ этой точкой зрѣнія и приходится рассмотреть ту цитату, которую приводитъ—или, вѣрнѣе, часть которой приводитъ—г. Плехановъ.

Въ полномъ видѣ цитата гласитъ: „Менѣ всего можно поминуться съ тѣмъ, чтобы посредствомъ такъ называемаго свободнаго общиннаго самоуправленія была увѣковѣчена форма собственности, которая стоитъ еще ниже современной частной собственности и повсюду необходимо разлагается въ послѣднюю—именно общинная собственность, вмѣстѣ съ вытекающими изъ нея распрями между бѣдными и богатыми общинами, а равно и существующее на ряду съ государственнымъ гражданскимъ правомъ общинное гражданское право, съ его „прижимками“ по отношенію къ рабочимъ. Проведеніе самой строгой централизаціи является задачей дѣйствительно

революціонной партіи теперь въ Германіи, такъ же, какъ и во Франціи въ 1793 году“.

Не мѣшаетъ, однако, замѣтить, что именно это мѣсто изъ *Anspräche* въ новомъ изданіи было сопровождено примѣчаніемъ, въ которомъ говорилось: „Теперь слѣдуетъ имѣть въ виду, что данное мѣсто покоится на недоразумѣніи“. Недоразумѣніе объясняется тѣмъ, что, съ легкой руки различныхъ либеральныхъ и бонапартистскихъ фальсификаторовъ исторіи, считалось доказаннымъ, будто французскій централизованный правительственный механизмъ созданъ революціей, какъ ея лучшее оружіе противъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Изученіе фактовъ, однако, убѣдило Маркса и Энгельса въ ошибочности этого взгляда: напротивъ, этотъ централизмъ возникъ, какъ „чистѣйшее орудіе реакціи“ (*ein reines Reaktionswerkzeug*); и наоборотъ, „именно подобное американскому провинціальное и мѣстное самоуправленіе было сильнѣйшимъ рычагомъ революціи“; съ другой стороны, „это самоуправленіе столь же мало можно считать связаннымъ необходимо съ тѣмъ узкимъ кантональнымъ или общиннымъ эгоизмомъ“, про который говорилъ Марксъ и образецъ котораго можно найти въ Швейцаріи.

Тотъ крайній политическій и экономическій централизмъ, которымъ проникнуто „*Anspräche*“, держался недолго. И столь же недолго держалось и выразившееся въ *Anspräche* чрезмѣрно отрицательное воззрѣніе на общину. Бѣда нашихъ марксистовъ и состоитъ въ томъ, что они до сихъ поръ прикованы въ этомъ пунктѣ, какъ и во многихъ другихъ, къ примитивнѣйшимъ воззрѣніямъ стараго, эмбриональнаго марксизма.

Такъ, *alter ego* Плеханова г. Бельтовъ про общинное землевладѣніе говоритъ: „Это землевладѣніе бесполезно въ данное время для народа, потому что нѣтъ (да, кажется, никогда и не было) въ наличности такихъ условій, при которыхъ оно могло бы сдѣлаться полезнымъ ему, и нѣтъ тѣхъ силъ, которыя могли бы создать наличность такихъ условій“ *). Что общаго между марксизмомъ и подобными категорическими утвержденіями? Сколько бы авторы ихъ ни пробовали прикрываться Марксомъ и утверждать, что они „въ недурной компаніи“—они не устраняютъ того факта, что Марксъ-то при этомъ, напротивъ, оказывается „въ дурной компаніи“, ибо, въ сущности, ученики его ча-

*) Бельтовъ, „За двадцать лѣтъ“, Спб. 1905 г.

стенъко повторяють старыя погудки, обычныя въ устахъ не социалистовъ, а реакціонеровъ-аграріевъ типа блаженной памяти Шедо-Феротти, Лиліенталя и т. п. Критиковать ихъ намъ не приходится. Уже въ 60-хъ гг., въ своихъ „письмахъ къ Кугельману“ Марксъ достаточно охарактеризовалъ этихъ господъ и ихъ аргументацію. „Поскольку дѣло касается русскаго общиннаго землевладѣнія,—писалъ, напр., Марксъ о Шедо-Феротти,—то этотъ молодецъ обнаруживаетъ столько же невѣжества, сколько жонглерства. Шедо-Феротти—одинъ изъ тѣхъ господчиковъ, которые выставляютъ общинное землевладѣніе причиной бѣдственнаго положенія русскаго крестьянства (разумѣется in the interest of the landlordisme),—совершенно такъ же, какъ нѣкогда въ Западной Европѣ прокричали, какъ причину пауперизма, отмѣну крѣпостнаго права—вмѣсто потери бывшими крѣпостными ихъ земли... Бѣдность русскаго крестьянства создана тѣмъ же, чѣмъ и бѣдность французскаго крестьянства при Людовикѣ XIV—налоговой системой государства и платежами въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ. *Что же касается общиннаго землевладѣнія, то оно не только не создало бѣдствій крестьянства, но, наоборотъ—только оно и смягчило ихъ*“ *). Какъ видите, уже въ 60 годахъ Марксъ былъ далекъ отъ мнѣнія Бельтова, что общинное землевладѣніе для народа „безполезно“.

Приблизительно десять лѣтъ отдѣляютъ это мнѣніе Маркса отъ его стараго мнѣнія, высказаннаго въ „Ansprache“. Отъ начала пятидесятихъ годовъ до начала шестидесятихъ—этотъ періодъ не прошелъ для Маркса безслѣдно. Перешагнемъ теперь еще черезъ десятилѣтній промежутокъ и перейдемъ къ началу 70-хъ годовъ.

Въ „Volksstaat“ 1874 г. Энгельсъ началъ, и затѣмъ въ слѣдующемъ году продолжалъ, полемику съ П. Н. Ткачевымъ. Для насъ здѣсь полемика эта интересна постольку, поскольку она касалась вопроса объ общинѣ. Въ противоположность крайнему идеализатору общины, Ткачеву, Энгельсъ, естественно, очень много говоритъ о недостаткахъ, вытекающихъ изъ примитивности исторической общины, окачивая такимъ образомъ ушатою холодной воды своего антагониста, сочетавшаго причудливымъ образомъ въ своемъ міросозерцаніи элементы якобинства, т. е. революціоннаго опекунства надъ народомъ, съ элементами крайняго народническаго энтузіазма.

*) K. Marx, Briefe an Kugelmann, „Neue Zeit“, XX, Bd. 2, S. 415.

Энгельсъ указываетъ, что „общинное землевладѣніе есть учрежденіе, которое мы встрѣчаемъ у всѣхъ индогерманскихъ народовъ на низкой ступени ихъ развитія“, что „въ Западной Европѣ, до Польши и Малороссіи включительно, на извѣстной ступени общественнаго развитія это общинное владѣніе сдѣлалось узами сельско-хозяйственнаго производства, его тормазомъ, и все болѣе и болѣе устранялось“. Сохраненіе общины въ Великороссіи Энгельсъ ставитъ въ связь съ неразвитымъ состояніемъ земледѣлія, и особенно подчеркиваетъ, что изолированность общинъ другъ отъ друга не превращаетъ *одинаковости* ихъ интересовъ въ *общность* этихъ интересовъ. Отмѣчая, что условія освобожденія крестьянъ нанесли общинѣ „сильнѣйшій ударъ“, окутавъ ее прочной сѣтью эксплуатаціи, Энгельсъ говоритъ: „при такихъ условіяхъ, находясь подъ давленіемъ налоговой системы и ростовщичества, земельная собственность общины перестаетъ быть благодѣяніемъ и превращается въ обузу. Крестьяне часто бѣгутъ отъ этой собственности съ семьями или безъ семьи, ища прокормленія въ качествѣ бродячихъ рабочихъ, и бросаютъ свою землю“. Общій выводъ о современномъ положеніи общины выходитъ у Энгельса крайне безнадежнымъ; „какъ видно, общинная собственность въ Россіи давно пережила періодъ своего процвѣтанія и, по всей видимости, идетъ къ разложенію“.

Итакъ, совершенно очевидно, что Энгельсъ въ это время не только не глядѣлъ на общину сквозь розовыя очки, а скорѣе наоборотъ, черезъ самыя черныя и нарочито закопченныя. На первый взглядъ можно даже подумать, что онъ возвращается къ точкѣ зрѣнія 1850 г., отъ которой отступилъ Марксъ. На дѣлѣ же, не взирая на преувеличенное представленіе о разложеніи русской общины, онъ сдѣлалъ одно чрезвычайно важное принципиальное признаніе. Непосредственно послѣ перечисленія всѣхъ злослукій общины онъ говоритъ: „И тѣмъ не менѣе неоспоримо, что есть возможность перехода этой общественной формы въ высшую, въ томъ случаѣ, если она продержится до тѣхъ поръ, пока для этого созрѣютъ обстоятельства, и если она обнаружитъ способность къ развитію въ томъ смыслѣ, что крестьяне станутъ обрабатывать землю не порознь, а сообща,—тогда будетъ возможно перевести общину въ высшую форму, такъ что крестьянамъ не придется пройти промежуточную ступень буржуазной мелкой собственности“. Побѣда соціальной революціи на Западѣ до *окончательнаго разложенія*

русской общинной собственности — таково было, въ глазахъ Энгельса, основное условіе этой признанной имъ возможности *).

Мы видимъ, что даже нѣсколько одностороннее и неточное представленіе о судьбахъ русской общины не помѣшало Энгельсу сдѣлать новый шагъ впередъ въ оцѣнкѣ ея значенія, сравнительно съ оцѣнкой Маркса въ письмахъ къ Кугельману. Тамъ шла рѣчь только о томъ, что община оказалась способной нѣсколько облегчать положеніе крестьянъ въ прошломъ и настоящемъ. Здѣсь поставленъ вопросъ вообще о томъ, можно ли считать общину простымъ *пережиткомъ*, или же она является способнымъ къ дальнѣйшему развитію *жизненнымъ элементомъ*. Здѣсь впервые принципиально признана возможность такихъ условій, когда община явится *жизненнымъ элементомъ* настоящаго и будущаго.

Перенесемся еще на десятилѣтіе впередъ, къ началу 80-хъ годовъ. Здѣсь мы, прежде всего, снова встрѣчаемъ у Маркса и Энгельса подтвержденіе той же самой мысли о возможности развитія общины въ высшую форму. Всѣмъ извѣстно написанное ими предисловіе къ русскому изданію „Манифеста“. Въ этомъ предисловіи говорится: „Рядомъ съ быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной поземельной собственностью, мы находимъ въ Россіи большую половину земли въ общинномъ владѣніи крестьянъ. Спрашивается теперь, можетъ ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытнаго коллективнаго владѣнія землей — непосредственно перейти въ высшую, коммунистическую форму землевладѣнія? Или, напротивъ, она должна пройти сначала тотъ же процессъ разложенія, который опредѣлилъ собою историческое развитіе на Западѣ? Единственный, возможный въ настоящее время, отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ слѣдующемъ: если русская революція послужитъ сигналомъ рабочей революціи на Западѣ, такъ что обѣ онѣ пополняютъ другъ-друга, то современное русское общинное землевладѣніе можетъ явиться исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія“.

Наряду съ этимъ, всѣмъ извѣстнымъ положеніемъ, приходится вспомнить не менѣе извѣстное письмо Маркса въ редакцію „Отеч. Записокъ“ (написано раньше, но опубликовано позже предисловія

*) См. „Internationales aus dem Volksstaat“ von Fr. Engels, Berlin. 1884, S. 55—57.

къ „Манифесту“). Въ свое время вокругъ этого письма происходилъ цѣлый рядъ полемическихъ схватокъ между „марксистами“ и противниками ихъ. Условные и нѣсколько расплывчатые обороты этого письма истолковывались всячески и служили исходными пунктами для самыхъ противоположныхъ выводовъ. И хотя въ томъ же письмѣ Марксъ говоритъ, что не любитъ оставлять „quelque chose à deviner“ (читать между строкъ), однако его письмо, по своей краткости, оставляетъ безъ отвѣта множество вопросовъ, въ то же время до нѣкоторой степени намекая на ихъ рѣшеніе, и тѣмъ самымъ давая поводъ къ цѣлой полемически-комментаторской литературѣ. Мы здѣсь не станемъ входить въ ея подробности. Скажемъ лишь, что только очень близкій къ Марксу человекъ, знавшій и тѣ обстоятельства, при которыхъ было написано Марксомъ его письмо, и то интимное настроеніе, которымъ оно было продиктовано, могъ бы сколько нибудь правильно интерпретировать его во многихъ мѣстахъ. Такимъ человекомъ является только одинъ Энгельсъ. И вотъ почему, чтобы пролить больше свѣта на смыслъ письма, мы не знаемъ лучшаго средства, какъ обратиться къ изложенію „сущности его содержанія“ у Энгельса (въ послѣсловіи къ „*Sociales aus Russland*“). Эту „сущность его содержанія“, „*seinen wesentlichen Inhalt*“ Энгельсъ, между прочимъ, усматриваетъ въ томъ, что „прежде всего Марксъ отвергаетъ приписанный ему „Записками“ взглядъ, согласный со взглядомъ русскихъ либераловъ, по которому Россія должна какъ можно скорѣе расторгнуть общинную собственность крестьянъ и броситься въ „капитализмъ“; мало того, вообще „Марксъ тогда совѣтовалъ русскимъ не слишкомъ спѣшить съ прыжкомъ въ капитализмъ“. („*Kein Wunder, dass Marx da den Russen rät, es weniger eilig zu haben mit dem Sprung in den Kapitalismus*“). Стоить сопоставить это, надѣмся, достаточно компетентное изложеніе Энгельсомъ смысла письма съ знаменитымъ лозунгомъ русскаго марксизма „пойдемъ на выучку къ капитализму“, чтобы радикально устранить множество натянутыхъ толкованій письма, вышедшихъ изъ этого послѣдняго лагеря.

Стоить, далѣе, отмѣтить, что въ тѣхъ же 80-хъ гг. Энгельсу пришлось особо говорить о нѣмецкомъ крестьянствѣ и его поземельной общинѣ („маркъ“). И, прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить, что Энгельсъ констатировалъ „изумительную способность приспособленія“, которую марка равно проявила какъ „въ общественной жизни по отношенію къ самымъ различнымъ ея запросамъ“, такъ и

„по отношенію къ развитію земледѣлія, въ борьбѣ съ растущей крупной земельной собственностью“. Она пережила множество кризисовъ, полититическихъ и экономическихъ, — „и всетаки она оставалась настолько необходимой, что всюду, гдѣ дворянство завладѣвало крестьянской землей, подвластныя ему деревни сохраняли порядки старой марки, хотя и сильно урѣзанные землевладѣльческими притязаніями“. Совершилось, наконецъ, освобожденіе крестьянъ — „но какъ далеко теперешнему свободному крестьянину до свободного члена марки прежнихъ временъ! Его участокъ сталъ гораздо меньше, а нераздѣленная марка превратилась въ маленькій запущенный клочекъ общественнаго лѣса. А между тѣмъ безъ общей марки у мелкаго крестьянина-собственника не можетъ быть и скота, безъ скота — нѣтъ навоза, а безъ навоза — не можетъ быть правильнаго хлѣбопашества... Но хуже всего то, что эти новые свободные крестьяне появились въ Германіи — гдѣ все происходитъ слишкомъ поздно — именно тогда, когда земледѣльческая наука, съ одной стороны, и новоизобрѣтенныя земледѣльческія машины — съ другой, превратили мелкое землевладѣніе въ отжившую, нежизнеспособную форму хозяйства“. И дальше (какъ и въ др. мѣстахъ статьи) мы встрѣчаемъ обычное для Энгельса, какъ строгаго хранителя чистоты аграрной догмы марксизма, пророчество о побѣдахъ крупной поземельной собственности.

Менѣе обычно, однако, практическое заключеніе, къ которому онъ приходитъ. Именно онъ вспоминаетъ, что „всему европейскому земледѣлію въ его современномъ видѣ угрожаетъ могущественный соперникъ въ видѣ американскаго массоваго производства хлѣба. Съ этой почвой, отъ природы плодородной, долгіе годы удобрявшейся и уступаемой за безцѣнокъ, не могутъ соперничать ни наши задолженные крестьяне, ни крупные собственники, тоже кругомъ запутавшіеся въ долгахъ. Американская конкуренція убиваетъ всю систему европейскаго хозяйства“.

Какой же отсюда вытекаетъ практическій выводъ? Онъ кратко, и, благодаря своей краткости, тѣмъ болѣе выразителенъ:

„Земледѣліе можетъ сохраниться въ Европѣ единственно при томъ условіи, если оно будетъ вестись общиной и за счетъ общины“...

„Вотъ какіе виды на будущее могутъ имѣть нѣмецкіе крестьяне. Возникновеніе класса крестьянъ свободныхъ, хотя и нуждающихся, имѣло ту хорошую сторону, что теперь крестьяне очутились въ та-

комъ положеніи, при которомъ они—при содѣйствіи своихъ товарищей-рабочихъ—могутъ сами себѣ помочь, если только они пожелаютъ понять, *какъ* это сдѣлать.

„А какъ же? *Возстановивъ снова марку*, но не въ ея отжившемъ, старомъ видѣ, а въ иной, обновленной формѣ; измѣнивъ земельную общину такимъ образомъ, чтобы она дала возможность отдѣльнымъ членамъ общины воспользоваться всѣми преимуществами крупнаго хозяйства и примѣненія земледѣльческихъ машинъ“ *).

Замѣтивъ мимоходомъ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, что Энгельсъ, конечно, крайне преувеличиваетъ, когда говоритъ чуть ли не о полной ликвидаціи и гибели всего европейскаго земледѣлія, мы вернемся къ занимающей насъ сейчасъ темѣ. Можетъ показаться страннымъ—тѣмъ болѣе, въ устахъ такого строгаго реалиста, какъ Энгельсъ,—эта идея о возстановленіи и развитіи марки, формы общиннаго строя, почти исчезнувшей, а въ своихъ старыхъ, историческихъ формахъ, по его же словамъ, „экономически устарѣвшей“. Мыслимо ли это? Есть для этого хоть слабая тѣнь возможности? Для отвѣта на этотъ вопросъ, какъ ни мало мы призваны разрѣшать его для Германіи, необходимо, однако, имѣть въ виду, что общинная психологія, общинный духъ обычно имѣетъ тенденцію переживать самыя формы общиннаго строя. Въ этомъ отношеніи, между прочимъ, стоитъ отмѣтить признаніе В. Коншtedта, который не очень-то жалуется общинное владѣніе, стоя на стражѣ прогресса агрикультуры: „Даже и нынѣ у иного крестьянина закипаетъ кровь, когда заходитъ рѣчь о старыхъ общинныхъ поляхъ. Вѣдь крупное землевладѣніе сумѣло найти не мало средствъ, чтобы въ разныхъ мѣстахъ присвоить себѣ альмендныя земли. И само собой разумѣется, что затронутое этимъ крестьянство не мало терпитъ отъ результатовъ узурпаціи такого рода“.

Черезъ новый десяти-лѣтній промежутокъ Энгельсъ опять вернулся къ той же темѣ—о русской крестьянской общинѣ. Чтобы понять, на какой почвѣ выросъ высказанный имъ на этотъ разъ взглядъ, нужно прежде всего знать, какое представленіе имѣлъ въ это время

*) См. «Нѣмецкій крестьянинъ.—Чѣмъ онъ былъ? Что онъ есть? Чѣмъ онъ могъ быть?» Принадлежность этой статьи Энгельсу устанавливается какъ тѣмъ, что первая часть ея по изложенію почти тождественна съ подписаннымъ Энгельсомъ предисловіемъ къ «Die schlesische Milliarde» Вильгельма Вольфа, такъ и тѣмъ, что Энгельсъ прислалъ отдѣльный оттискъ этой статьи, подписавъ ее своими инициалами, одному изъ своихъ русскихъ друзей.

Энгельсъ о *фактическомъ положеніи* тогдашней русской общины. Представленіе это было совершенно опредѣленнымъ. Энгельсъ былъ совершенно серьезно убѣжденъ, что русской поземельной общины уже не существуетъ, или почти не существуетъ; что процессъ разложенія ея, если не совсѣмъ закончился, то, по крайней мѣрѣ, уже подходитъ къ концу. Откуда могъ вынести Энгельсъ такое убѣжденіе? На этотъ вопросъ, если не даетъ отвѣтъ, то по крайней мѣрѣ, намекаетъ на отвѣтъ одно мѣсто изъ его приписки 1894 г. къ „*Soziales aus Russland*“: тамъ онъ ссылается на извѣстныя „Наши разногласія“ г. Плеханова... Само собою понятно, что какъ бы ни относился Энгельсъ къ своимъ „русскимъ ученикамъ“, онъ врядъ ли могъ подумать, что даже чисто фактическія свѣдѣнія, исходящія изъ этого источника, могутъ вопіющимъ образомъ не соотвѣтствовать дѣйствительности...

Во всякомъ случаѣ, уже въ началѣ 1892 г. онъ писалъ, по поводу голода въ Россіи: „примитивно-коммунистическіе нравы и учрежденія русскихъ крестьянъ съ 1861 г. отчасти погребены экономическимъ развитіемъ, отчасти систематически уничтожены правительствомъ. Примитивно-коммунистическая община распалась или, по крайней мѣрѣ, находится въ состояніи распада“ *).

Казалось бы, при такомъ взглядѣ на фактическое существованіе (или, лучше сказать, на фактическое несуществованіе) русскаго общиннаго владѣнія, Энгельсъ долженъ бы былъ радикально перерѣшить свой прежній взглядъ о возможности для русской общины перейти въ высшія формы и затѣмъ органически вросли въ будущую социалистическую организацію общества. И, однако, этого всетаки не случилось. Уничтоженіе русской общины,—а для Энгельса, какъ мы видѣли, уничтоженіе это представлялось фактомъ, не возбуждающимъ никакихъ сомнѣній,—заставило Энгельса лишь пессимистически отнестись къ способности русской общины „изъ себя“ самостоятельно развить тенденцію къ подъему на высшую ступень развитія. Онъ очень ярко и рельефно развилъ взглядъ, по которому община должна разсматриваться, какъ пассивный матеріалъ, который внѣшнюю силою можетъ быть использованъ въ интересахъ социализма, а не какъ активная творческая сила, дѣйствующая самостоятельно въ этомъ направленіи. Онъ даже стремится обос-

*) Fr. Engels, Nachwort къ „*Sozialismus in Deutschland*“ „*Die Neue Zeit*“ 1891—92, № 19.

новать этотъ взглядъ на гораздо болѣе общемъ положеніи: „разрѣшеніе обществомъ, стоящимъ на низшей ступени развитія, тѣхъ задачъ и противорѣчій, которыя возникаютъ и могутъ возникнуть лишь на гораздо высшей ступени—представляетъ собою историческую невозможность... Каждой данной экономической формации приходится разрѣшать свои собственныя, изъ нея самой вытекающія задачи, стремиться же къ разрѣшенію задачъ, вытекающихъ изъ совершенно чуждой ей формации, было бы чистѣйшей безсмыслицей“. Соціализмъ разрѣшаетъ задачи и противорѣчія, возникшія въ нѣдрахъ капитализма. Въ общинѣ этихъ задачъ и противорѣчій нѣтъ, а потому нѣтъ и „имманентнаго“ стремленія къ соціализму.

Теперь—оборотная сторона медали. „За то не только возможно, но несомнѣнно, что въ странахъ, едва подпавшихъ подъ власть капитализма и сохранившихъ еще свои родовыя учрежденія или ихъ остатки, эти остатки общей собственности и соотвѣтствующія имъ народныя привычки окажутся, послѣ побѣды пролетаріата и перехода у западно-европейскихъ народовъ средствъ производства въ общественную собственность, могучимъ орудіемъ, которое поможетъ этимъ отсталымъ странамъ значительно сократить процессъ своего развитія въ соціалистическія общества и избѣжать большую часть страданій и борьбы, выпавшихъ на долю намъ въ Западной Европѣ“. Какъ извѣстно, Энгельсъ ошибочно считалъ современную русскую общину также осколкомъ родового быта. Но какъ быть, если она, эта „ослабленная форма“ родового коммунизма разложилась или „почти окончательно разложилась“ съ тѣхъ поръ, какъ были „подрублены ея корни“ взаимоприспособленіемъ стараго абсолютизма и новой буржуазіи? Энгельсъ вспоминаетъ здѣсь, что „для Россіи общественное переустройство будетъ значительно облегчено тѣмъ обстоятельствомъ, что часть ея собственного населенія уже усвоила себѣ *идейные результаты* капиталистическаго развитія“. И вотъ почему Энгельсъ все-таки не рѣшается ставить крестъ надъ русской общиной, какъ, казалось бы, ни толкають его къ этому его совершенно невѣрныя фактическія свѣдѣнія. Онъ выражается въ высшей степени осторожно и даже уклончиво: „я не рѣшусь сказать, уцѣлѣли ли (!) отъ русской общины такіе остатки (sic), которые могли бы, при подходящихъ условіяхъ, явиться, вмѣстѣ съ переворотомъ на Западѣ, исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія, какъ мы съ Марксомъ надѣялись еще въ 1882 году. Но вотъ что несомнѣнно: если остатки русской общины

могутъ быть спасены, то лишь при условіи низверженія деспотизма—революціей въ Россіи. Эта революція вырветъ массу русскаго народа—крестьянъ—изъ уединенія ихъ деревень, составляющихъ для нихъ весь „міръ“, и выведетъ ихъ на широкую арену, съ которой они увидятъ внѣшній міръ, а черезъ это узнаютъ и самихъ себя, свое собственное положеніе и средства спасенія изъ теперешней нужды. Но, кромѣ того, эта революція дастъ новый толчекъ рабочему движенію Запада, дастъ ему лучшія условія борьбы и тѣмъ ускоритъ побѣду промышленнаго пролетаріата, безъ которой современная Россія не можетъ придти къ социалистическому перевороту ни черезъ общину, ни черезъ капитализмъ“.

Съ тѣхъ поръ, какъ Энгельсъ написалъ эти слова, прошло и еще около десятилѣтія. Община, этотъ безнадежный больной, столько разъ приговоренный къ смерти учеными жрецами науки, продолжаетъ искушать ихъ терпѣніе, и не только не умираетъ, а на зло имъ, обнаруживаетъ даже признаки внутренняго оживленія. Повторныя земско-статистическія изслѣдованія не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Между тѣмъ, пропаганда опредѣленной крайней партіи и сосѣдство городского рабочаго движенія, въ пережитую эпоху всеобщаго броженія и открытой гражданской войны дѣйствительно уже вывели русское крестьянство „изъ уединенія деревень“ на „широкую арену“, заставили увидѣть внѣшній міръ, свое положеніе въ немъ, и все лучше и лучше понимать средства выхода изъ этого положенія. Еще въ 70-хъ гг. Энгельсъ говорилъ, что изолированность и разобщенность крестьянскихъ общинъ составляетъ „естественную основу“ извнѣ, сверху наложенной на страну государственной организаціи типа восточнаго деспотизма; но что въ то же время „масса крестьянскаго населенія, въ особенности со времени отмѣны крѣпостного права, поставлена въ положеніе, все настоятельнѣе толкающее ее на борьбу съ правительствомъ“. Говоря, далѣе, о ростѣ общаго недовольства современнымъ режимомъ, Энгельсъ отмѣчалъ, что, съ ростомъ оппозиціи среди „образованнаго общества“, „является иллюзія возможности“ направить этотъ переворотъ въ спокойное русло конституціи. „Здѣсь—продолжалъ Энгельсъ—соединены всѣ условія революціи, которую начнутъ высшіе столичные классы, быть можетъ даже само правительство, но неизбѣжно продолжать и скоро выведутъ изъ его перваго конституціоннаго фазиса—крестьяне“.

Хотя общій темпъ хода событій оказался не столь быстрымъ, какъ казалось Энгельсу, общее направленіе этого хода, однако, было намѣчено имъ вѣрно. Въ настоящее время мы стоимъ, дѣйствительно, передъ перспективами, имъ указанными. И при этомъ вопросъ о крестьянствѣ и его общинно-трудовыхъ инстинктахъ и воззрѣніяхъ дѣйствительностью не только не снятъ съ очереди, а напротивъ, скорѣе съ особенною силою выдвинуть на первый планъ. Какое мѣсто займетъ, какую роль сыграетъ и въ какомъ направленіи видоизмѣнится современная крестьянская община при предстоящемъ земельномъ переустройствѣ? Рѣшенія этого вопроса, конечно, мы уже не можемъ искать въ какихъ бы то ни было цитатахъ изъ Энгельса или Маркса. Всѣ эти цитаты показываютъ лишь, насколько тотъ методъ Александра Македонскаго, которымъ не прочь русскіе ортодоксальные марксисты раздѣлаться съ запутаннымъ узломъ русской жизни, носящимъ имя поземельной общины—насколько методъ этотъ имѣетъ мало общаго съ воззрѣніями Маркса и Энгельса, имя которыхъ слишкомъ часто призывается ими всеу.

Нечего и говорить, что крестьянская община для насъ вовсе не есть какая-то мистическая общественная форма, имманентно „изъ себя“ порождающая неизбежное движеніе—въ сторону ли развитія въ социализмъ, въ сторону ли собственного разложенія. Для насъ вообще нѣтъ имманентныхъ законовъ діалектическаго саморазвитія. Передъ нами гораздо болѣе реальный и конкретный вопросъ, рѣшаемый не апіорными соображеніями, а чисто - индуктивнымъ изслѣдованіемъ: данное, исторически-реальное крестьянство, при данныхъ культурныхъ и социальнo-политическихъ условіяхъ, организованное въ поземельно-общинныя ячейки, обнаруживаетъ ли способность къ переорганизациіи окружающихъ и своихъ собственныхъ поземельныхъ отношеній на болѣе широкихъ, исторически-прогрессивныхъ началахъ? Есть ли община лишь пассивный матеріалъ, который *меньше противится* вліяніямъ извнѣ въ смыслъ прогрессивнаго развитія—или мы въ общинѣ имѣемъ теченія, на *активныя* тенденціи которыхъ мы можемъ *опереться*, работая для этого прогрессивнаго развитія, въ направленіи къ социализму? Повторяемъ, этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь конкретнымъ, индуктивнымъ изслѣдованіемъ реальной русской дѣйствительности. Но, чтобы расчистить путь такому изслѣдованію, необходимо радикально *отмести* всякое псевдо-марксистское принципиально-отри-

цательное отношеніе къ общинѣ, надѣвающее на себя марксистскую маску курьезнымъ путемъ: апеллированіемъ къ Марксу сороковыхъ годовъ противъ Маркса послѣднихъ лѣтъ, *регрессивной эволюціей* въ сторону наиболѣе примитивныхъ, неразвитыхъ, эмбриональных формъ марксизма...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Ф. Энгельс о крестьянскомъ вопросѣ.

„Послѣднее слово“ о крестьянскомъ вопросѣ Энгельсъ сказалъ незадолго до своей смерти, въ специальной статьѣ, озаглавленной: „Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи“. Мысли, высказанныя въ этой статьѣ, представляютъ много новаго сравнительно со старыми воззрѣніями Энгельса. Но къ этимъ мыслямъ и выводамъ онъ пришелъ не внезапно. Въ зародышевомъ видѣ онѣ проскальзывали и въ нѣкоторыхъ его предыдущихъ работахъ, и такимъ образомъ источники воззрѣній, ярко выступающихъ въ „Крестьянскомъ вопросѣ“, могутъ быть прослѣжены значительно ранѣе.

Такъ, еще въ 1870 г. Фр. Энгельсъ выпустилъ вторымъ изданіемъ свою брошюру о крестьянскихъ войнахъ, написанную въ 1850 г. и анализированную выше. Этой брошюрѣ онъ предпослалъ довольно интересное предисловіе, въ которомъ указываетъ нѣмецкому рабочему классу въ деревнѣ на два слоя, которые могутъ послужить ему опорой, на сельско-хозяйственный пролетаріатъ и мелкое крестьянство.

Положеніе сельско-хозяйственного пролетаріата (въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. земледѣльческихъ батраковъ) Энгельсъ считаетъ совершенно аналогичнымъ положенію индустріальнаго пролетаріата, а потому столь же аналогичны, въ его глазахъ, должны быть и мѣры къ улучшенію положенія того и другого. Онъ пользуется случаемъ подчеркнуть, что „сельско-хозяйственные рабочіе могутъ быть освобождены изъ-подъ гнета ужасающей нищеты лишь въ томъ случаѣ, если прежде всего главное средство приложенія ихъ труда, сама земля—будетъ изъята изъ частной собственности крупныхъ крестьянъ и еще болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ-феодаловъ и превращена въ общественную собственность, для

обработки товариществами сельско-хозяйственных работников за ихъ общій счетъ“ *). Однако Энгельсъ ничего не говоритъ здѣсь о возможности какихъ бы то ни было требованій, идущихъ въ этомъ направленіи, *уже въ программ-минимум*. Вообще о содержаніи программы-минимумъ въ его предисловіи явно не заключается ни одного слова, есть лишь одинъ намекъ, о которомъ ниже. Энгельсъ вообще разсматриваетъ исключительно тактическія задачи движенія, почти совсѣмъ не касаясь вытекающей изъ нихъ постановки программныхъ требованій. Считая наемныхъ батраковъ „самымъ многочисленнымъ деревенскимъ классомъ“ въ мѣстностяхъ со среднимъ и крупнымъ землевладѣніемъ, и вообще стоя еще на точкѣ зрѣнія необходимости его прогрессивнаго роста (что, какъ извѣстно, не оправдалось), онъ считаетъ „ближайшей и настоятельной задачей“ нѣмецкаго рабочаго движенія „возродить и вовлечь въ движеніе“ сельско-хозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ, „этотъ классъ, который безсиленъ, потому что разрозненъ и разсѣянъ, но скрытую силу котораго власти и дворянство знаютъ такъ хорошо, что обдуманно запускаяютъ школьное дѣло, чтобы оставлять его въ невѣжествѣ“.

Другой слой, это — „мелкіе крестьяне — ибо болѣе крупные принадлежатъ къ буржуазіи (denn die grösseren gehören zur Bourgeoisie)“. Мимоходомъ сказать, эти и тому подобныя мѣста изъ Маркса и Энгельса слѣдовало бы лучше продумать нашимъ марксистамъ, которые во что бы то ни стало хотятъ все самостоятельное крестьянство объявить буржуазіей „пусть мелкой, пусть даже мельчайшей, но все-таки буржуазіей“.

Какъ кажется, самымъ „научнымъ“ мотивомъ причисленія его къ

*) Значенія этой мѣры Энгельсъ касается также въ своей появившейся въ 1872 г. брошюрѣ „Zur Wohnungsfrage“ (Separatabdruck aus dem „Volksstaat“). „Въ Германіи, — говоритъ онъ тамъ, — существуетъ еще въ весьма широкихъ размѣрахъ крупное землевладѣніе. Согласно Прудоновской системѣ, все это должно быть раздѣлено на мелкіе крестьянскіе дворы, — что, при современномъ состояніи агрономіи и по даннымъ опыта съ парцеллярной собственностью во Франціи и Западной Германіи, было бы прямо таки реакціоннымъ. Еще существующее крупное землевладѣніе скорѣе должно дать намъ желанную возможность предоставить рабочимъ товариществамъ веденіе земельческаго хозяйства въ крупныхъ размѣрахъ, ибо только при немъ и возможно примѣненіе всѣхъ современныхъ машинъ и вспомогательныхъ средствъ обработки и т. п. — и такимъ образомъ наглядно доказать крестьянамъ выгоды крупнаго хозяйствованія при помощи ассоціацій“.

буржуазіи является возможность, благодаря этому, объявить партію соціалистовъ революціонеровъ, какъ защищающую интересы трудового крестьянства, партіей мелкобуржуазной. Но вѣдь и вся „научность“ нашихъ „ортодоксовъ“ не болѣе высокаго качества.—Анализируя далѣе различные слои мелкаго крестьянства, Энгельсъ останавливается сначала на барщинныхъ крестьянахъ (Feudalbauern), сохранившихъ рядъ унаслѣдованныхъ отъ крѣпостныхъ временъ повинностей въ пользу бывшихъ владѣльцевъ, затѣмъ на арендаторахъ; тѣхъ и другихъ, по его мнѣнію, нетрудно убѣдить, что своего спасенія они могутъ ожидать лишь отъ побѣды рабочаго класса. „Остаются крестьяне, которые обрабатываютъ свой собственный небольшой клочекъ земли. Они большею частью такъ обременены ипотечными долгами, что настолько же зависятъ отъ ростовщиковъ, насколько арендаторы отъ землевладѣльцевъ. Вѣдь и у нихъ остается, въ сущности, лишь скудная, да еще вдобавокъ необезпеченная, благодаря смѣнѣ урожайныхъ и неурожайныхъ годовъ, заработная плата. Они менѣе всего могутъ ожидать чего нибудь отъ буржуазіи, ибо изъ нихъ высасываютъ соки какъ разъ именно буржуа, именно ростовщицествующіе на всѣ лады капиталисты. Но они большею частью находятся въ большой зависимости отъ своей собственности, хотя въ дѣйствительности она принадлежит не столько имъ, сколько ростовщику. Тѣмъ не менѣе имъ слѣдуетъ объяснить, что только тогда они могутъ быть освобождены отъ ростовщиковъ, когда всецѣло зависящее отъ народа правительство переведетъ всѣ ихъ ипотечные долги въ долгъ государству, съ пониженіемъ процентовъ; а провести это сможетъ лишь рабочій классъ“. Здѣсь характерно отмѣтить, что временемъ осуществленія „огосударствленія ипотеки“ намѣчается не установленіе „диктатуры пролетаріата“, а лишь проведеніе государственнаго режима, въ которомъ правительство будетъ зависѣть отъ народа, т. е. демократическая республика или близкая къ ней форма правленія.

Намѣченная здѣсь соціально-политическая оцѣнка „мелкаго крестьянства“—не случайность, не обмолвка и не преходящее настроеніе. Двадцать лѣтъ спустя, въ статьѣ о „Крестьянскомъ вопросе во Франціи и Германіи“, Энгельсъ повторилъ о немъ приблизительно тоже, но въ еще болѣе рельефной формѣ. „Подъ мелкимъ крестьяниномъ мы разумѣемъ собственника или арендатора—главнымъ образомъ перваго—участка земли, обыкновенно не больше того, что онъ въ состояніи обработать силами своей собственной

семьи, и не меньше того, сколько необходимо для прокормленія этой семьи. Такой мелкій крестьянинъ, такъ же, какъ и мелкій ремесленникъ, *есть, слѣдовательно, работникъ* (ist also ein Arbeiter), тѣмъ отличающійся отъ современнаго пролетарія, что онъ еще владѣетъ своими средствами производства“. Но если такой крестьянинъ (въ другомъ мѣстѣ Энгельсъ называетъ его „selbstarbeitende Bauer“, что равносильно нашему обычному термину „трудо-вой крестьянинъ“) есть, по существу, самый настоящій Arbeiter, *рабочій*, то нисколько не будетъ удивительнымъ и другое заявленіе Энгельса въ той же статьѣ: „мы разсматриваемъ мелкаго самостоятельнаго трудового крестьянина, какъ по внутренней тенденціи (или „потенціально“—въ подлинникѣ у Энгельса стоитъ „virtuell“) принадлежащаго къ намъ“ *). Стремленіе объединить въ рядахъ социалистической партіи два эти элемента—пролетаріатъ и трудовое крестьянство—уже не встрѣчало, какъ видите, со стороны Энгельса на этотъ разъ никакихъ возраженій; онъ только полагалъ, что, *кромя* этихъ двухъ элементовъ, въ нее не могли войти никакіе другіе слои деревенскаго населенія, какъ таковыя. „Я рѣшительно отрицаю, что социалистическая рабочая партія какой бы то ни было страны имѣетъ своей задачей принимать въ свои нѣдра, *кромя* сельскихъ пролетаріевъ и мелкихъ крестьянъ, еще и среднее, и крупное крестьянство (типическимъ признакомъ того и другого Энгельсъ считаетъ эксплуатацію наемнаго труда. В. Ч.) или даже арендаторовъ крупныхъ имѣній, капиталистическихъ скотоводовъ и другихъ капиталистическихъ эксплуататоровъ національной почвы... Въ нашу партію, правда, мы можемъ принимать отдѣльныхъ лицъ изъ любого общественнаго класса, но никакъ не группы, представляющія капиталистическія,—среднебуржуазныя или среднекрестьянскія—интересы“. Замѣьте, что Энгельсъ провозглашалъ такое отношеніе къ мелкому крестьянству, *не смотря на то*, что считалъ его *обреченнымъ на исчезновеніе* отъ капиталистической конкуренціи *пережиткомъ* стараго способа производства, и, слѣдовательно, разсматривалъ типичнаго мелкаго крестьянина, какъ *будущаго пролетарія*. На этой точкѣ зрѣнія не стоятъ болѣе сами ортодоксы. Тѣмъ болѣе было бы имъ основаній *признать* положенія Энгельса объ объединеніи пролетаріата и трудового крестьянства и сдѣлать

*) „Weil wir den selbstarbeitenden Kleinbauer als virtuell zu uns gehörend betrachten“ („Neue Zeit.“, 1894—95, № 10, S. 303).

изъ нихъ всѣ необходимые логическіе выводы. Чѣмъ болѣе мы убѣждаемся, что крестьянинъ не есть лишь *пережитокъ* прошлаго, а является *жизненнымъ элементомъ* настоящаго и непосредственнаго будущаго, тѣмъ большее значеніе приобрѣтають эти положенія.

Вмѣсто этого, гг. ортодоксы предпочитаютъ приходить въ священный ужасъ отъ того, что мы желаемъ объединить пролетаріатъ съ трудовымъ крестьянствомъ въ общемъ понятіи трудящагося, рабочаго класса и тѣмъ самымъ становимся на точку зрѣнія старыхъ производственныхъ отношеній. „Точка зрѣнія этихъ отношеній—пишетъ г. Плехановъ въ своемъ предисловіи къ цитированной брошюрѣ Энгельса—есть именно свойственная „соціалистамъ-революционерамъ“ точка зрѣнія „всѣхъ трудящихся“. Вотъ почему и вотъ въ какомъ совершенно точномъ научномъ смыслѣ слова мы называемъ ихъ соціалистами-реакціонерами“. Однако, должно признаться, что не всегда гг. ортодоксы на этотъ счетъ такъ строги. И даже самъ г. Плехановъ, карающій насъ за такое реакціонное и мелкобуржуазное грѣхопаденіе, не прочь, однако, при случаѣ, подправить нашей „мелкобуржуазностью“ свою „ортодоксальность“. Что дѣлать! Оказывается, что, когда, въ виду практическихъ и дипломатическихъ соображеній, не мѣшаетъ показать товаръ лицомъ и ярче подчеркнуть, что де русскіе соціаль-демократы вовсе не узкіе защитники однихъ лишь наемныхъ рабочихъ капиталистической индустріи, — то г. Плехановъ считаетъ „цѣлесообразнымъ“ давать хотя бы такія, напримѣръ, опредѣленія: „Что такое интересы рабочаго класса? Это интересы всѣхъ тѣхъ, кто не живетъ эксплуатаціей чужого труда. Это... вся нація, или, точнѣе, *вся нація moins les privilègiés*, минусъ эксплуататоры“ *).

Отсюда ясно видно, что г. Плеханова, столь откровенно становящагося на точку зрѣнія „всѣхъ трудящихся“, г. Плехановъ долженъ „въ совершенно точномъ, научномъ смыслѣ слова“ назвать „соціалистомъ-реакціонеромъ“. Какъ видите, „сама себя раба бьетъ, коль не чисто жнетъ“.

Однако, обратимся отъ Плеханова къ Энгельсу.

Статья его „Die Bauernfrage in Frankreich und Deutschland“, какъ мы уже говорили выше, имѣетъ тѣмъ болѣйшій интересъ, что она написана Энгельсомъ незадолго до его смерти. Это, такимъ обра-

*) Г. Плехановъ, „В. Г. Бѣлинскій“, изд. Р. С. Д. Р. П., 1899 г., стр. 13.

зомъ,—послѣднее слово творцовъ „научнаго социализма“ по крестьянскому вопросу, и какъ бы посмертное завѣщаніе Энгельса европейской социаль-демократіи... И мы увидимъ, что русскіе (да и одни ли только русскіе?) социаль-демократы далеко не во всемъ оказались вѣрными этому завѣщанію. вмѣсто того, чтобы идти дальше по тому пути, на который все болѣе и болѣе вступалъ Энгельсъ, а ранѣе Марксъ—они свернули назадъ, къ тому рудиментарному марксизму, который граничилъ съ крестьянофобствомъ...

Энгельсъ начинаетъ свою статью съ полемической вылазки. „Буржуазныя и реакціонныя партіи,—говоритъ онъ,—необыкновенно удивлены тѣмъ обстоятельствомъ, что въ настоящее время крестьянскій вопросъ внезапно повсюду поставленъ у социалистовъ на очередь въ порядкѣ дня. Правильнѣе было бы съ ихъ стороны удивляться тому, что этого не случилось ранѣе. Отъ Ирландіи до Сициліи, отъ Андалузій до Россіи и Болгаріи крестьянинъ играетъ роль существеннаго фактора и въ населеніи, и въ производствѣ, и въ распредѣленіи политической силы и власти“. Конечно, съ точки зрѣнія простаго здраваго смысла ясно, что ни одна жизненная практическая партія не можетъ безнаказанно игнорировать такого многочисленнаго общественнаго слоя, какъ крестьянство, особенно, если среди этого общественнаго слоя замѣчается какое-то броженіе, переходящее въ рѣзкія вспышки безсознательнаго и полусознательнаго протеста. Ирландія и Сицилія, Андалузія, Россія и Болгарія—не первыя попавшіяся на языкъ Энгельса имена. Это—названія странъ и мѣстностей, гдѣ среди крестьянства происходили передъ появленіемъ статьи Энгельса особенно сильныя или частыя крестьянскіе бунты, возстанія или даже организованныя движенія съ революціонными методами и болѣе или менѣе смѣлыми социальными требованіями. Съ этой точки зрѣнія, конечно, понятно, что социалисты всѣхъ странъ должны были пристальнѣе, чѣмъ прежде, заняться аграрнымъ вопросомъ. И столь же понятно, что въ отвѣтъ на удивленіе буржуазныхъ и реакціонныхъ партій—съ какой это стати социалисты вдругъ уцѣпились за крестьянскій вопросъ—Энгельсъ могъ только „удивляться ихъ удивленію“.

Но, къ сожалѣнію, дѣло имѣетъ и другую сторону. Въ оправданіе своего удивленія „буржуазныя и реакціонныя партіи“ могли бы привести не мало очень вѣскихъ аргументовъ. Правда, среди крестьянства замѣчается броженіе, возникаютъ болѣе или менѣе сильныя движенія протестующаго характера. Но что же изъ того?

Крестьянскія войны были пошире обхватомъ и часто интенсивнѣе по ходу; однако, прослыли же онѣ среди широкихъ круговъ социалистовъ, съ легкой руки Лассаля, движениями реакціонными по существу, и революціонными лишь по внѣшности. И развѣ евангеліе современнаго социаль-демократа — „Манифестъ коммунистической партіи“ — не объявляетъ, что крестьяне, ремесленники, вообще мелкіе производители — суть элементы консервативные и даже реакціонные такъ какъ они отстаиваютъ свое хозяйственное существованіе отъ захватовъ крупнаго капитала и мѣшаютъ ему совершить свою „историческую миссію“? Развѣ не являлось до сихъ поръ однимъ изъ догматовъ социаль-демократическаго символа вѣры, что крестьяне стремятся поворотить назадъ колесо исторіи, что исчезновеніе ихъ неизбежно и даже исторически-прогрессивно? И развѣ изъ этого не слѣдуетъ логически, что для „истиннаго“ социаль-демократа всѣ современныя крестьянскія вспышки — не болѣе, какъ судорожныя корчи безнадежно — больнаго, переживающаго предсмертную агонію?

„Манифестъ коммунистической партіи“ утверждалъ не только то, что крестьянство разлагается, но даже, что оно уже почти уничтожено или, по крайней мѣрѣ, уничтожается ежедневно. Но вѣдъ со времени появленія „Манифеста“ прошло уже болѣе полустолѣтія. Не ясно ли, что чѣмъ дальше подвигалась впередъ исторія, тѣмъ меньше оставалось основаній обращать вниманіе на крестьянство? Не ясно ли, что въ концѣ концовъ его судьба — все болѣе и болѣе превращаться въ *quantité négligeable*? И не ясно ли, что полвѣка „ежедневнаго уничтоженія“ — болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы считать полное игнорированіе крестьянства вполне своевременнымъ? А между тѣмъ мы замѣчаемъ совершенно иную картину: социалисты вынуждены самымъ ходомъ событій обращать на крестьянство все больше и больше вниманія. Съ начала 90-хъ гг. и по настоящее время аграрный вопросъ является однимъ изъ главныхъ „гвоздей“ партійныхъ дебатовъ и для социалистическаго міра эти десятилѣтія могутъ быть поистинѣ названы „эпохой аграрныхъ программъ“. Не является ли это неожиданностью не только съ точки зрѣнія „буржуазныхъ и реакціонныхъ партій“, которыя естественно пребывали въ самомъ радостномъ спокойствіи, замѣчая, что пролетарскій социализмъ и крестьянство между собою не въ ладу, — но и съ точки зрѣнія чистаго, правовѣрнаго марксиста непоколебимо вѣряющаго въ свою „догму“?

Но въ томъ-то и дѣло, что реальная жизнь и догма марксизма разошлись ко времени появленія статьи Энгельса настолько далеко, что потребовался новый шагъ впередъ, новыя поправки и оговорки. Оставаться на старой теоретической позиціи сдѣлалось болѣе невозможнымъ. Не всѣ обладаютъ мужествомъ того преданнаго своему Бэдекеру англичанина, который, не находя тамъ, гдѣ полагается по описанію, башни или моста, спокойно отмѣчалъ на поляхъ, что „мѣстность невѣрна“,—или того ботаника, который обрывалъ лишніе лепестки у цвѣтовъ, которые имѣли дерзость обладать большимъ ихъ количествомъ, чѣмъ слѣдовало бы согласно его теоріи. И вотъ Энгельсъ, констатируя сначала, что до сихъ поръ въ политическомъ отношеніи крестьянинъ отличался своей апатіей, источникомъ которой онъ считаетъ изолированность деревенской жизни,—тотчасъ же рѣшительно заявляетъ про эту апатію, что въ ней нельзя видѣть что-то непреодолимое и неизбежное (*aber sie ist durchaus nicht unueberwindlich*). Въ прошломъ между революционнымъ пролетаріатомъ и крестьянствомъ было не мало недоразумѣній, но причиной ихъ была не только недовѣрчивость крестьянъ, но и незрѣлость самого рабочаго движенія (*die unklaren sozialistischen Aspirationen der Februarrevolution etc.*). Съ тѣхъ поръ, однако, многое перемѣнилось. Промышленный прогрессъ расшаталъ неподвижность деревни; съ другой стороны, въ городахъ выросли могущественныя рабочія партіи, съ выработанной программой и тактикой, съ настойчивой борьбой за грядущее завоеваніе политической власти. „Но чтобы завоевать политическую власть, рабочая партія должна предварительно двинуться изъ города въ деревню, должна сдѣлаться силой и въ деревнѣ (*Um aber die politische Macht zu erobern, muss diese Partei vorher von der Stadt aufs Land gehn, muss eine Macht werden auf dem Lande*)“. Таковъ первый и основной практическій выводъ Энгельса.

Соціализмъ долженъ сдѣлаться силой и въ деревнѣ—это легко сказать, но какъ это выполнить? Вѣдь соціализмъ отрицаетъ частную собственность, а крестьяне—частные собственники. Не долженъ ли соціализмъ поэтому произвести экспроприацію крестьянской собственности, и не неизбежно ли въ этомъ пунктѣ его столкновение съ крестьянствомъ?

Вотъ основной вопросъ, который такъ или иначе долженъ быть разрѣшенъ въ аграрной программѣ всякой соціалистической партіи. Обойти его, увильнуть отъ его разрѣшенія невозможно. Онъ дол-

женъ быть поставленъ ребромъ, и отвѣтъ на него долженъ быть яснымъ и категоричнымъ.

И Энгельсъ ставитъ этотъ вопросъ въ названной выше статьѣ, критикуя аграрную программу французской рабочей партіи или такъ называемыхъ „гедистовъ“. Онъ находитъ—въ общемъ довольно справедливо, — что авторы французской программы постарались обойти этотъ вопросъ рядомъ туманныхъ и неопредѣленныхъ фразъ, дѣлающихъ ихъ мотивировку важнѣйшихъ пунктовъ аграрной программы весьма и весьма сомнительной. Но мы здѣсь пока не станемъ входить въ детали и подробности критической части статьи Энгельса, мы остановимся исключительно на положительныхъ взглядахъ, высказываемыхъ Энгельсомъ въ его „Bauefrage“. Мы остановимся на нихъ съ нѣкоторою подробностью, въ особенности потому, что когда въ одной изъ нашихъ статей была ссылка на эту статью Энгельса въ подтвержденіе нѣкоторыхъ изъ нашихъ взглядовъ, то г. Плехановъ попытался—въ предисловіи къ русскому переводу Энгельсовской статьи—обвинить насъ въ неправильности этой ссылки, и, слѣдовательно, въ извращеніи мнѣній Энгельса. Ниже мы рассмотримъ его обвиненія, пока же приведемъ нѣкоторыя основныя цитаты.

„Когда мы овладѣемъ государственной властью,—говоритъ Энгельсъ,—намъ, очевидно, нельзя будетъ и подумать о томъ, чтобы насильственно экспроприровать крестьянъ (все равно—съ вознагражденіемъ или безъ него), какъ мы это вынуждены будемъ сдѣлать по отношенію къ крупнымъ собственникамъ-землевладѣльцамъ. Наша задача по отношенію къ крестьянину прежде всего состоитъ въ томъ, чтобы перевести его частное хозяйство и частную собственность—въ общественныя, но не силой, а путемъ примѣра и предложенія общественной помощи для этой цѣли. И во всякомъ случаѣ мы имѣемъ достаточно средствъ, чтобы поставить на видъ крестьянину тѣ выгоды, которыя уже теперь должны быть ему ясны“.

Какимъ же именно образомъ „поставить на видъ крестьянину тѣ выгоды общественной собственности и общественного хозяйства, которыя уже теперь должны быть ему ясны?“ Примѣръ датской социалистической партіи служитъ Энгельсу для выясненія этого пункта.

„Вотъ уже въ теченіе двадцати лѣтъ датскіе социалисты, у которыхъ въ странѣ, собственно говоря, есть только одинъ настоящий

городъ—Копенгагенъ—и которые. внѣ его должны вести почти исключительно крестьянскую пропаганду, — выработали планъ такого рода. Крестьяне одного села, или же прихода, такъ какъ въ Даніи много отдѣльныхъ большихъ дворовъ (хуторовъ), должны соединять свою землю въ одно большое имѣніе, обрабатывать его на общій счетъ, и доходъ дѣлить пропорціонально величинѣ земельныхъ участковъ, денежныхъ взносовъ и личного труда членовъ.

„Въ Даніи мелкое владѣніе играетъ только второстепенную роль; если же мы вспомнимъ о парцеллярной собственности, то мы найдемъ, что при соединеніи парцелль и при крупной культурѣ ихъ общей площади, часть занятыхъ ранѣе въ хозяйствахъ рабочихъ силъ дѣлается излишней. Въѣд именно въ этомъ сбереженіи труда и заключается одно изъ главныхъ преимуществъ крупной культуры. Занятіе для этихъ освободившихся рабочихъ силъ можетъ быть найдено двумя способами: или крестьянскимъ товариществамъ даются въ пользованіе большія пространства земли изъ сосѣднихъ крупныхъ имѣній, или же имъ доставляются средства и возможность къ подсобнымъ индустріальнымъ промысламъ, по возможности и по преимуществу имѣющихъ цѣлью личное потребленіе. Въ обоихъ случаяхъ ихъ ставятъ въ болѣе благопріятное экономическое положеніе и въ то же время обезпечиваютъ необходимое вліяніе за общественнымъ управленіемъ, чтобы постепенно перевести крестьянскія товарищества въ высшую форму (um die Bauerngenossenschaft allmählig in eine höhere Form überzuführen) и сравнять права и обязанности какъ отдѣльныхъ товариществъ, взятыхъ въ цѣломъ, такъ и единичныхъ ихъ членовъ съ остальными отраслями великаго общественного цѣлаго. Какъ это сдѣлать въ каждомъ спеціальному, конкретномъ случаѣ въ отдѣльности—это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ и отъ условій, при которыхъ мы овладѣемъ общественной властью. Такъ, можетъ быть, мы будемъ въ состояніи дать товариществамъ еще и дальнѣйшія преимущества: переводъ всѣхъ ихъ ипотечныхъ долговъ въ государственный долгъ съ сильнымъ пониженіемъ $\frac{0}{\%}$, вспомошествованіе изъ общественныхъ средствъ для введенія крупнаго производства (вспомошествованіе не необходимо въ денежной формѣ, но преимущественно въ натуральной: машинами, удобреніемъ и т. п.) и разныя другія выгоды“.

Такимъ образомъ, Энгельсъ предполагалъ для крестьянъ возможность войти въ социалистическое „государство будущаго“ инымъ,

особымъ путемъ, чѣмъ для фабричныхъ рабочихъ. Для фабричныхъ рабочихъ обобществленіе, социализація труда совершается *сверху*, подъ желѣзнымъ господствомъ капитала. Среди крестьянъ такое же обобществленіе, такая же социализація труда и собственности можетъ органически вырасти снизу, конечно, при содѣйствіи социалистической партіи, прогрессивно усиливающейся и приобретающей рѣшающій голосъ въ законодательствѣ. Этотъ своеобразный путь тѣмъ болѣе необходимо допустить въ виду того, что аграрный капитализмъ не оправдалъ тѣхъ радужныхъ надеждъ, которыя на него ранѣ возлагали многіе теоретики марксизма. Въ земледѣліи капитализмъ развивалъ преимущественно свои отрицательныя, разрушающія стороны въ ущербъ творческимъ, положительнымъ. Онъ развивался не столько какъ высшій способъ производства, сколько какъ высшій доведенный до *pes plus ultra* способъ эксплуатаціи. Его „историческая миссія“ оказывалась чисто-отрицательной: онъ порождалъ массу страданій, недовольства, возмущенія. Но онъ не концентрировалъ и не реформировалъ производительныхъ силъ въ степени аналогичной индустріальному прогрессу; тяготѣлъ не столько къ крупному капиталистическому хозяйству, сколько къ мелкой арендѣ на выгоднѣйшихъ для крупнаго землевладѣнія условіяхъ: тяготѣлъ не столько къ созданію особаго постоянного класса наемныхъ рабочихъ съ типично-пролетарской психологіей, сколько къ смѣшенію функций батрака и мелкаго собственника въ одномъ лицѣ, къ уменьшенію слоя чистыхъ сельско-хозяйственныхъ батраковъ и къ развитію въ батракѣ той психологіи, которая дала возможность окрестить его именемъ „личинки крестьянина“ или *Bauern-Axolotl*'а; аграрный капитализмъ не концентрировалъ и не сгущалъ, а разрѣжалъ населеніе деревень; не поднималъ, а понижалъ матеріальный и общекультурный уровень сельского рабочаго; приводилъ эволюцію аграрнаго строя въ тупой, безвыходный переулочекъ...

Дѣйствительность показала даже нѣчто гораздо большее. Она показала шаткость догмы „концентраціи“, „пролетаризаціи“ въ области сельского хозяйства. Правда, Энгельсъ еще не замѣчаетъ этого и въ своей послѣдней статьѣ. Настолько не замѣчаетъ, что г. Плехановъ долженъ мимоходомъ, бѣгло и конфузливо поправить своего учителя. „Новыя изслѣдованія, въ общемъ, вполне подтвердили взглядъ Энгельса на положеніе мелкаго крестьянина при господствѣ капитализма. Правда, вѣроятныя послѣдствія этого положенія представлялись, повидимому, нашему учителю, не совсѣмъ та-

кими, какими они кажутся намъ теперь. Онъ съ увѣренностью говорилъ о томъ, что мелкая крестьянская собственность осуждена на исчезновение. Но факты "... и т. д., и т. д.

Не трудно видѣть, что если бы „учитель“ избѣгъ этой ошибки, онъ могъ бы только еще болѣе подчеркнуть, свести воедино и даже дальше развить многія изъ своихъ практическихъ воззрѣній. Шаги къ обобществленію *снизу* поземельной собственности, какъ часть минимальной программы, вмѣстѣ съ положительнымъ отношеніемъ къ крестьянской общинѣ, приобретаютъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ меньше вѣры въ творческія способности аграрнаго капитализма.

Использовать общинныя формы, общинныя воззрѣнія, общинныя привычки крестьянства для распространенія социалистической идеи принадлежности земли народу; использовать артельные навыки того же крестьянства, чтобы постепенно, по линіи наименьшаго сопротивленія освоить его умъ съ идеей общественной, социалистической организациі производства — вотъ задача, которая, при современномъ положеніи вопроса о жизнеспособности мелкаго крестьянскаго хозяйства, логически прямо вытекаетъ изъ приведенныхъ выше положеній Ф. Энгельса. Ибо въдѣ „главной задачей при всемъ этомъ является и остается одно: сдѣлать крестьянину понятнымъ, что мы можемъ спасти и поддержать его домашнюю и полевую собственность только ея превращеніемъ въ товарищескую собственность и товарищеское хозяйство“ *). Не что иное, какъ именно обособленность частнаго хозяйства, обусловленная обособленностью частнаго землевладѣнія—есть факторъ, влекущій крестьянъ къ гибели. Если они будутъ настаивать на этой обособленности—„они необходимо будутъ изгнаны изъ дома и двора, а ихъ устарѣлый способъ производства будетъ вытѣсненъ крупнымъ капиталистическимъ. Такъ обстоитъ дѣло. Но вотъ являемся мы и предлагаемъ крестьянамъ возможность самимъ вводить крупное хозяйство, не за капиталистическій, а за ихъ собственный, общественный счетъ **). И развѣ нельзя сдѣлать для крестьянина понятнымъ, что это въ его интересѣ, что это даже единственное средство его спасенія?“

*) „... dass wir ihren Haus und Erbesitz nur retten, nur erhalten koennen durch Vervandlung in genossenschaftlichen Besitz und Betrieb.

**) „Und da kommen wir und bieten den Bauern die Moeglichkeit, den Grossbetrieb selbst einzufuehren, nicht fuer kapitalistische, sondern fuer ihre gemeinsame Rechnung“.

Разъ мы хотимъ въ будущемъ использовать и перевести въ высшія формы крестьянское товарищество и поземельную общину, то ясно, что и до перехода къ намъ общественной власти мы должны положительно къ нимъ относиться. Этого, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, и требовала аграрная программа французскихъ гѣдистовъ, и неудивительно, что противъ этихъ ея частей Энгельсъ ничего не имѣлъ. Напомнимъ, что сводились онѣ къ увеличенію общинной поземельной собственности и къ хозяйственной политикѣ, благопріятной развитію коопераціи и общиннаго пользованія улучшенными средствами производства.

Начавши въ 1848 году „за упокой“ крестьянства, Энгельсъ кончилъ въ 1895 г., до извѣстной степени, „за его здравіе“. „Мы,— пишетъ онъ,— стоимъ рѣшительно на сторонѣ мелкаго крестьянина (und wir stehn ja entschieden auf Seite des Kleinbauern); мы будемъ дѣлать все возможное, чтобы сдѣлать его жребій болѣе сноснымъ и облегчить ему переходъ къ товариществу, если онъ на это рѣшится, и даже — если еще не можетъ принять такого рѣшенія — дать ему на его парцеллѣ срокъ пораздумать объ этомъ. И мы дѣлаемъ это не только потому, что разсматриваемъ самостоятельно работающаго крестьянина, какъ потенциально „нашего“, но также и изъ прямого партійнаго интереса. Чѣмъ больше количество тѣхъ крестьянъ, *которыхъ мы избавимъ отъ дѣйствительнаго паденія на ступень пролетаріата* (denen wir den wirklichen Absturz ins Proletariat ersparen), *которыхъ мы склонимъ на свою сторону, уже какъ крестьянъ — тѣмъ скорѣе и тѣмъ легче совершится общественное преобразованіе*. Намъ нѣтъ никакой надобности ждать съ нимъ до тѣхъ поръ, пока капиталистическое производство разовьется повсюду до своихъ крайнихъ результатовъ, пока послѣдній крестьянинъ и послѣдній ремесленникъ падутъ жертвой капиталистическаго крупнаго производства. Матеріальныя жертвы, которыя въ этомъ смыслѣ приходится принести въ интересахъ крестьянства изъ общественныхъ средствъ, могутъ быть съ точки зрѣнія буржуазной экономіи брошенными деньгами; но на дѣлѣ тѣмъ не менѣе ихъ приложеніе превосходно, потому что они означаютъ экономію, вѣроятно, въ десять разъ большаго расхода, въ который обойдется вся общественная реорганизація вообще“ *).

*) Энгельсъ имѣетъ въ виду расходы по выкупу земли у крупныхъ собственниковъ, расходы, которымъ не будетъ мѣста, если совершится не-

ными оговорками, мы обѣими руками подписываемся подъ приведенными взглядами Энгельса. Они хорошо освѣщаютъ сущность той работы, которая предстоитъ, какъ на общей основѣ, на экономически-правовомъ фундаментѣ „соціализаціи земли“.

Само собою разумѣется, что уничтоженіе земельной нужды еще далеко не уничтожить всѣхъ бѣдъ, тяготящихся надъ трудовымъ крестьянствомъ. Соціализація земли подготовитъ только нѣкоторыя предпосылки, опираясь на которыя, рабочій классъ вступить при лучшихъ шансахъ въ новую борьбу—и, когда онъ побѣдитъ своихъ враговъ и станетъ полнымъ господиномъ положенія, сможетъ перейти къ той творческой работѣ, которая необходима для осуществленія всего социализма. Въ то время, какъ въ промышленности процессъ концентрации орудій производства зашелъ такъ далеко, что передъ громадной частью пролетаріата становится задача одновременно и взять въ свои руки владѣніе этими орудіями, и взять на себя общественную организацію самаго производства (исключеніемъ изъ этого въ городахъ явится только часть очень мелкихъ ремесленниковъ), въ деревнѣ дѣло обстоитъ иначе: упорная и не безуспѣшная борьба мелкаго хозяйства за свое существованіе не даетъ намъ той упрощенной постановки вопроса, при которой остается только сбросить капиталистическую форму съ уже сконцентрированной собственности, сконцентрированного хозяйства—сбросить эту устарѣлую форму и замѣнить ее новой, социалистической. Здѣсь приходится думать о процессѣ обобществленія собственности и труда, идущемъ снизу. И при этомъ два момента — переходъ въ общественную собственность земли и заведеніе на ней общественнаго хозяйства—могутъ распасться во времени. Первое, осуществляемое социализаціей земли, вполне возможно и достижимо даже при сохраненіи товарно-капиталистическаго хозяйства; и, конечно, это товарно-капиталистическое хозяйство будетъ продолжать давить на крестьянство даже послѣ осуществленія социализаціи земли, особенно, если процессъ социализаціи затянется, если она явится не слѣдствіемъ захвата крестьянствомъ земли, а постепенныхъ уступокъ буржуазіи, подъ давленіемъ растущей организованности крестьянскихъ массъ. Крестьянину, даже обеспеченному землей для своихъ трудовыхъ потребностей, все же придется считаться съ си-

посредственный переходъ мелкихъ земледѣльцевъ къ ассоціированной собственности и труду.

лою капитала торгового, ростовщического и даже промышленного (особенно тамъ, гдѣ будутъ работать заводы для обработки сельскихъ продуктовъ, напр., сахарные и др.). Эта борьба явится, конечно, стимуломъ къ введенію общественнаго производства, развитію общиннаго хозяйства, сельско-хозяйственныхъ коопераций, синдикатовъ и пр. Непосредственныя выгоды будутъ толкать крестьянъ къ переходу отъ индивидуальнаго къ коллективному производству, къ довершенію начатаго социализацией земли коллективнаго, сознательнаго вмѣшательства рабочихъ массъ въ дѣло урегулированія условий своего хозяйственнаго существованія. Законодательство, которое теперь служитъ экспроприаторамъ и эксплуататорамъ крестьянства, крестьяне вмѣстѣ съ пролетаріями вырвутъ, наконецъ, изъ ихъ рукъ—и тогда возможно будетъ приступить къ дѣлу „увѣнчанія зданія“, къ осуществленію конечной цѣли всего движенія. Крестьянскимъ товариществамъ, работающимъ на коллективной землѣ, будетъ оказано содѣйствіе для соединенія труда земледѣльческаго съ промышленнымъ; если къ тому времени окажутся остатки не социализированной земли, они также будутъ переданы въ общественныя руки; товарищества „будутъ поставлены въ лучшее экономическое положеніе, и въ то же время органъ, завѣдующій дѣлами общества въ его цѣломъ, будетъ имѣть на нихъ вліяніе, необходимое для того, чтобы постепенно перевести крестьянское товарищество въ высшую форму и сравнять въ правахъ и обязанностяхъ, какъ все товарищество въ его цѣломъ, такъ и его отдѣльныхъ членовъ, съ остальными развѣтвленіями социалистическаго общества. Выполненіе этого въ частностяхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будетъ зависѣть отъ данныхъ обстоятельствъ и тѣхъ условий, при которыхъ мы вступимъ въ обладаніе общественной властью“.

Представляя себѣ такимъ образомъ ходъ общественной эволюціи, мы руководимся только указаніями жизненнаго опыта, исканіемъ путей для воплощенія въ жизнь нашихъ социалистическихъ идей. Наука и жизнь являются единственными нашими руководителями. Но такъ какъ для социаль-демократовъ этого мало, такъ какъ наука и жизнь имѣютъ для нихъ интересъ лишь постольку, поскольку онѣ совпадаютъ съ ихъ „догмой“, поскольку онѣ могутъ быть подтверждены ссылкой на авторитетъ, на Маркса или Энгельса,—мы считали не безполезнымъ сослаться на прекрасную страницу въ статьѣ Энгельса „Крестьянскій вопросъ во Франціи и въ Германіи“.

Для насъ лично дѣло, конечно, нисколько не измѣнилось бы отъ того, что Энгельсъ на данный вопросъ смотритъ совершенно иначе; его мнѣніе, какъ мнѣніе человѣка науки, подлежитъ для насъ такой же провѣркѣ критикой и жизнью, какъ и мнѣнія другихъ ученыхъ. Но тѣмъ, кто клянется именемъ учителя, не бесполезно узнать, какая разница между мышленіемъ широко образованнаго ученаго и шаблонными фразами узкаго догматика. Но по поводу ссылки нашей на Энгельса г. Плехановъ въ предисловіи къ своему новому изданію отдѣльной брошюрой статьи Энгельса пытался насъ изобличить въ неправдѣ. Онъ съ помпой восклицаетъ: „Публицистъ В. Ч. ссылается какъ разъ на ту работу Энгельса, которую мы издаемъ теперь въ русскомъ переводѣ. Читатель самъ можетъ судить поэтому, много ли правды въ этой ссылкѣ“.

Такъ какъ мы для себя считаемъ недопустимымъ то болѣе чѣмъ *либеральное* отношеніе къ цитатамъ, которое систематически практиковали родственные г. Плеханову органы, то мы были бы глубоко огорчены, если бы упрекъ его оказался справедливымъ. Но въ томъ то и дѣло, что, пытаясь обличить насъ въ мнимой неправдѣ, г. Плехановъ оказался невольникомъ своего положенія и допустилъ *три дѣйствительныхъ неправды*.

Г. Плехановъ поправляетъ нашу „неправду“ въ 3-хъ пунктахъ: 1) „О датскихъ социалистахъ Энгельсъ говоритъ только то, что они уже 20 лѣтъ тому назадъ стали разрабатывать планъ организаціи производительныхъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ между мелкими крестьянами. Онъ не высказываетъ своего мнѣнія о томъ, къ чему привели усилія датскихъ социалистовъ *), ограничиваясь бѣглымъ замѣчаніемъ, что въ Даніи мелкое крестьянское землевладѣніе играетъ второстепенную роль“. 2) „Что же касается тѣхъ странъ, гдѣ оно распространено очень сильно, то упроченіе и развитіе товариществъ приурочивается имъ къ одному непремѣнному условію, о которомъ не счелъ нужнымъ упомянуть г. Черновъ: *къ захвату власти рабочимъ классомъ*. У Энгельса прямо сказано, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ организація такихъ товариществъ будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, при которыхъ общественная власть перейдетъ въ наши руки“. 3) „И вообще все это разсужденіе у него является отвѣтомъ на вопросъ,

*) Курсивъ г. Плеханова.

какъ отнесемъ „мы“—соціалъ-демократы—къ мелкому крестьянству *въ тотъ день, когда власть достанется намъ*“.

И такъ, если вѣрить г. Плеханову, въ одной ссылкѣ на Энгельса мы ухитрились вмѣстѣ *три* неточности, вызывающія съ его стороны необходимость *трехъ* поправокъ! Посмотримъ же, что это за поправки.

Что касается перваго пункта, то, какъ совершенно справедливо курсивомъ пишетъ Плехановъ, Энгельсъ не „высказываетъ“, къ чему привели усилія датскихъ социалистовъ. *Но развѣ мы ему приписывали такое „высказываніе“?* Гдѣ нашелъ это г. Плехановъ? И почему онъ не процитировалъ нашего ложнаго свидѣтельства объ Энгельсѣ? Странное совпаденіе: нашу передачу взгляда Энгельса онъ оборвалъ въ своей цитатѣ *какъ разъ на срединѣ фразы о датскихъ социалистахъ!* „Какъ на примѣръ *), указываетъ онъ (Энгельсъ) на примѣръ датскихъ социалистовъ...“—цитируетъ г. Плехановъ изъ нашей статьи и вдругъ, оборвавъ, ставитъ: „и т. д.“. Вы думаете, что дальше, за этими таинственными „и т. д.“ и скрывается то наше облыжное свидѣтельство объ Энгельсѣ, которое нуждается въ первой поправкѣ г. Плеханова? *Ничего подобнаго.* Въ подлинникѣ вся фраза у насъ гласитъ: „какъ на примѣръ, онъ указываетъ на практику датскихъ социалистовъ, пропагандировавшихъ въ деревнѣ соединеніе частныхъ участковъ и хозяйствъ воедино, — при чемъ имѣется въ виду *впослѣдствіи*, при общественномъ контролѣ „постепенно перевести крестьянское товарищество въ высшую форму“. *Больше ни о датскихъ социалистахъ, ни о мнѣніи объ нихъ Энгельса у насъ нѣтъ ни единого слова,* и все обвиненіе Плехановымъ насъ въ неточности есть *неправда № 1.*

Во-вторыхъ, абсолютно невѣрно, будто „у Энгельса прямо сказано, что организація товариществъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, при которыхъ общественная власть перейдетъ въ наши руки“, откуда г. Плехановъ выводитъ, будто до перехода власти въ наши руки объ упроченіи и развитіи товариществъ говорить социалистамъ не приходится. Бѣда въ томъ, что г. Плехановъ *передаетъ слова Энгельса не вѣрно.* Не „организація товариществъ“, а „переводъ ихъ въ высшую форму“ и „уравненіе обязанностей и правъ товариществъ и отдѣльных ихъ членовъ съ остальными развѣтвленіями социалистическаго общества“—

*) Какъ предлагать крестьянамъ самимъ вводить крупное производство за общій счетъ.

вотъ что, въ своемъ выполненіи, будетъ зависѣть „отъ условій, при которыхъ мы вступимъ въ обладаніе общественноѣ властью“. Эта разница очень важна, ибо „переводить въ высшую форму“ послѣ завладѣнія общественной властью можно лишь то, что уже *существуетъ* къ моменту этого завладѣнія. И эта невѣрная передача словъ Энгельса г. Плехановымъ есть *неправда* № 2.

И, наконецъ, неправда, будто „все разсужденіе“ Энгельса о товариществахъ является „отвѣтомъ на вопросъ, какъ отнесутся социаль-демократы къ мелкому крестьянству *въ тотъ день, когда имъ достанется власть*“. Энгельсъ ставитъ не одинъ, а два вопроса какъ о настоящемъ, такъ и о будущемъ: „Was ist denn unsere Stellung zur Kleinbauernschaft? Und wie werden wir mit ihr verfahren müssen am Tag, wo uns die Staatsmacht zufaellt“. И въ дальнѣйшемъ онъ отвѣчаетъ на *оба* эти вопроса. Нужны ли еще доказательства? Да возьмите хоть это, уже приведенное разъ мѣсто: „Если они (крестьяне) будутъ настаивать на своемъ единоличномъ хозяйствѣ, они будутъ неминуемо изгнаны изъ-подъ своей кровли и со своего двора, а ихъ устарѣлый способъ производства будетъ вытѣсненъ крупнымъ капиталистическимъ производствомъ. Таково положеніе дѣлъ; и вотъ являемся мы и предлагаемъ (bieten) крестьянамъ возможность самимъ вводить крупное хозяйство, но не за капиталистическій, а за ихъ собственный общій счетъ“. О какомъ времени здѣсь идетъ дѣло? Что же это, подъ скипетромъ „диктатуры пролетаріата“, ея агентами, что ли, крестьяне будутъ, по исполнительному листу, „изгоняться изъ-подъ своей кровли и со двора“, а на ихъ мѣсто водворяться капитализмъ? Если да, то странное же понятіе у г. Плеханова о порядкахъ, которые принесетъ съ собою диктатура пролетаріата! А если нѣтъ, то какъ же онъ примиритъ это удивительное противорѣчіе?

О, онъ не примиряетъ, онъ просто устраняетъ противорѣчіе—и устраняетъ очень просто, читатель! Слова: „они будутъ изгнаны изъ-подъ своей кровли и со двора“ (werden sie von Haus und Hof verjagt) г. Плехановъ переводитъ *смягченно*, вытравивъ изъ фразы всякій насильственный оттѣнокъ смысла и оставивши общее и неопредѣленное: „потеряетъ и землю, и дворъ“... Вотъ оно, противорѣчіе-то, и не такъ замѣтно стало. У переводчика и у комментатора, такимъ образомъ, трогательный алліансъ: рука руку моетъ...

Но этого всетаки мало. Въ другомъ мѣстѣ Энгельсъ говоритъ,

что уже и теперь можно выступать противъ несправедливыхъ средствъ, которыми крупные землевладѣльцы и капиталисты борются съ мелкими крестьянами, мѣшать прямому мошенничеству и грабежу, и т. п., и продолжаетъ: „Удаваться это будетъ только въ исключительныхъ случаяхъ. При разившемся капиталистическомъ способѣ производства никто не знаетъ, гдѣ кончается честное веденіе дѣла и гдѣ начинается мошенничество. Но *всегда* (immer) будетъ большая разница, *стоитъ ли* (ob... steht) общественная власть на сторонѣ мошенника или на сторонѣ лицъ, страдающихъ отъ мошенничества*). Мы же рѣшительно *стоимъ* (und wir stehen ja entschieden) на сторонѣ мелкаго крестьянина**); мы будемъ дѣлать все возможное, чтобы сдѣлать жребій его болѣе сноснымъ, чтобы облегчить ему переходъ къ товариществу, въ случаѣ, если онъ на это рѣшится, и даже, въ томъ случаѣ, если онъ не въ состояніи принять такого рѣшенія,—предоставить ему возможно больше времени для раздумья на своей парцеллѣ“. И дальше онъ говоритъ, что общественное преобразование наступитъ тѣмъ скорѣе, „чѣмъ больше будетъ число тѣхъ крестьянъ, которыхъ мы избавимъ отъ дѣйствительнаго паденія на ступень пролетаріевъ (denen wir den wirklichen Absturz ins Proletariat ersparen)“. Довольно ясно, кажется, что работа по этому „избавленію“ *предшествуетъ* „общественному преобразованію“, является и предварительнымъ условіемъ, ускоряющимъ его наступленіе, а не начинается само только „на другой день послѣ социальной революціи“.

Да, наконецъ, если бы все это было еще недостаточно убѣдительно, такъ есть и другое еще болѣе ясное свидѣтельство. Разбирая практическія требованія марсельской программы французской рабочей партіи (закупка общинами сельско-хозяйственныхъ орудій, образованіе всевозможныхъ крестьянскихъ товариществъ, учрежденіе опытныхъ агрономическихъ станцій, бесплатное сельско-хозяйственное образованіе и др. мѣры по меліорациямъ, etc., etc.), Энгельсъ не только не отсылаетъ эти мѣры „на другой день послѣ социальной революціи“, но наоборотъ: особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что требованія эти идутъ не особенно далеко и вполне укладываются въ рамки существующаго строя (koennen durch-

*) Г. Плехановъ переводитъ: „Но во всякомъ случаѣ будетъ большая разница, *станетъ ли* общественная власть“...

**) Г. Плехановъ предпочитаетъ сказать: „а мы рѣшительно *становимся*“...

geführt werden ohne der bestehenden kapitalistischen Ordnung wesentlichen Schaden zu thun), и прибавляетъ, очевидно, чтобы не ввести въ сомнѣніе г. Плеханова: „Все это просто для характеристики программы: въ этомъ не заключается никакого упрека—*какъ разъ наоборотъ* (ein Vorwurf liegt nicht darin—im gegentheile)“. Какъ же это Энгельсъ, приурочивающій, по мнѣнію г. Плеханова, организацію товариществъ лишь ко времени послѣ диктатуры пролетаріата, не упрекаетъ, а *наоборотъ* — очевидно, *одобряетъ* образованіе крестьянскихъ товариществъ, какъ пунктъ программы-минимумъ?

Да, никакіе смягченные переводы не помогутъ здѣсь дѣлу и не скроютъ, что и въ этомъ пунктѣ, пытаясь насъ поправить, г. Плехановъ могъ только прибѣгнуть къ одному — къ *неправдѣ* № 3. Такимъ образомъ, его обвиненіе насъ въ тройной неточности есть одна сплошная *неправда въ кубѣ*.

Итакъ, мы считаемъ совершенно установленнымъ, что социалистическая агитація среди крестьянъ въ пользу объединенія ими снизу, по собственной инициативѣ, собственности и хозяйства, въ пользу созданія ими самими коллективныхъ формъ труда, разнаго рода коопераций—что такая агитація признавалась Энгельсомъ желательной, и не только послѣ установленія пролетарской диктатуры, а теперь же *) и при томъ именно потому, что она привлекаетъ крестьянъ къ коллективизму *уже какъ крестьянъ*, указывая имъ возможность миновать фазисъ пролетаризаціи. Энгельсъ былъ только большимъ скептикомъ въ вопросѣ о томъ, насколько въ дѣйствительности преуспѣютъ социалисты въ этихъ своихъ—вполнѣ цѣлесообразныхъ — стремленіяхъ. И такимъ скептикомъ онъ былъ потому, что слишкомъ высоко цѣнили мощь сельско-хозяйственного капитализма и слишкомъ низко — жизнеспособность мелкаго крестьянства. Онъ вѣрилъ въ законъ концентрации. Мы въ него не вѣримъ, какъ не вѣрить и г. Плехановъ. Вотъ почему въ нашихъ глазахъ значеніе и шансы на успѣхъ ассоціированья крестьянства *снизу*, самостоятельно, независимо отъ капиталистической концентрации, должны быть больше, чѣмъ это казалось Энгельсу.

Мы видимъ, что жизнь совершенно не подтверждаетъ предположенія Энгельса о гибели мелкаго крестьянскаго хозяйства. Но мы вполнѣ согласны съ нимъ, что не дѣло социалистовъ стремиться

*) Рѣчь идетъ, разумѣется, о странахъ, гдѣ политическая свобода даетъ возможность социалистической партіи руководить кооперативнымъ движеніемъ въ своемъ духѣ.

сохранить и увѣковѣчить мелкую крестьянскую собственность. Единственный выходъ изъ этого для социалистовъ ясенъ. Мы должны бороться съ образованіемъ въ крестьянствѣ собственническихъ идей, мы должны, агитируя на почвѣ его современной земельной нужды и пользуясь его традиціонными взглядами на землю, пропагандировать ему социализацію земли и на почвѣ социализаціи развитіе крестьянской коопераци и общиннаго хозяйства. Эта кооперация и это общинное хозяйство еще тоже не есть социализмъ, это тоже только новый шагъ впередъ въ предѣлахъ существующаго порядка, но шагъ, облегчающій и приближающій общественное преобразование на началахъ социализма. При большемъ или меньшемъ господствѣ буржуазнаго строя этимъ коопераціямъ предстоятъ многія трудности, но чѣмъ больше онѣ распространятся, тѣмъ легче намъ, социалистамъ, будетъ послѣ захвата власти рабочимъ классомъ „перевести товарищества—по выраженію Энгельса—въ высшую форму и сравнить въ правахъ и обязанностяхъ съ остальными развѣтвленіями социалистическаго общества“. Что Энгельсу не чужда была эта точка зрѣнія, показываетъ его ссыла на попытки датскихъ социалистовъ еще въ буржуазномъ обществѣ „выработать подобные же планы“. Если судить по словамъ обличающаго насъ г. Плеханова, то Энгельсъ писалъ по методу: „въ огородѣ бузина, въ Кіевѣ дядя“. Заговорилъ о коопераціяхъ, перескочилъ въ Данію и потомъ опять къ коопераціямъ. Но вѣдь въ серьезъ г. Плехановъ и самъ не принимаетъ своихъ словъ... Такъ или иначе, могутъ ли разсчитывать сельско-хозяйственныя коопераціи въ буржуазномъ обществѣ на успѣхъ или нѣтъ, но, повторяемъ, для мелкаго не пролетаризующагося крестьянства путь къ социализму лежитъ черезъ коопераціи и общинное хозяйство, на основѣ социализаціи земли.

Но этого мало. Въ томъ же предисловіи г. Плеханова мы находимъ примѣръ такой „квалифицированной недобросовѣстности“, какіе не часто встрѣчаются въ литературѣ.

На этотъ примѣръ мы усиленно обращаемъ вниманіе всѣхъ рядовыхъ социаль-демократовъ, всѣхъ идейныхъ учениковъ г. Плеханова, всѣхъ нашихъ противниковъ изъ марксистскаго лагеря. Въ немъ, какъ въ фокусѣ, сконцентрировалась вся полемическая манера г. Плеханова, надолго ставшая образцомъ для огромной массы его послѣдователей, манера, внесшая положительную отраву въ литературные нравы крайняго лѣваго лагеря—по крайней мѣрѣ, одной его части. До недавняго времени подобные приемы можно было встрѣ-

тить только на задворкахъ журналистики. Пусть же наши „друго-враги“ социаль-демократическаго лагеря сами глядятъ и судятъ. Пусть они, положа руку на сердце, отвѣтятъ: мыслимо ли правое дѣло защищать *подобными* приемами? не выдаетъ ли себѣ партія, прибѣгающая къ нимъ, свидѣтельства о бѣдности? Нуждается ли чистое и увѣренное въ себѣ дѣло въ *такихъ* способахъ борьбы?

Помня правило одного изъ щедринскихъ персонажей: „обвиняй какъ можно громче противника въ томъ, въ чемъ чувствуешь себя виноватымъ“, — г. Плехановъ не скупится на обвиненія насъ въ „пере...иначиваніи“ Маркса и Энгельса, на ироническія упоминанія о нашемъ „правдолюбіи“ и даже на разговоры о какихъ-то „фальшивыхъ цитатахъ“. И все это по поводу нашихъ указаній на то, что взгляды Энгельса на крестьянство, столь ультра-ортодоксальные вначалѣ, постепенно смягчались, измѣнялись, эволюционировали. Г. Плехановъ съ этимъ не согласенъ и вопіетъ о „пере...иначиваніяхъ“ Энгельса въ нашей партійной литературѣ. И для посрамленія нашего онъ заявляетъ: „Въ приложеніи мы помѣщаемъ двѣ страницы изъ книги Энгельса „Нѣмецкая крестьянская война“, написанной имъ въ самомъ началѣ пятидесятихъ годовъ. Достаточно пробѣжать эти страницы, чтобы увидѣть, что у Энгельса и тогда былъ тотъ же самый взглядъ на крестьянство, который высказанъ въ предлагаемой брошюрѣ“ *). Мы заглянули въ эти приложенныя „двѣ страницы“... и, признаться, протерли глаза отъ изумленія. Дѣйствительно, глазамъ сначала не вѣрилось... Взявши въ руки нѣмецкій подлинникъ „крестьянской войны“, мы тщетно искали въ немъ приведенныхъ у г. Плеханова мѣстъ. Ихъ не оказалось. Что же оказалось? Оказалось, что, вопреки положительному увѣренію г. Плеханова, эти знаменитыя „двѣ страницы“ были взяты вовсе не изъ текста самой статьи „о крестьянской войнѣ“, написанной Энгельсомъ дѣйствительно въ 1850 г., — а изъ *предисловія ко второму ея изданію, появившемуся отнюдь не въ началѣ 1850 г., а ровно на двадцать лѣтъ позднѣе...*

Спрашивается: на что рассчитывалъ при этомъ г. Плехановъ? Неужели на трудность провѣрки цитаты? Неужели на библиографическую рѣдкость цитируемаго сочиненія? Во всякомъ случаѣ онъ жестоко ошибся въ расчетахъ и самъ снова попалъ въ ту яму, которую для насъ хотѣлъ вырыть. Улики на лицо; ихъ можетъ

*) Г. Плехановъ, цит. предисловіе, стр. 23.

провѣрить всякій желающій. Вѣдь въ тѣхъ же самыхъ „двухъ страницахъ“, которыя г. Плехановъ заставилъ Энгельса написать въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ, говорится, напримѣръ, о „знаменитомъ рѣшеніи базельскаго международнаго рабочаго конгресса“. Но всякій желающій, наведя справку, можетъ узнать, что засѣданія этого конгресса происходили отъ 5-го до 11-го сентября 1869 г. Нужно было приписать Энгельсу уже слишкомъ большой даръ научнаго предвидѣнія, чтобы заставить его писать о рѣшеніяхъ этого конгресса „въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ“!

Но, быть можетъ, со стороны г. Плеханова здѣсь нѣтъ прямой недобросовѣстности, а просто грубый промахъ, недосмотръ? Въ самомъ дѣлѣ, могъ же онъ не обратить вниманія на слова о базельскомъ конгрессѣ! Или могъ же онъ забыть дату конгресса и перенести его въ конецъ 40-хъ годовъ! Предположимъ. Но кто просмотритъ полный текстъ энгельсовскаго предисловія, тотъ долженъ будетъ совершенно отстранить всякую мысль о добросовѣстной ошибкѣ. У Энгельса не разъ въ текстѣ говорится о событіяхъ, гораздо болѣе позднихъ, чѣмъ начало 50-хъ годовъ: такъ, напр., на стр. 5—о вліяніи на Австрію войны 1866 г., а на стр. 8—о поведеніи германской крупной буржуазіи въ теченіе 1870 г...

И мнѣ вспоминается о томъ, какъ еще Лавровъ иронически отзывался о „поспѣшномъ способѣ цитированія“ г. Плеханова, какъ Н. Кудринъ разоблачилъ его маргариновыя цитаты изъ древнихъ классиковъ, какъ Н. К. Михайловскій, обвиненный г. Бельтовымъ въ лжесвидѣтельствѣ на Сибири, документально обличилъ въ лжесвидѣтельствѣ самого своего обвинителя... Спрашивается: на что же при этомъ разсчитывалъ и на что продолжаетъ разсчитывать г. Плехановъ? На то ли, что его идейнымъ противникамъ будетъ слишкомъ скучно и противно заниматься разоблаченіемъ такихъ „фокусовъ“? На то ли, что легковѣрные читатели ничего не замѣтятъ? На то ли, что, ослѣпленные фракціоннымъ патріотизмомъ, его сторонники не обратятъ никакого вниманія, сколько бы разъ ни попался съ поличнымъ ихъ „теоретическій вождь“? Трудно сказать: быть можетъ, и на то, и на другое, и на третье. Одно вѣрно: наивенъ тотъ, кто сталъ бы ожидать отъ г. Плеханова честнаго признанія въ винѣ или ошибкѣ. Быть можетъ, онъ когда-нибудь и чувствуетъ себя не совсѣмъ ловко, но, надо полагать, въ лучшемъ случаѣ онъ говорить себѣ въ такіе моменты слова одного изъ

персонажей Гл. Успенскаго: „давно бы уже пора Бога вспомнить, да продолжайшь изъ реномэ, единственно изъ одного реномэ“!

Но,—довольно о г. Плехановѣ. Ему и Аллахъ велѣлъ поступать такъ, какъ онъ поступаетъ. Въ его лицѣ мы имѣемъ адвоката, которому хочется, во что бы то ни стало, оправдать догму, затушевать ея противорѣчія, свести въ ней концы съ концами, закрывъ глаза на тотъ процессъ ея эволюціи, ея внутренней переработки, который былъ начать самими первоучителями марксизма.

Мы приглашаемъ всѣхъ русскихъ марксистовъ и чувствующихъ тяготѣніе къ ихъ взглядамъ вдуматься хорошенько въ эту эволюцію отцовъ „научнаго“ социализма и остановить свое вниманіе, главнымъ образомъ, не на первоначальныхъ, а на заключительныхъ фазахъ этой эволюціи. Мы не приглашаемъ ихъ, конечно, рабски слѣдовать за тѣмъ, что хронологически явилось „последнимъ словомъ“ Маркса и Энгельса. Вовсе нѣтъ. Напротивъ, на нашъ взглядъ, и въ этомъ „последнемъ словѣ“, если пригладѣться къ нему поближе, окажется не мало неяснаго, недоговореннаго, невыясненнаго, а иногда и противорѣчиваго. Нѣтъ-нѣтъ, да и опять промелькнетъ отголосокъ старой увѣренности въ томъ, что смертный приговоръ надъ крестьянствомъ давно произнесенъ старухой исторіей, и что исключительно неумѣстная строптивость и упрямство мужика задерживаютъ его выполнение. И въ стремленіи примирить съ этими старыми взглядами новые всегда заключается порядочная доза эклектизма. Вотъ почему мы не приглашаемъ „марксистовъ перваго часа“ литературной дѣятельности Маркса или Энгельса по просту превратиться въ „марксистовъ послѣдняго часа“ этой дѣятельности; мы приглашаемъ ихъ только пораздумать хорошенько надъ общимъ характеромъ, общимъ направленіемъ эволюціи взглядовъ ихъ „первоучителей“ и не только пройти весь этотъ путь по ихъ стопамъ, но и пойти дальше по той же дорогѣ, на которой ихъ, этихъ первоучителей, остановила лишь смерть.

Когда-то, въ статьѣ о Криге, Марксъ писалъ:

„Мы никогда не объявляли нашего развитія окончательно завершеннымъ; мы хотимъ созидать и учиться вмѣстѣ со своимъ временемъ изъ содержанія своего времени, параллельно развитію дѣйствительныхъ отношеній изъ содержанія этихъ дѣйствительныхъ отношеній, вмѣстѣ съ движеніемъ дѣйствительнаго человѣчества изъ

этого движенія челоѣчества. И мы навсегда сохраняемъ вѣру, что нѣтъ остановки на одномъ мѣстѣ, и лишь тотъ не регрессируетъ, кто прогрессируетъ“.

Марксизмъ, въ особенности русскій, не прогрессировалъ и не хотѣлъ прогрессировать въ области аграрнаго вопроса. И слова Маркса сбылись на немъ: онъ *регрессировалъ*. Не желая идти впередъ, онъ — какъ это особенно ярко видно на примѣрѣ г. Плеханова, — полнымъ ходомъ, на всѣхъ парахъ пошелъ назадъ...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СОДЕРЖАНІЕ:

гл.	СТРАН.
Предисловіе	3— 4
I. Вмѣсто вступленія. Кризисъ аграрной догмы марксизма.	5— 28
II. Аграрный вопросъ въ эпоху международной ассо- ціаціи рабочихъ	29— 44
III. Лассальянцы и Эйзенахцы	45— 66
IV. Переходное время	67— 89
V. Аграрная теорія К. Маркса	90—109
VI. Связь аграрныхъ воззрѣній Маркса и Энгельса съ ихъ первоначальнымъ общимъ міросозерцаніемъ.	110— 131
VII. Общественно-психологическіе источники первоначаль- ныхъ аграрныхъ воззрѣній Маркса и Энгельса.	131—143
VIII. „Поправки“ и „оговорки“	144—171
IX. Крестьянскія войны передъ судомъ марксизма . . .	172—187
X. Марксъ и Энгельсъ, какъ аграрь-политики	188—221
XI. Ф. Энгельсъ о крестьянскомъ вопросѣ	222—246

Замѣченныя опечатки.

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
7	14 снизу	фактичес	фактически
16	15 „	борникъ	сборникъ
19	8 сверху	ожидать	ожидать,
20	16 снизу	произвоныя дствен	производственные
24	19 сверху	инаходить	и находить
30	2 снизу	Sohnarbeiter	Lohnarbeiter
30	3 „	„Arbeiten“... Stets	„Arbeitern“... stets
30	4 „	Beachtung	Beachtung
32	12—13 снизу	Congrssen der Internatinal	Kongressen der Internationalenale
34	4 снизу	химика	„практика“
35	5 сверху	агитацій	агитаціи
45	6 сверху	конграссъ	конгрессъ
46	5 снизу	Schiftten	Schriften
54	17 сверху	Il faut recuber	„Il faut reculer
55	6 снизу	чисто-экономическаго	чисто-этического
63	1 „	Abeiter	Arbeiter
64	3 сверху	въ дѣлѣ	въ духѣ
65	10 снизу	торговыхъ	трудоуыхъ
77	20 сверху	злоключеній	заключеній
96	21 „	средства	среднія
125	1 снизу	Lehnstundenbill	Zehnstundenbill

7,38
(1986)

Р
Л 1439

Цѣна 75 коп.

444.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

Викторъ Черновъ.

Марксизмъ и аграрный вопросъ.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Часть I-я.

296/1

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская ул., д. № 34.
1906.